

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
воин Господа

Ричард Длинные Руки —
воин Господа

**Баллады
о Ричарде
Длинные Руки**

Рицард Длинные Руки

Рицард Длинные Руки —
воин Господа

Рицард Длинные Руки —
паладин Господа

Рицард Длинные Руки — сеньор

Рицард де Амальфи

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Длинные Руки —
воин Господа

ЭКСМО

Москва, 2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О 66

Оформление серии художников
А. Старикова, М. Петрова

Серия основана в 2004 году

- Орловский Г. Ю.**
О 66 Ричард Длинные Руки — воин Господа: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).

ISBN 5-699-06890-2

Простолудин, если отважен и честен, может стать оруженосцем, а совершивший подвиг — может получить рыцарское звание. Но рыцарь принимает и добавочные обязанности: чтить женщин, защищать сирот, сражаться с силами Тьмы, не уступать колдунам и черным магам.

А еще рыцари часто вынуждены странствовать, кто по собственным обетам, кто добывая церковные святыни, кто отыскивая достойных противников, а кто и выполняя особые поручения короля.

Или — королевы.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06890-2

© Орловский Г. Ю., 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Часть I

Глава 1

Тяжесть вдавила в землю. Подались в стороны и затрещали ребра, лопнула грудь, а сердце расплющилось в кровавую лепешку. Я очнулся, весь дрожа от ужаса, а сердце, наворачивая, билось с удесятеренной скоростью и мощью. Пот прошиб с такой силой, что рубашка стала мокрой, будто пробежался под теплым дождем.

Ртом хватал воздух с хрипами, будто превратился в умирающего астматика. В животе холодно и тяжело, пальцы вцепились в шкуру... нет, уже в настоящее толстое одеяло. Череп трещит, во мне все еще смертельный ужас. Кто-то огромный и ужасный с подлинно космической мощью вошел в меня ночью, а теперь трепещущее сознание яростно выталкивает остатки жути, но тьма уходит медленно, по своей воле.

Сквозь сон я услышал сдавленный вскрик. И хотя волны ужаса бросают как щепку среди звезд, я собрался с силами, руки проломили хрустальный небосвод, я выпал в черноту ночи в своей комнатке. Сильно пахнет маслом и растопленным воском, в зарешеченное окно льется узкий лучик луны, по отскобленным доскам пола медленно передвигается светлый прямоугольник призрачного света.

В коридоре — голоса, дверь с треском распахнулась. В проеме возник силуэт человека с мечом в руке. За его спиной еще один, уже с факелом. Багровый огонь ударил по глазам как палкой. Я съежился и закрылся ладонью.

— Жив, — проревел густой голос, я узнал по реву Бернарда. — Лучше бы нашествие саранчи, чем этот мой оруженосец...

— Отдай мне, — предложил другой голос.

— В обмен на твоего коня?

— Да иди ты...

Человек с факелом толкнул Бернарда в спину. Они вошли, огляделись по-хозяйски, сдвигая, а то и переворачивая мебель. Берnard сунул меч в ножны. Я поднялся, сел на ложе. Сердце еще колотится, словно банка пепси катится с горы, подпрыгивая на камнях. Черный ужас уходит чересчур медленно, рубашку хоть выжми, а жаркие капли пота собрались на лбу крупные как виноградины.

Человек с факелом зажег светильник, факел воткнул в подставку на стене. Берnard всмотрелся в мое бледное лицо с вытаращенными глазами.

— Ну что скажешь? — спросил он грубо.

— А что случилось?

— А ты взгляни..

Оба скалили зубы. Я проследил за их взглядами. Тени от их крупных фигур раздвинулись, на полу видны тускло поблескивающие темные капли. Берnard приблизил к полу косматый, похожий на огненную горгону, факел. Капли оказались с выпуклыми спинками, похожие на божьих коровок, но я с холодком вдоль хребта признал кровь. При ярком свете выпуклые капли заблестели ярко-красным, пурпурным, даже багровым, как зарево заката. Цепочка торопливо бежала к двери, а те, что уже добежали, собрались в лужицу размером с ладонь. Полдюжины капель все еще медленно сползали по дверному косяку на пол. За ними оставались бледно-розовые следы.

— Это не моя кровь, — запротестовал я.

Берnard оскалил зубы в нерадостной усмешке.

— Понятно. К счастью, и не моя, хотя могла быть и моей. Не здесь, а там... где ты предложил мне попробовать метнуть свой могильный молот. Хорошо, что я не притронулся к тому, что держал мертвяк...

Мертвяк мой молот никогда не держал, но спорить я не стал, лишь ошалело смотрел по сторонам, старался унять бешено прыгающее сердце. Во сне, когда меня не душил кошмар, я заваривал кофе, нетерпеливо переминался перед шахтой лифта, бегом из подъезда и до близкого туннеля метро, эскалатор, платформа, третий вагон от хвоста... Второй воин молча скалил зубы. Он кивнул на молот, улыбка стала шире, словно играл на бритве. Я смотрел тупо, потом сообразил, что молот совсем не в той позиции, как я поставил. Я ставлю возле постели ручкой вверх, он тогда похож на любопытного суслика, а сейчас, как сытый удав, разлегся плашмя.

Бернард посуровел. Улыбка исчезла, а голос громыхнул, напоминая мне привычные раскаты на рассвете, когда я не сразу мог врубиться: то ли гроза приближается, то ли Бернард защищает от ехидного Асмера непорочность зачатия Девы Марии.

— Кто-то пытался выкрасть твой молот, — сообщил Бернард. — Странно, ведь о нем позабыли в суматохе, как приехали. Я тоже забыл, что он у тебя не совсем простой... Но кто-то узнал! И даже пытался... К счастью, не все про этот молот знал.

Воин добавил:

— Бернард, мы найдем быстро. Беольдр уже велел закрыть выходы. Проверим всех, у кого раздроблены пальцы.

Бернард взглянул на пятна крови, обронил со злым удовлетворением:

— Бери больше... Всю кисть раздробил, не иначе.

— Хорошо бы руку, — сказал его напарник мечтательно. — А лучше — ноги. Чтоб долго не искать.

Они посмотрели на мое бледное лицо, захохотали. Потом Бернард сказал серьезно:

— Ладно, Дик, вымой рыло, оденься в чистое и будь наготове. Нас обещали допустить к королю.

Он говорил значительно, я тоже ощутил важность события, поднялся, остатки сна слетели, как вспугнутые воробы.

— Ого! На раздачу пряников?

Он посмотрел подозрительно, а это страшно и пугающе, когда огромный и без того угрюмый Бернард смотрит подозрительно.

— Это что?

— Ну, — сказал я торопливо, — раздача слонов... Наград, повышений, грамот... э-э... жалованья. Повышений в звании. Мы ж задание выполнили?

Он в раздражении пожал плечами — половина слов не знакома, потом внезапно широкое лицо, грубое и высеченное словно бы из камня, проявило признаки человечности.

— Молодец, Дик, — громыхнул он. — Уже начал говорить «мы». Кто ты, не знаю, но держался хорошо. Не оробей перед королем. Слона тебе не обещаю, но монаршее благоволение будет.

— Наверное, — добавил второй.

— Наверное будет, — согласился Бернард. — И еще...

Он прервал себя на полуслове, глаза прикипели к моей груди. Я ощутил, что амулет леди Мирагунды выскользнул из распахнутой на груди рубашки и нагло смотрит на бледную луну кроваво-красным глазом.

— Что это у тебя?

— Где? — спросил я.

— Не прикидывайся, — бросил он серьезно. — Такие камешки вороны в гнезда не таскают!

— Так и я вроде не совсем ворона, — ответил я. — Хотя, конечно, временами...

— Не прикидывайся, — повторил он. — Я бы на твоём месте от такого амулета подальше, подальше...

— А на своем? — спросил я и сделал движение взять амулет в ладонь.

Бернард отпрянул с неожиданной скоростью для его массивного тела. Лицо пожелтело.

— Не трогай, — сказал он быстро. — Лучше вообще не притрагивайся!

— Да что это?

— Это фамильный знак... Древних Королей! Говорят, они вообще не были людьми. По крайней мере, человеку лучше с этой штукой дел не иметь. А уж доброму христианину — тем более.

Я опустил руку, Бернард с облегчением выдохнул. Второй нетерпеливо постукивал себя по боку, железо отзывалось так, словно плотно сидело на дереве. Бернард кивнул, оба пошли к двери, уже забыли обо мне, слишком заняты проблемами выживания Зорра. Я перевел дух. Рассказывать о неожиданном баронстве, когда я получил этот амулет, не стоит. Не поверят — раз, второе — не с моим суконным рылом простолюдина шупать баронесс. Вздернут без лишних слов за оскорбление высшего сословия.

Странно, после их ухода я чувствовал, что сердце уже не трясется, как атомное ядро. Сильные, грубые, но такие реальные, устойчивые, надежные, что я перевел дыхание, расслабил взведенные мышцы. Значит, у меня, кроме крестика на шее, подаренного священником, еще и амулет Древних Королей. То-то меня тимурленг из кургана признал своим. Хотя вряд ли он звался королем, но теперь королями зовем всех рексов, базилевсов, фараонов, раджей, шахов и всяких ханов... Нет, ханов и каганов — пока еще нет, но рексы и базилевсы — короли, точно...

Лунный свет заливает половину комнаты, но в другой половине сгустился мрак. И хотя я понимаю, что там всего лишь густая тень, по телу снова прокатился озноб. Почудилось, что из тьмы следят неотступно немигающие глаза. Даже слегка блеснуло...

— Да скроется солнце... — сказал я с натужной бодростью. — Нет, да скроется Тьма... да возгорится... нет, все-таки хреново учим классиков.

Из окна видно, как на востоке посветлело небо. Еще чуть — и порозовеют облака, заискрится темный край земли, высунется раскаленный краешек солнца. Словом, досыпать поздно, здесь встают рано. Только засну, поднимут пинками. Здесь люди простые, религиозные...

В другой комнате я умылся из бочки с водой, пальцем

поскреб зубы и помассировал десны. Скоро, правда, отвыкну от этой привычки, занесенной крестоносцами из походов в арабские страны. До этого в Европе не было такого дурацкого обычая, как ежедневно умываться... Как-то не по-мужски мыться, какая-то гнилая привычка даже... Вон Екатерина Вторая, императрица, роскошная женщина, и то мыла только то, что можно увидеть из декольте. Уважаю.

Вытирая волосы, я вернулся в комнату. На лавке ждет чистая полотняная рубашка. Анна старается, тихая дворовая девка, робкая и застенчивая. Я ощутил приятный запах — явно стирали с травами. Или потом с травами отмачивали, забивая запах крови и пота. Я быстро набросил ее на свое крепкое, еще сохранившее солнечный загар тело, влез в брюки из тонкой кожи, выглянул в окно и только тогда надел кольчугу. Она легла на плечи мягко, без привычного легкого звона. От нее вкусно пахнет маслом. Так же быстро застегнул пояс, тоже смазанный для гибкости маслом. Даже разошедшиеся чехлы для ножей блестят и уже не скрипят зловеще и намекающе.

Я проверил, хорошо ли выдерживаются ножи, взял меч и тоже пристегнул к поясу. Несмотря на утро, во дворе все еще полыхают небольшие костры, вокруг сгрудились измученные оборванные люди. Греются, готовят еду, очень скудную, нищенскую. Ни ветра, ни движения воздуха, меня передернуло от вони, запаха нечистот. Облезлые голодные собаки бродят между кучками людей, лгстиво заглядывают в глаза — то ли ищут хозяев, то ли просят хотя бы косточку или сухарик.

Люди вздрагивают, жмутся друг к другу. Многие, наверное, потеряли в бегстве родных и близких, а сейчас на их измученных лицах я видел только страх, отчаяние и покорность судьбе. Они сделали все, что могли: добежали до города. Теперь пришла очередь показать себя тем сильным и жестоким людям, что заставляли их ломать камень для городских стен и для крепости, рыть подземные ходы, глубокий ров, насыпать высокий вал, а сами носились по лесу за каким-нибудь несчастным оленем...

Здесь, во дворе, постоянно сообщают друг другу о движении ударного войска Тьмы, где людей нет вовсе, а только огры, тролли и всякая нечисть, которой раньше не зрел христианский люд. Но даже ударное войско продвигалось с немалыми усилиями, а иногда надолго останавливалось, и тогда надежда вспыхивала в сердцах, люди посматривали друг на друга с неуверенными улыбками: а чего мы это так переполошились?.. Но выяснялось, что огров задержало вовсе не войско людей, а река или разлившееся болото. И вот снова в ночи багровый отсвет пожаров, ветер доносит запах горящих посевов, амбаров с зерном, а на том месте, где города и деревни, вздымаются столбы чадного пламени...

Королевским глашатаям верят мало, больше слушают беженцев, странствующих мудрецов и пророков, которые в дни бедствий плодятся как саранча. С особой жадностью окружают торговцев, что ухитряются побывать в самых опасных местах и вернуться с прибылью.

Строители с каждым днем поднимали на длину меча городскую стену, внутри города укреплялись храмы, замки, каменные дома, народ перегораживал переулки телегами с булыжниками. Лорды уверяли, что еще недельку-другую, и в убежищах места хватит всем, а в подвалах уже достаточно съестного, чтобы прокормиться год безбедно, и еще на пару лет муки и зерна, родники же никому не перекрыть...

На строителей смотрели с надеждой, ибо среди них были присланные из Срединных Королевств умельцы, что, по слухам, вставляют в стены особые трубки, те при любом порыве ветра вызывают свист, от которого у огров корчи, а тролли так и вовсе кидаются на своих, убивают и калечат, а потом падают замертво. Еще передавали слухи, что от самого императора прибыли сто сильнейших магов, они поставят магическую стену, через которую никто не сможет пройти. Даже если сам Сатана явится, и того не пропустят...

Торговцы рассказали также, что на захваченных Тьмой землях, именно там, где прошли свирепые огры, остались

нетронутые деревни, где крестьяне по-прежнему пахут землю и собирают урожай, пасут скот, ловят рыбу, и никто их не трогает, даже не гонит на работы в замок лорда.

С надеждой пересказывали слова старого ветерана, который прошел бок о бок с бесстрашным Кангаром все двадцать лет войны с горцами. Он говорил, что Кангар уже идет к ним со всем войском, но если для другого полководца на это потребуется два месяца, то Кангар с его стремительными бросками будет здесь через две недели. Он придет с огромным войском, он понимает размеры беды, а Кангар — это Кангар, вы же все знаете, он пока что не проиграл ни одного сражения...

Среди слухов, сообщений, рассказов и суждений все потеряло все очертания, ибо самый честный человек мог лгать вам в глаза, чтобы успокоить, поддержать, утешить, а к вечеру вы видели его на телеге, нагруженной всем скарбом, как он нахлестывает коней, спеша выбраться поскорее из обреченного города.

Я пробрался к кузнице, оттуда несет горячим воздухом, сквозь щели в крыше пробиваются сизые струйки дыма. В кузнице вообще как в аду, горячий дым застрял в горле, там сразу запершило, глаза начали слезиться. Сквозь дым видел две могучие фигуры молотобойцев, оба не обратили на меня внимания, а сам кузнец кивнул, сбросил рукавицы.

Я поспешно попятился на свежий воздух. Кузнец вывалился, как из мартеновской печи, крупный, красный, как вареный рак, с вытопленным жиром, весь жилистый, но все равно толстый, ширококостный.

Огромные руки похлопали по кожаному переднику, там дымилось, комочки застывшего металла усеивали этот коричневый панцирь как заклепки. Волосы на руках обгорели, кожа выглядит от многочисленных ожогов пятнистой.

Он оглядел меня с головы до ног оценивающе и придирчиво.

— Это тебя вчера приводил Асмер?.. Тебя, тебя. Людей такого роста не забывают. Твой панцирь я выбросил. Пой-

дет на перековку. Подковы, гвозди... Хорошо по тебе били, хорошо! Нет, для тебя ничего не подобрал, мои доспехи расхвывают заранее, но кое-что принесли соседи...

Он повернулся, что-то зычно прокричал в сторону кузни. Молотобоец, тоже красный, как вареная креветка, вынес в охапке и начал раскладывать на лавке перед кузней многочисленное железо.

Я смотрел с содроганием. Это уже не панцирь, к которому я притерпелся за последнюю неделю, а цельные доспехи. Панцирь закрывал только грудь и спину, еще живот, конечно, но и то я страдал от этой нелепой тяжести, а сейчас на лавке разложены помимо панциря еще и металлические полушария для плеч, наручные пластины, что закрывают от плеча и до локтя, а еще по две — от локтя и до кисти. Такие же точно для ног, но не трубы, как я наивно представлял по фильмам, а гораздо хуже: половинки труб. Одни парные половинки явно сцепляются защелками, другие попросту нужно связывать ремешками. Самые толстые ремни свисают, понятно, с панциря.

— Я в них упаду, — возразил я. — Да и как в таком драться?..

Кузнец широко ухмыльнулся.

— Верно, я тоже люблю в бой налегке!.. Куда проворнее. Увы, тебе нельзя.

— Почему?

— Наверное, ценят.

— Кого ценят, того не мучают, — заявил я.

Он покачал головой.

— Кого ценят, на того и груз побольше... Видел, какие доспехи на Ланселоте? А как в них дерется? Двигается как молния! Мог бы поучиться, раз уж выпала честь ехать с таким великим рыцарем.

Я пробормотал:

— Какой Ланселот?.. У нас Ланселота не было... Правда, Ланзерот...

Кузнец издевательски ржанул.

— Во какой тупой!.. Надо же. Люди, плюйте на него!..

Миссия ж была тайная. Это теперь о ней песни складывают, с какими хитростями ехали, как телегу с камнями везли, а мощи налегке вперед отправили! Если бы враги знали, что с вами сам великий Ланселот, о котором слава по всем королевствам, поняли бы, что дело очень непростое... За вами бы вся армия гонялась! Так что тебе повезло, тебе выпала неслыханная честь подержаться за стремя самого Ланселота, а ты... эх, лопух!.. Ладно, с доспехами понятно. Лопай чем кормят, надевай что дают. Что не так, на тебе подгоним. А что с оружием? Я наслышан про твой летающий молот...

— Если бы летающий, — возразил я. — А то швырять приходится изо всей силы!.. У меня уже суставы в плече, как у ревматика.

— Но возвращается прямо в руку?.. Не забудь зайти с ним в церковь. Святые отцы должны прочесть над ним молитвы... А что кроме молота? Все-таки молот, понимаешь, вспомогательное. Им дерутся только простолюдины, а у рыцарей это так, на всякий случай...

— Гм... да... мля, — промямлил я, не понимая, острит так или не знает, что мне до рыцарства, как ему до баронства, — у меня еще и меч...

Я косил глаз, рукоять меча словно бы даже всползла по спине, только бы я ее заметил. Кузнец отступил на шаг, когда я потащил из ножен эту сверкающую льдом полосу удивительной стали. Впервые на его суровом обожженном лице проступило нечто вроде уважения.

— Парень, — сказал он наконец, — тебе несказанно повезло.

Меч блистал грозно, легкий и настолько тонкий, что сердце вздрагивало в страхе: как бы не переломился, как тонкая льдинка, под собственным весом.

Я повертел его перед собой, впечатление легкости обманчиво, меч достаточно тяжел, чтобы рубить, как боевым топором, а лезвие настолько острое, что перышко распадается на две половинки.

Кузнец правильно понял страдальческое выражение на моей морде.

— Не выщербится, — заверил он. — И не согнется. Гномы эти мечи делают тысячи лет. Эти штуки даже не ржавеют. Эх, повезло тебе, парень!

Я с сомнением оглядел железо на лавке.

— Да?

— Повезло, повезло, — повторил кузнец. — Доспехи, которые делаю для благородных, конечно, получше твоих, но их можно заказать оружейникам и здесь. Если золота хватит, конечно. Это дорогая штука! Хорошие доспехи делают не один месяц. А вот такой меч только у гномов... Давай помогу надеть! Тебе, я слышал, дарована честь присутствовать на аудиенции Его Величества?

— Я тоже слышал, — ответил я. — А доспехи — это вроде обязательного черного костюма и галстука? Теперь понятно, откуда это пошло.

Без посторонней помощи я никогда бы в жизни не влез в это железо. Просто не сумел бы. Нелепое, тяжелое, из низкосортной стали... да какой там стали, это сыродутное железо, ненамного прочнее медных или бронзовых лат, а непрочность компенсируется толщиной, что, в свою очередь, сказывается на весе. Кузнец прилаживал то одну железку, то другую, стягивал ремнями, укрепил хоккейные шитки на голени, а потом еще и со стороны лытки защелкнул, и вот мои ноги полностью в железе, только для ступней, к счастью, нашлось свободное место.

Когда я ощутил, что намертво закован в эту башню из железа, кузнец отступил от меня, сказал бодро:

— Готово!

Я сделал нетвердый шаг, повернулся, но примерочные зеркала в таких оружейных не предусмотрены стандартами средневековых оружейных. Вес ощутимо давит на плечи, сковывает движения. Кузнец опоясал меня широким ремнем, где слева подвесил молот, а через плечо перекинул новенькую перевязь. Я скосил глаза — рукоять длинного меча с готовностью высунулась из-за левого плеча.

— Не знаю, — сказал я зло, — смогу ли в этом драться.

Кузнец снова отступил, обошел со всех сторон, подергал, постучал по железу.

— Слушай, парень, — сказал он наконец, — я знаю слишком мало рыцарей, на которых доспехи сидели бы так... хорошо.

— Я не рыцарь.

— Тем более, — сказал он значительно.

— Я мог бы одеться и проще.

— Тебе оказана великая честь, — сказал он строго. — Ты предстанешь перед королем!.. А если твои сюзерены велели тебе дать доспехи, то благодари, дурень, а не вороти нос.

— Ладно, — ответил я смиренно. — Доспехи так доспехи.

Крыша королевского дворца блестит под утренним солнцем, но стены и двор еще в густой тени — остатке ночи. Но даже крыша в ржавых пятнах, что вовсе не ржавчина, а следы огня из пастей летающих тварей. Кое-где сорвана черепица, а зубчатый парапет проломлен в трех местах. Стены и вовсе в следах от ударов раскаленных камней из катапульта, от огромных стрел. Между камней видны пятна несмываемой сажи, что въелась уже и в сами камни.

Перед закрытыми воротами, как водится везде, десяток просителей. На меня оглянулись, но никто, понятно, не посторонится. Я уже изготовился остановиться у двери и ждать, ибо для человека моего мира ждать — дело привычное. Ждем на остановках общественного транспорта, ждем у светофоров, ждем открытия магазинов, ждем, ждем... Это здесь не надо мучиться выбором: ждать автобуса или топтать пешком...

Грохот копыт заставил быстро обернуться. В мою сторону несясь рыцарь в полных доспехах. Копье держал острием вверх, но опустить и нацелить мне под ребра — дело секунды. Громадный конь высекает искры из-под всех четырех, из ноздрей вырывается пар, похожий на дым.

В трех шагах от меня рыцарь бросил поводья, копье со

звоном полетело на землю. Рыцарь соскочил довольно проворно, подбежал и пал на одно колено.

— Мой господин, наконец-то вы прибыли!

Я с недоумением смотрел в розовошеек юношеское лицо, на длинные белокурые локоны, что так красиво падают на плечи...

— А-а-а, — вырвалось у меня, — так вы этот... как его...

— Конт Сигизмунд, — напомнил он трепещущим от счастья голосом.

— Ага, — сказал я, — это вы тогда...

— Да, — воскликнул он счастливо, — это меня вы удостоили поединком! Я был выбит вами из седла одним ударом. Я все выполнил, здесь, в Зорре, уже вторую неделю, а вчера услышал, что вернулись герои с мощами святого Тертуллиана. Увидев вас, я понял, какую важную миссию вы выполняли, и понял еще, каким дерзким и самонадеянным щенком я был!

С той стороны площади показались блестящие фигуры. Ланзерота я узнал сразу... то есть теперь уже Ланселота... неужели в самом деле того самого легендарного, самого лучшего рыцаря христианского мира? А вот Бернард, Рудольф и Асмер в таких новеньких доспехах, что если бы не шлемы в руках, то сразу и не признаешь. Рудольфа я отличил только по коренастой фигуре, что поперек себя шире, да огненно-красной скирде на плечах, где в самой середине поблескивают глаза и торчит кончик носа. Рот тонет в окладистой бороде веником, уши затерялись в красных космах, а сверху вообще такое, что я буду смотреть с великим интересом, как он все это сумеет запихнуть под шлем. Да еще с забралом.

— Да бросьте, — сказал я торопливо. — Каждый выполняет свои обязанности... И это... встаньте же, конт.

Он поднялся, но все равно смотрел на меня снизу вверх сияющими глазами, только что не визжал и не падал на землю коверку лапами.

— Господин, — сказал он преданно, — располагайте мною!.. Я — ваш вассал, я пойду за вами всюду...

Бернард прогрохотал подкованными сапогами прямо ко мне, это ж у него я на подхвате оруженосцем, потому и торчу здесь, не рыцарям же ждать меня, простолюдина. На ходу метнул удивленный взгляд на молодого рыцаря, явно видел, как тот поднимается с колен.

— Ого, — гроыхнул он густым мощным голосом, что сразу напомнил мне далекие раскаты грома, — Дик, да ты смотришься неплохо.

Лансерот... гм... Ланселот скользнул по мне безразличным взглядом. Его золотые кудри красиво падают на металлические плечи, крупные холодные глаза смотрят без выражения, а массивная нижняя челюсть снова вызвала у меня желание садануть по ней бронированным кулаком. Нет, уже ногой. Жаль, восточными единоборствами я не занимался, а связывать великого и непобедимого Ланселота и укладывать мне под ноги вряд ли станут.

Конт Сигизмунд посмотрел на всех исподлобья — что-то они недостаточно почтительно обращаются с его господином и сюзереном, но смолчал, раз уж я молчу.

— Дик, — сказал и Рудольф, — ты просто вылитый рыцарь!

Сказал и осекся, Ланселот нахмурился, его красивое надменное лицо стало злым, а плотно сжатые губы вовсе слились в тонкую линию, как защелки стального капкана.

— Где священник? — спросил он, ни к кому не обращаясь. — Он что же, полагает, что...

— Простите, ваша милость, — прервал Рудольф, — вон бежит, запыхался!

Сигизмунд отошел к своему коню. Я показал ему мимикой, что не до него, у меня и здесь особое задание, не надо меня рассекречивать. Его брови полезли вверх, челюсть отвисла. Потом спохватился, влез на коня, уже с седла отвесил мне низкий поклон и повернул коня обратно.

Асмер смолчал, хотя все заметил, только подмигнул мне украдкой. Он тоже в полных доспехах, но и в железе ухитряется выглядеть компьютерным спецэффектом, что может менять облик, двигаться с любой скоростью, пере-

текать из одного состояния в другое. Только у него из-за плеча выглядывает рог лука, а меч на поясе выглядит намного короче, чем у других.

Священник в самом деле запыхался, на бледных худых щеках выступили красные пятна. Лысина покрылась мелкими капельками пота, неопрятные седые волосы по бокам торчат, как перья большой осетровой рыбы. Узкое, как лезвие топора, лицо все такое же злое, а когда его острые глаза зацепились за меня, он вообще показался мне жутким, как буревестник революции.

— Меня задержало Его Преосвященство, — сказал он быстро. Метнул на меня неприязненный взгляд. — Его интересовало кое-что о нашем... походе.

Ланселот кивнул, Бернард не двинул даже бровью, Асмер сказал живо:

— Не думал, что Его Преосвященство чем-то еще интересуется в этой жизни... Пойдемте?

Ланселот стукнул в ворота. Из сторожевой башенки высунулись головы в шлемах. С их высоты даже рыцари и не рыцари вовсе, а так, удобные мишени для арбалетов. Никто ничего не спросил, створки ворот пошли в стороны. Мы вошли в зал, просторный, но обставленный со спартанской простотой. В этом зале, явно предбаннике, сидели и прохаживались группками рыцари и знатные люди в ожидании приема.

Ланселот двинулся вперед прямо через центр, ни на кого не глядя, взгляд высокомерно поверх голов, что с его ростом нетрудно, за ним огромный и нечеловечески могучий Бернард, теперь я уже знаю, он тащит свой род от горных великанов, Рудольф — только я знаю его тайну, Асмер, в чьем роду есть и кровь эльфов, а мы с отцом Совнаролом, антагонисты, вынужденно топаем в арьергарде бок о бок.

Перед нами расступались не только знатные граждане. Рыцари тоже почтительно кланялись, провожали взглядом. Я слышал, как назывались имя и титулы Ланселота, перечислялись победы Бернарда, даже на меня пало жадное и отчаянное внимание. Отметили мой рост, могучую

фигуру, слышно было, как говорят о странном мече, о молоте на поясе, даже о сапогах, хотя сапоги уж точно самые обыкновенные.

Мне было стыдно и неловко, потому что эти люди на грани полного изнеможения, истощены, их дух пал, им нужна надежда, но хватит ли надежды и воодушевления, вызванного мощами святого Тертуллиана? Не хочу, чтобы на меня смотрели вот так... как смотрят! Я не герой, ибо герой — это прежде всего состояние духа, а не тело акселерата, каких пруд пруди. Там, у себя в Москве, я был самым обыкновенным, даже рост что ни есть средний, а здесь хоть команду баскетболистов организовывай...

Дверь в тронный зал широка, дубовые доски украшены орнаментом, но спартанская простота чувствуется и здесь, строители явно заботились о прочности больше, чем о красотах. С той стороны двери — голоса, что дивно. Я полагал, что там только небольшой зал с тронном, а на троне — король. Ну, в лучшем случае справа — шут с бубенцами, слева — мудрец. Или наоборот: слева — шут, которого слушают в охотку все, справа — мудрец, которого не слушает никто.

Стражи скрестили перед нами копья. Один сказал торпливо:

— Его Величество принимает баронов.

Ланселот вскинул бровь. Нижняя челюсть поехала вперед, в глазах появился недобрый прищур.

— Ну и что? — спросил он холодно. — Мы не собираемся мешать их разговору.

Страж сказал еще просительнее:

— Сэр Ланселот, мы все преклоняемся перед вашими подвигами! Но Его Величество просили подождать. У них важный разговор...

Ланселот сказал безгловым голосом:

— И достаточно неприятный, как догадываюсь. Но вряд ли бароны спрашивали позволения пройти через эту дверь.

Он выпрямился, холодный и надменный настолько,

что я даже восхитился этой смеси наглости и высокомерия. Копье отлетело от небрежного взмаха рыцарской длани, страж едва не улетел вместе с ним. Ланселот пнул дверь ногой, створки распахнулись.

Глава 2

Яркий радостный свет ударил по глазам. Мы с Совнаролом вдвинулись вслед за Бернардом, Рудольфом и Асмером. Ланселот остановился на два шага впереди, правая рука все еще на рукояти меча, шлем картинно на согнутой левой, глаза бесстрастно охватывают всю картину. Створки за спиной поспешно захлопнулись.

Сотни больших свечей заливают зал ярким светом. На стенах в медных чашах расплескивают огонь светильники, мне даже показалось, что в зале натуральный электрический свет, настолько все ярко и светло. Из высоких витражных окон падает свет утреннего солнца. Преломляясь в цветных стеклах, багровый свет обрел радостные пурпурные и оранжевые оттенки, и весь зал показался мне залитым натуральным солнечным светом полдня.

Я засмотрелся на огромный массивный трон с очень высокой спинкой. Сам трон — на особом постаменте, застеленном красным сукном, высокая спинка кресла-трона защищает от ударов ножом в спину, а с боков своими телами закрывают, хотя и невольно, двое в креслах пониже, поскромнее и с простыми резными спинками. Справа — ослепительно красивая женщина, я видел ее в день прибытия во дворец... королева Шартреза, а по другую сторону — громадный воин с суровым лицом, правая сторона испещрена шрамами, брови — каменные уступы, глаза недоверчивые. Этого тоже видел, Беольдр, двоюродный брат короля, щит и меч, лучший полководец, храбрый и жестокий воин, который, как здесь водится, первым в бой, последним из боя...

Асмер зыркал по сторонам, он тоже, как и я, искал глазами принцессу, все-таки плоть и кровь короля Шарлегай-

ла, она ближе королю, чем Беольдр и тем более новая королева, но все три кресла заняты, а четвертого нет.

В трех шагах перед королем стоят трое, и я сразу понял, что мы все, включая Ланселота и принцессу, всего лишь одна из новостей дня, но даже не новость недели. И что эти трое намного важнее, чем даже принцесса, собственная дочь.

Их важность ощутил даже я, от всех троих струится властность, сила, как сила характеров, так и мышц. Но только один из них гигант, то есть почти мне вровень, остальные двое ему разве что до плеча, но я всеми фибрами и нейронами чувствовал их свирепость и неукротимость в битвах, жестокость и целеустремленность, властность, нежелание отступать и умение добиваться цели. Да, это все еще тот мир, когда во главе те, кто мечом ли, коварством или как-то иначе, но сам завоевал себе баронство и сам правит им, не передоверяя управляющим, не погрязая в неге, роскоши, утех.

Король из-под опущенных вроде бы в усталости век внимательно рассматривает всех троих. Гигант — понятно, этот добился земель мечом, мечом и правит, второй — крепко сбитый невысокий мужчина средних лет, выглядит ветераном многих битв, но уже не солдат, этот правит не силой своего меча, а видом своих мечей — у него наверняка неплохая армия, пусть маленькая, но вымуштрованная и хорошо вооруженная. Третий смотрится чересчур безобидным, прямо мотылек, даже волосы красиво завил, а одежда роскошная до неприличия. Но если он — владетельный барон, то за этим кроется сила и только сила. Никакое право пока что не действует, если оно не подкреплено силой. Впрочем, разве так только в этом мире?

Нарочито или нет, но трон стоит так, что узкий косой луч падает через простое окно прямо на сиденье и на короля, заливая все золотистым светом. Все медные или золотые бляшки на троне блестят, как и все металлические застежки и заклепки на одежде короля, но сильнее всех, просто нестерпимо ярко блистает золотая корона и в ней — драгоценные камни.

Король восседал гордо, надменно, огромный, все еще могучий, хотя седой до последнего волоска, лицо испещрено не столько шрамами, сколько морщинами. Я сразу представил его в молодости огромным мускулистым Шварценеггером, что с мечом в руке отвоевал эти земли, силой заставил подневольных крестьян выстроить замок, обнести высокой крепостной стеной, а потом позволил выжившим плодиться и размножаться, крепкой рукой ограждая их от набегов соседей. Постепенно забылись его жестокость, свирепость, казни, остался суровый, но справедливый правитель, что печется о благе простого народа...

Да и как не печься, подумал я. Это же то стадо, с которого стрижешь шерсть, получаешь молоко и мясо. Чем стадо здоровее...

Трое косились в нашу сторону с явной неприязнью. Но никто не пикнул, похоже, они двери к королю тоже открывают ногами. Гигант стоит как скала, рука на рукояти меча, глаза сверкают угрюмой решимостью, а второй, который выглядит немолодым ветераном, поморщился на наш приход, но продолжал ровным злым голосом, обращаясь к королю:

— Ваше Величество! Мы должны... должны получить от вас больше людей!

Король грустно улыбнулся. Похоже, он надеялся, что с прибытием мощей святого Тертуллиана бароны сами пришлют ему свои войска.

— Вы не заметили, — ответил он, — что Зорр в осаде?

— Он был в осаде, — отрубил барон. — Но сейчас кольцо осады распалось. Король Карл снял большую часть войск и послал их по всей стране!.. А к вам за это время тайными тропами и ночами пробралось немало людей, способных носить оружие!.. Отряды, посланные Карлом, сжигают на своем пути села и шахтные поселки, уничтожают посевы, рубят сады, засыпают колодцы. Наши города переполнены беженцами... Мы не можем всех прокормить, но не можем и вытолкать их за ворота... как это наверняка сделали бы в Зорре. Потому мы почтительно, но

твердо просим, чтобы вы послали часть войск из Зорра на укрепление... на усиление нашей защиты!

Шарлегайл долго молчал, потом вздрогнул всем телом, словно очнулся от нездешних дум, спросил непонимающе:

— Только вам лично, барон Истаниэль, я посылал дважды по четыреста воинов, из них сто рыцарей. А вообще за этот год я послал из Зорра пять тысяч человек. Где они?

Барон молча смотрел в лицо короля, не отводя взгляда. Ровным голосом произнес:

— Они исполнили свой долг.

— Что?

— Они пошли на такую службу, — объяснил Истаниэль словно ребенку, — где могут убить...

— Но не все же пять тысяч человек?

— У Карла войск больше, — напомнил барон.

В зале наступила нехорошая мертвая тишина. Шарлегайл и барон скрестили взгляды. Истаниэль не отвел взор, а король сказал полным горечи голосом:

— Мои люди погибли... А сколько своих людей вы послали в войско, что должно было находить и уничтожать отряды Карла?

Барон нервно дернул щекой.

— Ваше Величество, мы говорим не о том.

— Не о том?.. Мои люди погибли!

— Они воины, — напомнил барон, — а не пахари. Это пахари не должны гибнуть. Сколько вооруженных людей вы сможете послать? Сколько рыцарей?

Король выпрямился в кресле, в глазах разгорался гнев.

— Мои люди погибли, — сказал он резко. — Они ночевали в поле, не успевая отгородиться на ночь, гонялись по лесам за лазутчиками, попадали в засады, а ваши отсиживались за крепкими городскими стенами?.. Это не вопрос, это утверждение!

Барон ответил так же резко:

— Мои люди заняты охраной сел и поселков... и они тоже гибнут. Вместе со всеми жителями. Гибнут, сражаясь!

А защищать нас от войск Карла — это ваша обязанность, Ваше Величество.

— Я защищаю, — повысил голос король, — опираясь на своих вассалов! Кстати, вы — мои вассалы. Еще не забыли об этом?

Барон коротко поклонился.

— Вы не поняли, Ваше Величество? Мы ждем от вас войск. Наши владения нуждаются в защите. Мы присягали служить вам, но и вы клялись защищать нас. Где эта защита?.. Я не могу уехать без приданного мне войска. Или хотя бы достаточно сильного отряда из рыцарей. Тяжелых рыцарей. Можно придать им, кроме пеших воинов, с десятков арбалетчиков. Но только хороших.

Король саркастически улыбался. Барон перечислял, повышая голос, но, когда он закончил и выпрямился, глядя вызывающе, Шарлегайл лишь устало отмахнулся.

— Вы не видите, что творится, барон? Или все это нарочито?

— Ваше Величество, — заявил Истаниэль твердо, — вы должны дать войско. Это вы здесь отсиживаетесь за крепкими стенами, не ввязываясь в сражения, а мы... мы воюем!

Брат короля прожигал барона ненавидящим взглядом. Мне даже почудилось, что слышу скрип его зубов. Ланселот медленно наливался яростью, а грубый Бернард вдруг громко и отчетливо выругался. Бароны все трое повернули головы в нашу сторону. Гигант смерил Бернарда убийственным взглядом, пальцы стиснули рукоять меча и потащили его из ножен.

Рука Ланселота отодвинула Бернарда, голос рыцаря прозвучал холодно, со смертоносной угрозой:

— Когда мы уезжали за модами Тертуллиана, с королем так еще не разговаривали. Что-то переменилось?

Его рука опустилась на рукоять меча. Лицо стало белым, ноздри красиво вырезанного носа затрепетали, а в наглых выпуклых глазах заплясало безумие. Он часто и резко задышал. Бернард, Рудольф и Асмер тоже взяли за ру-

кояти оружия, готовые обнажить в любой миг. Поколебавшись, я снял с петли молот и поймал глазами гиганта.

Король грянул с неожиданной мощью:

— Кто обнажит здесь оружие... голову того сегодня же получит палач! Это королевский зал!

Гигант, обнаживший меч до половины, заколебался, глаза его полыхали такой же яростью, как и у Ланселота, но из груди вырвался шумный выдох, рука с грохотом задвинула меч обратно в ножны.

— Ланселот, — прорычал он с угрозой, — ты не будешь здесь сидеть всю жизнь.

Ланселот ответил с холодной надменностью дворянина, разговаривающего с оборванным нищим:

— Да. Потому постарайся не попадаться мне на дороге.

Беольдр прочистил горло, это было похоже на треск падающей кровли, сказал гулко, перекрывая все голоса:

— Ваше Величество... Осмелюсь дать совет. Вопрос сложный, давайте его отложим. Ланселот прибыл... это все-таки событие!

Шарлегайл наклонил голову, а когда поднял, в его глазах уже не осталось гнева.

— Аудиенция закончена, — сказал он голосом, не терпящим возражений. — Мы обдумаем, чем можем помочь... что вообще сделать в наших силах. А пока оставьте нас.

Бароны нехотя поклонились, едва-едва, гигант так и вовсе склонил голову на миллиметр, а когда они направились к выходу, ожег Ланселота ненавидящим взглядом. Ланселот смотрел сквозь него, как сквозь клочок грязного тумана.

Церемониймейстер, как я назвал для себя седого человека с лицом конферансье и его же манерами, подошел к Ланселоту, что-то спросил, кося блеклым глазом в мою сторону. Ланселот скривился, бросил несколько коротких слов, похожих на лай добермана. Церемонщик кивнул, вернулся на свое место и провозгласил громко и торжественно:

— Благородный сэра Ланселот из Горланда, конт Зеле-

ных Островов и лорд Долины Четырех Камней... со своими спутниками и... слугами.

На меня покосился с удивлением Асмер, Рудольф недовольно хрюкнул, даже Бернард шевельнул плечами, только Ланселот и священник неотрывно смотрели на трон. Плевать, подумал я угрюмо. У нас сфера обслуживания давно уже не позорное занятие. Наоборот, там и заработки выше, и власти побольше...

Но все равно, подумал я, уязвили, гады, уязвили. Все-таки я не слуга. Пусть оруженосец, даже не у рыцаря, а всего лишь у Бернарда, но все-таки не слуга.

Король повернул голову и внимательно рассматривал всех нас. Мы всей группой подошли ближе, Ланселот опустился на колено, за ним то же самое проделали Бернард, Рудольф и Асмер, только священник лишь склонил голову, не потрудившись даже согнуть спину. Поколебавшись, я тоже преклонился, хотя, может быть, что-то опять нарушил. Может быть, только рыцари имеют право на преклонение, а я должен стоять в присутствии короля, как стоял бы, скажем, конь или бык.

— Встаньте, доблестный сэра Ланселот, — сказал король ласково. — Мы знаем, что вы проделали долгий и опасный путь. Позвольте поблагодарить вас за то, что вы сделали... Расскажите, все ли там, как... раньше, или же отряды короля Карла, как нам говорят, проникают и в глубь занятых воинами Христа земель?

Ланселот легко и с достоинством поднялся. Лицо его и весь вид дышали уверенностью и благородством.

— Я прошел через королевство Эстию, — сказал он твердым голосом, даже не упомянув, что шел не один, — и через огромный богатый Сокрант, что всегда вызывал зависть соседей крупными городами, пересечением торговых путей, удобными гаванями, богатыми залежами золота и серебра, запасами мрамора... Я шел через некогда цветущие долины, мимо богатейших городов... которых теперь нет, я двигался через золу и пепел, что остались на месте сел и деревень. Ваше Величество, королевство Сокрант уже

разорено набегами нечисти настолько, что вряд ли сможет сопротивляться серьезному вторжению! А ведь Сакрант лежит у нас почти что за спиной.

Беольдр гроыхнул со своего кресла:

— А тут еще король Арнольд предал... У нас остался для прохода в Срединные Королевства только ненадежный Мордант.

Рядом со мной заворчал священник. Ланселот услышал, поклонился с холодком, голос его зазвучал так, что, заговори замороженная рыба, ее голос показался бы верхом живости:

— Осмелюсь возразить Вашему Высочеству. Король Арнольд поступил как христианин, принеся в жертву не только корону, но и свое имя. Кто его сейчас не проклинает?... А вот насчет прохода в Срединные Королевства вы глубоко правы. У нас дорога теперь только через предательский Мордант.

Беольдр смолчал, только глаза холодно блеснули. Ланселот словами и интонацией дал понять, что Беольдру и для понимания такой простой истины пришлось поднапрячь мозги.

— Но как могли опустошить такую богатую страну? — спросил Шарлегайл. — Ведь мимо застав на кордоне не могли пройти войска. А два-три человека... или два-три тролля... Их забьют кольями простолюдины в первой же деревне!

Ланселот не успел ответить, явно попытался сделать артистическую паузу перед королем, но священник протиснулся вперед, крикнул зло:

— Скверна поселилась в наших душах!.. Достаточно Врагу отыскать ее, и вот уже у него союзники прямо в наших землях!.. Мы видели, как среди здорового сильного леса возникает гниль, что поражает деревья все дальше и дальше... Там даже солнце не светит! Я верю, что в те места может вступать Сатана как на уже захваченную им землю!.. Как на свою. Я зрел своими глазами, как ручьи текут кровью не от битв, а от ран самой земли!.. Птицы падают с не-

ба мертвыми, рыбы выбрасываются на берег... но все они уже кишат зловонными червями!.. Брат идет на брата, сын — на отца, барон — на короля, а король не думает о стране, а только...

Бернард толкнул его в бок. Это было похоже на удар окованного железом бревна в городские ворота. Священник охнул и повалился на меня. Я в своем железе стоял, как Останкинская башня, только что не горел, но уже начал ржаветь.

Ланселот сказал громко и настойчиво:

— Ваше Величество!.. Нужны экстренные меры. Я уверен, что эти бароны еще не поняли в полной мере, что с нами теперь мощи святого Тертуллиана! Не эти, так другие бароны пришлют войска нам на помощь. Воины воспрянули духом... однако то, что случилось за нашей спиной, резко ухудшило положение Зорра. Король Конрад не просто дружен с Мордантом, он с тем королем даже в родстве! Они наши противники, от них помощи ждать не приходится, а вот кинжал в спину... Ваше Величество! Надо делать что-то еще, кроме как запереться за стенами и отбиваться.

Королева рассматривала его с холодным интересом. Красивым музыкальным голосом, теплым и бесконечно сексуальным, она провоцировала:

— Сэр Ланселот, о вас поют как о герое... Но герои хороши для подвигов... Быка вручную, змея толстого задущить, дракона одолеть — вам нет равных! Однако для войны с людьми нужны полководцы. Умные.

Бледное вытянутое лицо рыцаря вспыхнуло, скулы заострились еще больше. В голубых глазах сверкнули искры, словно из-под лезвия меча на механическом точильном камне.

Он слегка поклонился.

— Да, конечно, — прозвучал его холодный голос. — С вашими советами наш король, несомненно, выиграет эту войну.

Беольдр поморщился, бросил недовольный взгляд на прекрасную королеву.

— Оставим колкости, — громыхнул он. — Сэр Ланселот, вы совершили подвиг, доставив мощи святого Тертуллиана. Это не считалось трудным делом, но за короткое время многое изменилось, как вы могли заметить. Вам пришлось пробираться... даже пробиваться с боями через занятые противником земли! Но вот мощи здесь... мой царственный брат вами очень доволен, а народ вас боготворит. Но мы видим, что из-за внезапной потери королевства Галли, нашего тыла и надежного союзника, мы снова повисли на волоске... Только что был военный совет, на котором едва не передрались знатнейшие рыцари. Решения предлагались настолько дикие, настолько дикие...

Шартреза промурлыкала сладким голосом:

— Не все были дикими, благородный сэр Беольдр, не все!

Беольдр сверкнул в ее сторону злыми глазами, я увидел вздувшиеся желваки, но Беольдр смолчал, только повернулся к Ланселоту и вперил в него требовательный взгляд.

В зал вошел запыхавшийся врин. Одежду и доспехи покрывала белая пыль, словно он подрабатывал переноской мешков с мукой. Лицо его тоже было белым, мучнистым, только в глазных яблоках полопались сосуды, а под глазами висели темные мешки.

Шарлегайл тут же повернулся в его сторону всем телом. Лицо побледнело, он спросил порывисто:

— Ну и?..

Воин опустил на одно колено, отвесил поклон, с достоинством поднялся и поклонился еще раз.

— Ваше Величество, — сказал он хриплым пересохшим голосом, — наши наблюдатели доложили верно: король Карл в самом деле начал отводить войска!

Шарлегайл пробормотал:

— Но... почему? Ведь мы... гм... в довольно шатком положении. Он это знает хорошо.

Воин поклонился, а когда поднял голову, лицо его светилось гордостью.

— Нам удалось захватить пленника. От него узнали,

что король Карл, еще когда переходил границу, громогласно объявил всему войску, что возьмет Зорр за две недели! Осмелюсь напомнить, что на тринадцатый день доблестный сэр Гарольд даже ездил в лагерь Карла договариваться про условия... гм...

Шарлегайл поморщился, сказал торопливо:

— И что же про эти две недели?

— Две недели истекли, — ответил воин торжественно. — Король Карл велел снять осаду. Вы правы, ему возражали, доказывали, что мы вот-вот падем. Надо продолжать натиск... Но Карл ответил военачальникам, что вера в слова своего короля — великое сокровище. Взять Зорр ценой утраты ценности своего королевского слова — это будет поражением.

Рыцари переглядывались, кивали, им, судя по их мордам, все понятно, только я чувствовал себя несколько ошалелым. Даже Шарлегайл кивнул, сказал понимающе:

— У него еще остались остатки рыцарской чести. Несмотря на присутствие в его войске сил Тьмы, несмотря на обилие колдунов...

— Порочных женщин, — вставил Совнарол иступленно.

Беольдр сказал почтительно:

— Ваше Величество, вы слишком высоко оцениваете Карла. Просто он вынужден считаться с горными баронами. Их люди составляют треть его войска, но это сильнейшие рыцари и свирепые воины! А горные бароны очень чувствительны к вопросам чести, достоинства, верности слову. Можно, конечно, ударить во все колокола и отслужить мессу, однако я бы не убирал усиленную охрану стен и башен.

Шарлегайл спросил с напряжением:

— И куда он теперь? От этого зависит многое...

Беольдр задумался, пожал плечами.

— У него много дорог. Страна открыта... По мощи с Зорром может сравниться только Кельвинт, он лежит в двадцати конных переходах на севере, но Карл к Кельвин-

ту не пойдет. Кельвинт — весь из себя город-крепость, там все на скалах. Не то что сделать подкопы, даже подойти невозможно. Запасы там на много лет, подземные источники бьют прямо в крепости, подвалы забиты зерном и мешками с мукой... Нет, он даже не пойдет в сторону Кельвинта! Пройти мимо, не добившись сдачи, — это урон его славе полководца. Значит, он двинется по широкой дуге в сторону Эстии. Там богатые города, а крепости за ненадобностью в упадке...

Шарлегайл поднял голову, на лице было виноватое выражение. Ланселот учтиво поклонился.

— Прошу позволения удалиться, Ваше Величество. Вам нужно обсудить государственные планы, а нам... нам нужно отдохнуть и быть готовыми к дальнейшему служению Господу Богу, Вашему Величеству и христианскому миру.

Глава 3

Возвращались мы из королевского дворца нестройной толпой, только Ланселот вскоре отделился и ушел в сторону казарм. Бернард хлопнул меня по плечу.

— Вот все и кончилось, Дик!.. — сказал он с подъемом. — Монаршая благодарность — это... это счастье!.. Слушай, зачем ты отрезал клоч волос слева?.. Что за мода пошла дурацкая? Ты стал похож на мордантца. Теперь режь и справа, а то некрасиво...

Я потрогал волосы — за время путешествия зарос, как орангутанг в Московском зоопарке.

— Вот уж не думал, что здесь кого-то тревожат понятия красоты... А волосы, кстати, я не обрезаю.

Бернард посерьезнел.

— А куда ж делись?

Я двинул плечами.

— Откуда я знаю? Лег спать с целыми.

— Точно?

— Я что, себя не знаю?

Наступило молчание. Бернард посерьезнел, а Рудольф

и Асмер подтянулись, смотрели на меня во все глаза. Священник ухватился за крест и забормотал молитву. Но во взгляде, что бросил на меня, впервые не блеснула ненависть.

Бернард покачал головой. Это было устрашающе, будто на горе раскачивался газгольдер, готовый рухнуть.

— Бедный Дик... Что на тебя только не сваливается!

— Да что случилось? — взмолился я.

Бернард развел бровями, что у него назывались руками. Асмер, как самый словоохотливый, объяснил очень серьезно:

— Когда кому-то хотят серьезно навредить, то стараются заполучить прядь его волос. Так колдуны обретають власть над душой... Правда, отец Совнарол?

Священник вздрогнул, выкрикнул:

— Нет! Если вера крепка... Если вера крепка, то сын Божий сможет поправить все происки Врага!.. Поправить нетрудно, если верить в силу Христа...

— А если вера не очень крепка? — спросил Бернард. — Правда, тогда и без срезания чужих волос можно... Дик, ты был весь мокрый, когда мы вломились к тебе... Что снилось? Кошмары?

Я признался неохотно:

— Да. Черная страшная сила... Я думал, сойду от страха.

Бернард требовательно посмотрел на Совнарола. Тот с неохотой пожал плечами, буркнул:

— Человек новый, вот и набросились. Выстоит, через пару дней его перестанут замечать.

Я вздрогнул. Волосы срезал тот вор, что пытался украсть еще и молот. Значит, его посылали только за волосами, а про молот ему ничего не сказали. Инициатива, как известно, наказуема. Но, с другой стороны, уже то, что с меня срезали для колдовских целей волосы, доказывает этим людям, что я пока еще не на стороне Зла. Даже Совнарол снизошел до разговора со мной, а это многое значит.

— Отец Совнарол, — лстиво сказал я, куя металл, пока мягкий, — не пугайте меня. Я слишком мал, чтобы такого комара вообще замечали. Простолудин, что вы хотите!

Иронию он заметил вряд ли, с самым высокопарным видом покачал головой. От лысины блестящие зайчики побежали по стене дома напротив.

— Это люди, — сказал он строго, — разделили себя на малых и больших, знатных и простолюдинов... Но для Бога нет ни малых, ни больших. Перед Богом все равны.

Меня перекосило: ненавижу слушать правильные слова из уст дураков или попов. Но стерпел, даже поддакнул:

— Как хорошо вы все говорите! Я это и раньше слышал, только не задумывался. А вот вы говорите, как настоящий пророк. Я сразу все понял. И даже уразумел.

— Разуметь надо сердцем, — поправил он уже снисходительнее, — а голова здесь ни при чем.

— Но это, — сказал я робко, — как вы говорите, только для Бога нет ни малых, ни слабых...

Снова он врубился сразу, что значит — богослов, это не мечом махать, зыркнул на меня злобно и отрезал еще злобнее:

— Не только для Бога, но и для Тьмы! Если бы Владыка Тьмы был так же глуп, как люди, его бы уже одолели. Но он знает, что даже самый малый человек способен перевернуть мир! И способен нанести ему поражение. Потому он обращает внимание на всех. Да-да, настоящая битва идет за души всех. Только короли в своем невежестве считают важными лишь головы с коронами.

Я сказал на это только «гм» и «кхе-кхе», потому что такие вещи может говорить, наверное, только сумасшедший или священник. Или коммунист.

— Ладно, — сказал я, — не помню, говорил я вам или нет, но пару раз за время нашего похода со мной разговаривал сам князь Зла!.. По крайней мере, он не отказывался, что он и есть Сатана. И он не убил меня. Почему?

Священник отвел взгляд в сторону.

— Ну, я не уверен, что ты разговаривал с самим Князем... но это неважно, его полководцы говорят те же слова. А не убил потому, что одним меднолобым больше, одним меньше... Зато душа твоя стоит явно дороже. Вообще лю-

бая душа неизмеримо ценнее мускулов и железа на этих мускулах. Ну станет у него на одного противника меньше сейчас... Но ты уж наверняка уйдешь в ряды небесного воинства!.. И укрепíš ряды для будущей битвы, последней и окончательной... Князю Тьмы очень хотелось бы поколебать тебя, ибо душа твоя в этом теле... возможно, более великий воин, чем твое тело в этих доспехах. И вообще Сатана никого не убивает сам. Он — Соблазнитель, это его самый страшный и самый разящий меч!

Бернард ничего не понял, сказал обидчиво:

— Ты чего такое говоришь на моего оруженосца? Он дрался хорошо.

— Цыц, — сказал священник строго. — Это ты, дурень, в своем невежестве полагаешь, что война полыхает за земли, за власть, за золото... Но так думают простолюдины. Да-да, простолюдины! Неважно, на тронах они сидят до кровавых пузырей или пашут землю. Простолюдины — те, кто... прост. Главная война — за души людские! Это вы в своем железе одинаковые, как гвозди для подков, но души у вас настолько разные... Есть с гору, есть с маковое зернышко, есть светлые, есть черные, а сколько продажных душ, прожженных, подлых, замаранных, фальшивых?

Бернард сказал с интересом:

— А что за душа у Дика?

— Если она у него есть, — ответил Совнарол зло. — А если и есть, то за семью печатями. Закрыта для Добра и Зла. А это и есть самый страшный человек на свете... Возможно, этот... которого вы приютили так неосторожно... и есть тот самый Антихрист, которого весь мир ждет с трепетом и страхом!

Бернард посмотрел на меня, заскучал от умных разговоров, в которых ничего понять невозможно, махнул рукой и указал на ближайшую таверну.

Из таверны, уже будучи навеселе, все мы возвращались поздно вечером. Солнце опустилось за городскую стену, великолепный кровавый закат медленно угасал, а с вос-

точной части неба поднималась бледная как призрак луна. Рудольф явно хотел обнять меня, сиротку, за плечи, но почему-то не решился. На постой меня определили к нему, и теперь он вел меня в свой дом. Пожить пока, а дальше будет видно. Перед дверью я долго вытряхивал пыль, а в доме смывал грязь и пот, присматривался, прислушивался к разговору слуг.

Дом Рудольфа не богат, но и не беден: просторные сени, широкая горница, кухня, чулан и две боковушки. Окна аккуратно затянуты настоящим бычьим пузырем, чистым, промытым, а очаг посреди горницы, что в земляном полу, огорожен массивными камнями.

В потолке дыра, куда выходит дым, свисают черные космы копоти на паутине, а на длинных поперечных балках раскачиваются окорока кабанов, медведей, оленей, там же копятся широкие кольца колбас, вырезки из воловых и лосиных хребтов.

На полках, называемых мисниками, ровным рядом стоят глиняные и даже две оловянные кружки. Ложки все как одна из хорошего дерева, половина расписана яркими цветами и покрыта лаком.

Чтобы стены не казались пустыми, Рудольф велел повесить везде крест-накрест добытые в бою мечи, копья, сулицы, дротики, секиры и боевые топоры. Когда стена заполнилась, на другую повесили, чтобы не выглядела сиротой, все щиты и даже конскую сбрую.

Когда топят, горница, конечно же, наполняется едким дымом, оружие быстро чернеет, слугам все чистить и держать в порядке, зато рукоять боевого топора не переломится в бою лишь потому, что ее изнутри прогрыз проклятый жук-дровосек.

Обедать — это я тоже врубился сразу — садятся за общий стол в горнице, не делая различия между хозяевами и челядью. Стол из простых сосновых досок не ломится от еды, как не ломились и сосновые лавки под тяжестью исхудавших поселян, однако достаток есть, есть.

Я сложил свои нехитрые пожитки, посмотрел, как уст-

роили коня, все работают как муравьи, все знают свое дело, свои обязанности, все кому-то принадлежат, и затем вышел в город.

Бернард — когда же он спит? — с двумя мастерами отбирал в городской оружейной палате оружие для молодых воинов.

— Что делать? — повторил он мой вопрос. Мне послышалось далекое грохотание в тучах. — Я нашел было тебе занятие... все-таки ты мой оруженосец, но умные люди отговорили. Ты ведь больше пользы принес, когда... словом, когда тобой не управляли. Не указывали, что делать, какого коня какой щеткой скрести. И меч добыл, и Галахада отыскал... ну ладно, наткнулся случайно, но все же сам... Так что пока походи на длинной веревке. Надо будет, укоротим. На недельку свободен, понял? Знакомься с нашим королевством. Боюсь, твое время придет раньше, чем ты думаешь...

Я кивнул, пряча глаза. Как же, как же, я помню про святейшую инквизицию. У них суд скор, как у наших чекистов с их революционной бдительностью.

— Хорошо, — сказал я с готовностью, — попробую быть полезным. Да что там попробую, постараюсь! Но, Бернард, ты знаешь, я здесь новый, могу ляпнуть глупость... даже оскорбительную глупость! Но это не со зла или из желания ляпнуть или наляпать, понимаешь, а по невежеству. А невежи угодны Господу, помнишь?.. Так что не сердись, ответь мне, пожалуйста, кто такие оборотники?

Молодые воины услышали, отпрянули. На их лицах были написаны стыд и отвращение, а на Бернарда они смотрели с явным изумлением. Бернард перекосялся в злой гримасе.

— Я уже жалею, что тебя взяли!

— Бернард, ты только ответь, — сказал я умильно, — и я сразу от тебя отстану.

Бернард опустил ладонь на рукоять ножа, взгляд скользнул по моему открытому горлу.

— Я знаю и другой способ, чтобы ты отстал. Навсегда.

— Ты этого не сделаешь, — ответил я торопливо. Лоб покрылся испариной, а голос дрогнул от осознания, что Бернард в самом деле может резать легко и просто, как режет овец. Конечно, просто пугает, но все-таки в этом мире в самом деле слово и дело стоят рядом. — Я ведь не враг!.. Я еще могу пригодиться.

Бернард выдохнул, плечи опустились.

— Да, сейчас каждая пара рук дорога. Ладно, парень, живи. Но больше никого не спрашивай, кто такие оборотники. В крепости не все такие ангелы, как я.

Я трусливо уронил взгляд. Если Бернард — ангел, то весьма и весьма гневный ангел. Если есть такие волосатые ангелы.

— Ладно, — сказал я и сделал осторожный шагок назад. — Я пойду, ладно?

— Иди, — буркнул Бернард. Потом, видя мое смирение, бросил вдогонку: — Мой тебе совет — никого не спрашивай про них! Понял?

Я покачал головой:

— Не понял, но все равно не буду. Мне жизнь дорога.

— Жизнь что, — сказал Бернард зло, — ты душу береги!.. Оборотники больше опасны душе, чем плоти. Ведь жену того мужика не убили, а околдовали!.. А единственный правильный путь борьбы с оборотниками — не говори о них, не думай о них, а едва где встретишь — убивай, пока они не успели раскрыть рта.

Я кивнул.

— Так бы и сказал. Только не понял, почему о них нельзя говорить даже между собой?

— Потому что это тоже как-то дает им силы! Понял? К ним надо как к крысам. Только тогда будешь сильнее, а они — слабее.

На улице я стоял, подумал, оглядывая двор. Прошла миленькая девушка, улыбнулась мне тихо и застенчиво. На палочке проскакал мальчишка, остановился передо мной, выдохнул изумленно:

— Ого! Вот это рост!.. Ты огр?

Я подумал, пожал плечами:

— Да вроде бы нет. А что, похож?

— В точности, — заверил мальчишка. — Тогда ты из благородных?

— Гм, — ответил я, — интересный выбор: либо огр, либо благородный. А чем лучше быть благородным?.. Я вот из простонародья.

— Фи, — сказал мальчишка. — У простонародья красная кровь и черные кости!

Я в удивлении развел руками.

— А у тебя какая?

— Голубая, — ответил он. — Голубая кровь!

И в доказательство засучил рукава и с гордостью показал маленькие детские вены, в самом деле почти голубые.

— Голубая кровь, — повторил я задумчиво, в голове мелькнуло что-то из классиков, но что, не вспомнил, — и белые кости... да?

— Да, — ответил он гордо, — я — благородный!

А вот Асмер живет в достатке, определил я, когда подошел к его дому. Можно сказать, в сравнении с Рудольфом купается в роскоши. Окна в его горницах из пластин рога, распиленного и отшлифованного до толщины тончайшей льдинки, и через них виден не только свет факелов за окном, но можно различать даже людей и коней.

Вместо очага, что у Рудольфа, здесь настоящая печь, жарко полыхают две жаровни, а сам пол не земляной, не глиняный, а из настоящих досок, плотно подогнанных так, что в щель не просунуть и палец. Сам пол блистает, гладко выструганный и вымытый, от него пахнет сеном.

На широких мисниках, кроме глиняных кувшинов, три медные миски и тарелки. Все оловянные, есть даже медные, а из ложек я заметил одну серебряную. В опочивальне пол покрывают огромные рыжие туры и серые медвежьи шкуры, а во второй горнице, где Асмер изволит трапезовать, у стола кабаньи шкуры с толстой кожей и негнушейся щетиной.

В боковой комнате ровными рядами висят связки лисьих и куньих шкур. Волчьи и бобровые хранятся отдельно, рядом с сушильной, где желтыми восковыми кругами гроздятся глыбы сыра, дальше тянутся бочки меда, воска, муки, корзины с сушеными грибами.

На меня начали коситься с подозрением — слишком долго брожу и все рассматриваю. Пожилая женщина наконец вспомнила, где сейчас может быть их хозяин, явно соврала, ибо я убил не меньше часа на поиски, а потом Асмер сам заявился домой, сытый и чуть пьяный. Я поспешно перехватил его в коридоре, вытащил в просторный холл, где на стенах висит во всей жуткой красе весь арсенал, еще страшнее, чем у Рудольфа, прошептал:

— Асмер, выручай! Здесь ты выглядишь прямо Аристом среди спартанцев и разных троянцев. Это значит, умный ты, понял? Ну, выглядишь умным. А раз умный, ты не бросайся на меня с кулаками, ладно? И руку от ножа убери. И вообще лучше отойди подальше от этой стены, на нее смотреть страшно...

Асмер хоть и умный, но понял мои слова насчет стены как шутку, кто ж из нормальных мужчин не смотрит на стену с оружием без капанья слюней из пасти и состояния, близкого к оргазму.

— Ну, — поощрил он, — говори. Пока убивать не буду.

— Асмер, — сказал я осторожно, — мы еще когда везли мощи... знал бы, что там камни, кто б меня заставил тащить телегу, как я ее тащил?.. Так вот ты как-то ругнулся одним нехорошим словом... потом я его слышал от Бернарда... А здесь, когда я пытался у одного спросить, кто такие эти... ну... Асмер, держи себя в руках!.. спросить, кто такие оборотники, он меня чуть не убил!

Асмер поморщился: одно дело назвать кого-то дерьмом, другое — рассказывать подробно состав этого дерьма, объяснять цвет и запах.

— Да знаю, у кого ты спрашивал. Уже слышал...

Я поежился.

— Что, все уже знают?

— Да нет, — успокоил он, — просто это мой приятель. У него оборотники увели жену. Нет, не убили, а просто соблазнили и увели. До этого на их ладную семью любовались, ставили в пример, никто бы не подумал, что она может уйти... добровольно. И сколько ему ни объясняли, что оборотники пользуются нечистыми чарами, он все равно в ярости, винит себя, а если удастся где изловить оборотника, то он там первый...

— Зачем? — спросил я наивно.

Асмер взглянул с изумлением. Усмехнулся.

— К оборотникам неприменимы обычные нормы чести. Их можно пытать и казнить, несмотря даже на то, что на ином оборотнике могут быть хорошие доспехи и подлинный рыцарский пояс.

— Ого, — сказал я, мотая на ус, что оборотники могут занимать высокие посты. — Жесткая у вас идет чистка рядов.

Асмер зло отмахнулся.

— Если тебе так не терпится узнать о них побольше, иди к Беольдру. Хотя не знаю, зачем тебе такая гадость! Их надо убивать, убивать и убивать, как только увидишь.

Мое сердце радостно застучало.

— А где этот Беольдр? Во дворце?

— В оружейной, понятно, — буркнул Асмер. — В королевской.

— Еще не спит?

— Я не знаю, ложится ли он когда вообще!

Гремя железом, он прошел в дом, я слышал за дверью радостные восклицания слуг. А я тихонько выскользнул из дома. Где находится главная королевская оружейная, уже знаю, видел.

У меня все-таки чересчур современное представление о королевстве, королях и обо всем, что с ними в сцепке. Элитное даже, а то и элитарное. Подсознательно королевскую оружейную представляю как петербургский арсенал времен Петра Великого, а то и Николая Второго, забывая, что королевства в Европе в основном бывали мельче и бед-

нее скотного двора захудалого русского помещика, но все-таки гордо звались королевствами. Это у нас княжества занимали территории, где могли бы разместиться пять Франций и семь Англий, не говоря уже про всякие Нидерланды, и армии могли выставить по сто тысяч человек, в том числе конные, пешие и морские силы, но с русской уничижительностью перед иностранным именовались всего лишь княжествами...

Королевская оружейная занимала небольшой одноэтажный дом, продолговатый, с решетками на окнах. В ней пахло железом и смертью. Чтобы в нее попасть, пришлось пройти через две просторнейшие кузницы, где в багровом тумане страшно лупили по багровым полосам железа огромные молоты. От могучих фигур молотобойцев несло таким жаром, словно их тоже недавно сковали из раскаленного металла. Подручные то и дело уносили исправленное оружие в оружейную, а оттуда несли, как я понял, на перековку. Плечи передернулись — все железо хранит следы от рубящего, колющего, клюющего, а то и вовсе смяты неведомой силой, покрыты окалиной, изъедены глубокими оспинами, будто попали под дождь из кислоты.

В королевской оружейной под стеной расположилось с десяток примитивных станков, за ними трудились десять мастеров и пятеро подмастерьев. Я успел увидеть, с какой скоростью из-под их рук выходят доспехи, кольчуги, шлемы.

Я поспрашивал Беольдра, но королевского брата в оружейной не оказалось. Мое сердце упало, он мог в такое позднее время забрести и в таверну, там кроме вина есть и женщины, но мне кивнули на большую комнату на той стороне мастерской. Ее можно бы назвать складом, вдоль стен угрюмо стоят, связанные пучками, как снопы, охапки копий и дротиков, на лавках и широких столах высятся кучи топоров, мечей, кинжалов — уже поправленные, со следами жестоких ударов по железу... а на стенах... на стенах — настоящее оружие!

Я сразу понял, что это и есть оружие героев. Даже я, интеллигент, хуже того — русский интеллигент, как бы

стыдливо ни открешивался от этого позорнейшего из прозвищ, но и я постоял с раскрытым ртом, глядя на все эти лезвия, рукояти, кольца, на весь этот блеск и всю эту гремющую мощь. Вообще-то сама интеллигентность на человеке — такая тонкая шкурка, а уж разновидность русской интеллигентности так и вовсе тоньше пленки мыльного пузыря, а что под этой пленкой, уже видно хотя бы по мне: убиваю и не дрогну веком. Даже ресницей не дрогну.

Из этой особой оружейной вела еще одна дверь — явно маленькая кладовка. Оттуда, пригибаясь, вышел непомерно высокий человек с черными волосами до плеч. Я вздрогнул и отступил, мужчина оказался на голову выше, неимоверно худ, но широкие плечи и толстые жилы говорили о немалой силе. На широком поясе — меч и два ножа.

— Здравствуйте, — сказал я торопливо. — Простите, сэр Беольдр, я вас не узнал сразу. Здесь вы совсем другой, чем рядом с королем в тронном зале. Собственно, о чем это я? Простите, увидел вас, сразу все из головы выпорхнуло при виде вашего величия... вы, как царь Петр, что все сам, все сам! И ковал, и лепил, и бороды резал. О вас, ваша милость, говорят, что вы самый большой знаток того, что делается за стенами крепости.

Беольдр хмыкнул.

— Так говорят?

— Да, — солгал я снова, а потом подумал, что это, возможно, и не ложь вовсе. — Не знаю только, почему...

Беольдр смерил меня недружелюбным взглядом.

— Потому, что только я могу общаться с нечистью и не пачкаться! Понял? Конечно, кто-нибудь может еще, я не один такой, но король не хочет рисковать. Священник сказал, что к алмазу никакая грязь не пристает! Понял?

— Понял, — ответил я с великим уважением. — Вы в самом деле... подвижник!

— Что-что?

— Я говорю, — сказал я торопливо, — что уйти в пещеру и там предаваться аскезе могут многие... ну, пусть не многие, но все-таки таких десятки, если не сотни. Но жить

среди людей, среди не совсем чистых и не совсем честных, среди толстых распутных баб и оставаться целомудренным... Я преклоняюсь, сэр!

Он с небрежностью отмахнулся.

— Что ты хочешь?

— Поехать с вами, сэр!

Глаза его хмуро блеснули. Он смерил меня подозрительным взглядом.

— Ты?

— Сэр, — сказал я торопливо, — я небольшая потеря, если меня там сожрут или как-то еще сгину в хищных лапах оборотников. У меня здесь никого нет, я не оставляю рыдающую вдову и кучу голодных детей. И воин из меня еще никакой... Зато я, человек из дальних земель, может быть, увижу такое, что не видите вы...

Он насупился, но грудь, напротив, раздалась, словно для недовольного рыка. Но брат короля сдержался, спросил коротко, хотя угрозу я все равно уловил:

— Почему это?

— Глаза замыливаются, — ответил я еще торопливее. — Привычное перестает замечать. Вдруг я...

Он смотрел вопросительно, но я умолк. Он помолчал, качнул огромной, как башня танка, головой.

— Мне говорили... ты в поездке оказался полезен.

— Нехорошо хвастаться, — ответил я скромно, — но я оказался даже очень полезен... Как я понял, оборотники — это такие дилеры, да? Нет, даже просто посредники. Мы привозим им свои вещи и договариваемся, что хотим получить. А оборотники договариваются с гномами, эльфами и прочими... потомками неандертальцев. Конечно, снимают свой процент... которого мы не знаем. Может быть, это вообще выше крыши. А не проще ли кинуть посредника...

— Как? — не понял он.

— Лучше через что, — ответил я. — Посредники нужны только на начальных этапах, потом от них избавляются. Экономится немалая часть прибыли, исчезает эффект испорченного телефона. Да и все в своих руках, не зависишь от такого-то... оборотника.

Он уже готовился возражать, но, когда я сказал, что можно будет не зависеть от проклятых оборотников, задумался.

— Да, — вымолвил наконец, — да... Не зависеть от этих гадов, что еще хуже тварей, с которыми торгуем... Но, с другой стороны...

— Что? — спросил я. — Что не нравится?

— Но тогда ж придется общаться с гадами самим, — ответил он с омерзением. — А Святая Церковь не допустит, чтобы мы пали так низко. Оборотники — хотя бы люди... или в людской личине! А там вовсе рожи... Нет, парень, я не могу тебя взять. Это будет преступлением.

— У меня не самые лучшие доспехи, — сказал я с отчаянием, — и я не самый лучший в мире боец... Но у меня хороший конь, что умеет сражаться лучше меня... у меня меч, выкованный гномами!.. и молот, который сокрушит любого, будь он хоть трижды оборотником, перевертнйком или кувыркальником! Клянусь, ваша милость, у вас не было еще такого верного и преданного спутника.

Он внимательно рассматривал меня из-под широких кустистых бровей, похожих на ветви терновника. В глазах блеснули хищные искры, ноздри дернулись, но сказал ровным спокойным голосом:

— В таких поездках у меня вообще не бывает спутников.

— Так вы берете меня с собой?

— Нет, — отрезал он. И добавил сурово: — Но я разрешаю тебе ехать, если тебя отпускает твой хозяин.

— Отлично, — выдохнул я. — Бернард дал мне недельку на отдых.

Он покачал головой.

— Отдых? Что за странное слово...

Глава 4

На другой день утром я зачарованно рассматривал копьё, настоящее рыцарское копьё: длинное, толстое, с широким стальным острием, а на середине древка — чашеобразный упор для руки. Вообще-то я уже видел копьё, даже

рыцарские, но это же настоящее дерево, а не копьё! Я читал, что копьё Ахилла было целиком из молодого ясеня, но я понимаю, что тому ясеню могло быть пару лет отроду, и все дерево доросло мне до колена, но это... это же настоящая секвойя!

Беольдр посмотрел на мое восторженное лицо, буркнул:
— До копья ты еще не дорос. Поддай мне.

Рыцарское копьё, вспомнил я, такой же признак рыцаря, как и золоченые шпоры или рыцарский пояс. А я рылом не вышел для благородного оружия. Правда, на фиг копьё тому, у кого гранатомет... то бишь, летающий молот?

Оруженосец Беольдра хмуро швырнул на стол вязаную рубашку, кафтан из толстого полотна, кольчугу.

— Наденешь под доспех, — распорядился он с неприязнью.

— Спасибо, — сказал я. — Не сердись, в другой раз господин возьмет тебя.

Он молча отвернулся, внес и опустил на лавку щит, овальный, с выемкой вместо левого верхнего края. Странный герб: три башни на черном фоне, из башен бьют лучи наподобие лазерных. Или прожекторных.

— Что за герб? — рискнул я спросить, но слуга ушел молча, а Беольдр взглянул с недоумением и продолжал долгий процесс облачения в железо.

Я подумал, что это явно трофей, вот следы ударом топора, но щит неплох, из хорошего дерева, металлические полосы окантовки широки и прибиты толстыми гвоздями. С внутренней стороны концы аккуратно загнуты, так что не выпадут.

Кольчуга простая, из стальных колец, кольца показались крупноваты, зато шлем с крыльями по бокам, закрывающими уши и челюсти, настоящее стальное забрало с простой щелью для глаз. Оруженосец помог Беольдру свести вместе и застегнуть железные пластины на спине, потом с явной неохотой помог мне, но долг есть долг, я еду с его хозяином в опасный лес, а значит, в этот момент я несколько выше. И, кроме того, могу пригодиться его хозяи-

ну. А когда вернусь, ко мне можно будет придраться в пивной и дать в морду.

Я чувствовал себя глупо, когда поднимался на жеребца с высокого седального камня. В походе со святыми мощами я научился не только кое-как влезать на коня, но к концу поездки вообще вскакивал с разбегу, благо рост позволял, но здесь и конь таков, что язык не поворачивается называть лошадью, и вместо тонкой полотняной рубашки — толстый свитер, поверх которого стальной корпус доспехов, больше похожий на танковую броню.

Беольдр вообще взобрался на коня с помощью двух оруженосцев. В блистающих доспехах он выглядел как башня из железа. С плеч спадал широкий красный плащ с крестом на спине, конь оказался им укрыт по самую репицу хвоста.

— Не передумал? — прогудел он. Забрало оставалось поднятым, но голос все равно стал еще гуще, словно резонировал в Царь-колоколе. — А то можно и остаться...

— Одно непонятно, — присипел я.

— Что?

— Что делать, когда спина чешется?

Он захохотал гулко, конь под ним качнулся и двинулся к выходу из замка. Мы выехали из ворот замка, воины молча салютовали Беольдру. На него смотрели с обожанием, но и я уловил пару заинтересованных взглядов. Конь мой почти не уступает беольдровскому, да и я ненамного мельче этого гиганта.

У городских ворот нас ждали два тяжело нагруженных коня. Раздутые седельные мешки свисали с обеих сторон, с такими конями в густом лесу не пройти. Беольдр кивнул, жестом велел мне взять их на длинный повод.

Начальник стражи предупредил, что ночью подходила стая слишком крупных волков — явно оборотни. С рассветом ушли, но могут затаиться в лесу. Беольдр поблагодарил, на что ошесчастливленные стражи прокричали что-то вроде «Рады стараться, ваше благородие!».

Дорога от Зорра пошла прямо к лесу, но Беольдр свер-

нул на менее протоптанную, что пугливо огибала темную громаду деревьев по широкой дуге. Как ни отважен Беольдр, подумал я с уважением, но не дурак, напрасно в драки не лезет. Простые волки или оборотни, но мудрее все решать без драки.

Деревья стояли ровно и настолько плотно одно к другому, что казались стеной, за которой скрывается неведомый мир. Пахнуло прохладой, прелыми листьями. Я в самом деле ощутил, как все тело чешется, вязаная рубашка от пота уже липкая, словно ее вывозили в сырой глине.

Беольдр пустил коня вдоль этой древесной стены, так похожей на городскую, я торопливо ткнул своего коня пятками в бока. Проехали не дальше, чем на полет стрелы, в глаза бросился зияющий пролом в стене леса. Одно громадное дерево, в три обхвата, рухнуло, сгнило, рассыпалось в коричневую пыль, но меня не оставляло ощущение, что это именно пролом. Не может такое дерево вот так просто сгнуться. Не засохнуть, не сгнуть на корню, не превратиться в ржавую пыль, не оставив после себя даже долго гниющего ствола — убежища жуков, долгоножек, муравьев, сколопендр и кивсяков.

Конь радостно вломился из сухого мира безжалостного солнца в мир влажный и темный. За передней линией деревьев я заметил такие же великаны, но между ними мелькнула и спряталась протоптанная тропка...

Волосы на затылке зашевелились раньше, чем я понял, что напугало. Тропка явно звериная, но я уже умею издали отличать следы копыт кабана от копыт оленя, а здесь на утоптанной до твердости камня земле ясно видны царапины от гигантских когтей. Судя по расстоянию между когтями, зверь ростом с моего коня.

Я сказал дрожащим голосом:

— Ваша милость, мне кажется... за нами следят...

Беольдр ответил, не поворачивая головы:

— Конечно! Вот оттуда и вон оттуда!

Я вздохнул, сказал с укором:

— Ваша милость умеет подбодрить...

Мы не проехали еще и десяток миль, а я в этих доспехах уже устал, все тело ноет, кости стонут, вдобавок зачем-то хотелось есть. Беольдр со своим конем двигались впереди все такие же ровные, недвижимые, не человек и конь, а статуя из металла. Я тихонько простонал от жалости к самому себе. В моем мегаполисе мускулы совсем не нужны, скорее, наоборот, мишень для насмешек, мы ж все — интеллектуалы, у нас чем меньше мышц — тем интеллектуальнее. По крайней мере, злее к тем, у кого они есть. В мегаполисе спокойно, защищено, за всем следит милиция, а как бы много я ни проработал, сидя в уютном кресле, никогда так не уставал, как сейчас за одну поездку.

Я тихонько всхлипнул от жалости к себе. Рука дернулась, чтобы вытереть слезы. Железная перчатка звонко стукнула по опущенному забралу. Я сердито поднял решетку, неуклюже потыкал пальцем, ловя слезинку.

Беольдр, не оборачиваясь, бросил:

— Опusti забрало!

Я сказал сердито:

— Так никого же нет! Успею, как только где хрустнет хотя бы ветка...

Беольдр неожиданно согласился:

— Как хочешь. Меньше мороки будет.

Я вспомнил разговоры прислуги, что привезли в замок любимчика, который оказал какую-то услугу принцессе, и теперь с ним нянчатся, особые условия создают...

Беольдр даже заставил коня идти быстрее, словно хотел, чтобы новичок отстал и заблудился, чтоб его волки съели, но только бы избавить настоящих мужчин от такой обузы. Я всхлипнул уже молча, тряхнул головой и тут же пожалел об этом, ибо железная пластина с прорезями для глаз опустилась с громким металлическим лязгом, и Беольдр наверняка услышал.

Беольдр ехал в задумчивости, но, когда дорога пошла в гору, встрепенулся, железо громынуло, а конь фыркнул и раздраженно мотнул гривой.

— От этой горки, — сказал он, — осталось всего с полмили...

— А как будем меняться? — спросил я.

— Как? Сойдемся, поторгуемся...

— Ого, — проговорил я, — а я слышал, что надо положить в условленном месте, а на другой день забрать... Так меняли стеклянные бусы на золотые самородки. Или жемчужины.

— Какой же дурак станет менять стеклянные бусы, — удивился Беольдр, — на золото? Разве что золота привезут гору...

Я вспомнил, что когда начали добывать алюминий, то королевы из него делали брошки, ибо алюминий был тогда в сотни раз дороже золота. Похоже, здесь те же проблемы со стеклом.

— Гм, — сказал я, — гм... Но с ними можно вот так? Напрямую?

— Разве что с гномами, — объяснил Беольдр. — Да с эльфами. Гномы да эльфы — просто лесной народ, а не какая-то нечисть. Потому с ними можно общаться, хотя священник и смотрит косо. Не запрещает, но и не разрешает.

— А как?

— Осуждает, — пояснил Беольдр. — Просто осуждает.

Я хотел почесать затылок, но железные пальцы со стуком ударились о стальной шлем. Впереди Беольдр остановил коня. Я видел, что он осматривался, не понял, в чем дело, пока не подъехал ближе. Тропку перегородила паутина. Серебристая паутина, на такую часто натыкаешься в подмосковных лесах. Симметричная, ажурная... нет, с нитями толщиной в палец не выглядит ажурной. Из «Что, где, когда...» знаю, что любая паутинка в сотни раз прочнее самой высокосортной стали того же диаметра, так что на преградивших дорогу нитях можно подвешивать целые гирлянды сверхтяжелых танков. А если еще и клей на нитях под стать паутине...

— Придется возвращаться до поворота, — зло сказал Беольдр. — Груженные кони не пройдут...

— Да и мы, — пробормотал я.

— В прошлый раз этого не было, — сказал Беольдр раздраженно. — Наглеет нечисть, наглеет....

— Что-то новое пробралось в эти леса?

— Как видишь.

Деревья с обеих сторон тропки стоят плотно, не прорежься. А прорежься, так дальше завалы, вывороченные деревья корнями кверху, вершинки — как нацеленные в тебя пики и острейшие сучья, что смотрят как рога носорогов, выискивая уязвимые места, чтобы вспороть брюхо мне и моему коню.

Я вытащил молот из мешка. Глаза Беольдра сузились, пальцы легли на рукоять меча. Рукоять показалась мне теплой, молот ластился, как верный пес. Я швырнул, держа глазами ствол в два обхвата, на уровне моих колен, если бы стоял на земле, именно там прикреплена самая толстая нить...

Молот вспорол воздух с треском взлетающей стаи голубей. Затем сильный удар, земля дрогнула, оглушающий сухой треск. Во все стороны брызнули оранжевые как медовые соты осколки, а могучий ствол подпрыгнул и осел на пень, затем начал медленно клониться в нашу сторону...

— Назад! — заорал Беольдр дико.

Поворачивать было некогда, он заставил коня пятиться, дерево падало, казалось, прямо на нас, я застыл с открытым ртом... Дерево с грохотом повалилось наискось тропинки. К счастью, в таких лесах ветки собираются как можно ближе к вершинам, чтобы захватить побольше солнца, так что дорогу сейчас преградило только толстое бревно, а ветки оказались там, дальше. Внизу из-под сбитой щелы злобно блестели остатки паутины, что-то зашелестело. Я увидел мохнатую ногу с коготками на концах. Нога выглядела размером с кошачью.

Беольдр слез с коня и, взяв под уздцы, заставил перебраться на ту сторону бревна. Я кое-как засунул трясущиеся руками молот в мешок. Довыпендривался, идиот, позер. Конь за мной не шел, упирался, я изо всех сил тащил

его за узду, едва не оторвал голову, и только тогда этот серый гигант изволил перешагнуть бревно, хотя ему с его ростом это проще, чем мне в моей бронетранспортерной броне.

Беольдр не промолвил ни слова. Я ехал за ним, стараясь понять, как он расценил мой поступок — как молодецкий или дурацкий? Конечно, с моей точки зрения понятно, что это за поступок, но здесь, в рыцарском мире, логика наверняка иная...

Из глубины леса то и дело раздавался далекий вой. Беольдр не обращал внимания, я наконец перестал вздрагивать, и тут Беольдр, не останавливая коня, спокойно вытащил меч. Я посмотрел на его металлическую фигуру, по коже пробежал озноб. Это он весь в железе, а я... все равно я голый даже в железе. И мне страшно.

За деревьями явно что-то пряталось. Нет, хуже: перебегало от ствола к стволу. Пока волки воют вдаль, отвлекая внимание, мол, мы ж очень далеко, расслабьтесь, их сообщники уже тут, уже подкрадываются. Я начал всматриваться в полутьму, волосы зашевелились, словно прорастают, как при ускоренной съемке. Там не перебегало, а перебегали. Десятки странных тварей. Даже я, человек моего века, то есть без осязания, обоняния, с ослабленным зрением от сидения перед дисплеем и оглохший от рева hi-end колонок, чувствую со стороны этих существ не только смертельную угрозу, но даже смрад, слышу, как отвратительно шелестят их когти по мху и жухлым листьям, цокают по корням дерева, жутко скрипят, когда наступают на кости павших раньше, чем мы.

Моя рука суетливо вытащила молот — это уже рефлекс, но я усилием воли заставил ее сунуть обратно, а пальцам подняться к левому плечу. Рукоять меча ловко втиснула голову в ладонь, как преданный пес, выпрашивая ласку. Молот — могучее оружие, что-то вроде «стингера», а то и крылатой ракеты, но в ближнем бою он успеет «выстрелить» только один раз, слишком широкая и медленная у него «мертвая петля» и боевой разворот, мне бы больше подошел скорострельный «калаш»...

Я старался перебороть холодный ужас, привстал в стремени, чтобы казаться выше, взмахнул мечом, едва не срезав коню голову. Меч легок, но все же я чувствую в руке успокаивающую тяжесть, а по холодному лезвию проструились голубоватые змейки, ушли в рукоять, а я вроде бы ощутил прилив сил, в то время как ужас начал перерастать в злость.

Голову задрать не удавалось, но я видел, что тучи стали еще плотнее, иначе солнечный свет отогнал бы демонов от тропки. Деревья впереди чуточку раздвинулись. Беольдр оглянулся, мы встретились глазами, он чуть наклонил огромную железную башню. Мы уже видели, где нападут...

...и встретили холодной сталью. От страха в моей голове крутились только слова, которые я сам себе твердил всю дорогу: двигаться как можно быстрее! Как можно быстрее... еще быстрее...

Демоны набрасывались молча, мы так же молча, сберегая дыхание, рубились, держа коней рядом и не давая вклиниться между нами. Я чувствовал себя, как на бойне, ибо лезвие меча рассекало не бурдюки, наполненные гноем, как я представлял, а могучие тела из костей и мяса. Кровь хлещет темная, но это в полумраке, а так явно красная, а из разрубленных туш торчат белые, явно дворянские кости...

Меня толкали, пытались сшибить с коня, хватали за ноги, повисали на плечах, руках, но удивительное лезвие рассекало их с такой легкостью, словно тела состояли из окрашенного красным снега. Гигантские такие снежки, а меч у меня... раскаленный, что ли...

Я задыхался от усталости, пот заливал глаза. Внезапно демоны отступили, попятились, скрылись за деревьями. Беольдр с усилием поднял меч и ткнул в спину убегающей твари. Она вздрогнула всем телом, красиво вскинула лапы в безмолвном укоре на предательский удар, рухнула вниз мордой, едва не утащив с собой Беольдра.

Он ругнулся, голос дрожит, медленно повернул голову в мою сторону. Сквозь прорезь забрала я увидел измученные глаза, как и у меня, залитые потом.

— Хорошо, — выдавил он. — Хорошо, парень... Теперь верю, что не зря навязался на мою голову.

— Они за деревьями, — предостерег я.

— Не нападут, — ответил он сиплым усталым голосом. — Мы перебили почти всех... Это так, ошметки...

Кони с грузом дрожали, но не убегали, хотя я повод, понятно, выпустил сразу. Окровавленные трупы тварей лежат по обе стороны тропки, а также спереди и сзади. И не просто отдельные трупы, их навалено кучами, словно намеревались остановить своими телами вторжение. Цокот копыт сменился хлюпаньем, кони по шиколотку шли по крови, та не успевала всасываться под корни деревьев. Стволы стали темно-красными, даже с нижних веток срывались тяжелые пурпурные капли.

— Хорошо бы, — ответил я. — Мне совсем не хочется драться.

Он усмехнулся в ответ на неожиданное признание. Явно ожидал, что распушу павлиний хвост и буду хвастаться, что вот прямо сейчас готов перебить всех демонов на свете.

— Мне тоже. Поверишь, чуть ли не впервые...

Он заставил коня переступить через трупы, мой последовал без всяких колебаний. Кровь медленно стекает по доспехам Беольдра, они снова тускло блестят, но все равно придется выковыривать застывшие сгустки из сочленений, иначе с невероятной скоростью разведутся не только мухи, но и черви. Да и самим доспехам мелкий ремонт не помешает, кое-где погнуто, процарапано почти насквозь, даже разрублено, хотя ума не приложу, чем...

Когда на расширении дороги я поехал рядом с ним, он сказал, не поворачивая головы:

— Что у тебя за меч, парень?

— Да так, — ответил я независимо. — Вбил одного по ноздри в землю... а меч забрал.

Он повернул голову, я снова увидел строгие глаза.

— Так просто?

— Почему нет? — удивился я. — Я что, не орел?

— Орел, — согласился он. — Но твой меч рассекал де-

мона от макушки и до пояса, даже когда ты бил без замаха... Это уже не ты, а твой меч.

— Хороший меч, — согласился я. — Говорят, его ковали гномы. Кстати, такой же точно у брата этого... которого я по ноздри. Даже еще лучше! По крайней мере, рукоять в золоте, а у этого — простая. Теперь этот братец везде меня ищет. Горит, значит, огнем братской мести.

Он спросил заинтересованно:

— Такой же у брата? Интересно. Как зовут, говоришь, брата?

— Улаф, — ответил я злорадно.

Даже сквозь узкую щель в забрале я видел, как глаза Беольдра расширились, а сам он чуть вздрогнул и отшатнулся. Мы некоторое время ехали молча, потом Беольдр переспросил:

— А как звали этого... которого ты по ноздри? Ты в самом деле... ну, по ноздри...

Я вспомнил, с какой высоты падал сраженный, да еще в его тяжелых доспехах, как воочию увидел яму, выбитую его телом, ответил:

— Да нет, это ж так говорится...

— Я так и думал, — выдохнул Беольдр.

— ...на самом деле я вбил его глубже, — закончил я. — Но меч у него выпал, к счастью. Не пришлось лезть в яму. Как зовут, не спрашивал. У меня ж голова моя, а не конячья? Я вон и демонов не спрашивал...

Он покачал головой, ничего не сказал в укор, что, мол, рыцари так не поступают, они обязательно дознаются про герб и титулы, а сраженный мною был рыцарем, хоть и перешедшим на сторону Тьмы, смолчал, ехал молча, хотя я не раз ловил на себе взгляд его задумчивых глаз.

— И все-таки, — произнес он внезапно, возвращаясь к своим мыслям, — как бы они ни клялись верности Хаосу... но даже для того чтобы творить Хаос, они сперва вводят Порядок. Закон. Власть!.. Даже там, где их никогда не было.

— Вы о чем, ваша милость? — спросил я.

— Демоны, — ответил он, — как и прочая нечисть, никогда не охотились стаями...

— Ага, — сказал я понимающе, — как кошки.

Он взглянул остро, наконец понял, о чем я, кивнул.

— Да. Потребовалась чья-то могучая воля, чтобы заставить этих кошек стать собаками. С кошками справиться легко... Не только потому, что поодиночке, но они сами нападали друг на друга. Теперь ходят стаями, помогают, взаимодействуют.

В лицо пахнуло смрадом. Зеленые деревья еще плыли навстречу, полные жизни, света, по коричневой коре ползают толстые красивые жуки, вытекающий сок облепили цветные бабочки, птицы часто шмыгают над головами, весело стрекочут...

...но чистые деревья расступились, смрад стал плотнее, а впереди стволы почерневшие, гниющие. Голые ветки угрожающе воздеты к небу, кора отвалилась, а оголенные тела деревьев отвратительно блестят, словно покрыты слизью тысяч улиток. Вместо травы только темная неподвижная масса, хуже перепрелых листьев и даже гниющего мха, нечто отвратительное, мертвое, гадкое...

В одном месте приподнялось нечто вроде моховой кочки, пыхнуло желтым облачком пара с неприятным звуком. Кочка опала, докатился запах воню. Я ощутил, как дыхание становится чаще, а сердце ускоряет бег.

Беольдр пустил коня прямо через гниль. Я заколебался, непонятный страх сковал все тело. Конь тоже вздрогнул и запрядал ушами. Возникло ощущение, что некто рассматривает меня в огромную лупу.

Беольдр оглянулся уже за десяток шагов.

— Что? Не по себе?

Я заставил онемевшие колени ткнуть коня в бока.

— Да так... противно.

— Ничего, это только пятна, — сказал он холодно. — Это значит, какой-то дряни удалось закрепиться... Эх, куда бы священника! Враз бы молитвой... А то и единым словом...

— Это дело демонов?

Я догнал его, наши кони тоже шли торопливо, временами переходя в галоп. Наконец впереди среди гнили блеснула зелень, кони ускорились еще, и мы влетели в зеленый живой лес, где в ушах сразу зазвенело от птичьего щебета, где запахло живицей, близкими медовыми сотами, свежей землей от кротовой кучи.

— Да, — ответил Беольдр. — Если они закрепятся, весь лес станет таким. А потом и не только лес.

С каждым шагом свет мерк, словно наступало солнечное затмение. Зеленые деревья сменились сухими, мертвыми, а дальше вдоль тропы потянулись искореженные гниющие деревья. Я не понимал, что за сила их так искалечила, ибо для того, чтобы вот так изогнуть столетний дуб, надо травить его ядерными отходами лет тридцать, но, по Беольдру, еще год-два тому назад здесь было чисто.

Деревья изогнулись, как в жутком застарелом ревматизме, ветви в болезненных наплывах, кора отвалилась, в прогнившей древесине зияют дупла, оттуда несет гнилью. Под ногами все то же темное месиво, бывшее листьями, мхом, а теперь зловонная жижа, что живет своей жизнью, не отвердевая и не высыхая.

— Уже скоро, — сказал Беольдр напряженно. — Пусть кони отдохнут, а то нам может понадобится вся их скорость. И сила.

— Придется драться?

— А то и удирать, — ответил он абсолютно серьезным голосом.

— И такое здесь бывает?

— Теперь — да.

Он тяжело слез с коня возле огромного ствола павшего дерева, а я поспешно начал сооружать костер. Тело ныло, жаловалось на железную скорлупу доспехов. Беольдр расседлал коней, подвязал к мордам сумки с овсом.

Пламя поднялось, охватило поленья, и сразу же в темном лесу за кругом оранжевого света стало совсем темно,

словно наступила ночь. Запах гнили усилился, потянуло болотным смрадом. Беольдр подошел, сел рядом... и тут же в полной тиши неестественно громко хрустнула ветка. Я чуть не подпрыгнул, а сердце заколотилось, как единственная монетка в копилке нетерпеливого ребенка. Роскошный костер уменьшился, огонь трусливо прижался к поленьям. Освещенный круг резко сузился, а в подступившей тьме блеснули горящие желтым, словно гнилушки, широко расставленные глаза.

За спиной характерно звякнул выдвигаемый из ножен рыцарский меч. Я напряг зрение, из мглы выступили смутные очертания существ, от вида которых бросило в дрожь. Лишь немногие на двух ногах, часть — на четырех, остальные же либо на множестве конечностей, либо вообще брюхом на гнилой земле, кто придвигается по-змеиному, кто — как гусеницы, кто — вообще невообразимо как. Нет двух одинаковых, полная свобода, полнейшая, и потому в моем черепе болезненно кольнуло какое-то странное противоречие. Хаос — это свобода, освобождение, сперва от обязательной формы, потом вообще... от всего...

Беольдр прошептал сзади:

— Сейчас бросятся... Но, может быть, стоит упредить хотя бы парочку... твоей нечестивой штукой?

Я вздрогнул, за моей спиной яростный поборник Формы, застывшего Порядка, Упорядоченности, Иерархии, Строгой Подчиненности... и я с ним... почему-то с ним...

Пальцы сорвали с пояса молот.

— Бей! — прошептал я. — Как можно сильнее!.. Убей как можно больше!

Молот пронесся подобно летящей ракете. Мне показалось, что за ним остается инверсионный след. В темноте послышался сильный чавкающий удар. Я поймал за скользкую рукоять и швырнул снова. И снова. И снова.

Беольдр уже стоял с мечом наготове, щитом прикрыл грудь и левое плечо. Рукоять молота со звучным чавком вцепилась в ладонь. Во все стороны брызнула слизь. Я замахнулся в полутьму, Беольдр сказал:

— Не стоит. Они ушли.

Молот тяжело пополз к земле. Я разжал пальцы, слизью забрызгано до локтя, молот тяжело бухнулся оземь. Беольдр с сочувствием смотрел, как я вытираю ладони о траву. Правая рука с мечом поднялась, большой палец поддел забрало. Да, в самом деле смотрит с сочувствием, не почудилось.

— Что, — сказал я, — эти гады ядовитые? А то пальцы щиплет. Будто медузу из моря вытащил.

— Ты жил у моря? — удивился он.

— Да нет, — ответил я рассеянно. — Летал туда пару раз...

Осекся, торопливо сорвал листья с куста, все время чувствовал на себе острый взгляд Беольдра.

— Летал, — сказал Беольдр у меня за спиной. — Гм...

— Во сне, ваша милость, — ответил я торопливо. — Во сне! Я часто летаю. Вон спросите Ланселота. Или Бернарда. Даже принцесса знает, что я прямо порхаю, даже распархиваю во сне!

Судя по звуку, Беольдр сунул меч в ножны. Потом шаги отдалились, я услышал недовольное ржание. Беольдр седлал коня, тот отдохнуть еще не успел, затем Беольдр подвел своего зверя к валежине. Я посмотрел на них и понял, что в этих доспехах тоже смогу взобраться на коня только с этого седального ствола.

Костер в гнилом воздухе угас раньше, чем я собрался загасить. В полутьме встал себя, как на гору, на спину этого проклятого коня, они только в кино подгибают колени перед раненым всадником... или это верблюды подгибают, но неважно, пусть хоть слоны, теперь никому не верю. Беольдр двинулся, казалось, в самую тьму. Мой конь качнулся и пошел следом.

Так мы проламывались сквозь гниль и мертвый лес еще с полчаса. Голые почерневшие стволы постепенно, по одному, начали заменяться живыми деревьями. В воздухе замелькали бабочки, сперва мелочь с обтрепанными крылышками, потом стандартные мотыльки, а затем уже появились огромные, как голуби, пугающе яркие. Грязь под

копытами сменилась сперва мхом, потом опавшими листьями, снова мхом — уже свежезеленым, а деревья двигались навстречу чистые, вымытые, со здоровой корой и сочными изумрудными листьями.

Беольдр сказал с облегчением:

— Наконец-то!

Между исполинскими деревьями начал мелькать свет. Беольдр поторопил усталого коня. Огромные трубы деревьев помчались за спину быстрее и быстрее. Впереди за деревьями расстилалось широкое поле, а когда мы выехали на опушку, на плечи прыгнуло настоящее солнце, принялось выжигать слизь и сырость из наших доспехов.

За полем — кольцо широкого и довольно высокого рва, в центре кольца возвышается замок. Почувявшие близкий отдых кони из последних сил пошли в галоп. Мой конь взнес меня на вершину рва, остановился так резко, что я едва не слетел через голову. Жуткая черная вода рва, гниль и смрад, пахнет таким же разложением, как и в зараженном лесу. Вода покрыта зеленой ряской и темной тиной, от нее тянет смертельным холодом, словно это вода космоса, но чувствуется, что в глубинах этой черноты живут страшные невиданные твари...

— Почему мост поднят? — пробормотал Беольдр. — Хозяин давно должен нас заметить...

Я вздрогнул от страшного рева. Беольдр трубил в длинный изогнутый рог. Щеки стали, как у самки лягушки в период течки, а на висках вздулись крупные голубые жилы, в которых, оказывается, течет благородная голубая кровь.

Тишина обрушилась звенящая, потом я сообразил, что это звенит у меня в ушах. В окнах сторожки над подъемным мостом по-прежнему никто не показывался. Я настороженно оглядывался. По мне так замок выглядит старым и древним, словно я смотрю на развалины Месопотамии, хотя, как я уже знал, люди пришли сюда совсем недавно. Стены потеряли цвет, камни то ли потрескались, то ли на них остались жуткие шрамы, между плитами зияют дыры. Четыре башенки с бойницами, но там пусто, а вид совсем

заброшенный, словно люди туда не поднимались с того дня, как их покинули строители.

— Это сейчас такой, — сказал Беольдр негромко.

— А раньше?

— Посмотри на стены. О них разбили головы многие завоеватели.

Послышался визг и скрип цепей. Мост начал опускаться. Беольдр выпрямился, копьё поднял и держал острием вверх. Я пробормотал:

— Даже не спросили, кто мы... Не ловушка?

— Меня узнали, — бросил он неприязненно.

Я покосился с недоумением — что за причина для неприязни? — потом понял, что крупнее Беольдра я вообще не видел рыцаря. И то, что я временами выгляжу вровень, вряд ли его приводит в восторг.

Мост загремел под конскими копытами. Массивные створки ворот пошли в стороны, похожие на крылья старой ночной бабочки: темные, истрепанные, в глубоких царапинах и пятнах. Открылся широкий двор, совершенно пустой, мертвый.

Беольдр проехал ровно настолько, чтобы сзади опустился мост. Рука нервно дернула повод, конь послушно остановился.

— Что-то не так? — спросил я.

— В прошлый приезд, — проронил он с подозрением, — вон за теми столами сидели купцы, а вон там крестьяне торговали... Нет, уже давно здесь не бывают странствующие монахи, фокусники, циркачи, менестрели, бродячие торговцы... но чтоб так пусто...

Огромный замок выглядел громадной величественной гробницей. Типа Тадж Махала, египетских пирамид или Мавзолея Ленина. Много камня, много труда, и все оставлено, заброшено, как заброшены в джунглях древние города из камня древних ариев, ацтеков, майя...

Беольдр приложил к губам рог, но тут издалека раздался сильный и веселый голос:

— Только не это! Твой рев способен разрушить замок!

Глава 5

С башни спустился невысокий крепкий человек. В простой одежде, с непокрытой головой, волосы торчат неприглаженные, одет небрежно, но шел к нам беспечно, без опаски, улыбался и показывал пустые ладони. Рукава рубашки закатаны до локтей, вид простецкий, как у менеджера, который среди работяг старается прослыть своим человеком.

Беольдр смерил его недоверчивым взглядом, человек улыбнулся еще шире. Беольдр наконец слез, конь с облегчением вздохнул. Беольдр шлепнул его по крупу:

— Иди в конюшню. Дорогу знаешь.

К моему удивлению, конь весело затрусил через двор. Человек подошел, глаза его смеялись, с интересом оглядел меня:

— Беольдр, друг! Приветствую... А это кого ты привез?

Обмениваться рукопожатием не стали, Беольдр смотрел с явной неприязнью. Буркнул:

— Его зовут Дик. Он хороший парень, но только давно не был на исповеди.

Хозяин замка широко улыбнулся.

— Меня зовут Терентон. Я вообще был на исповеди в далеком детстве. Добро пожаловать, сэр Ричард!.. Отпустите коня, он сам найдет дорогу.

— Сам? — не поверил я. — Он тут никогда не был!

Терентон улыбнулся еще шире, в глазах прыгали веселые огоньки.

— А вы проверьте!

Беольдр буркнул:

— Ладно, Терентон. Ты зубы не заговаривай. Приготовил?

— А ты привез?

— Рыцари никогда не обманывают, — отрезал Беольдр высокомерно.

Терентон возразил уклончиво:

— Давно не имел дела с рыцарями... Отвык.

Беольдр указал в сторону навьюченных коней. Терентон тут же направился к ним, Беольдр пошел следом, а я на всякий случай двинулся за своим конем к неведомой конюшне.

На той стороне двора перед конями распахнулись двери приземистого здания. Едва хвосты последний раз мелькнули на солнце и пропали в полумраке, двери захлопнулись с сухим резким стуком. Я подошел, поднял руку, чтобы стукнуть, но дверь снова вздрогнула, створки разлетелись в стороны, словно их отстрелили.

Я сделал шаг, остановился в смятении. По эту сторону двери никого. И непонятно, кто открывал. Оглянувшись, обе створки подрагивают в нерешительности. Видно, я стою на линии колдовского фотоэлемента. Поспешно шагнул вперед, за спиной с явным облегчением хлопнули двери.

В конюшне пахнет свежим сеном, овсом и даже мукой. В ближайших яслях не мука, правда, зато отборные зерна пшеницы, похожие на муравьиные коконы формика поликтена. Конь Беольдра уже пристроился к одной кормушке, а мой сперва напился воды — по желобу течет чистая прозрачная вода, настолько чистая, словно отфильтрованная через все современные перегородки.

Когда я побрел обратно, двери снова распахнулись передо мной с предупредительной почтительностью.

Солнце пошло на закат, через двор пролегли четкие темные тени. Беольдра не видно, зато навстречу попался Терентон. Он еще издали профессионально улыбнулся, мол, все о'кей, все поют, наша фирма надежная, все гарантии, репутация, международные связи, лобби в правительстве, родственники в налоговых органах...

— Беольдр отбирает товар, — успокоил он. — А как вам здесь, сэр Ричард?

— Непривычно, — признался я.

— Вы странный человек, — заметил он. Как мне показалось, вполне искренне. — Очень.

— Я?

— Почему так удивляетесь? Это я удивляюсь. Вы ни разу не перекрестились, как приехали. Не шепчете постоянно молитвы, не осеняете все крестным знамением... и вообще у вас лицо как лицо. Не перекошенное, я имею в виду.

Я кивнул.

— Понимаю. Нет, у вас все очень мило... Я хоть и не понимаю, как у вас все это делается, но очень мило. И удобно. Зимой, надеюсь, тепло?

— Как летом, — ответил он с гордостью.

— Здорово, — признался я. — Так это и есть результаты... оборотничества?

Он запнулся, посмотрел на меня с осторожностью, ответил медленно, тщательно подбирая слова:

— Я, простите, торговец... Авантюрист, если хотите. Я ввязываюсь в рискованные предприятия... но рискую, подчеркиваю это особо, только своей головой. Или душой, как утверждает аббат, но опять же заметьте — своей! Никого я не ставлю под удар...

Я развел руками, сам улыбнулся как можно шире, стараясь снять напряжение.

— Я не сужу вас. Я новый человек... в Зорре. Я просто хочу побольше понять. У меня нет предубеждений ни против оборотников, ни против эльфов или гномов. Нет даже против огров... потому что я с ними дел не имел, знаю только по слухам. Правда, однажды я, кажется, завалил пару, но ведь человек я отправил на суд Всевышнего еще больше?

Я остановился, ибо Терентон смотрел на меня с напряженной улыбкой. И лицо стало странным, напряженным, а глаза и вовсе замерзли.

— Вы знаете, — сказал он с усилием, — даже я так далеко не заходил. Я говорю насчет огров. Эльфы и гномы — да, но огры... это вообще на той стороне Тьмы.

— А эльфы?

— Эльфы, — ответил он, — сами по себе. Борьба Тьмы и Света — это борьба людей.

Я кивнул.

— Ладно, а что насчет Морданта?

— Простите?

— Мордант, — повторил я, — на чьей стороне?

— На стороне Света, — ответил он, но мне почудилось в его голосе некоторая заминка. — Просто Мордант шире... намного шире сотрудничает с эльфами и гномами. Говорят, даже с ограми и троллями, но этого никто не знает...

— Почему?

Он засмеялся.

— Это сперва с эльфами да гномами общались только особые люди!.. А теперь все кому не лень. Эльфы тоже заходят в Мордант, как и гномы. Сами покупают без всяких посредников прямо на базарах, в лавках... А вот с орками, троллями, ограми — пока только слухи. Правда, упорные. В Морданте есть вещи, которые могут добыть только тролли. Причем эти вещи не только у знати, но уже и простые люди... гм... имеют, имеют.

Он уже пришел в себя, теперь у него было веселое, но несколько сокрушенное выражение лица. Я снова вспомнил про посредников, услугами которых пользуются в начале очень охотно, потом всегда... если сказать мягко, обходятся без них.

— Сколько отсюда до Морданта?

Он даже отодвинулся, покачал головой. В глазах его я видел сомнение, так ли я здоров на голову.

— Сэр Ричард, вы же служите Зорру!

— Пока никому я не служу, — ответил я. — С меня сняли все клятвы и все обеты, когда собирались оставить в одном из сел. А потом так и не вспомнили, что я — человек свободный.

— Три дня на добром коне, — сказал он. — Если, конечно, по прямой. Но я бы не советовал...

— Почему?

Он внимательно посмотрел на меня.

— Хотя вы и кажетесь умнее других... и не таким... гм... но в Морданте можете увидеть такое, что не очень понравится.

— Что?

Он пожал плечами.

— Представьте себе, я в Морданте не был ни разу. Но судить могу, с мордантцами я тоже веду иногда дела. Правда, если честно, они обошли меня далеко. Вы ж видите, я с троллями не знаюсь, это точно.

— Да, — согласился я, — здесь о равноправии полов, рас и видов пока не слыхали. И о политкорректности тоже. Но все же в Морданте кое-какой прогресс налицо, чую...

Когда я отправился на поиски Беольдра, спину мне сверлил напряженный взгляд Терентона.

Заходящее солнце окровавило башни, последний луч соскочил с каменного зубца и прыгнул в небо. Вспыхнуло кроваво-красным облако, а небо из ярко-голубого начало перетекать в синий, темно-синий. На восточной половине бледно проступила изъеденная луна, похожая на привидение настоящей луны.

Мы все устроились в небольшой уютной комнате, на столе удивительно разнообразная еда, три глиняных кувшина, Терентон взломал пробки, и даже Беольдр в изумлении покрутил головой. Воздух наполнился дивным ароматом, тонким и нежным.

— Этому вину три сотни лет, — объявил Терентон гордо.

— Щедро угощаешь, — заметил одобрительно Беольдр.

— Что за вино, — сказал я восхищенно, — что за такой срок сохранило аромат? У нас бы превратилось в уксус...

Терентон бросил в мою сторону подозрительный взгляд.

— А сколько выдерживают у вас?

— Совсем немного, — ответил я сокрушенно. — Три-пять лет, не больше. А десятки — только крепкие. Коньяки, бренди, ром, виски... Но и те не сотни лет, конечно. Как вы это делаете?

Терентон налил вино в три кубка, поднял глаза на мое лицо.

— Не знаю, — ответил он честно. — Я ведь не винодел. Пью, что доставляют. За ваше здоровье, доблестные рыцари!

Беольдр кивнул благосклонно — рыцарь здесь только

он, мы осушили кубки, Терентон налил снова. Я прислушивался к дивным ощущениям, одновременно старался понять, откуда взялись кубки, ведь вначале на столе были только три кувшина. И почему те простые медные кубки сперва стали серебряными, а теперь и вовсе отливают благородным золотом.

— И все-таки, — сказал Беольдр размеренно, — за твои временные улады последует жестокая расплата... Что жизнь! Миг... А потом мучиться всю вечность. Надо же — вечность!

Терентон с усилием улыбнулся. Мне показалось, что он не то подмигнул мне, не то взглянул в поисках сочувствия.

— Я надеюсь, — ответил он елеинным голосом, — что Господь милостив... Что ему от моих мук? Я человек маленький. Вот поймать короля-клятвопреступника или императора-братоубийцу...

— Перед Богом все равны, — напомнил Беольдр строго. — Король, император, последний нищий — все получают за одинаковый грех одинаково. За хвост — и об стенку! А потом в котел с кипящей смолой.

— А почему не в огненное озеро? — удивился Терентон.

Беольдр подумал, махнул рукой:

— Ладно, в огненное озеро.

— Спасибо, — вздохнул Терентон. — Сразу, поверишь ли, отлегло. Сперва легло, даже лапы вытянуло, а потом... потом отлегло.

Я насыщался дивно приготовленным мясом, нигде не подгорело, нет недожаренной плоти, к чему уже привык в Зорре, умело приправлено жгучими травами. Беольдр и Терентон вели неспешный разговор, изобилующий намеками и недомолвками, в которых я ничего не понимал.

Вино постепенно не то чтобы ударило в голову, но ослабило мышцы, я чуть прибалдел, смотрел на все с улыбкой, мне было хорошо и приятно. Однако Беольдр вдруг

взглянул на меня остро, перевел взгляд на окно, за которым край огромного багрового солнца уже исчез, а голубое небо давно превратилось в темно-синее. Терентон отвел глаза в сторону. Беольдр сказал:

— Дик, пойди посмотри на коней. Утром выедем чуть свет. Проверь ремни, у тебя подпруга вот-вот лопнет. Заменяй, пока есть время.

Я выбрался из-за стола, Терентон сказал торопливо:

— Там в конюшне есть любые ремни.

Дверь отыскалась не сразу, потом я долго брел по коридору, удивляясь его ширине и бессмысленно высоким сводам. По тем замкам, которые посещал на экскурсиях, приходилось передвигаться, нагнув голову. Даже низкорослый гид то и дело стучался макушкой...

Наконец лестница привела вниз, на первый этаж. Я толкнул дверь, ночь распахнулась свежая, воздух теплый, как чай, крепкий и настоянный на всяких лечебных травах. Яркое звездное небо обрывается абсолютно черной зазубренной стеной леса, оттуда идут запахи древесины, смолы, трухлявых пней и бодрящего аромата муравьиного сока.

Лунный свет показался слишком ярким, соперничал со светильниками в помещениях и факелом в стене на выходе. Кстати, странный факел. Пламя ровное, мощное, другой за это время уже давно бы выгорел...

Луна недостаточно яркая, чтобы я мог различать цвета, однако же пронзительно ясно высвечивает двор. Под стенами залегли чернильные тени, отчего двор кажется шире, объемнее и таинственнее. Над головой проносятся ночные птицы, я иногда слышал мягкое движение воздуха.

Конюшня в стороне блестит, как глыба льда, рядом пристройка, но мне туда вход заказан. Что мы привезли — не знаю, что увезем — тоже не дорос еще до этих тайн. Хорошо, хоть доверяют поправлять ремни. Раньше и это не доверили бы. Правда, вино здесь хорошее, у нас там короли такое не пробовали. Даже президенты вряд ли...

Двери снова распахнулись, старые средневековые двери средневековой конюшни. Но фотоэлемент и сервомо-

торы как будто только что сперли от дверей Шереметьева-2. Странный мир, но он начинает мне нравиться...

Я сделал шаг в полутьму, в конюшне разом вспыхнул свет. Не яркий, а некий интим, просто предупреждение коням: кто-то к ним вошел, надо подтянуть животы, принять небрежный вид.

По стене наискось метнулась тень. Мне она показалась странной, я не успел понять, в чем там дело, наконец с большим опозданием сообразил, что у меня пока что одна голова, а у тени две...

Огромные лапы больно схватили за голову, прищемив волосы. Я рванулся, мои руки непроизвольно ухватились за эти толстые как деревья лапы чудовища. Другие, еще более широкие ладони, перехватили мои пальцы. Задыхаясь, я ощутил, что если дернусь еще хоть раз, то просто оторвут как руки, так и голову.

— Сда...юсь, — прохрипел я. — Хва...тит...

Хватка ослабела. Перед глазами стояла красная пелена, волны крови с силой били в уши. Я судорожно, как рыба на берегу, распахнул рот. Могучие лапы позволили воздуху хлынуть в грудь, но все еще держали крепко.

Издали донесся ясный чистый голос:

— Торд, оставь его. Он сказал, что сдается.

Я не то хотел сказать, мелькнуло в голове отчаянное. Неужели я сказал именно эти слова? Они не так поняли, не так истолковали...

Подошвы ударились в твердую землю. Я сообразил, что до этого меня держали в воздухе. Могучие лапы придержали за плечи, чтобы не упал, исчезли, но по запаху я чувствовал, что за спиной по-прежнему зверь, перед которым медведь покажется плюшевым Винни Пухом.

— Мешок, — скомандовал тот же ясный голос. Мне показалось, что он принадлежит женщине. — Побыстрее!..

— Не беспокойтесь, леди... — начал густой мужской голос.

— Поторапливайтесь, — оборвала она резко. — Не нравится мне, что он так спокоен...

— Да он просто пьян...

— Еще бы, он же из Зорра!

На голову набросили мешок, могучие лапы разжались. Я успел глубоко вдохнуть, но, оказывается, лапы лишь пропустили мешок мне до колен, а затем сдавили с такой силой, что я с шумом выдохнул все, что успел набрать в легкие. Меня перевернули, это я чувствовал, в поясницу больно уперлось нечто вроде бетонного бордюра. Я понял, что меня несут на плече. Справа легонько простучала копытами лошадь, но настолько мягко, что шагах в трех уже не услышать. То ли по толстому мху, то ли копыта обмотаны тряпками.

Несли меня долго, затем я ощутил странный запах. Такой слышал только однажды, когда ездил к приятелю на Азовское море. Там берег завален гниющими кораблями, старыми лодками, высыхающими водорослями, погибшими на солнце рачками и рыбешками...

Меня явно подняли наверх, я так решил по надсадному сопению богатыря, что с такой легкостью нес меня на плече. К чему-то привязали, толстая веревка передала вены на руках и ногах. Я тихонько вякнул про возможность гангрены, вряд ли здесь знают про пенициллин, но в ответ меня пропенициллинили ногой под ребра.

Доносились голоса снизу, сбоку и даже сверху. Потом подо мной поверхность качнулась и задвигалась, словно началось землетрясение. Веревки натянулись, меня трясло все сильнее, потом толчки прекратились, но взамен все тело налилось свинцовой тяжестью. Невесть откуда взялся сильный ветер, продувал даже сквозь мешковину. Плотную ткань прижимало с такой силой, что, когда я приоткрыл губы чуть шире, давление встречного ветра едва не вбило мне в глотку всю воздушную шапку земного шара. К счастью, веревки бдили.

Справа и слева слышались редкие сильные хлопки. Всякий раз меня на короткое мгновение вжимало в твердое. Это напомнило мне, как мы в пионерском лагере устраивали гонки на прогулочных лодках. Там тоже после силь-

ного гребка, после вот такого мощного удара веслами по воде лодку бросало вперед...

Ветер довольно долго продувал меня насквозь, я замер, застыл, сперва трясло, а затем уже смирился настолько, что покорно ждал: будь что будет. А легкий хмель, что туманил голову, выдуло напрочь. Я чувствовал себя трезвым как стеклышко и только теперь начал потихоньку пугаться.

Нескоро потеплело, тело стало легче, ветер изменил направление. Я даже уловил какие-то запахи, тут же под мной немилосердно затрясло, ударило больно в копчик, еще и еще, потом тряска стихла, я слышал, как заскрипел песок.

Голоса стали громче. Я ощутил прикосновение грубых рук, веревку сняли, но мешок оставили, тащили, волокли, пинали, нарочито ударили лбом о что-то болезненно твердое, затем скрип двери, теплый воздух, запахи горящего масла.

— Добро пожаловать в Мордант!

Мешок содрали с моей головы одним рывком. Я шурился, ослепленный светом. В Зорре самое освещенное место — тронный зал, но сейчас он показался бы убогой и плохо освещенной каморкой. Кроме свечей и светильников с маслом, здесь вдоль всех стен протянуты ленты странного светящегося мха. Он дает бледный свет, но не раздражающий глаза, а скорее похожий на сияние ультра-современных галогенных ламп.

Передо мной стояли, с интересом разглядывая меня, трое. Двое мужчин, оба в простых удобных одеждах, и молодая женщина — тоже в костюме, который в Зорре показался бы чересчур вызывающим, а священники начали бы дело о колдовстве. Как я понимаю, в Зорре все нестандартное подпадает под статью о колдовстве. Все трое показались мне несколько странными, но я не успел понять, чем именно, спросил, стараясь перехватить инициативу:

— Здравствуйте... А почему бы вам для перевозок не приспособить гигантских птиц?.. Все-таки перья — не чешуя...

Они переглянулись. До этого разглядывали меня с насмешкой и полным превосходством, а теперь улыбки разом поблекли. Старший из мужчин вскинул брови — огромные красивые дуги. Я думал, что это у него такие расширенные глаза, но, когда он их расширил в удивлении, они стали почти на пол-лица. Но я ощутил дрожь в коленях, рассмотрев торчащие уши. Такие, по слухам, у оборотней. Но этот явно не оборотень, слишком тонок, элегантен, аристократичен, а одежда на нем сидит, как на принце.

— Ты что, понял, — удивился он, голос его прозвучал красиво и нежно, словно мелодия на серебряной трубе, — что тебя... по воздуху?

— А как не понять? — удивился я.

— Но... как?

— Так это ж просто, — ответил я. — Встречный ветер, холод... это значит, что поднялись высоко... а главное — гравитация...

У второго отвисла челюсть. Выглядел он намного проще, крепкий здоровенный мужичок, мне до пояса, широкий, со вздутой, как у петуха, грудной клеткой, с сильными руками, но коротконогий. И вообще впечатление такое, что его самого сдавила гравитация по вертикали. Женщина распахнула изумрудные глаза. Если первого я молча занес в эльфы, второго определил в гномы, хоть и условно, то куда присобачить зеленоглазую, пока не представлял.

Все трое спросили в один голос:

— Что?

— Гравитация, — повторил я. — Ну, изменение веса... Потеря, когда резко вниз... или потяжеление, когда чересчур быстрый подъем... Хорошо, я здоровый. Но если старика так повезете, то сердцу крышка. Или голова лопнет.

Снова переглянулись, женщина вдруг побледнела и прижала ладошку ко рту. Глаза ее смотрели на меня с ужасом. Остроухий мужчина бросил в мою сторону огненный взгляд, будто ударил кнутом по лицу, сказал торопливо:

— Беата, Беата!.. Не слушай варвара. Отец мог умереть от тысячи причин. За ним охотились колдуны...

Второй, который гном, если гномы такие, взглянул на меня остро, словно пытался вывернуть наизнанку. Как где мордой о пень, подумал я мрачно, так все валим на колдунов. Даже инфаркт — это всего лишь грудная жаба, что забралась в рот спящему.

Гном рассматривал меня, подбоченившись, так проще смотреть снизу вверх, сказал резко:

— Ладно! По крайней мере, Терентон не солгал. Это в самом деле человек... очень странный. И знает слишком много из того, что даже у нас не всем можно знать. Веревки снять... Вы не собираетесь убежать с криками... сэр?

Я уловил паузу, которую он сделал перед этим «сэр», растянув его на три или пять слогов, покачал головой.

— И без криков — тоже. Мне здесь очень интересно.

— Видите, — сказал он соратникам саркастически. — Ему интересно. Кто еще такое говорил?

Четвертый, невидимый за спиной, вздернул мне руки вверх, не потрудившись наклониться сам, я уловил прикосновение холодного железа. Веревки распались, я с наслаждением начал растирать затекшие кисти рук. Эльф и гном слегка отступили, только женщина осталась на месте, ее глаза смотрели с вызовом. Мол, неужто посмеешь тронуть? Ты же рыцарь?

Хрен я рыцарь, ответил я взглядом, так что могу, еще как могу. Кстати, ведьм, всяких там эльфов, гномов и прочую нечисть любой рыцарь тоже считает своим долгом зарубить, а если не очень спешит, то неспешно и красиво сжечь на костре.

Она все прочла в моих глазах, умница, отступила. Я продолжал растирать руки. Началось покалывание, настолько острое, что я едва не завизжал, как поросная свинья под тупым ножом, но терпел.

— И по какому праву... — начал я, потом вспомнил, что в этом мире еще нет адвокатов, и закончил: — Понятно, по праву сильного. Но зачем? Выкупа за меня никто не даст.

— Выкупа? — переспросила женщина. — Жаль, но что поделаешь. Однако захватили тебя вовсе не ради выкупа.

— А зачем?

— Спрашивать будем мы, — объявила она надменно.

Гном и эльф переглянулись, явно эта фраза им показалась новой и значительной. Меня толкнули в спину, за спиной я чувствовал присутствие огромного зверя, но боялся повернуться. Здесь, наверное, еще не додумались надевать на спецназовцев маски, чтобы народ не пугался их оскаленных морд.

Меня доставили в довольно глубокий подвал. Пахло кровью, мочой, страхом и болью. Из стен торчат толстые крюки, а ржавые цепи похожи на измазанных в глине змей. Грубо сколоченный стол, пара табуреток, длинная широкая лавка, в углу бочка с грязной водой. И — широкая ниша в стене, где разложены щипцы, крюки, сверла, молотки, стамески...

— Все понятно, — сказал я. Холод начал заползать в сердце, я чувствовал, что бледнею. — Я не герой, я расскажу все и без пыток... Или вы просто садисты?

Они переглянулись. Женщина переспросила непонимающе:

— Что такое «садисты»?

— Да был такой маркиз де Сад, — сказал я торопливо. — Он жил... ну, в другое время. И не здесь. Любил мучить просто так. Для забавы.

Женщина покачала головой.

— Какая же это забава? Это работа. Не такая уж и приятная. Итак, рассказывай. Кто ты, почему смотришь на Зака Ганна и Арентийца без страха и отвращения? Почему ни разу не схватился за крест? Где твои молитвы?

Я развел руками.

— Не знаю... Можно мне сесть?.. Спасибо. Кстати, вы тоже можете сесть. Крест мне подарили, так что это скорее украшение. Ваши друзья Зак и этот Арентиец... гм... а что в них удивительного? Видели бы вы панков или байкеров!.. Или Борю Моисеева... Даже тот, что у меня за спиной, думаю, не страшнее наших... Только наши врываются в пятнистой одежде и в масках. Чтоб людей не пугать своими

рожами. Так что с этим понятно... Вот только тайн никаких не знаю!.. Проверьте на любом детекторе лжи: я жил обычной жизнью простолюдина, жил как все. Не высовывался. Никаких подвигов. А потом... потом случайно прибил к группе, что ехала через наше поле. Я ж не знал, что они из мирных Срединных Королевств едут в эти жуткие края!

Три пары глаз следили за мной очень внимательно. За спиной послышался тяжелый вздох, в спину мне пахнуло горячим, словно в мою сторону повернули ацетиленовую горелку. Я чувствовал по запаху, как сместилось огромное тело. Скосил глаза, страхась повернуть голову. Холодок в сердце стал глубже. Существо на голову выше меня, а ощущение непомерной силы сковывает руки и ноги. Хорошо, уже сижу...

Орг, или что это, встал у двери. Я успел подумать, что был бы со мной молот, можно бы этого спецназовца вынести вместе с дверью, а эти трое не такая уж и мощь против моего меча... но гном кашлянул, сказал густым рассудительным голосом:

— Моя магия говорит, что он не врет. Мы можем изломать ему все кости... но услышим то же самое.

Женщина возразила:

— Но почему он не такой, как все?

Гном уточнил:

— Как все там или как все здесь?

— Все равно, — огрызнулась женщина. — И здесь тоже не все знают и одобряют наши шаги по сближению...

Эльф предостерегающе кашлянул. Женщина отмахнулась:

— Да это все знают! Только делают вид, что их не касается, раз сами не... не пачкаются!

Она часто задышала, в глазах засверкала злоба. Я сказал торопливо:

— Зачем сердиться? Так везде. Если им выгодна ваша деятельность, то все будут делать вид, что ничего о ней не знают. А вот если провалитесь, то все скажут, что вы мер-

завцы. И что, если бы они знали раньше, то остановили бы вас, посадили, бросили в темницу, исказнили...

Эльф рассматривал меня во все глаза, а гном хихикнул:

— Ну что? А ведь говорит верно. Откуда ты знаешь, сэр Ричард?

— А везде одно и то же, — ответил я как можно небрежнее.

— Везде?

— Ну да.

— Хочешь сказать, что и у вас так же?

— Конечно, — ответил я убежденно. — Народ готов пользоваться хоть краденым, хоть контрабандным, хоть безналоговым — лишь бы дешевле и прямо к дому. Но только чтоб никто не упоминал вслух, что это краденое, — они ж все благородные, порядочные, интеллигентные!

Гном крикнул, сказал в пространство:

— Я вижу, что... с одной стороны, мы получили полезную информацию...

— Какую? — сердито спросила женщина.

— Ну... где-то еще есть умные люди. Видишь, он к таким вещам даже привычнее, чем мы. Значит, они там прошли по нашему пути даже дальше. С другой стороны, ломать ему кости ни к чему. Я бы дал ему свободу.

Он посмотрел на эльфа, избегая смотреть на женщину. Эльф сказал чистым, как отфильтрованная вода, голосом:

— Да, конечно. Я за целесообразность.

Женщина фыркнула.

— Ладно, как хотите. Итак, вы свободны, сэр Дик.

В отличие от гнома, она не называла меня Ричардом, а «сэр Дик» звучало достаточно издевательски. Но я перевел дух, не выношу боли, проговорил как можно будничнее:

— Если мне можно идти... то можно вместе с вами? Я боюсь заблудиться в этих подземельях. Или вы останетесь здесь на всю ночь?

Женщина молча повернулась и пошла к двери. Орг протянул длинную лапу, дверь распахнулась с треском. Я ощутил себя чуть свободнее. Если здешний ОМОН обу-

чен двери не только вышибать, но и открывать перед дамами, то, может быть, не сожрет.

Гном и эльф вышли вслед за женщиной, оргу я сказал: «После вас», и эта мохнатая глыба двинулась впереди меня. Я потащился следом, ликуя от этой маленькой победы больше, чем от спасения собственной шкуры.

Глава 6

Коридоры вели наверх, орг наконец пробрался вперед, меня опасаться перестали, я потерял направление, и когда орг наконец распахнул последнюю дверь, я вслед за всеми вышел в незнакомый коридор, широкий, солидный, отделанный панелями из дорогих сортов дерева, на стенах — картины в массивных рамах, и вообще пахнет если не ранним Возрождением, то хотя бы поздним Средневековьем.

Из дальнего конца в нашу сторону быстро шел плотный лысый человек с круглым как луна лицом. За ним торопились еще четверо, забегали то справа, то слева, показывали бумаги, инструменты. Он морщился, иногда что-то рывкал, и четверка сразу же принимала к сведению, я уже видел такие лица в моем мире, а Мордант явно продвинулся по пути оцивилизовывания дальше Зорра.

Он показался мне похожим на генерального подрядчика, даже на московского мэра, инспектирующего вверенные ему объекты. Эльф сделал мне знак посторониться, а гном просто грубо ухватил за руку и потащил к стене. Его ноги скользили по каменным плитам, словно он пытался утащить за гусеницу танк, но я сжалился и отступил, освобождая дорогу.

Мэр бросил в нашу сторону быстрый взгляд, сделал еще пару шагов, остановился.

— А, слышал... Захватили перспективного пленника?

— Да, господин Корд, — ответил эльф торопливо. — Мы не знали, что такая мелочь привлечет ваше внимание... Но мы разобрались, это уже не пленник.

— В нашем деле нет мелочей, — ответил Корд сильным

властным голосом, и четверо тут же сделали вид, что записывают бесценные слова. — Каким бы я был управителем, если бы не знал, что у меня творится?.. Что, дружище, непривычно у нас?

— Да не особенно, — ответил я. — Конечно, эльфы и гномы в городе — здорово, но у нас даже гомосеки и демократы так же точно... э-э... ну, не на кострах сидят. А демократы так и вовсе в правительстве.

Он нахмурился.

— Это ж где такое королевство? Почему не знаю? Ладно, неважно. Походи, присмотришься. Увидишь, что до этого ты жил всего лишь на скотном дворе. А все тамошние рыцари, короли, бароны — всего лишь тупое дубье, которым я не доверю построить даже собачью конуру.

Я едва удержался, чтобы не кивнуть, я сам считаю их всех тупым дубьем, но это имею право говорить только я, а не всякие там мордантцы.

— Они мои друзья, — возразил я с достоинством, которого раньше за собой не замечал. — Они заботятся обо мне. Как могут, конечно. И как понимают заботу. Они хорошие люди.

Корд развел руками. Глаза его были полны насмешки. Я нахмурился, но Корд хмыкнул, сказал неожиданно:

— Когда два твоих друга поссорятся, то ты будешь на стороне того, кто первым успеет пожаловаться на другого? И кто первым успеет изложить свою версию ссоры? Что, не так? Не ври, все так делают, это в нас заложено Богом, но, думаю, Господь тут дал промашку... А если еще не будешь со вторым видаться, то останешься ему врагом... ну, пусть не врагом, но будешь со слов первого считать мерзавцем всю жизнь.

Я хотел возразить, но вспомнил пару случаев из жизни, проворчал с неприязнью:

— Это вы к чему?

— Дай слово, — сказал Корд очень серьезно, — что не попытаешься бежать... немедленно. А потом ты свободен. С утра.

Я покачал головой.

— И что, я свободно смогу уехать?

— Свободно.

— И со мной останутся мои руки, мои ноги? И мне не выжгут глаза?

Корд проигнорировал выпад, сказал высокомерно:

— А оставшееся время я прошу тебя ходить свободно по всему замку. Общаться со всеми, кто еще не спит, будь то рыцарь, оруженосец или простолюдин. Никто за тобой не будет следить. Ты волен говорить все, и с тобой будут говорить свободно, не опасаясь быть услышанными. Ты узнаешь, кто мы, как живем, такие ли кровавые деспоты, как о нас рассказывают в твоём...

Лицо его налилось краской гнева. Кулаки стиснулись, в запавших глазах на миг вспыхнул мстительный огонь, но Корд взял себя в руки, кивнул своим, и они пошли за ним, как послушные гуси.

В зале Беата остановилась, развернулась ко мне лицом. Злости в ее серьезных зеленых глазах не осталось, а выглядела она милой и усталой.

— Если хочешь во внутренний двор, — сказала она, — то вот двери... Если пообщаться со слугами — кухня, прачечная, конюшни — в той стороне. Рыцари... ну к ним пока не стоит, эти надутые дурни слишком ревностно блюдают дистанцию. А у нас дела... Да и отоспаться надо. Прощай!

— Прощай, — сказал и гном.

Эльф улыбнулся, махнул рукой. Орг лишь уставился в меня красными глазами и застыл. Я попятился и, когда на меня уже никто не смотрел, кроме орга, повернулся и пошел к выходу.

Небо над огромным городом черное, как грех, даже без луны и звезд, одни тучи. Однако весь двор залит светом факелов, свет падает из всех окон. На той стороне двора в окружении простого народа, веселого и гогочущего, двое жонглеров ловко перебрасывают друг другу дубинки. Постепенно в воздухе замелькало шесть штук, потом добави-

лись два ножа, улыбки на лицах жонглеров застыли, руки двигались с такой скоростью, что я не мог рассмотреть пальцы. Народ сперва визжал от восторга, потом умолк, все смотрели с немим восторгом.

Я прошел дальше — выдывал и покруче трюки, дальше еще кучка народа, там двое играют на подобиях гитар, а молодая красивая женщина кавказской национальности пляшет что-то зажигательное в стиле Кармен, короткое платьице взлетает на-а-а-амного выше колен. Среди собравшихся немало солдат, ритмично хлопают, один вскочил и пустился выделывать коленца перед плясуньей. Она хохотала, красиво закидывая голову, трясла плечами, в глубоком декольте призывно шевелилось что-то мягкое и жидкое, похожее на молоко в тонких целлофановых пакетах.

А в Зорре не слышно песен, вспомнил я. И не видно плясок. Конечно, осада, но почему-то кажется, что, не будь осады, все равно в суровом мире Зорра разудалые песни не зазвучат. По крайней мере, на городских площадях.

А еще дальше, в свободном месте между просторной оружейной мастерской и великолепной конюшней, собрал вокруг себя праздный народ какой-то растрепанный проповедник, что-то выкрикивает, вздымает к небу костлявые руки, рвет на себе остатки волос и разбрасывает в стороны. Он показался мне провинциальным трагиком.

Я остановился в темной нише и смотрел с жадным любопытством. До этого почти месяц ехал в команде Ланселота, где если и говорили о Морданте, то с ненавистью и презрением. Ладно, Ланселот мне не указ, но Мордант ненавидит и Бернард, а он мне друг, о Морданте с презрением отозвалась принцесса, а для меня ее мнение свято, Мордант при мне обругал и проклял насмешливый умница Асмер...

И все-таки... все-таки странное очарование вопреки моему желанию медленно заползает в мою душу. Мордант — типичное средневековое королевство, но именно таким я и представлял Средневековье: огромные каменные стены и башни, замок, катапульты, шумный рынок...

но одновременно обилие еды и питья, множество праздного народа, что собирается вокруг бродячих певцов и жонглеров, из множества оружейных выносят охапками мечи вперемешку с косами, сохами, а то и плугами, в булочных пекут сладкие хлебцы и тут же выкладывают для продажи, торговцы хватают за руки и показывают на горы винограда, на яблоки, истекающие сладким соком груши, а чуть дальше начинаются длинные ряды, заполненные крупной речной рыбой, толстой, жирной, с раздутыми от икры боками...

Сейчас ночь, но о ней напоминает только черное небо, а жизнь кипит, бурлит... Близость войны почти не ощущается, мне никак не удавалось пробудить в себе гнев на коллорабационистов. Мордант явно сотрудничает или торгует с Тьмой, это ясно. А может, то и другое. Здесь просто заняты собой, своими реформами, а в общей войне либо не участвуют, либо в самом минимальном объеме. Типичная нормальная реакция современного мне государства: на меня не напали, а выступать под знаменем некой общей идеи... не смешите мои тапочки! Какие общие идеи с Зорром, где попы почти что правят королевством?

Стараясь не привлекать внимания, я прошел тихонько через двор, остановился возле колодца, жадно напился. На меня тоже деликатно не обращали внимания, хотя явно знают о моем статусе пленника. Молоденькие женщины хихикали и бросали игривые взгляды. Одна прошла совсем близко, пахло запахом свежего молока и сена, веселые глазки стрельнули в мою сторону. Я услышал быстрый шепот:

— Я свободна вечером... И ночью тоже...

Я невольно проводил ее взглядом. Спина прямая, в поясе тонкая, а широкие бедра так и ходят, как волны прибоя, из стороны в сторону. Даже чересчур покачиваются, дразнят. Уверена, что я не в силах оторвать взор.

Из приземистого строения доносится перестук молотков. Из нарочито дырявой крыши вырываются клубы дыма, что на темном небе кажутся серыми, зато снопы искр

уносятся быстро, трепещуще. Вот рассыпались в выси бенгальскими огоньками... Жизнь кипит, ведь ночь же, должны работать разве что булочники, чтобы к утру был свежий хлеб, да стражи обязаны бдить, но здесь ночная жизнь в полном разгаре, как на Тверской...

Обходя двор, я добрел до просторной конюшни. Оттуда вкусно пахнет свежим сеном, чистейшей водой, ячменем или пшеницей, не различаю их, но как наяву вообразил себе крупные зерна. Интересно, какие тут кони... А может, в этой конюшне у них и ручные драконы? Или одомашненные?

Я осторожно приоткрыл дверь. Стойла начинаются дальше, а от ворот и метров на пять во все стороны свалены кипы свежайшего сена. Молоденькая девушка лежала на сене, готовясь заснуть, уютно устроилась, а при моем вторжении испуганно приподняла голову. Наши взгляды встретились. Ее щеки начал заливать румянец, она испуганно поправила платье, натягивая его на пятки, снова посмотрела на меня испуганно, румянец разлился на все лицо, покраснел даже лоб, запылали уши, стала розовой шея...

Я улыбнулся ей — ну чего так трусит, она несмело улыбнулась тоже, и я опустился на сено с нею рядом. Я почти слышал, как испуганно колотится ее сердечко. Глаза ее заблестели, как будто она готовилась зареветь. Я приглашающе вытянул руку, она вздрогнула, но послушно опустила на нее голову. Я почесал ей за ухом, она вздохнула с благодарностью, придвинулась и положила голову мне на плечо, рукой трепетно обхватила за шею.

Я непроизвольно прижал ее к своему уже горячему телу, но вместо жара в чреслах чувствовал странную нежность, от которой защипало в глазах, а в груди стеснило дыхание. Ее волосы щекотали нос и губы, я почти жадно вдыхал аромат свежего сена, пахучих трав и цветов.

Девушка шевельнулась, она словно старалась втиснуться в меня, прячась от сурового злого мира, что обступил нас со всех сторон. Я чувствовал тепло ее мягкого тела, чув-

ствовал его нежность, но все страшился спугнуть очарование, что посетило впервые со дня... нет, впервые в жизни.

Сверху посыпались мелкие сухие травинки — это ветер над крышей смахнул с балки клок сена. Под темным потолком пробежал мелкий зверек, в сене нехстати затирлинькал уцелевший кузнечик. Или сверчок. Я закрыл глаза, стало жарко, словно огонь разгорался внутри головы.

Девушка шевельнулась, я увидел ее широко расставленные глаза. Ее пухлые губы показались сердито надутыми, потом я решил, что она вот-вот заплачет. Я привлек ее снова к себе, не в силах видеть вопрошающие глаза.

Волна жара наконец захлестнула мозг, затопила сознание. Я мял ее покорное тело, оно стонало и запрокидывало голову, я чувствовал, что не удержал в себе зверя, грязного и похотливого, зверь тут же завладел душой, телом, и я, ощутив себе оборотнем, использовал ее тело для своих звериных нужд, остановиться не мог и даже не пытался, пока огненная лава не прорвала мир. Я вскрикнул, зарычал позвериному. Волна сладострастия тряхнула еще и еще, удовлетворенный зверь наконец уполз в свою нору, а я обнаружил, что лежу на растерзанной женщине...

Волна раскаяния была такой острой, словно я среди бела дня побил стекла на троллейбусной остановке. Следующей мыслью было схватить ее в охапку и пообещать жениться... как-нибудь потом, когда вернусь из похода, но слышались всхлипывания, я повернулся, девушка смотрит со страхом, губы ее распухли, на нижней кровоподтек.

— Прости, — сказал я с раскаянием.

Мои руки сами по себе схватили ее в объятия, я гладил ее по голове, утешал, даже чесал спину, не зная, как еще утешить, ибо в этот миг утешить ее казалось даже важнее, чем вся наша поездка с Беольдром.

Она приподняла голову, я снова увидел в ее глазах страх.

— Вам, милорд, — проговорила она едва слышно, — было со мной... неинтересно? Мне так стыдно!.. У меня плохая одежда... и я ничего не умею.

Ее чистые глаза наполнились слезами. Я схватил ее го-

лову в обе ладони, прижал к своей груди. Сердце колотилось часто и мощно. Она ревет не потому, что я ее обидел, а из страха, что мне с ней не понравится!

Значит, мелькнула мысль, я погрешил перед здешним Господом не так уж и сильно, ибо я всего лишь поддался мужской слабости, но никого не обидел, тем более — женщины.

— Ты самая лучшая в мире из женщин, — сказал я почти совершенно искренне. — Спи!.. И пусть тебе приснятся самые лучшие сны.

Дверь конюшни распахнулась в тот же яркий мир факелов, запахов смолы, звуков музыки, хохота, веселых голосов. На том месте, где танцевала женщина кавказской национальности, теперь шумно отплясывали здоровенные мужики, человек семь, в круг то и дело выталкивали женщин, раскрасневшихся и веселых, то ли незамужних, то ли пользующихся случаем, когда мужья спят или в отлучке. Некоторые еще стеснялись, но я видел, как их заводят запретные ночные танцы, хотя какие они уж запретные, побывали бы они в Зорре...

— А во дворце — менестрели...

Я вздрогнул от негромкого голоса. Худошавый мужчина русско-интеллигентского сложения стоял в тени в двух шагах от меня, смотрел на меня с любопытством и дружеской насмешкой, как на сообщника, который познал истину чуть позже его самого. Он был в плаще до пола, капюшон свободно лежал на плечах. Так одеваются, насколько помню, монахи, священники, а также всякие бродячие философы, галилеи, алхимики, бродячие пророки.

— Простите? — сказал я.

Он кивнул на пляшущих, огни факелов отражались в его зрачках, мне показалось, что там мечется пламя.

— Я говорю, — пояснил он, — что здесь, во дворе, — циркачи и жонглеры, а там, во дворце, для благородного люда — изысканные менестрели и сладкоречивые барды. Но суть одна: люди веселятся. Верно?

— Верно, — ответил я. — Простите, но у меня такое впечатление, что я... уже вас где-то видел.

Он взглянул в упор, но я не отводил взгляда, и он первым отвел глаза, как будто не выдержал моего взгляда, но я понимал, что это игра. Этот человек... если он вообще человек, не из тех, кто отводит взгляд.

— Я странствующий философ, — сказал он уклончиво. — Брожу по очень разным странам. Меня можно увидеть всюду.

Мое сердце начало колотиться все сильнее. Я чувствовал, как от возбуждения повышается давление, вот мощный вспрыск адреналина в кровь, мысли потекли быстрее, горячечные, спутанные, а мышцы содрогались от жажды действия.

— Да, — сказал я, — конечно. Но... может быть, не стоит играть в отгадки? Давайте уж начистоту. Что вы хотите, что предлагаете?..

Он взглянул мне в глаза, улыбнулся интеллигентно и печально. Глаза были задумчивые, интеллектуальные.

— Начистоту нельзя, — сказал он мягко. — Разве вам понравилась картина пространства, которую вы узрели?.. Нет? Верно, к истине надо приближаться постепенно. Не согласны? Понимаю, не согласны. Но нельзя сразу... не получится. Просто невозможно. Даже у Него не получилось. Так что давайте начнем с того, что у нас есть... Есть Ричард Длинные Руки. Он силен и умен. Знает неизмеримо больше других... И умеет... умеет тоже неизмеримо больше всех здешних королей, вместе взятых. Но он — простолюдин, увы. С его умом и знаниями ему все равно место на конюшне. Или судьба носить щит и копье за каким-либо придурком в железе. Ладно, при особой удаче он может стать даже полным рыцарем! Хорошо, берем неслыханную удачу и редчайшее стечение обстоятельств — со временем этот Ричард Длинные Руки завоюет для себя некое королевство. Можно даже большое, какая разница! Дорогой сэра Дик, вы же знаете все тщету этого барахтанья... заглядывали ведь в бездну, пытаясь представить расстояние между звездами

или постичь размеры электрона? Так вот все, чего здесь можно достичь, с точки зрения вечности... размеров Вселенной... скорости фотона... Словом, я могу все это предоставить.

— Что? — не понял я.

— Все то, чего здесь можно добиться, — ответил он. — Я же говорю, ценой невероятных усилий и через много лет ты достигнешь... извини, что я на «ты», это от искренности. Для упрощения, зачем нам сложности?.. Ты достигнешь той степени могущества, что сможешь захватить власть в одном из королевств. Или быть избранным, как хочешь. И я уверен, что править можешь и станешь справедливо, гуманно, с учетом общечеловеческих ценностей. Так вот, я предлагаю тебе это все сейчас!

Я напрягся, постарался взять себя в руки, хотя перед глазами сразу вспыхнуло лицо принцессы Азаминды и эти трое правителей Зорра, что не нашли для принцессы даже табуретки в их тронном зале. Уж я бы для принцессы выделил... нет, бросил бы к ее ногам все королевство!

— Но... какую выгоду получите вы?

Он сощурил глаза.

— Ты еще хочешь спросить, где подвох?

— Ну... если честно, то да.

— Фокус в том, что подвоха нет. Я хочу, чтобы ты как можно быстрее занял трон короля. Желательно королевства покрупнее. А то и вовсе — императора. Поверь, я не стану вмешиваться ни в какие твои реформы!..

— Почему? — спросил я в упор.

Он помедлил, глядя мне в глаза. У меня осталось нехорошее предчувствие, что сейчас он выложит самый неприятный для меня козырь. Или положит на стол горькую пилюлю, которую я вынужден буду проглотить.

— А тебя не удивляют, — сказал он медленно, — некоторые странности?.. Ну хотя бы те, что на тебя не подействовала так называемая черная магия? Хотя она не черная и вовсе не магия, а... впрочем, это неважно. И что у тебя нет ангела-хранителя?

Я ощутил холодок по всему телу. Сказал с осторожностью:

— Объяснения могут быть разные...

— И все неверные, — ответил он. — Скажу правду. Это я выдернул тебя в этот мир. Не скажу, что это было легко, это я на случай, если ты сразу же с воплями начнешь умолять вернуть все назад... к тому же для данного переноса потребовалось согласие... гм, некоторая договоренность с противоположной стороной... Но факт остается фактом: ты здесь по моей инициативе. Я сделал на тебя ставку. Сам я, как ты понимаешь, могу перемещаться по всем пространствам, вселенным и антивселенным, но чтобы перенести тебя, пришлось на время приостановить действия некоторых фундаментальных законов. Как я уже упоминал, это можно было сделать только сообщая, как у вас там только двое на разных концах комнаты запускают ядерную ракету... Впрочем, я отвлекся. Перенес тебя сюда потому, что мне дозарезу нужны умные, талантливые люди, понимающие необходимость прогресса. Желательно, как вот в твоём случае, знающие основные вехи прогресса. И технические, и социальные. Ты станешь прогрессивным королем, Ричард!

Холод охватил мои внутренности, хотя сердце едва не выпрыгивало из грудной клетки. В черепе стало горячо, я чувствовал, как вздуваются жилы на висках. Я едва расцепил пересохшие губы.

— Но... почему я?

— Мне нужен помощник, — объяснил он терпеливо. — У меня великолепные исполнители, великолепные слуги, великолепная армия!.. Все дисциплинированные, все... Эх!.. Но мне нужен человек, который сам, без присмотра, делал бы то же самое, что делаю я. Моя власть безгранична... почти. Я знаю о твоём мире лишь то, что там моя власть практически абсолютна. Церкви — пристанища выживших из ума старух, религия — повод для насмешек, служители церкви — сплошь воры и развратники, а к самой церкви никто не прислушивается, всерьёз ее не воспринимает,

и, что самое главное, никакой роли в обществе она не играет. Там у вас уже мое общество!

Я слушал, голова гудела, а сердце колотилось так, будто я заканчивал марафонскую дистанцию. Перед глазами сразу замелькало, какое могучее и вообще всесильное государство я устрою. В нем будет самый справедливый строй, ко мне все будут бегать на поселение, соседние короли взвоят и пойдут войной, но я своим расскажу, как создать порох, вообще сперва научу отливать не только колокола, но и пушки, а дальше соберу самых умных людей, введу всеобщую грамотность, буду развивать науку и культуру...

— Нет, — ответил я хриплым голосом, — я пока не готов...

Он отшатнулся в удивлении.

— Что? Почему?

— Я просто знаю, — ответил я с трудом, — что бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

Он стиснул челюсти так сильно, что рифленые желваки, казалось, вот-вот прорвут кожу. В запавших глазах вспыхнул багровый огонь, исчез, словно задернули занавеску, но не погас, я чувствовал жар звездных глубин.

— Какой бесплатный? Мне нужны умные, талантливые люди!.. Разве ты сам не станешь собирать умных и талантливых, давать им высокие должности, власть... просто так? Раздавать бесплатный сыр, как ты говоришь?

Я сжал ладонями виски. В черепе мысли метались и сталкивались с силой и грохотом разбивающихся танков, а потом начали рваться снарядные ящики.

— Нет, — ответил я. — Нет... Да, я из мира... что прошел по этой дорожке... дальше. Потому я не стану... ибо честные энтузиасты творят преступлений обычно больше, чем самые отъявленные мерзавцы. После моих реформ, возможно, вся страна будет залита кровью. А то и захлебнется в ней... Нет, я не возьмусь. Но я и не отказываюсь! Я просто хочу больше времени... я хочу повидать те страны, где все иначе... Если честно, мне Мордант нравится больше, чем

Зорр. Вообще Мордант велик и славен, так сказали бы даже в Зорре.

Он засмеялся:

— Никогда не скажут! Там слишком тупые и непримиримые.

Я сам считаю их тупыми и непримиримыми, но то я, мне можно, а когда говорят другие, я ошетинился.

— Зорр меньше, но он силен, и сердце у него огромное, сильное. А у Морданта — слабое.

— Прости, не понял...

Я молча указал на дальнейшее темное здание, в котором даже я признал костел. Выглянувшая из-за туч луна освещала его с другой стороны, он казался выше и темнее, чем был на самом деле. Высокие новенькие дома теснили костел со всех сторон, даже площадь перед ним уже застроена лавками, торговыми рядами.

— В Зорре костел втрое больше этого, — сказал я наконец. — И расположен он так, что ничто не мешает ему дышать, а людям собираться даже перед храмом. Да и священники там не спят... Кстати, костел в Зорре не просто огромен, он еще и выстроен так, что выдержит осаду не хуже самой крепости.

— А пушки он выдержит? — спросил он и деликатно усмехнулся.

— Я не защищаю Зорр, — возразил я. — Просто я указываю, что у Зорра есть то, что он будет защищать иступленно. Был бы в Зорре такой костел, как здесь, Зорр бы сдался Карлу намного раньше. Я просто... Да что там! Зорр хоть и не нравится мне, но я понимаю его...

— Отсталость?

— Да, — согласился я. — Дело даже не в том, что здесь приручили драконов, а в Зорре — нет. Я не люблю попов, не люблю церкви, а в Зорре они на каждом шагу. Я люблю веселье, которого в Зорре нет, зато здесь... И мне кажется, что если рискнуть углубиться на юг еще дальше...

Он засмеялся, вскинул руку.

— Не продолжай. Я понял. В какой город тебя забросить? В какое королевство?

Я отшатнулся.

— Ни в коем случае! Это тоже надо постепенно. И только я сам. Тогда я смогу сравнивать, оценивать...

Он развел руками. Мне показалось, что в его глазах мелькнул огонек неудовольствия, но голос прозвучал ровный и дружеский:

— Прекрасно. Торопить не стану. Чем больше увидишь, тем сильнее уверуешь в мою правоту. И более ревностным моим сторонником станешь.

Он исчез, как умеют уходить мягкие интеллигентные люди, тихо и ненавязчиво, ибо уход тоже бывает навязчивым. Я стоял ошалелый, перед глазами прыгали огоньки, а тело трянуло запоздалой дрожью. На этот раз он даже не скрывал, что он... Ну, кто он такой. И напрямую сказал, что от меня хочет. И, хуже того, сказал, что я и так иду не по кривой и тернистой дорожке непонятных моральных совершенствований, как задумал его противник, а по прямому асфальтовому тракту прогресса. То есть по его пути.

Глава 7

Я стоял задумавшись, сзади слышались быстрые шаги. Мои пальцы сами инстинктивно прошли по поясу, где совсем недавно висел молот.

Ко мне приближался, нарочито громко топая, острый Зак Ганн, как назвала его женщина. Кстати, как ее звать, не запомнил. Или она не называлась... Ах да, Беата. Зак Ганн издала вскинул руку, показывая, что в ней пусто, а то ведь я человек, а человеку не чуждо и в рыло без базаров, здесь уже знают рыцарские ндравы. И чтут. Вернее, считаются.

— Че подкрадываешься? — спросил я подозрительно. — Ты мне смотри...

— Это я подкрадывался? — спросил он с негодованием. — Что это за существа — люди... Все играют, играют!

Вот и король у нас немного заигрался, зачем-то достаивает тебя высочайшей аудиенции. Это великая честь для новичка, который себя еще ничем не проявил.

Я пробормотал:

— Что, и король у вас сова?

— Сова?

— Ну да... гм, у нас так почтительно зовут крупных государственных деятелей, что и ночи напролет над картой мира... заботясь, значит, о судьбах подданных... С трубкой во рту и пачкой «Герцеговины-Флор».

Он покачал головой, уши напряжились до хруста хрящиков, морщины на лбу задвигались, укладывая услышанное поудобнее, чтобы быстро достать при острой нужде, шегольнуть перед бабами.

— Да, он такой... — сказал осторожно. — Однако он может быть не совсем... за картой мира.

— Бабы? — спросил я. — Бабы — это тоже хорошо.

Он не рискнул поддерживать светскую беседу, сделал приглашающий жест, и мы пошли по широкому коридору, где пол и стены заливают волны чистого радостного света. Светящийся мох дает оранжевый свет настоящего дневного оттенка, к которому мы привыкли, потолок отражает свет, рассеивает, и передо мной впервые не бежали угольно-черные тени, к которым вынужденно привык в Зорре.

В тронном зале было светло и радостно. Две фигуры согнулись над пестрой доской, в которой я еще издали узнал шахматную. Один человек, массивный, с торчащими, как у Петра Первого, в стороны усами, явно король: королевская мантия, легкая корона на голове, но веселится и что-то выкрикивает совсем не по-королевски. Второй держится скованно, но я ощутил, что эта скованность не от смущения перед королем, а скорее от близкого поражения.

Меня подвели ближе, король взглянул мельком, взмахнул белой холеной рукой:

— Подожди там. Возьми стул, посиди. Сейчас я разгромяю этого простака...

— Я не простак, Ваше Величество, — возразил второй игрок обидчиво, — просто вы где-то смошенничали...

Король воскликнул:

— Опять? На этот раз мы ж в шахматы, а не кости бросаем, не заметил?.. Как тут смошенничать?

— Не знаю, — возразил второй уныло. — Но вы всегда мошенничаете... У вас и карты крапленые, и кости со свинцом... И шахматы...

— Что, — спросил король ехидно, — со свинцом? Или крапленые?

— Вам виднее, — сказал партнер тоже ехидно. — Я не разгадал, я ж не жулик...

С этой стороны меня отгораживал от короля длинный стол, сплошь заставленный блюдами с изысканно приготовленной едой, а также множеством фруктов: массивных гроздьев сочного винограда, яблок, груш, апельсинов, абрикосов...

Я сел и начал наблюдать за игрой. Они сделали еще по два хода, король победно подкрутил левый ус, с таким энтузиазмом поставил ферзя на дальнюю клетку, что я ждал вопля «Рыба!», но король сказал с той же победной интонацией:

— Мат!.. В два хода!

Второй насупился.

— Как это? Откуда мат?.. Ничего не вижу... А я вот шас эту вашу королеву и шарахну...

Король заулыбался — явно убийство ферзя входило в план коварной ловушки, повернулся ко мне. Глаза его были живыми, лицо покраснелось, усы топорщились, как у большого довольного кота.

— Ну? — сказал он по-прежнему ехидно. — Как созерцание этой нечестивой игры?

Я пожал плечами.

— Ваше Величество, вы играете на уровне продвинутого новичка. А меня дедушка в сопливом возрасте... не дедушка в сопливом, а когда я был в том счастливом возрасте... водил в шахматный кружок, где я добрался до второго

разряда. Я думаю, что для вашего королевства это на уровне абсолютного чемпиона мира...

Он не врубился насчет кружка и чемпионства, но суть ухватил сразу.

— Ты умеешь... нет, ты не чувствуешь отвращения к этой нечестивой игре?

— Я не вижу в ней ничего нечестивого, — ответил я. — А вам попробую поставить если не киндермат, то... слона вперед дам. А то и ладью. Или она для вас все еще тура?

Он изумленно pokrutil головой.

— Так-так... А ведь у вас в Зорре она запрещена! Людям надлежит упражняться только в постах, молитвах, исповедях, стоянии часами на коленях и... Ладно, об этом потом. Расскажи о Зорре, каков он сейчас. Нет-нет, у меня, конечно же, есть там люди, но меня больше интересует мнение бродячих торговцев, певцов, странников — они видели больше, могут сравнивать. Ты тоже в Зорре чужой, а видел ты, судя... хотя бы по шахматам, много.

Я пожал плечами.

— Там сильные и отважные люди. Они сражаются с войсками короля Карла... и хорошо сражаются.

Он помрачнел, нахмурился, стукнул кулаком по второму столу.

— Фанатики... Твердоголовые фанатики!.. Король Карл все равно возьмет ваш Зорр. И тогда все королевство... эх!.. Вам нужно под мою руку. Но я не хочу идти войной, хотя, поверь, у меня сил втрое больше, чем у Зорра. Я не хочу больших потерь, это плохо сказывается на... вообще плохо сказывается. Но Зорру лучше быть под моей рукой. Когда вернешься, везде рассказывай о преимуществах... И о том, что я готовлю большое войско для нападения. А я его, если честно, в самом деле готовлю.

Я проигнорировал угрозу, спросил:

— Каких преимуществах?

Он покачал головой.

— Еще не заметил? Врешь, заметил. Ты не дурак. У нас весело, у нас жизнь кипит, у нас доступные женщины, у

нас на веселье уходит почти столько же времени, сколько и на работу... И, самое главное, под моей рукой Зорр будет в безопасности!

— Почему? — спросил я прямо.

Он ответ взгляд, отвечать явно не хотелось, наконец проронил:

— Лучше об этом распространяться не очень, не очень... Дело в том, что хотя мы и не признаем власти Карла... тем более не признаем его вдохновителей, но мы иногда торгуем с империей Карла... да-да, уже не королевством, а империей!.. И потому у нас с Карлом такие отношения, что он нас не трогает, мы его не трогаем...

До поры до времени, подумал я. Карлу не до вас, пока есть Зорр. И пока есть подобные Зорру.

— Как я понял, — сказал я, — никаких прав у вас на Зорр нет...

Он вскинул брови.

— При чем здесь право?.. Разве я говорю о праве в понимании этих невежественных королей и их вассалов? У нас свое право. Настоящее. Справедливое. Или ты считаешь, что все под справедливостью полагают одно и то же?

— Нет, конечно...

— Так вот, по нашему праву мы можем вмешиваться в дела примитивных жестоких племен и народов... вот, кстати сказать, как вы считаете себя вправе навязывать Христа язычникам. Ведь навязываете же? Огнем и мечом? А кто отказывается, кто мужественно защищает свою самобытность... нет-нет, я не защищаю их, я просто показываю вам, как это выглядит с другой точки зрения. Вы считаете, что вы вправе вмешиваться, так как несете свет более высокой веры, более высокого учения. И более высокой культуры. Верно?

Я процедил сквозь зубы:

— В целом верно. Хотя я и не зоррец...

— Вот и прекрасно, мы поладили. Точно так же мы несем свет... если продолжать те же старые метафоры, свет знания! Свет прогресса. Вы не поверите, но в нашем коро-

левстве практически все умеют читать и писать. Простите, а ваш король Шарлегайл умеет расписываться? Или вместо подписи ставит крестик?.. Говорят, будучи особо грамотным, он рисует три крестика. А у нас любой простолюдин может подняться на самые высокие ступени в обществе. Это ли не справедливость?

Я с неохотой кивнул.

— Да, если это верно. Но, хотя я и не зоррец...

— Верно-верно, — сказал он, и я поверил, что не врет. — Это же прямая выгода нашему государству! Когда у всех граждан есть доступ к высшим должностям, ни один талант не пропадет. Потому мы лучше этого вонючего королевства даже по таким признакам, как богатство, как свободное время, как развлечения... а что еще надо простому народу, как не развлечения?

Я поднялся, поклонился:

— Не буду отнимать драгоценное время у Вашего Величества.

Он прищурился:

— Это значит, что ты отказываешься помогать?

— Я не отказываюсь, — ответил я осторожно, ибо спорить с монархами очень рискованно. — Но Зорр должен убедиться в преимуществах образования, вообще в преимуществах вашего образа жизни... в чем я, например, убежден полностью! Целиком и полностью. Сейчас мои симпатии, скажу честно, на вашей стороне. На стороне королевства Мордант. Но если вы нападете на Зорр, мои симпатии будут на стороне обороняющихся. И если у меня появится возможность сражаться, я буду драться в рядах его защитников.

Он несколько мгновений всматривался в мое лицо. Я сам не понимал, почему такое сморозил. Давно уже живу без каких-либо моральных установок, ведь я из двадцать первого века, а вот сейчас взял и брякнул. И вообще стою в горделивой позе, месяц тому назвал бы ее смешной: грудь колесом, одно плечо вперед, подбородок надменно вздер-

нут, взгляд вприщур, на морде тупая готовность стоять на своем, неважно — прав или не прав.

— Ладно, — сказал король неохотно. — Иди... Мне жаль, ты понимаешь, я хотел только, чтобы на те земли как можно быстрее пришел свет просвещения... Иди, сэр Ричард. Ты все равно придешь ко мне. И ты это знаешь.

Я кивнул. В душе шевельнулась благодарность, что этот человек хоть и король, а это еще те люди, но так хорошо меня понял.

— Знаю. Но сейчас еще не тот день. Но можно ли мне вернуться тем же путем, каким я и прибыл?

Он посмотрел с недоумением, отмахнулся.

— Ну конечно же! Даю тебе на то свое королевское повеление, если тебе это так важно. А теперь иди.

Я поклонился, попятился, ибо к королю вроде бы неприлично поворачиваться анусом... или это к шаху не принято... словом, у самой двери развернулся, открыл сам, по ту сторону ждет Зак Ганн, я заявил с ходу:

— Запрягай дракона!.. Повезешь обратно.

Он опешил.

— Ты... что? Я еще не видел такой наглости!

— Это короля ты называешь наглецом? — поинтересовался я зловеще, бросил взгляд на молчаливых стражей. — Хоть у вас тут почти демократия, но не до такой же степени, надеюсь?..

Вытянутое лицо эльфа стало еще длиннее, а глаза распахнулись, как крылья испуганной бабочки.

— При чем тут... Его Величество?

— Он распорядился, — ответил я злорадно, — доставить меня обратно тем же способом... и в то же место, как и оттуда сюды! Теперь андастэнд?

Зак Ганн в страхе взглянул на стражей. Они стояли как истуканы, но то ли движением бровей, то ли аурой подтвердили, что этот наглый пришелец не врет.

— Великие Силы! — прошептал эльф. — Так уже ж почти рассвет!.. Бегом за мной!

Стены замелькали, как лопасти вентилятора. Мы не-

слись по коридорам, выбежали во двор, а потом помчались вокруг замка в самый дальний и темный угол. Эльф что-то выкрикивал на бегу. Впереди вспыхнул свет, несколько человек поспешно распахнули перед нами тяжелые, окованные железом двери.

В огромном помещении сильно пахло рыбой, тиной и водорослями. И медузами. В свете факелов метались приземистые фигуры, вскрикивали, переругивались, наконец появилась достаточно высокая фигура. К ней подбежали с факелом, я узнал Беату, что руководила моим похищением.

Она всматривалась в меня с гневом и возмущением.

— Ты? — сказала она неверяще. — Это тебя потребовалось везти обратно так срочно?

— Я ж говорил, — ухмыльнулся я. — Если мне полет понравится, я возьму тебя своим личным водителем... может быть.

Я выразительным взглядом прошелся по ее фигуре. Она вспыхнула, в глазах заблестали грозные искры. Я поспешно отступил, улыбнулся, выставил вперед ладони в примиряющем жесте: шуток не понимаешь, это же вполне в духе новых времен! И вашего королевства. И будущей эры политкорректности и сексуальных свобод.

Дракона вывели через другие ворота, мы оказались сразу за пределами города. Я во все глаза рассматривал эту громадную ящерицу, но если эльф, гном и женщина надеялись, что я упаду от ужаса или начну призывать Силы Небесные, они здорово просчитались. Дело не в том, что здесь мало видят зверей, а у нас любой ребенок хоть раз да побывал в зоопарке или в цирке, но все мы к тому же знаем, какие были тираннозавры, бронтозавры, игуанодоны, птеродактили, во многих парках стоят как живые, ревут, бодаются, машут крыльями и даже рвут когтями друг друга.

— Хорошее ископаемое, — одобрил я. — Ребята, надо спешить. Уже рассвет!.. Хорошо бы пораньше...

Беата сказала с откровенной ненавистью:

— Влезай. Я поведу дракона.

Эльф и гном попятились, дракон распустил серые кожистые крылья. На спине обнажился острый гребень, уже потертый, а костяные щитки, по которым я карабкался вверх, выглядели истоптанными ступеньками. Женщина села впереди, прямо на холке, оглянулась. Мне почудилось в ее глазах злорадство.

— Можно лететь?

— Да, — ответил я неосторожно, тут же прикусил язык, стараясь понять, в чем же подвох. — Только мертвую петлю не делай.

Дракон поднялся на всех четырех лапах, тяжело побегал, растопыренные крылья начали осторожно хлопать по воздуху, и я понял, почему драконы не садятся и не взлетают во дворце, им для разгона нужна взлетная дорожка длинной с полосу для «Боинга». И еще я понял, что не успел пристегнуться ремнем, что здесь вообще нет ремня, что меня не привязали... и понял, что значили злорадство в глазах женщины и ее смиренный вопрос: можно ли взлетать?

Толчок, меня вжало в костяные плиты. Там заскрипело, две массивные пластинки раздвинулись. На следующем взмахе крыльев злорадно сошлись, защемив брюки и кожу на заднице. Я молча взвыл, но нет худа без добра: зато ветер не смахнет меня, как горстку пыли. А защемило только задницу, надо представить, что просто вкатили десяток уколов, современный человек не обходится без уколов в это место...

Женщина оглянулась, ее волосы растрепались, глаза блестели веселой злостью.

— Ну как тебе полет?

— Терпимо! — прокричал я навстречу ветру. — Когда нет ничего быстрого, то и на драконах можно!

Она отвернулась. Дракон начал отклоняться к югу, она пару раз с силой ударила длинной палкой по левому крылу. Дракон качнулся влево, ветер снова ударил прямо в лицо. Я морщился, крепко держался за торчащий из спины высокий шип, спиной упирался в другой. Пятками отыскал щели между костяными щитками, уперся, и страх медлен-

но уходил, зато пришло дурацкое ликование. Как же, лечу! Как раньше летал только в виртуале. Тоже на драконах, грифах, симургах... Если честно, то не скажу, что в реале лучше. Там летишь, летишь, дерешься с другими наездниками на драконах, а левой рукой хлопаешь по столу в поисках бутерброда или плитки шоколада. Если даже голову сшибут, то на этот случай есть load...

Рот мой наполнился слюной, я попытался сплюнуть, и ветер злорадно тут же размазал плевков по всей роже. Никогда бы не подумал, что я могу плюнуть как верблюд. Даже как два верблюда...

Женщина начала оглядываться, я закричал поспешно:

— Смотри вперед!

Она посмотрела, я поспешно вытер харю, она оглянулась, брови в недоумении вздернуты.

— А что там?

— Как прекрасен этот мир, посмотри! — прокричал я.

Она отвернулась и больше в мою сторону не смотрела. И не разговаривала. Дракон несся стремительно, взмахи крыльев бросали его сильными рывками, я уже приноровился и не стучался затылком о высокий шип. Темно-зеленое внизу иногда переходило в светло-зеленое — это лес сменялся равнинами, иногда я замечал тончайшие коричневые нити — это дороги, пять-шесть раз под нами проплыли извилистые вены рек и речушек.

Я продрог, утром воздух вообще холодный, хоть и лето, а здесь уже встречный ветер, однако дракон медленно шел вниз, еще ниже, еще. Сперва я думал, он перешел на бреющий полет, чтобы не очень замечали крестьяне, а маги не сбили, будучи предупреждены заранее, но дракон снизился еще, выставил вперед лапы, чуть откинулся корпусом назад, крылья распахнул и выставил против ветра как паруса.

Несколько раз трянуло, он приземлился только с третьей попытки, чуть пробежал и тяжело рухнул брюхом на траву. В десятке шагов поднимались высокие деревья, там лес, так что дракон совершил неплохую посадку.

Под мной в недрах дракона хрипело и хлюпало. Я рванулся, меня держало, но на следующий полный вдох пластины раздвинулись, я сумел встать и даже улыбнулся наезднице.

— Спасибо за полет! Я понимаю, вы в самом деле старались сделать все, чтобы мы летели как можно быстрее.

Беата смотрела на меня в негодовании, на щеках выступил злой румянец.

— Что значит «старались»?

— Все равно спасибо, — произнес я галантно. — Вы сделали что могли.

Брюхо дракона судорожно раздувалось и схлопывалось, камешки под брюхом скрипели. Широкие, как шпангоуты корабля, ребра на мгновения резко обозначались под кожей, исчезали под сухой серой кожей, очень похожей на рыбу. Здесь, на боках, чешуйки — не ороговевшие плиты, как на спине, а тонкие слюдяные пластинки, иссохшие, потрескавшиеся, а брюхо так и вовсе нежное, как у огромного сома.

Я слез, держась за толстую заднюю лапу, передние слишком близки к страшноватой морде, изо всех сил старался держаться прямо, улыбался мужественно, ни звуком не выдал боль от защемленной задницы. Женщина тут же ухватила ремень и потащила усталого дракона в сторону леса.

— Сейчас он лететь не может, — объяснила она с упреком, словно это я довел ящерицу с крыльями до предынфарктного состояния. — А вам, если так уж не нравятся драконы, надо летать на селептерах!

— Хорошо, — согласился я, — буду. А что это такое?

Она пожала плечами.

— Откуда я знаю?

— Ну... вы ж сами изволили... обронить изволили!

— Так говорят, — отмахнулась она. — Были слухи, что где-то далеко на юге... Но теперь, когда война, все оборвалось.

— Жаль, — сказал я искренне. — А селептеры... странное имя. Это такие драконы или... машины?

— Машины? Что это?

Я помахал ей рукой.

— Вам пора. А то уже солнце поднимается... Идите прямо на восток. Эти деревья кончатся, а там уже тот лесной замок...

И все-таки, оставшись один в ночном лесу, пусть и пред-
рассветном, я ощутил приступ страха, почти паники. Тело
мое вздрагивало при каждом шорохе и пугливо хваталось
за пояс, где раньше висел молот. Кто-то говорил, что не-
трудно быть храбрым на людях, куда труднее быть отваж-
ным, когда тебя никто не видит, и сейчас я со стыдом ощу-
тил, что в самом деле бегу через лес с перекошенным от
страха лицом, сгорбившись, дышу часто, выгляжу, как бе-
гуший от плети хозяина раб...

Я заставил себя глубоко вздохнуть, выпрямился, плечи
пошли в стороны, а взгляд, надеюсь, стал гордым и над-
менным. Так и несея через лес: выпятив нижнюю челюсть,
на губах презрительная улыбка, взгляд свысока на все, будь
это упавшее дерево или же прошмыгнувший мелкий зве-
рек, который, может быть, вовсе не зверек, а... Не думать о
таком, не думать!

В этом лесу, как рассказал мне по дороге Беольдр, по
ночам появляется ночной народ, которого не видит никто
из живущих. А кто увидит, тот больше не увидит белого
света. Ночной народ выносит из тайных пещер драгоцен-
ные камни, что добыл в глубинах земли, и раскладывает на
полянах, чтобы камни впитали свет звезд, набрались маги-
ческой мощи. Некоторые камни, которые выносят уже
сотни или тысячи лет, набрали такой мощи, что способны
разрушить этот мир и создать новый. А самые молодые кам-
ни, которые набирают свет звезд только неделю-другую,
могут привораживать или отвораживать, лечить раны и бо-
лезни.

Кроме того, в этом лесу бродит конь с рогом посреди
лба. Он как стрела бросается на человека и пронзает его
рогом насквозь. Вообще-то это не конь, только обликом

схож, а на самом деле это зверь, что остался с тех времен, когда на небе еще не было луны...

Еще страшнее деревья, что обхватывают неосторожного путника ветвями и корнями, выпивают его досуха, а утром солнце освещает только иссушенный труп. Такие деревья нельзя отличить, днем они как простые деревья, а вот ночью... Еще здесь ходит чужаистыр, что ловит мавок и рвет на части, а сами мавки сидят чуть ли не на каждой ветке, только ночью здесь можно встретить дивного дракона, что знает людскую речь и может прикидываться купцом, зато встреча с попутником, а то и вовсе с исчезником грозит как днем, так и ночью...

Край земли искрился, солнце высунуло раскаленную лысину, оттуда сразу пошел радостный свет, а от всех предметов побежали угрюмые бесконечно длинные тени.

Запахавшись, я вылетел из леса и взбежал на вал. Сердце оборвалось и покатилося в темный ров. Мост поднят, незамеченным вернуться не удалось...

Внезапно послышался скрип. Я не верил своим глазам — подъемный мост очень медленно пошел вниз. Я дергался, стискивал кулаки, оглядывался на встающее солнце. Беольдр сейчас поднимается, а то уже и встал, седлает коня. Спрашивает Терентона; куда мог деваться из запертого замка его спутник... С другой стороны, кто как не Терентон опускает подъемный мост? Вряд ли ему сообщили, что я вернусь да еще вот так... Явно, заведев меня, терзается страхом, что если я убежал из Морданта, такой герой, то ему не сносить головы... Но и оставить меня здесь, на рву, бесполезно, ведь Беольдр все равно выедет из замка, я брошусь навстречу и все расскажу, мы тут же вернемся, чтобы все здесь сжечь и разрушить...

Концы бревен опустились наконец на уровень моего пояса, я подпрыгнул, вскочил на мост и побежал к воротам. Мост опускался еще пару секунд, потом остановился и начал подниматься.

Я выбежал во двор. Дверь здания распахнулась, вышел Беольдр. Лицо его было хмурым и подозрительным.

— Дик, — проговорил он с великим удивлением, — где ты был?..

Краем глаза я увидел, как из башенки ворот спустился Терентон. Лицо его побледнело, он старался не смотреть в мою сторону, но уши вытянулись, как у самого породистого эльфа.

— Я? — переспросил я. — Вообще-то у меня было ночью такое приключение...

Беольдр насторожился, Терентон стал еще несчастнее.

— Что случилось? — потребовал Беольдр.

— Да когда наступила ночь, — сказал я, — мне было так душно... я пошел к колодцу напиться... Вода холодная, правда!.. Зубы ломит. А потом пошел обратно, но в потемках заблудился, я ж тут не знаю, где и что. Блуждал, блуждал, пока не понял, что уже хожу по пятому разу, а конюшни все нет... Свалился в каком-то углу. Вот только сейчас проснулся. Все тело болит, спал на каких-то поленьях...

Со стороны Терентона послышался мощный вздох. В его смертельно бледное лицо возвращалась кровь. Он пугливо посмотрел на меня, тут же отвел взгляд.

Беольдр взглянул в сторону подъемного моста:

— Что там у тебя скрипит?

— Уже меньше, — ответил Терентон поспешно. — Вы, ваша милость, изволили не одобрить скрип. Вот я утречком, чтобы вам угодить, смазал цепи. А потом разок опустил и поднял, чтобы масло протекло во все щели...

Беольдр благосклонно кивнул.

— Еще смажь, — велел он. — Все равно скрипит. Вечно вы, торговцы, жадничаете!.. Даже масла вам жаль, которыми хоть подвалы заливай... Ладно, Дик, иди быстрее седлай коня. Мой уже готов, понял?

— Понял, — пробормотал я. — Поверьте, ваша милость, мне так стыдно, так стыдно.

Я побежал к конюшне, едва не упал, а когда распахнул ворота, одна только мысль жгла череп. Как с такой задницей я смогу выдержать весь обратный путь?

Обратный путь я не выпускал молот из руки, то и дело

швырял в любую подозрительную тень, даже если то в самом деле оказывалась тень от дерева или камня. Наше возвращение сопровождали страшный грохот, треск, падающие деревья, так что уstraшенные тролли, гоблины и всякая мелочь вроде диких гномов рисковать шкурой не стали...

Беольдра приветствовали еще в городских воротах как героя. Двух коней с таинственным бартером тут же увели в сторону королевской оружейной, а ко мне подошел молодой священник, за его спиной маячили двое стражников. Мечи у них в ножнах, но оба держали острые копья. Один сразу же взял коня под уздцы, а второй окинул острым взглядом мои доспехи в поисках щелей.

— Сын мой, — сказал священник, хотя явно мне ровесник, — я готов проводить тебя в святое место.

— К мощам? — переспросил я.

— Нет, — ответил священник. — Тебя готовы выслушать... в другом месте.

Мое распаренное долгой дорогой тело как будто бросили в ледяную воду. Доспехи сразу показались невыносимо тяжелыми. Я медленно спешил, стражник потянул коня в сторону.

— Не беспокойся, — сказал священник елеиным голосом. — О нем позаботятся.

— О, не сомневаюсь, — пробормотал я. — Это же конь, не какой-нибудь человек... Тем более простолудин.

Глава 8

Стены покачивались, а ноги мои подгибались, становясь ватными или, напротив, превращаясь в негнушиеся колоды. Сердце сжималось, а страх уже заранее растолок в пыль все доводы и оправдания.

Молчаливый слуга распахнул перед нами двери. Стражник остался, священник повел через анфиладу залов, строгих, с неимоверно высокими стрельчатыми сводами. Если там, в своем мире, я видел церкви — уютные и вкусные даже с виду разукрашенные домики, куда старушки носят

«освятить» сдобные куличики да пасочки, чтобы потом вернуться домой и лопать их, лопать, лопать от пуза, где сами священники больше обеспокоены задержкой месячных у жены и яловостью коровы, то здесь сама мысль о том, что человек способен есть, показалась бы кошунственной, дикой. Здесь живет дух, здесь знают твердо, что все тленно, кроме чести, доблести, служения Богу и того высокого, что есть в человеке, но о чем в мирской суете забываем и... затапываем.

Перед дверью высился огромный монах, голову потупил, руки сложил, но не по-наполеоновски на груди, а совсем смиренно в позе футболиста в стенке перед штрафным ударом. Священник сказал ему кротко:

— Вопрошающий доставлен, брат мой.

Монах наклонил голову и, не поднимая головы, толкнул дверь. Вообще-то вопрошающий здесь больше я, успел подумать я и даже жалко порадоваться, что остатки трусливого самообладания сохранил, но дверь распахнулась, и остатки моей трусливой души ушли в пятки, а там забились под стоптанные стельки.

Небольшой темный зал, куда меня доставили, как нельзя больше подходит для судилища. Единственное освещенное место — у каменной стены, и когда я туда встал, сразу вспомнил все и всех, кого и зачем ставили к стенке. Светильник над моей головой растягивает круг света еще на три шага вперед и в стороны, а дальше полумрак, темные фигуры в креслах, но даже сейчас, как схватывают мои быстро приспособляющиеся глаза, все они в бесформенных плащах и капюшонах, закрывающих лица.

Страшное одиночество сковало душу. Семеро фигур в плащах, строгий и бесчеловечный собор, каменные стены из массивных глыб, снизу тянет холодом подземелья, ноги дрожат, а эти фигуры рассматривают меня молча, словно умеют смотреть сквозь человека, как сквозь туман.

— Мы слушаем тебя, Дик, — донесся бесплотный голос.

Я сразу увидел за этим голосом старца, уже утративше-

го все человеческое, не способного вкушать жареное мясо с острыми специями, забывшего, как выглядит женщина, вообще забывшего, как выглядит мир за стенами.

— Спрашивайте, — ответил я нервно. — Я не знаю, что вы хотите услышать.

— Когда ты в последний раз был в церкви?

— Очень давно, — ответил я. И добавил заискивающе: — В моих краях считают, что Бог живет в самом человеке. А церковь должна быть из ребер, а не из бревен или камня.

Я видел, как они покачивают головами, сдвигают их, совещаясь, голоса шелестят сухие, старческие, бесплотные, растерявшие все человеческие чувства.

— Мы знаем, — прошепел другой голос, но такой же обесцвеченный, — что в трудном походе со святыми мощами ты заходил в церковь. И что деревенский священник дал тебе крест.

— Да, — ответил я.

— Где этот крест?

Я распахнул рубашку.

— Да вот он.

Я чувствовал на своей коже их холодные взоры, наконец раздался бесплотный голос:

— Почему ты не упомянул? Ведь это говорит в твою пользу.

— Но я в самом деле давно не бывал в церкви, — возразил я. — Вообще был в ней два или три раза. За всю жизнь.

Снова я слышал их приглушенные голоса. Снизу от пола тянуло могильным холодом. От толстых стен тоже несло вечностью, незыблемостью, я против воли начал съеживаться, чувствуя себя маленьким и несчастным.

— Говорят, что ты общался с гномами и эльфами?

Я возразил осторожно:

— Не только я. С ними общаются Беольдр... и другие, как я слышал.

— Им так велено, — ответил священник сухо. — Всякий раз они проходят строжайшее очищение, держат по-

сты, епитимию... Но ты? Ты ведь по своей воле, без принуждения...

— Я общался, — подтвердил я, понимая, что такое отрицать нелепо. — Но оружие, скованное гномами, вполне служит и нашему делу. Если бы не меч, скованный гномами, кто знает, довели бы мы мощи святого Тертуллиана...

— Слепец, — сказал инквизитор с горечью. — Ты все еще думаешь, что дело в самих гномах или эльфах?.. Или даже проще — в Морданте?.. Глупец... Настоящую войну ты даже не зришь, хотя силы бьются неизмеримые с теми, что копошатся внизу. На земле. Война идет по всем землям и королевствам, но только здесь ее можно увидеть... зримо. Только здесь, на Краю, подземные силы Тьмы выходят на поверхность, чтобы подмять человека, а небесные силы Света опускаются от высшего престола, чтобы помочь человеку в его борьбе... И гномы с эльфами лишь первая приманка, первая ступенька на пути падения в ад.

Мне стало страшно, я постарался стряхнуть с себя наваждение, рассердился на себя, что струсил, и на полубезумного священника, который сумел нагнать такой страх.

Второй инквизитор сказал строго:

— Не так уж много надо, чтобы человек потерял такие истинно человеческие ценности, как честь, достоинство, верность...

— Верность Богу? — спросил я.

К моему удивлению, инквизитор отмахнулся.

— Богу, королю, жёнщине, другу или врагу, своим идеалам — какая разница? Это все верность Богу.

Я насторожился.

— Разве Господь не ревнив? Не говорит, что надо быть верным только Ему?

— Быть верным Ему, — сказал инквизитор резко, — это не поклоняться другим богам. А быть верным жёнщине... Разве не жёнщина дала миру Иисуса Христа? Разве не жёнщины... Эх, ладно, ты еще слишком юн. Но помни, что быть верным жёнщине — быть верным Богу. Только благород-

ный человек способен проявлять верность кому-то или чему-то. А мерзавец верен только себе...

Третий прислушался, хмыкнул:

— Верен? Мерзавец и себе изменит, если это выгодно. Или чтоб шкуру спасти. Ладно, брат мой, мы уже оценили... в целом эту юную заблудившуюся душу. Кстати, насчет заблудившейся. Наш епископ сказал, что ты заблудился не только душой, что объясняет некоторые твои странности. Повтори нам, сын мой, что ты рассказывал святому человеку.

Я развел руками.

— Ваш епископ оказался очень умным и понимающим человеком. Я рискнул... он поверил. Но вы потащите меня на костер, даже не дослушав. Дело в том, что я силой неведомой мне магии был перенесен из дальних... очень дальних земель. Настолько дальних, что даже в Срединных Землях ничего не слышали о моих краях, как в моих не слышали об этих королевствах. И вот я оказался в поле среди неведомых мне людей в тот момент, когда через это поле гнались за принцессой... Остальное вы наверняка знаете.

Инквизитор кивнул.

— Да, — ответил он блеклым голосом, в котором было больше от механического разума, чем от живого человека, — да, мы знаем все, что делается здесь... Мы стараемся не вмешиваться в мирскую жизнь, но мы ее знаем. Ты, еще не поняв, где ты и что с тобой стряслось, бросился на помощь женщине. Ты не упомянул, что за нею гнались пятеро мужчин!.. То есть ты действовал не по уму, а по велению души...

Он взглянул в упор. Для этого даже сдвинул капюшон на затылок. Глаза мои почти привыкли к полутьме, я различил удлиненное очень худое лицо, явно умерщвляемое постами, запавшие глаза, высоко вздернутые совершенно белые брови, словно вылепленные из снега, да еще усыпанного инеем.

Я проблеял жалко:

— Ну... ме-е... это ж я... ну, так получилось...

В моем мире сказать, что действовал не по уму, — это

оскорбить, но здесь, похоже, это почти заслуга. Ну да, ведь дураки да юродивые угодны Богу. А я действовал как дурак, когда с оглоблей на пятерых здоровенных лбов, хорошо вооруженных, а перед этим еще и вилами гарпию...

Заговорил самый дальний инквизитор, седьмой, он показался мне настолько старым, что уже и здесь дремал в кресле, забывая, где он и что с ним. Сейчас он смотрел внимательно, запавшие глаза странно мерцали. Я видел, как там, в глубине зрачков, то разгорается огонек, то гаснет, а взамен разрастается жуткая тьма.

— Мы уже знаем, — проговорил он дребезжаще, — что на тебя не действует ни магия колдунов, ни святая вода праведников... Ты не кланяешься Сатане, но ты не ходишь и в церковь. Ты возник неожиданно, когда доблестные слуги церкви везли мощи святого подвижника... Ты мог встать на любую сторону, но ты помог, сам того не зная, силам церкви... Но это не значит, что и в следующий раз сможешь церкви, а не капищу Сатаны... Верно?

Я опустил голову. Все заготовленные слова и увертки показались жалкими и ненужными. Эти инквизиторы, эти опытные следователи видят меня насквозь, как лист промасленной бумаги перед факелом. Что бы я ни сказал, все равно видят, что я на самом деле есть. Они вслушиваются не только в слова, но и в интонации, замечают заминки, падения темпа, отмечают хриплый голос, видят мой покрытый испариной лоб и прекрасно понимают, что значит та или другая капля пота. Они прожили долгую жизнь, они видели всяких людей, научились видеть за увертками и клятвами самую суть...

В тишине заговорил шестой инквизитор, его голос я тоже услышал первый раз:

— А в чем была цель... что этот человек оказался здесь?

Первый инквизитор пробормотал:

— Неисповедимы пути Господни...

Я хмуро подумал, что наконец-то слышу эту обычную отговорку невежд, которые не только не знают, но и не хотят знать. Седьмой подтвердил:

— Все верно, брат. Мы только предполагаем, а располагает Господь... Однако понятно, что этот человек не мог попасть в наш мир без Божьего промысла... или, если хочешь, Божьего согласия...

— Скорее, без промысла Врага рода человеческого, — возразил Первый резко.

— Почему?

— Этот человек не принимает Господа Бога!

— Но не принимает и Сатану, — напомнил Седьмой.

Третий развел в стороны руки, и все умолкли. Он пристально всматривался в мое лицо. Я не видел его глаз, но чувствовал его интенсивный, как от масляного нагревателя, проникающий сухой жар.

— Что скажешь в свою защиту, сын мой?

— Что я могу сказать? — ответил я. — Вы все понимаете лучше меня. Но что-то уже слышал по этому поводу... Чтобы запустить ракету, надо два ключа, а они у разных людей...

Инквизитор пропустил мимо ушей непонятные слова — качество, присущее христианам, — и продолжил:

— Но ты здесь. Значит, Господь Бог не препятствовал Дьяволу ввести тебя в этот мир. И хотя понятно, что ты — человек Дьявола, на которого тот возлагает надежды, однако же Господь в своем бесконечном милосердии...

Я начал вздрагивать, холод от плит все сильнее, а я не йог и не аскет, не умею концентрациями гонять кровь в разные участки тела, а только в один могу, но сейчас это не согреет, а инквизиторы узрят доказательство моей греховности.

Третий все еще смотрел пронизывающим взором, остальные беседовали между собой. Иногда я видел, как в полумраке поблескивают их глаза.

— Ничто не делается без промысла Божьего, — сказал Третий торжественно. — Возможно, на примере этого человека Господь в своем милосердии хочет других отвратить от зла.

Седьмой спросил заинтересованно:

— Что вы рекомендуете, брат?.. Без пролития крови?

Третий ответил бесстрастно:

— Если это отвратит других от зла, почему не принести такую жертву?.. Но я не уверен, что эта жертва необходима.

Холод сотряс меня всего, я изо всех сил стискивал челюсти, чтобы не лязгать зубами, что наверняка сочтут доказательством моей виновности. Как-то не хочется услышать запах своей горячей кожи. Уже слышал велеречивое, что плоть смертна, сгорит, и хрен с нею, нашел, о каких пустяках жалеть, зато выпорхнет и освобожденно запоеет бессмертная душа...

Они снова собрались в кучку и оживленно беседовали, цитировали Библию, святых отцов церкви, откровения и поучения, а я сам старался осмыслить свое странное положение. Возможно, в самом деле Та Сторона дала молчаливое согласие на мой перенос, чтобы нарушить некое равновесие между Добром и Злом. Получить, так сказать, право озвереть и одним махом все человечество... ну, как с Содомом и Гоморрой, Геркуланумом и Помпеей, Атлантидой, Лемурией, Гипербореей... а еще раньше — потопом, метеоритом с половинку Луны, поворотом планеты другим боком к Солнцу...

Правда, я хоть и считаю себя самым замечательным и потенциально великим, но уже знаю, что все уверены в своей необыкновенности, так что в реальности я не такая уж и большая шишка, чтобы из-за меня... Впрочем, возможно, здесь недостает только крупинки, чтобы началась реакция, одной песчинки хватит, чтобы сдвинуть чаши весов... Мир Тьмы богаче, разнообразнее, ярче. Он просто намного старше, ведь, по их же басням, Бог прислал в мир своего Сына и принес Его в жертву совсем недавно! И по-настоящему борьба Добра и Зла началась только с Его приходом, а до этого все века и тысячелетия торжествовала Тьма, развивалась, крепла, расширялась, а человеческие королевства под ее черными крыльями грызлись и дрались друг с другом, всячески наращивая мощь, усиливая магию, создавая новых чудовищ.

Да, были отдельные герои и раньше, что сражались

против Тьмы, но только сейчас у людей есть Вера, а это, как я уже заметил, достаточно грозное оружие... вот только и сейчас очень немногие могут удержать его в руках. Слишком высокие требования к такому суперкомандос: чистые руки, благородное сердце, незапятнанные помыслы, безграничная вера в своего верховного Сюзерена...

Я напрягал все мышцы, чтобы как-то заставить себя разогреться. Ладно, уже известно, меня сюда забросил Сатана, он сам это сказал, только бы не проговориться об этом инквизиторам, пусть у них это остается только рабочей гипотезой. Но зачем Та Сторона позволила ему затащить меня сюда, явного сторонника прогресса? Либо Господь видит глубже, либо он решил показать, что даже с моей помощью Сатане не одолеть этих праведных и честных идиотов. Либо чтобы драка стала еще ожесточеннее... Гм, это гипотезы, но остается и та, пришедшая первой, что это для того, чтоб разозлиться шибче и снова мировым потопом, а то и ядерной войной всех и со всеми! Чтоб я, так сказать, переполнил чашу терпения Господнего гнева, и Он вспомнил былое...

Я услышал долгий усталый вздох. Потом прошелестел слабый голос Седьмого:

— Всякое сомнение... толкуется в пользу обвиняемого. Мы не можем с уверенностью сказать, что этот человек послан во Зло... и будет творить Зло. Даже если его призвал в наш мир Сатана!.. Ведь ничто не делается без воли Господа! Так доверимся же Его мудрости и Провидению. Помолимся, братья.

Они склонили головы, Седьмой сложил руки на груди и что-то пробормотал. Я тоже склонил голову, но бормотать не стал, сразу уличат, просто постоял торжественную минуту, словно исполняли гимн, который я не успел выучить, или отдавали почести умершему ветерану.

Первый сказал мне:

— Ты свободен, сын мой.

Третий добавил:

— Сын мой, вера — не что иное, как стремление к совершенству. Верь — и ты станешь лучше себя самого!

Седьмой сказал ровным голосом:

— Господь не уничтожает Дьявола лишь потому, что дает шанс исправиться. Иди, сын мой. Ты свободен. Мы не берем с тебя никаких клятв, никаких обязательств.

Он откинул капюшон на плечи. Голова его была совершенно седая, а худое лицо покрыто крупными и мелкими морщинами. Он показался мне очень похожим на нашего школьного учителя истории, умного и тонкого знатока Средневековья, его обычаев и тонкостей взаимоотношений в этом довольно простом обществе.

Остальные инквизиторы тоже сняли капюшоны. Таинственность исчезла, но я все равно смотрел на них ошарашенно, ибо их худые аскетичные лица совсем не вязались с моим представлением об инквизиторах. Эти выглядели как интеллигенты-шестидесятники... или передвижники, не помню, которых заставили заседать в Тайном Совете и выносить приговоры. Их одухотворенные лица выглядят суровыми, но эта суровость не воинов, а чересчур тонких и остро чувствующих людей, которым пришлось заниматься... политикой. В самом экстремальном проявлении.

Я поднялся с колен, голова идет кругом, спросил ошалело:

— Но почему?

— Чем ты обеспокоен, сын мой? — поинтересовался Седьмой.

— Не знаю, — пробормотал я. — Но я представлял все иначе...

— Как?

— Ну, обязательно пытки, потом на костер.

Глаза Седьмого посуровели, лицо отвердело, а в голосе прорезалась сталь:

— Все это будет, сын мой... если найдем доказательства твоей виновности. Мир жесток, а скверну надо выжигать каленым железом. Но в твоем деле много сомнений... а со-

мнения всегда толкуются в пользу обвиняемого. Ты свободен, Ричард!.. До времени.

Я уже отступал на шаг, готовясь повернуться и скорее ходу из этого страшного места, но теперь замер, спросил:

— До... какого?

— До следующего, — ответил он без улыбки. — Когда появятся ясные доказательства. Того или иного. А до этого времени ты под следствием.

Я поклонился, отступил, из горла моего выкатилось уstraшенное:

— Спасибо, Ваше Преосвященство.

— Впрочем, — добавил он так же ровно, — как и все мы — под следствием.

Я вдруг вспомнил Бернарда, сказал торопливо:

— Мой господин велел, чтобы вы освятили мой молот...

Инквизитор сделал отметающий жест бледной дланью.

— Нам велел или тебе?... Сын мой, мы еще не увидели, кто ты. На чьей стороне. Лишь потом можно сказать, что достойно носить, вкушать, говорить... христианскому воину, а что можно делать только стороннику Тьмы. Иди, сын мой.

Глава 9

У Рудольфа я переоделся, долго плескался в бочке, смывая пот и усталость. Не сразу заметил, что в дверном проеме стоит Рудольф. Перехватив мой взгляд, буркнул:

— Странные у тебя привычки! Моешься... Леня почесаться, что ли?

— Так научили, — ответил я. — Чего такой грустный?

— Да так, — ответил он хмуро. — Оставили, как старые сапоги... Епископ заявил, что сперва я должен выстоять сорок дней и ночей перед алтарем, а уж потом я... ну, сам понимаешь. Ты ж не хотел, чтобы я говорил, тебе спасибо!

— А-а-а, — протянул я, — вот ты о чем... А кто оставил?

— Ланселот, — буркнул он. — И Бернард. И Асмер. Даже, говорят, Совнарола взяли с собой! Их вчера отправили

к королю Арнольду. Выехали срочно, даже проститься не успели. Не знаю даже, что такое может быть срочнее защиты Зорра.

Я поспешно вытерся, натянул рубашку. Без этих троих я сам как будто осиротел. За пару месяцев, что ехали через леса, долины, горы, я если не сроднился с ними — попробуй сродниться с благородным рыцарем! — но без них сейчас ощутил пустоту.

— Тебя вызывают, — вспомнил он. — Король хочет расспросить Беольдра о поездке к оборотникам.

— А я при чем?

— Ты был с ним. Тень славы падет и на тебя.

— Славы?

— Или порки.

Он проводил меня до ворот дворца. Через полчаса подъехал Беольдр, бросил поводья оруженосцу, слез. Не говоря ни слова, кивнул, мы прошли через большой зал, удивительно пустынный и запущенный, на дальних воротах всего один стражник, да и то недомерок — все здоровяки на охране ворот и стен. Из дальнего коридора выбежал взволнованный управитель, Беольдр насторожился, управитель с ходу запричитал, что в привезенном не все так, что обещалось, Беольдр поморщился, потом нахмурился, кивнул мне на парадные двери:

— Иди пока один. Я разберусь — приду.

Я испугался.

— А если король что-то спросит? Я ж даже не представляю, что мы привезли!

Управитель сказал нервно:

— Сэр Беольдр, ваше присутствие необходимо срочно!.. Вы же знаете... гм... особенности...

— Знаю, — огрызнулся Беольдр, а мне бросил нетерпеливо: — Иди-иди!.. Я приду, как только разберусь.

Страж указал мне на дверь, мол, открывай сам, не велика цаца, тут даже не перед всеми баронами распахивают, я толкнул створку, тихонько вошел и остановился, отступив на шаг в сторону.

В тронном зале запустение, только под стенами стоит с десяток тихих как мыши придворных, а из трех кресел на возвышении два зияют вызывающей пустотой. Шарлегайл сидит в своем кресле странно уменьшившийся, съежившийся, несмотря на то, что гордо откинулся на высокую спинку, несмотря на красиво возложенные на широкие подлокотники кресла руки. Но руки выглядят чересчур тонкими, а корона — крупной и тяжелой на покрытой серебряными волосами голове.

Всего один стражник за королевским креслом, зато на красном истоптанном полотне перед тронном пылают гневом четверо могучих рыцарей. Один просто гигант, не человек, а чудовище в человеческом облике — выше и крупнее меня или Беольдра, чудовищно широк, с могучей выпуклой грудью. Все закованы в доспехи, но головы обнажены, шлемы по ритуалу держат на сгибе левой руки. У всех на лицах суровая решимость настоять на своем. А этот, который чудовище, еще и лют обликом. Не лицо, а небрежно вытесанное из гранитной глыбы подобие лица: не до красоты, лишь бы устрасало.

Одного я узнал — барон Истаниэль, он в прошлый раз настаивал, чтобы король послал в его владения войска. На этот раз, судя по его лицу, барон тоже настаивает... нет, даже требует, гневное багровое лицо пышет жаром.

— Ваше Величество, — донесся до меня его строгий и одновременно вызывающий голос, — на этот раз вам не удастся отправить нас без ответа!

Шарлегайл спросил подавленно:

— Какой ответ еще? Я вам уже ответил...

— Тот ответ нас не устраивает! — отрезал Истаниэль. — Вы обязаны... вы должны отправить в наши владения королевские войска!

— У меня нет свободных войск, — ответил Шарлегайл усталым голосом. — У меня вообще нет свободных людей. Даже охрану замка нести некому — все на защите стен...

Истаниэль выпрямился, ладонь его, словно сама по себе опустилась на рукоять меча, но тут же нехотя сползла.

Глаза его метали молнии. Гигант, который стоял за его спиной, грубо отодвинул его, шагнул вперед, пламя в светильниках вздрогнуло от его рева:

— Я здесь впервые, Ваше Величество... Великая честь стоять перед великим королем, но я чувствую себя опозоренным! Я стою перед королем... который заперся в стенах своего крохотного замка... который трусит выйти в бой! Который бросил своих подданных...

Я видел, как замер весь зал, как застыл на миг Шарлегайл, как остановилось все в этом огромном помещении. Остальные трое баронов выпрямились как на параде, их лица твердые и решительные. Если король даст войско, пошлет даже хоть одного человека, то даже мне ясно: эти люди сочтут это проявлением слабости, они так же устроены и в моем мире — даже простую вежливость понимают только как слабость и уже через неделю придут с требованиями отдать им королевскую казну или послать принцессу пасти их гусей. Но и если не даст, откажет...

Шарлегайл ответил с холодной безразличностью:

— Вы не умеете себя вести, сэр Фальгорт. Я прощаю вам эту выходку, понимая ваше... возбужденное состояние. Но сейчас уберите.

Барон выпрямился, он возвышался над тремя соратниками, как башенный кран. Прогрохотал с высоты:

— Что?

— Вы слышали, барон.

В мертвой тишине Фальгорт громыхнул свирепым голосом:

— Старый дурак, ты хоть понимаешь, что ты говоришь?

Шарлегайл стиснул подлокотники кресла, костяшки пальцев стали белыми. Мне почудился треск дерева.

— Барон, — напомнил он с усилием, — с сюзереном так не разговаривают. Это уже нарушение... и считается изменой. А измена, если для вас это новость, карается смертью.

Никто не двигался, а барон Фальгорт медленно оглядел

весь зал, минуя взглядом короля, посмотрел на замершего стражника, затем на баронов-рыцарей, что стояли уже бок о бок. Улыбка стала зловещей, уголки рта приподнялись, обнажая крупные зубы.

— Смертью? А где тот, кто выполнит вашу волю, король?

Стражник обнажил меч и шагнул вперед, заслоняя короля, но Шарлегайл отстранил его жестом. Барон огромен и страшен, и все видели, что шансов в поединке против такого гиганта нет. О таких баронах всегда слишком много ходит рассказов, сколько они сразили в поединках. И если даже треть — правда, этот зверь несокрушим.

— Есть, — ответил король. — В моем королевстве всегда найдутся люди, которые защитят трон и порядок.

Фольгарт с наглостью огляделся. С ним трое очень сильных и уверенных рыцарей, а в свите еще десятка три отборных бойцов — такие бароны без подобной свиты не ездят. Да они сами, четверо, из тех, кто своей силой, волей и упорством завоевали земли, заставили простой люд выстроить им крепости, а теперь силой, жестокостью и обгащенными кровью мечами поддерживают закон и порядок. Каждый из них в бою стоит пятерых здешних рыцарей. Там, в своих владениях, каждый из них — маленький король, спит и видит себя большим королем.

— В самом деле? — нагло осведомился Фольгарт.

— Вы напрасно сомневаетесь, — ответил король сухо. — Я даю вам шанс.

— На что?

— Стать на колени. Повиниться. Сказать, что горе помутило ваш разум. Я постараюсь... быть милостивым.

Фольгарт снова огляделся по сторонам. В сильном жестоким лице было грозное веселье. Бароны глухо ворчали, их ладони опустили на рукояти мечей.

— Дурак! — гроыхнул Фольгарт. — Выживший из ума дурак! При твоём дворе... он последние минуты твой, понял?... При этом дворе нет человека, который посмел бы остановить меня... Разве что Ланселот или Бернард могли

бы попытаться... только попытаться! — но они далеко. Ты понял?..

— На колени, — велел король негромко. — Или будешь сокрушен.

Мое сердце колотилось громко и сильно. Король блефует, вижу. Мало кто видит отчаяние в его глазах, усталость во всем некогда сильном теле, уже заметные признаки поражения в лице, морщинках, горьких складках у губ...

Барон положил руку на рукоять меча. Все заворуженно смотрели на сверкающую полосу стали, что становится все длиннее и длиннее. И хотя мятеж уже свершился, но всем кажется, даже мне, что, пока барон не обнажит меч полностью, конфликта все еще можно избежать. Все бранятся и хватаются за мечи, но головы с плеч падают редко.

Меч закончился ослепительно блеснувшим кончиком, острым как бритва. Барон вытянул руку с мечом в сторону короля.

— Сойди с трона, — велел он. — Это место займет более достойный.

Стражник побледнел, но с обнаженным мечом встал перед королем.

— Его уже занимает самый достойный!

Истаниэль и два других барона обнажили мечи и тоже встали с гигантом плечом к плечу. В зал вошли рыцари, но, увидев такую сцену, замерли на месте. Только двое, приняв решение, с оружием в руках подались вперед, поглядывая на баронов недобрыми глазами. Но остальные стояли неподвижно.

Бароны обменялись радостными улыбками. Они и сейчас превосходят по численности, и вообще каждый из них стоит пятерых этих парадных шаркунов с короткими мечами.

Фольгарт сделал шаг к трону. До Шарлегайла оставалось три шага, когда я поспешно сорвал с пояса молот. Я стоял далеко, никто не заметил, как я размахнулся, а когда молот с треском распорол воздух, все успели увидеть только нечто серое, затем разнесся глухой удар, словно в

окованную железом деревянную колоду попал камень из катапульты...

Тело Фольгарта швырнуло на баронов. Все трое заговорщиков повалились, ибо Фольгарт в своих доспехах весил, как хороший всадник на хорошем коне. Они кое-как поднялись, но Фольгарт остался на полу в широкой луже крови. Доспех его был вмят страшным ударом с такой силой, что железо грудной пластины соприкоснулось с железом на спине. Кровь и клочья мяса выплеснуло из лопнувшего панциря под давлением, брызги красного достигли даже дальней стены, сейчас стекали по ней на пол. Доспехи обоих баронов-заговорщиков оказались в красных пятнах, как панцири божьих коровок.

Король несколько мгновений смотрел на ужасную картину. Сглотнул, сказал осевшим голосом:

— Как видите... как видите, барону лучше бы признать, что он... погорячился.

Слова, полные достоинства, самому придали сил, он выпрямился, плечи расправились, на оставшихся баронов смотрел с суровым, но отеческим осуждением. Запятнанные кровью, потрясенные, они переглядывались, но злая решимость не оставляла их лица.

Шаг вперед сделал коренастый тучный человек, похожий на профессионального боксера, лицо в шрамах, на забрызганных свежей кровью доспехах видны следы от старых ударов топорами и мечами. Близко посаженные глаза смотрели с осуждением.

— Ваше Величество, — произнес он дрогнувшим голосом. — Да, вы показали, что у вас есть в рукаве козыри... неведомые нам. Но сила... не всегда признак справедливости. Силой можно захватить власть, но удержать ее можно только справедливым правлением. Вы не даете нам защиту... Что нам прикажете делать?

— Держаться, — ответил король устало. — Держаться, сэръ Джон Дэй.

— Но у нас нет сил!

— Все равно держаться, — повторил Шарлегайл. — Вы

что, в самом деле не знаете, какому штурму подверглся Зорр?

— У Зорра крепкие стены, — ответил сэр Джон Дэй резко. — Вы можете убить и меня, Ваше Величество... тем более что за вашей спиной явно недобрая магия, и я попаду в рай уж наверняка, но вам то же самое скажет любой из нас.

— Любой ли?

— Доблестный сэр Истаниэль уже сказал, — ответил сэр Джон Дэй с горечью, — вы его не послушали. Барон Фольгарт пытался сказать... но из-за свойственной ему запальчивости перегнул палку — вот он лежит в луже крови! Мы вернемся и расскажем всем в наших землях о королевской справедливости. Если мы не вернемся, все равно все узнают!..

Шарлегайл покачал головой.

— О чем? Что король покарал изменника?

— Наши села и поселки опустошает нечисть, — сказал сэр Джон Дэй, будто не слышал короля. — Но даже там, где крестьянам удастся отбиваться, они несут потери и... не работают. Шахты стоят, золото и железная руда уже не поднимаются на поверхность, ибо все мужчины с оружием в руках сторожат поселки. Потому нам так нужны королевские войска, Ваше Величество.

Шарлегайл покачал головой.

— Вы без меня знаете, что войска Карла настолько истошили оборону Зорра... что сейчас едва-едва хватает сил, чтобы поддерживать порядок. Если бы король Карл знал это, он еще за один-два штурма взял бы Зорр.

Сэр Джон поклонился, но когда разогнулся и взглянул королю в глаза, я увидел холодный расчет на его лице. Если баронов объединить, то даже стены Зорра им не помеха. К тому же король не найдет повода закрыть городские ворота, если подъедет объединенное войско баронов. Ведь они могут прибыть под флагом помощи.

— Ваше Величество, это все, что вы можете нам сказать?

Шарлегайл повысил голос:

— Нет, не все. У меня есть и хорошая новость.

Двор оживился, рыцари подошли и встали за спиной короля красивой группой сильных и дорого одетых людей. Бароны перестали переговариваться. Их руки оставались на рукоятках мечей, но я видел, как все повернулись к королю, слушают, оценивают, не забывая украдкой осматриваться по сторонам, только стараются не смотреть на то страшное, что застыло бесформенной грудой железа, под которой натекла огромная красная лужа.

— Как вы знаете, — сказал Шарлегайл, — доблестный Ланселот и его верные друзья Бернард и Асмер отправились за доспехами святого Георгия Победоносца. С ними наш лучший священник, отец Совнарол. Я уверен, что они добудут доспехи святого так же надежно, как до этого привезли мощи святого Тертуллиана, ставшего защитником нашего Зорра! Святой Георгий сможет защитить нас от нечисти, от колдунов и Тьмы, а мы в состоянии справиться с его приспешниками!

Сэр Джон Дэй коротко поклонился. Голос его был сух и тверд:

— Разрешите откланяться, Ваше Величество?

— Идите, — разрешил Шарлегайл.

Бароны, стараясь не выказывать страха или потери присутствия духа, поклонились один за другим, коротко и формально, а ушли с гордо вскинутыми головами. Несколько человек унесли останки барона Фольгарта, а слуги принялись засыпать опилками лужу крови.

Дверь с грохотом распахнулась, ворвался Беольдр. Глаза его метали молнии, в руке блистал огромный меч. Он выбежал на середину зала, огляделся, бросился к королю. Шарлегайл устало кивнул, рука соскользнула с подлокотника, указывая на соседнее кресло.

Беольдр подошел, но садиться не стал. Его встревоженные глаза быстро пробежали по измученному лицу брата.

— Мне сказали, — прорычал он гневно, — мне такое сказали!..

— Спрячь меч, — попросил Шарлегайл. — Мне от блеска железа уже дурно.

— От блеска мечей? — удивился Беольдр. — Раньше ты так не говорил!

Он бросил меч в ножны, сел рядом. Шарлегайл сказал слабо:

— Я вижу их обнаженными слишком часто... Спасибо, Беольдр, но твой спутник успел вовремя. Я тебе позже расскажу, что случилось, а пока... Дорогой Дик, подойди ближе.

Я подошел и, не зная, становиться ли мне на одно колено или на оба, ведь я не рыцарь и вообще не благородный, поступил, как должен поступить неблагородный и вообще неграмотный: подошел, с шумом вытер рукавом нос и с любопытством уставился на живого короля.

Шарлегайл улыбнулся, мол, не обманешь, сказал мягко:

— Дик, спасибо... Это Господь наш милостив и потому долго терпит... хоть потом и больно бьет. Ты же быстр в решениях и бьешь тоже... больно. Я прошу тебя, пойдی отыщи мою королеву. Что-то она не пришла... а мне сейчас ее присутствие просто необходимо...

Я поклонился, выставив вперед ногу, и подвигал руками, словно размахивал невидимой шляпой с длинным пером, после чего вышел из зала. Кто-то из братьев удивленно ахнул, а другой ругнулся.

Слуги и встречные отвечали, что королеву не видели, но, скорее всего, она там, где Шарлегайл. Или просто пожимали плечами. За время поисков я успел перебрать десяток вариантов, почему король послал за королевой именно меня: то ли принимает за мальчишку на побегушках, то ли это признак доверия. Или еще какие-то средневековые хитрости...

Анфилада залов закончилась тупиком. Я ругнулся, в лом возвращаться по всей дуге, чтобы точно так же пройти по анфиладе, а почему здесь не предусмотрены воздушные мостики... Сердце стукнуло взволнованно, еще и еще. Я огляделся, подошел к мраморной статуе воина. Воздушные

не предусмотрены, это же Средневековье, но если бы я был хитроумным строителем замка, я бы здесь предусмотрел типично средневековую феодальную хитрозадость...

Статуя тяжело сдвинулась, одновременно часть стены ушла в глубину. Я поспешно бросился в пролом, рука как будто сама выдернула из стены факел. Под ногами качнулась каменная плита, там, в зале, заскрежетало — это статуя воина поползла на место. Часть каменной кладки тоже вернулась, как будто выполняла заученное па из тяжеловесного балета. Я оказался отрезанным от зала, но факел в моей руке горит, наполняя узкий подземный ход ароматом смолы, а сам я взведен, как тетива арбалета, взволнован, но...

Уже в который раз я чувствовал, что постиг и замыслы архитектора, и понимаю замыслы короля и его баронов, понимаю почти все, ибо это сложности только для них, они еще не представляют настоящих сложностей, это я вижу ход их мыслей, которые только им кажутся изощренными. Даже тайный проход я замаскировал бы куда изящнее, хоть и не знаток в средневековом зодчестве...

Ход настолько узок, что я постоянно протискивался, обдирая локти и спину, а от пригибания заныла спина. Все-таки есть и минусы, что акселерация началась так поздно.

Ход слегка изгибался, дважды мне слышались голоса, но когда я останавливался и начинал вслушиваться, голоса отдалялись и пропадали. Факел нещадно дымил, в глазах щипало. Я протискивался уже злой, мог бы и не выпендриваться со своим комплексом превосходства, как вдруг голоса послышались снова. На этот раз донесся звонкий женский смех.

У меня ноги примерзли к стене, смех показался знакомым. Факел я завел за спину, чтобы не выдал светом, и тут уже сам увидел в темноте крохотное светлое пятно. Поколебавшись, втихую затоптал факел, глаза привыкли к темноте, теперь светлое пятно стало ярче. Приблизивши глаз, рассмотрел крохотное отверстие, похоже, в толстом ковре или гобелене на стене. С этой стороны недостает кирпича,

а дыра искусно замаскирована gobеленом. Тот наверняка приколочен к стене намертво...

Ладно, сказал я себе. Будем считать, что это прообраз современных микрофонов и видеокамер. Если приблизить глаз вплотную, обдирая морду о камни, обзор увеличивается, виден крупный мужчина с надменным лицом, одет богато, но без доспехов и оружия... Ага, это же один из тех, кто стоял тогда рядом с Фольгартом, а потом с сэром Джоном Дзем, но рта не открыл, а сейчас у него, похоже, рот вовсе не закрывается...

— Да сядьте же, — говорил он умоляюще, — Ваше Величество!.. Позвольте видеть в вас прекраснейшую из женщин, что, уверяю вас, намного большая редкость, чем просто королева!.. Ибо королевами становятся по воле людей, а красивыми — по воле Господа нашего...

В поле зрения появилась Шартреза, в самом деле прекрасная женщина, фотомодель в самом расцвете женственной красоты, с безукоризненным телом, красивая и чувственная. С победоносной улыбкой, как на конкурсе красоты, она красиво прошла к столу и грациозно опустилась в мягкое кресло.

— Итак, сэр Гаальц, — произнесла она звонким красивым голосом, — я слушаю вас.

Барон с тяжеловесной грацией подошел, голова его склонилась на грудь в учтивом поклоне. Я видел, как он вперил жадный взгляд в ее предельно низкое декольте, даже причмокнул толстыми мясистыми губами. Глаза его затуманились. Выпрямился с трудом, их взгляды встретились.

— Прекрасная Шартреза, — сказал он предельно учтиво, — почему бы вам не стать Королевой?

Она засмеялась, красиво закидывая кудрявую голову, чтобы лучше было видно ее тонкую нежную шею, созданную для поцелуев.

— Дорогой барон, но я и так королева!

— Я имел в виду — Королевой, а не королевой, — уточнил Гаальц. — Простите мою прямооту, но мы, удельные бароны, привыкли говорить начистоту. Когда-то и здесь

умели так же, но это баронство раньше других успело превратиться в королевство, и здесь быстро иссяк наступательный дух настоящих мужчин.

Королева смотрела на него с интересом. Не закричала, не возмутилась, что Гаальц, судя по его виду, счел хорошим знаком.

— Дорогой барон, — произнесла она наконец томно, однако голос ее был осторожным, — это все-таки речи... речи неповиновения!

Гаальц поклонился.

— Только не вам, моя королева, — сказал он пылко. — Только не вам!

Она встретила его жадный взгляд спокойной улыбкой.

— И что вы хотите?

Гаальц сам принес из другой комнаты поднос с кувшином и двумя небольшими изящными кубками из серебра. Поклонился, опустил на стол.

— Я даже рад, — сказал он, — что в виду особенностей разговора... присутствие слуг нежелательно. Зато это дает мне возможность поухаживать за вами лично. Оказывается, это так приятно! Я хотел бы пойти и дальше... в своем служении.

Она так же с улыбкой смотрела в его крупное мужественное лицо. Он был молод, силен и всячески подчеркивал свою силу и молодость, открывая крепкую загорелую шею, обнажая руки, а ворот вязаной рубашки держал расстегнутым так, что хорошо были видны черные курчавые волосы на груди...

— Что вы имеете в виду? — спросила она мягким обволакивающим голосом. — Спасибо, у вас изумительный вкус...

— Надеюсь, не только с вином, — ответил он. — Ваше Величество, мы, пограничные бароны, не умеем ходить вокруг да около. Скажу прямо: любой из нас весьма горд и своенравен. У нас суровая жизнь, что поделаешь! В каждом встреченном видишь в первую очередь противника... Но не так с женщинами, Ваше Величество! Словом, вам мы подчинялись бы не только со смирением, но и с радостью.

Она кивнула, принимая слова, но в ее ясных глазах было предостережение, что принимает только комплимент, не больше.

— Король стар, — сказал Гаальц. — Он уже не может принимать правильные решения....

— Но я молода, — возразила Шартреза. — Он может прислушиваться ко мне... Кроме того, если он умрет, править буду я.

Злая улыбка исказила суровое лицо Гаальца.

— Ваше Величество знает, — проронил он вкрадчиво, — для какой цели привезена принцесса Азалинда. Возможно, король поспешит отдать ее замуж, а ее ребенка наречь наследником трона?.. Или, того хуже, в случае своей кончины объявить правительницей ее?

Шартреза нахмурилась.

— Он этого не сделает!

— Да? — спросил Гаальц.

Его сильные загорелые руки с легкостью подхватили кувшин и галантно наполнили ее опустевший кубок, а потом свой. Шартреза на этот раз только пригубила, роскошные брови сдвинулись, а глаза невидяще смотрели в одну точку. Потом вздрогнула, на губах мелькнула виноватая улыбка. Она задержала взгляд на сильных обнаженных руках, покрытых курчавыми черными волосами, перевела взгляд на широкую грудь барона, улыбка стала шире.

— Ладно, — произнесла она. — Прямоту на прямоту. Вы меня пригласили с какой целью?

Гаальц поставил кубок очень осторожно, словно тот был из тончайшего льда, поднял сразу посуровевшие глаза на прекрасную королеву.

— Все бароны... — сказал он и повторил громче. — Все бароны... да-да, все!.. мы знаем настроение и тех, кто здесь не присутствует, так вот, все бароны... предпочли бы служить только вам, Ваше Величество. Ваша красота и наша мощь — это залог устойчивости королевства Зорр. Скажу прямо, дни Шарлегайла сочтены. Он стар, его перестают слушаться даже здесь, в Зорре. Бароны уже открыто не по-

винуются, а он ничего не может сделать. Да, он убил Фольгарта, но пусть подобное попробует в наших землях!.. Там не поможет никакая магия, никакая чертовщина. Да, я здесь склонил голову... но завтра я уеду в свои владения. И с того дня в Зорр не поступит ни единой золотой монеты, ни одного мешка с зерном, ни одной туши убитого оленя. Все бароны потрясены и возмущены подлым убийством барона Фольгарта. Тем более что он был убит колдовством, а мы храним верность Христу и Святой Церкви, что бы враги о нас ни говорили! Это сам Шарлегайл толкает нас на мятеж, дорогая королева.

— Я понимаю вас, — произнесла она мягко. — Представьте себе, понимаю. Свергнув Шарлегайла, вы неизбежно ввяжетесь в кровавые распри. Каждый захочет стать королем. Ведь у каждого запутанная и ветвистая родословная, у каждого свои заслуги перед Зорром... не так ли? А провозгласив меня королевой, вы обрываете ту власть и независимость, которой жаждете... и в то же время общая клятва в верности мне не позволит начать опасную войну...

Гаальц внимательно смотрел в ее безукоризненное лицо.

— Вы... удивительно точно все сформулировали, Ваше Величество. Честно говоря, вы настолько красивы и великопепны, что я просто не ожидал... не ожидал...

Она тихо засмеялась.

— Надеюсь, вы только одну меня недооценили, мой дорогой барон.

Ее красивое лицо на миг обрело холодный оттенок, словно превратилось в мраморное. Черты лица при всей безукоризненности стали резче, как у хищного зверя, а теплые лучистые глаза полыхнули грозой. И тут же снова мягкая улыбка заиграла на ее губах, что из холодных и тонких снова стали пухлыми, мягкими, глаза засветились дружелюбием.

— Да, — проговорил Гаальц, слегка опешив, — да... Вы умеете разоружить даже самых опасных противников. Вы очень умная женщина, моя королева. Я боюсь, что нам в

нашем соглашении надо предусмотреть пункт, запрещающий вам выходить замуж.

Она вскинула тонкие соболиные брови.

— Почему?.. Если честно, я и сама не собираюсь этого делать, но... почему это важно вам?

— С вашим умом и красотой, — ответил Гаальц просто, — такой человек станет опасен. Да и вообще... пусть наши бароны заранее знают, что вы для них недоступны. В нашем мире необходимо равновесие.

Она кивнула:

— Понимаю. Как я уже сказала, мне не нужны мужчины рядом. Может быть... для постели, хотя я, честно говоря, к этим делам достаточно равнодушна, но уж ни в коем случае не желаю, чтобы кто-то повелевал мною, будучи всего лишь супругом.

Гаальц кисло улынулся.

— Браво. Ваше Величество, признаюсь, вы меня ошарашили. Я не ожидал, что встречу такой ум и такое понимание обстановки, так что мне надо срочно перестраиваться. Я полагал, что мне придется вести долгую интригу, подходить издали, в чем-то убеждать, объяснять, уговаривать...

Она покачала головой:

— Как видите, мы уже прояснили позиции друг друга.

У меня затекла спина, а чад от погасшего факела все еще продолжал щипать глаза. Я страшился, что в зале услышат запах гари, потом вспомнил, что по всему замку постоянно пахнет горелым: везде жгут камины, везде жарят, варят, сушат, просто прогревают остывшие за ночь комнаты...

Я услышал, как в комнате Гаальц сказал твердо, властно, но в голосе звучало страшное напряжение и даже неуверенность:

— Итак, Ваше Величество, мы выложили все карты. Что скажете вы?

Я проморгал слезу и снова приник к глазку. Видно, как медленно и задумчиво Шартреза поднимает голову. Гаальц снова сходил в соседнюю комнату, вернулся с новым кувшинчиком. Вино явно слабое, терпкое, но приятное на вкус,

я чуть не назвал год урожая, глядя на выразительное лицо королевы. В движениях барона чувствовалась нервозность, лицо побледнело, а на лбу проступили мелкие капельки пота. Он уже чувствует, что просчитался. Хотя бы в том, что за прекрасной внешностью королевы не разглядел немалый ум, проницательность и даже властную жестокость. А теперь достаточно ей все рассказать королю...

Он зябко передернул плечами. Похоже, сейчас думает, что, может быть, им удастся своей группой убить Шарлегайла и захватить замок. Но половина из них сложит головы. А вот из своих владений весь Зорр можно захватить руками вассалов.

Шартреза задумчиво водила кончиком розового пальца по ободку кубка. Бриллианты в кольцах сверкали мелкими искорками.

— Да, — ответила она медленно, — да.

— Что, Ваше Величество?

Она подняла на него взгляд. По бесподобным губам промелькнула легкая улыбка.

— Я с вами, — сказала она. — У меня есть и свои соображения.

Гаальц спросил нерешительно:

— Какие-то... еще?

— Да, — сказала она просто.

— Простите... осмелюсь я узнать? Это важно, как вы понимаете, Ваше Величество.

— Да, — ответила она. — Понимаю. Вам не надо опасаться, что я выйду замуж за одного из вас... за одного из могучих баронов. И он станет королем. Нет, у меня есть другое желание..

— Ваше Величество?

— Я смогу взять в мужа, — ответила она с усилием, — кого-нибудь из... простых, но сильных и красивых мужчин. Нет, не для того, чтобы сделать его королем. Королевой останусь я!.. Но я хочу ребенка. Хочу, чтобы мне было кому менять пеленки, кормить, учить ходить, разговаривать... И вот он станет королем.

Гаальц низко поклонился, скрывая огромное облегчение.

— Ваше Величество, я целиком и полностью... Уверен, что ни у кого не будет возражений. Нас вполне устраивает малолетний король, который достигнет зрелости лишь тогда, когда мы все уже состаримся.

Шартреза подняла на него большие прекрасные глаза.

— Кстати, — сказала она вдруг. — Почему я? Ведь есть еще принцесса Азалинда! Она — королевской крови. Она имеет на трон прав гораздо больше.

Гаальц покачал головой.

— Именно потому, что она — королевской крови. Ваше Величество, она слишком своенравна. И к тому же пробыла слишком долго в Срединных Королевствах... мы ее не знаем. По слухам, она слишком щепетильна, слишком верит в силу духа, а правитель должен быть более практичен. Вы нам куда понятнее... и приятнее.

Королева допила вино, поставила кубок и легко поднялась из-за стола.

— Чудесное вино. Мне кажется, такого нет даже в королевских подвалах. Хорошо, сэр Гаальц. Считайте, что я с вами. Однако я должна быть уверена, что вы не увлекаете меня в какую-то сложную интригу, в результате которой погубите меня в глазах Шарлегайла. Нет-нет, не спорьте! Вы же знаете, что можете это сделать. Чтобы вам поверить безоговорочно, я должна послушать и других. Убедиться, что они считают точно так же. И что все готовы... или хотя бы большинство... сместить короля и поддержать на троне меня.

Гаальц поклонился.

— Все будет сделано, Ваше Величество. Я соберу всех, а вам сообщу сразу же.

— И еще, — сказала она после небольшого колебания. — Я не хочу, чтобы Шарлегайла... убивали. Ведь можно и в почетную ссылку? Он сделал много для укрепления королевства. Будет не только справедливо, но и послужит для

укрепления моего авторитета, если он... будет доживать свой век где-нибудь в тиши и покое.

Гаальц поклонился снова, на лице на миг появилась гримаса, но он сказал твердо:

— Он наш враг... но вы снова правы. Для королевства будет лучше, если его просто сместят, а не убьют.

Шартреза улыбнулась, ее глаза сияли, улыбка была обворожительной, а когда легко двинулась к двери, Гаальц пожирал глазами ее пышную фигуру. Затащить бы ее в постель прямо сейчас, прочел я по его глазам нехитрые мысли. Говорят, она всегда носит в рукаве кинжал, но его можно отнять... Правда, поговаривают, что лезвие отравлено, однако... Нет, сейчас нельзя, но когда-то время придет и для тебя, королева.

Из второй комнаты, куда Гаальц ходил за вином и получал инструкции, вышли Истаниэль, сэр Джон Дэй, последний из сегодняшней четверки баронов, а также еще несколько хмурых могучего сложения мужчин. Истаниэль уже был навеселе, да и Джон Дэй набрался, судя по его виду, но красные от выпитого глаза смотрят с угрюмой настороженностью, а движения не утратили быстроты и точности.

Истаниэль проворчал:

— Она еще и ставит условия!.. Должна бы визжать от счастья.

Гаальц сказал успокаивающе:

— Все хорошо!.. А то, что она ставит условия, что ж... это такая мелочь, что мы их просто не заметим. Да и многое может случиться до того времени, как она отыщет себе в мужья красавца-конюха... Главное другое: что делать с Шарлегайлом? Она ставит условие, чтобы с ним ничего не случилось, но понятно, что его надо убить в числе первых. Я надеюсь только, что она думает то же самое, что и мы, только говорит церковно правильные слова, будто Господь прислушивается к каждому сказанному нами слову.

Сэр Джон Дэй бросил отрывисто:

— Шарлегайл погибнет в числе первых, это понятно.

Погибнут многие... хотя и без необходимости, а только потому, что по долгу бросятся защищать короля. Хотя даже они будут понимать... уже понимают, что правы мы. Оставшиеся принесут присягу королеве...

Четвертый барон хихикнул:

— Думаю, сделают это с удовольствием. Женщина на троне — это более мягкое правление, снижение налогов, установление мира с соседями, уступки баронам, графам, лордам, устройство увеселений...

— Король умрет, — подытожил Гаальц. — А кто еще умрет — это неважно. Все остальные могли бы служить нам... Но в таких беспорядках гибнет много людей, которым гибнуть необязательно. Сейчас главное другое. Мы должны собрать где-то всех, кто поддерживает нас. Пусть в конце концов все станет ясно. И когда все увидят, сколько нас, что нам достаточно просто явиться и велеть Шарлегайлу убираться... Словом, королева увидит нашу мощь, а мы принесем ей клятву верности... тем самым связав ее навечно и нерушимо с нами. С заговорщиками!

Истаниэль кивнул, лицо его стало суровым.

— Да будет так. Король предоставил нам огромные комнаты. Соберем всех у нас?

— Да.

— А короля это не насторожит?

Гаальц зло ухмыльнулся.

— Некому настораживаться. Слишком много доблестных рыцарей погибло, чьи залы опустели... и где теперь располагаемся вольготно мы. Слишком много погибло воинов не только из пограничных войск, но даже из дворцовой стражи. Я скажу вам то, что вас удивит...

— Что?

— Охраняются только главные двери. Во всем дворе всего четверо стражей, они все в тронной комнате. На охрану остальной части дворца не осталось ни единого человека!

Джон Дэй pokrutil головой:

— Тогда что мы теряем? Пойти и прямо сейчас...

Четвертый барон нервно предостерег:

— Вы забыли того странного простолюдина, что пришел с Ланселотом?.. Мне не нравится ни его меч, ни его нечестивый молот. И хотя против толпы он ничего не сможет, но не хотелось бы, чтобы он метнул молот в мою сторону.

Гаальц добавил:

— А когда королева станет единственной правительницей, то кто знает... может быть, он и будет именно тем конюхом... ха-ха!.. И его молот и меч послужат нам. Ведь он, насколько мне уже известно, не присягал служить королю.

Глава 10

Я весь покрылся ссадинами, руки кровоточили, но упорно карабкался по тайным ходам, протискивался, довольный тем, что с ходу постигаю замыслы древних зодчих. Они мнили себя хитроумными мудрецами, а мне эти хитрости — хитрости детей. Я не изучал архитектуру, но я жил в перенасыщенном информацией мире, чудовишно усложненном в сравнении с этим, но для меня привычным, и потому сейчас, после первого шока и полного непонимания, схватываю все, понимаю все, предвижу... ну, не все, но многие действия, которые местным макиавелли кажутся хитроумными, мне представляются на уровне мышления ребенка...

Вынырнул в одном из залов, цапнул факел и благополучно нырнул в дыру, никем не замеченный. Камень пришлось заталкивать обратно всем телом, поворотный механизм от древности ослабел, но все же глыба вошла в дыру, словно притертая пробка от флакона с духами.

От тайного хода в толще стен, как я заметил, иногда отделялись еще, те вели вниз, иногда настолько крутые, что там, в глубине, свет факела выхватывал ступеньки достаточно стертые. Эти явно другого назначения: они и значительно шире, даже мне можно идти прямо, а не по-крабьи боком, а местные вообще пройдут по двое, ход выводит далеко за город, чтобы незаметно для осаждающего врага вы-

вести народ или же, наоборот, ввести тайком подкрепление, поднести продовольствие, запас стрел или смолы.

Я вздрогнул, отступил, едва не взвизгнул: полупрозрачная фигура выступила, казалось, прямо из камня. Я с трудом различал человеческие очертания, даже впадины на месте глаз и рта. Фигура колыхалась, какие силы удерживают, не понимаю, возможно, тоже пленка поверхностного натяжения, как каплю воды.

— Простите, сэр, — произнес призрачный тихим шелестящим голосом, — но дальше я не могу вас пропустить...

Я перевел дух, сердце колотится, как у загнанного зверя. Пролепетал:

— Простите... Вы страж, да?

Он медленно покачал бесплотной головой:

— Нет... что вы, нет, конечно. Но, понимаете же, не обязательно быть именно стражником на воротах, чтобы не допускать посторонних... в некое... простите, вам это знать необязательно...

Я спросил жадно:

— А что нужно знать, чтобы пройти?

В его фигуре ясно читалось глубокое сожаление, что вынужден отказать, интеллигентное такое привидение, даже голос стал мягче:

— Пароли, дорогой сэр... Много паролей... Боюсь, что вам никогда не пройти...

— Почему?

Он развел призрачно-белесыми, как черноморские медузы, руками.

— Пароли не простые, отважный сэр... У нас паролями служат отпечатки ладоней, голоса, запахи... Наши незримые стражи отличают своих, а чужим лучше не подходить даже близко... Поверьте, я предостерегаю не зря...

Я сказал поспешно:

— Да-да, понимаю. Главные сокровища защищают целым набором паролей. А у вас там наверняка немалые сокровища, если запрятали так глубоко!

Он ответил бесплотным голосом, однако я услышал в

голосе боль и страшное сожаление, в котором одновременно звучало и нечеловеческое презрение к моему ничтожеству:

— Сэр... Для вас это вовсе не сокровища. Уж поверьте!

— А для магов? — спросил я.

Без колебаний, даже не раздумывая, он покачал головой:

— Нет, отважный... Ни маги, ни колдуны, ни кто-либо из вашего... нет, увы, никто... Все это мертво, все останется мертвым. И все здесь мертвы...

Я сказал осторожно:

— Но вы-то не мертвы?

Он спросил удивленно:

— Вы что же, не видите?

— Чего?

— Что я — призрак. Что я бесплотен!

Я пожал плечами:

— Ну и что? Вы же не плотью мыслите?.. Вообще-то даже мы не плотью мыслим, а если и плотью, то не той, которую всегда имеют в виду в первую очередь, из-за чего именуют крайней... А вы, уважаемый, чем бы ни мыслили, но мыслите же?..

Он напомнил осторожно:

— Но у меня нет души...

— Вы уверены? — ответил я вопросом на вопрос. — Тогда. Пока никто еще не ответил, что такое душа. Эрго когито сум, верно?.. Другое хреново — вам должно быть скучновато... вот так...

Он смотрел на меня с явным изумлением.

— Если честно, то не так чтоб уж очень... Там внизу очень богатый мир. Хотя, конечно, там нет живых людей, там нет золота и драгоценных камней. Но я как-то уже привык... Сперва я страдал... первые пару сотен лет... или тысяч, не помню. Потом привык, а теперь даже нравится...

Холод сотрясал меня все сильнее. Пальцы заledenели, я чувствовал, что вот-вот выроню факел.

— Вынужден с вами попрощаться, — сказал я. — Все-таки, надеюсь, когда-нибудь...

Призрак кивнул, отступил в сторону и без усилий вошел в гранитную стену. Я заторопился наверх, ноги тряслись уже и от усталости, зубы стучали. Мелькнула странная мысль, что призрак слишком уж странный... Говорит о сотнях лет, намекает на тысячи, но где звериная шкура, каменный топор, волосатые ноги? Да и речь чересчур гладкая... А чего стоит сама система узнавания по отпечаткам ладоней, тембру голоса, чуть ли не по молекулярной или атомарной структуре тела?

Воздух становился теплее, но я все равно стучал зубами и тряся, как вылезший из ледяной воды пес. Все запасы жира давно сжег, измученный организм уже не дает тепла, зато усталость сковывает даже мозг, где мысли двигаются, как улитки на льду.

Ход наконец сузился настолько, что я протискивался боком, изодрал грудь и спину, от рубашки — одни окровавленные ленты, свисающие до пояса. Чутье или шестое чувство указали на место в стене, где камни выглядят несколько темнее. Я прислушался — из-за стены донеслись слабые голоса.

Все еще содрогаясь от холода, я надавил, будь что будет, камни без скрипа медленно подались. Щель появилась такая, что и палец не просунуть, но я уловил тепло, запаха растопленного масла, навалился так, что жилы под коленями затрещали. Камень поддался еще, я с великим трудом протиснулся, камень тут же, движимый невидимым противовесом, встал на место.

Я стоял в темной нише, прямо перед лицом мелко колышется портьера из плотной ткани. Голоса зазвучали громче. Я страшился, что мое надсадное дыхание услышат, но там говорили на повышенных тонах, ругались, даже послышался чей-то обиженный вскрик.

Очень осторожно я рискнул отогнуть край портьеры. Сердце, и без того трепыхающееся, как у воробья, задергалось еще чаще. Тронный зал, сам король в своем кресле с

высокой спинкой, снова два кресла справа и слева зияют предательской пустотой, а к выходу идет, явно разгневанная королем, пятерка мужчин в помятых доспехах и со следами долгой дороги на одежде и лицах.

Шарлегайл смотрел вслед грустно, но когда, выпустив рыцарей, в зал вошли усталые оборванные крестьяне, смертельно усталое выражение сменилось участием и сочувствием. Я даже подумал, не лицемерие ли, слишком быстро... Хотя, возможно, и лицемерие тоже.

Я смотрел на новых просителей, и Шарлегайл смотрел, и я видел, что королю сказать просто нечего. Перед ним встали группкой усталые мужчины в потрепанной одежде, простолюдины с плотницкими топорами за поясами. Все крепкие, рослые, прошедшие отбор тяжелой работой в лесу и на поле, умеющие рубить лес и рубить нападающего на скот зверя или демона. Сейчас они измождены, а в лицах безнадежность.

— Говорите, — сказал король.

Мне показалось, он чувствовал себя голым от того, что оба кресла, справа и слева, зияют как бездны. Даже за спинкой его кресла всего лишь двое стражников.

— Ваше Величество, — сказал один из крестьян, самый старый, уже седой, но все еще крепкий как дуб мужчина. — Ваше Величество!.. Мы пришли из деревни Острой Рыбы...

— Знаю это место, — кивнул Шарлегайл. — Прекрасная деревня. Скоро ей быть городом! Я там бывал...

Крестьянин сказал мрачно:

— Ей уже никогда не стать городом, Ваше Величество. Улыбка замерзла на губах Шарлегайла.

— Что?.. Войска Карла?

— Карл прошел мимо, мы для него слишком высоко в горах. Но за ним демоны... Перед вами, Ваше Величество, все, что осталось от нашей Острой Рыбы...

Шарлегайл пытался сглотнуть ком в горле, но я видел, как заблестели влагой его глаза. Он открыл рот, подыскивал слова утешения, в это время дальняя дверь с грохотом

распахнулась. Вошли Истаниэль, сер Джон и сэр Гаальц. Гаальц сразу зыркнул на пустые кресла, на лице появилось выражение злобного удовлетворения. Сэр Джон, напротив, на кресла внимания не обратил, но очень внимательным взглядом окинул обоих стражников, тут же быстро осмотрел весь пустынный зал, некогда заполненный до отказа доблестными рыцарями и красивыми дамами.

Все трое направились прямо к трону. Крестьяне почтительно расступились. Гаальц поклонился чуть, словно не короля приветствовал, а своего подчиненного начальника стражи, сказал резко:

— Итак, Ваше Величество?

Шарлегайл вскинул брови:

— Вы о чем, барон?

— У вас было время, — отчеканил Гаальц, — чтобы послать войска на защиту наших владений. Вы не послали.

— Мне послать некого, — ответил Шарлегайл устало.

Сэр Джон окинул критическим взглядом двух стражников, заметил:

— Да и здесь у вас что-то не густо.

— Для меня достаточно, — ответил Шарлегайл сухо.

— Но не для нас.

— Что вы хотите сказать, благородный барон?

Сэр Джон обнажил меч. Гаальц тотчас же вынул меч тоже, а Истаниэль, поколебавшись, вытащил из ножен свою сверкающую смертью полосу острой стали, встал с ними рядом плечо в плечо.

— За нас скажет вот это, — ответил Гаальц.

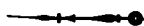
Шарлегайл проговорил сурово:

— Вы сознаете, что сказали?

За его спиной стражники уже с мечами наголо встали с обеих сторон короля. И хотя это крепкие сильные воины, но я видел, что у них нет шансов против этих троих, выросших с оружием в руках.

— Да, — ответил Гаальц, — вы низложены, сэр! Этот трон займет более достойный.

Сэр Джон посоветовал почти благожелательно:

— Уходите без драки, сэр Шарлегайл. Мы не хотим обагрять этот трон кровью. Уходите... Вас некому здесь защитить. Ланселота нет...

Я уже выровнял дыхание, сердце перестало колотиться как погремушка. Весь в полосках засохшей крови, пламенеющих царапинах, с лохмотьями рубашки, что свисает до колен, я выдвинулся из-за портьеры — молот в руке, меч в другой.

— Но есть я.

Мое появление было неожиданностью для всех, но Шарлегайл только бровью дернул, стражники даже не оглянулись, не спуская глаз с рук баронов, а сами бароны застыли на полпути. Их глаза прикипели к моему молоту, затем перескочили на чудесный меч, по лезвию пробежали в ожидании крови багровые искорки, снова вернулись к молоту. Лица начали бледнеть и вытягиваться.

Сэр Истаниэль, самый тугодумный и отважный до дурасти, прорычал:

— Это ж простолюдин!.. Если мы все трое... он ничего не сумеет...

Я улыбнулся и занес руку с молотом для броска.

— Рискни?

Сэр Джон поспешно бросил меч в ножны, отступил. Гаальц, бледный и несчастный, словно вытащенная из холодной воды собака, сделал два шага назад, рука дрожала, все не мог попасть лезвием в ножны. Истаниэль стоял, пожирая меня глазами.

Шарлегайл сказал кротко:

— Благодарю, мой друг. А теперь, бароны, я прощаю вас вторично... Что-то во мне слишком много от всепрощающего христианина. Не закончить бы, как король Арнольд. Потому предупреждаю заранее: третьего раза не будет! Если вы сейчас же не уберетесь из замка и не вернетесь в свои владения... вы будете казнены. Даже не мечом, я велю вас повесить на городских воротах.

Гаальц и сэр Джон попятились, уводя с собой Истани-

эля. Уже у самой двери Гаальц перевел дыхание, сказал дрожащим голосом:

— Ваше Величество, вы сделали ошибку.

— Знаю, — ответил Шарлегайл. — Мне следовало повесить вас сейчас.

— Я не о том!.. Вы должны были принять наши справедливые требо... просьбы. Ведь они не только от нас троих.

Дверь за ними захлопнулась. Шарлегайл повернулся ко мне, лицо осунулось еще больше, в глазах глубокая печаль.

— Спасибо, сынок... Я не буду тебя спрашивать, почему ты в таком месте, где тебе не надлежит быть. Если сам раскрыл свое убежище, то нечестно этим пользоваться. Сейчас ты сделал больше, чем сохранил мою шкуру. Ты сохранил и свою душу. Иди с миром. А я поговорю еще с этими добрыми людьми.

Шартреза пробиралась по опустевшим залам, останавливаясь, прислушиваясь, перебегая из одной ниши в другую. Раньше такое путешествие невозможно было бы проделать, даже став невидимкой, обязательно кто-нибудь сбил бы с ног, а сейчас по залам гуляет ветер, иногда проносится голодная собака, даже наверху места для стражей с арбалетами опустели, как Троя после раскопок Шлимана...

Сэр Джон встретил ее в коридоре на нижнем этаже. Он был бледен, глаза испуганно бегали.

— Скорее, Ваше Величество, — сказал он. — Все уже собрались! Вы заставляете нас нервничать...

— Женщины всегда опаздывают, — ответила Шартреза сладко.

— Но не королевы, — отрезал сэр Джон сердито. — Я имею в виду — монархи!

Она удивилась настолько, что остановилась, хотя он пытался увлечь ее по коридору дальше:

— Разве? Или монарх должен быть у вас на службе?

— Монарх должен считаться со своими подданными, — сказал наконец сэр Джон. — Умоляю, Ваше Величество, нам надо поспешить. Все собрались тайно, над всеми ви-

сит угроза! И хотя у короля нет людей, но мне не хотелось бы рисковать напрасно.

Они свернули в полутемный коридор, дальше вниз пошли полустертые ступеньки. Сэр Джон взял из подставки в стене горящий факел, повел королеву вниз, а потом еще по длинному извилистому коридору. Шартреза запыхалась, сказала, задыхаясь:

— Что-то мне подсказывает... что это будет моим уделом отныне...

— Что?

— Вот так за вами... бегом... Не зная, куда идем...

Сэр Джон сказал, не поворачиваясь:

— Зато мы знаем. Ваше Величество, у вас будет прекрасное правление! Вы будете царствовать, купаться в роскоши... а управлять, простите, будут ваши слуги. То есть мы. Бароны. Поверьте, мы это умеем делать. Мы всю жизнь управляли, не имея времени на роскошь, отдых, развлечения... Это все будет предоставлено вам.

Шартреза нахмурилась, но ничего не сказала. Сэр Джон пару раз оглянулся, проверяя впечатление от своих слов. Королева явно помрачнела, ей впервые ясно дали понять, что она будет только управляемой куклой. А то и вовсе только царствующей, оставленной для показа черни на праздниках.

Они торопливо пробирались по коридорам, Шартреза озиралась с удивлением и испугом. Только здесь можно оценить масштаб беды, нагрянувшей на Зорр. Сэр Джон на ходу подносил к светильникам в стене пылающий факел, загорались оранжевые огоньки, и вот уже длинный широкий коридор освещен хоть и тускло, но во всю длину. Стены с обеих сторон облицованы старым мореным дубом. Изредка попадаются двери с позеленевшими от старости медными ручками. Но в углах пыльная паутина, дверные косяки изломаны неведомой тяжестью, под ногами толстый слой пыли.

А когда-то, явно мелькнула у нее пугливая мысль, здесь тоже ходили люди, рыцари говорили красивым женщинам

приятные слова, те смеялись и роняли платочки... Где пали эти храбрые рыцари? Куда исчезли красивые беспечные женщины?

Иногда из ниши выдвигалась мрачная фигура в полных доспехах. Забрало опущено, Шартреза видела только сверкающие в прорези глаза. Сэр Джон делал нетерпеливый жест, страж отступал во тьму, коридор двигался навстречу, поворот, снова коридор, наконец небольшая комната, где перед дверью сразу четверо могучего сложения стражей, все в полных доспехах. Доспехи новенькие, без царапин от лезвий топоров, мечей, но щиты без гербов...

Сэр Джон покосился на королеву: заметила ли, как тщательно он обставил собрание заговорщиков? Вряд ли у короля наберется достаточно незанятых воинов, чтобы обезоружить охрану. Да и сами заговорщики — не покорные овечки.

— Похоже, — сказала она дрожащим голосом, — мы уже вышли за пределы Зорра!

Сэр Джон обернулся на ходу, подождал ее.

— Да, — согласился он. — Мы сейчас в Древних Штольнях.

— Штольнях?... Фи, как гадко!

— Древних, — подчеркнул он. — Здесь что-то добывали не то гномы, не то кобольды. Что — непонятно, ибо ни следов золота, ни серебра, ни даже меди или железа. Правда, есть остатки руды какого-то странного металла... но никто не знает, что с ним делать, потому забыли. Три века тому, когда был расцвет королевства, здесь все укрепили, как видите, даже облицевали дорогим деревом. Вы еще не то увидите!

Она спросила жадно:

— А что еще?

— Увидите.

Перед последней дверью стражи убрали скрещенные копыя, сэр Джон отворил и с поклоном пропустил вперед Шартрезу. Она сделала шаг, чтобы двери могли захлопнуться, и остановилась, ошеломленная великолепием. Зал не

слишком огромен, однако каждый камень пропитан величием и мощью прошлых эпох. И даже могучий каменный столб, что в центре зала поддерживает весь свод, покрыт изящной резьбой от пола и до самого потолка, куда без лестницы и не подняться. Фигуры странных и диковинных людей, даже непонятно, люди это резали или не люди...

В небольшом зале жарко полыхает камин, выжигая сырость из подземного царства. Отдельной группкой держатся семеро баронов, беседуют вполголоса, только Гаальц переходил от одной кучки собравшихся к другой, смеялся, что-то говорил, жал руки и шел дальше. Здесь присутствовали, как с удивлением заметила Шартреза, и четверо рыцарей двора, вполне безупречных, которых король считал верными и преданными, две графини и одна виконтесса с мужем.

Королеву приветствовали низкими поклонами и сладкими понимающими улыбками, от которых у нее внутри похолодело.

— Королева Шартреза! — громогласно провозгласил сэр Джон, хоть и несколько запоздало. — Итак, мои дорогие друзья, наполните ваши кубки, взвеселите души!.. Сегодня королевство Зорр сменит своего правителя.

Гаальц снял с подноса проходящего слуги два серебряных кубка, Шартреза благодарно улыбнулась, когда он с поклоном подал ей оба.

— А зачем два?

— На случай, если захотите кого угостить. Ведь вы — королева!

— Тогда угощаю вас, — сказала она. — Берите, берите. Честно говоря, не ожидала, что столько народу...

— Это самые активные, — заверил Гаальц. — А сколько еще таких, которые сочувствуют нам молча?

— Да-да, — сказала она рассеянно, — но как-то не подумала, что активных... много. Это хорошо, конечно. Теперь я чувствую себя увереннее.

Она пригубила вино, прислушалась к ощущениям, улыбнулась и отпила до половины.

— Не ожидали, — сказал Гаальц с улыбкой, — что в королевских подвалах такое вино?

— Честно говоря, нет.

— Видите, король не знает даже своих подвалов!

Она засмеялась, окинула взглядом заговорщиков.

— Извините, я пойду пообщаюсь. Мне все-таки надо знать, что их привело сюда... и что они от меня ждут. Я должна знать этих людей, чтобы... чтобы доверять.

Гаальц поклонился.

— Да-да, вы правы. Вы очень умная женщина, Ваше Величество. А я пока уточню некоторые детали со своими друзьями.

Эти полчаса, что я неуклюже крался за двумя фигурами и подслушивал их разговор, дались мне нелегко. Они шли с факелами, я двигался в темноте, что и хорошо — я практически невидим в потемках, но, с другой стороны, мне все время чудилось, что я наступаю на огромную толстую крысу...

Под ногами в самом деле слегка пружинило, будто я ступал по тончайшей придорожной пыли. Иногда я слышал легкий треск рвущейся паутины, дважды по мне пробежали торопливые мохнатые лапы. Я вздрагивал, покрывался липким потом. К счастью, без доспехов, в простой рубашке, иначе железо гремело бы на мне, как падающая под Ван Даммом посудная лавка.

Из ниши совершенно бесшумно вышел человек. Я вздрогнул, волосы встали дыбом. Этого я не заметил, а теперь чересчур близко, чтобы бросать молот.

— Сэр, — произнес он ровно, и я увидел, как острие меча поднялось и уперлось мне в живот, — сюда заходить не велено.

— Правда? — сказал я торопливо. — Наконец хоть один человек!.. Слушай, я совсем заблудился. Я не разбираюсь в этих замках, в моем селе только у старосты был дом из трех комнат, а мы так и вовсе спали все пятеро в одной, да еще и корова...

Он смотрел недоверчиво, я боялся сделать хотя бы движение, только говорил быстро и как можно искреннее, добавляя в голос тепла, испуга, радости, что встретил вот наконец человека, что спасет, выведет, обогреет...

— Сюда нельзя, — повторил он неуверенно. — Я не знаю, как вы прошли сюда... Ладно, поворачивай и дуй обратно.

— Обратно? — вскрикнул я в испуге. — Так я оттуда пришел! Там паутина, сырые подвалы!.. Ты мне скажи, где я ошибся, где не там свернул?

— Обратно, — повторил он строже, но тем же негромким голосом. — Или я проткну тебе кишки.

— Хорошо, хорошо, — сказал я испуганно. — Я уйду. Я не знал, что в этом замке такие правила строгие...

Он следил, как я пячусь, а когда я отошел шагов на пять, он кивнул и снова вдвинулся в тень. Я отступил еще чуть, развернулся и прошел пару шагов, одновременно срывая с пояса молот.

— Убей, — прошептал я мстительно. — Убей!

Молот исчез в темноте. Послышался глухой стук. Когда молот понесся обратно, я ухватил за рукоять и ощутил, что, кроме липкой жидкости, там и каменная крошка, словно молот вообще размазал предателя по стене.

Эти переходы меня замучили, к тому же слишком часто из таких же темных ниш, по которым нырял я, высовывался человек, что-то спрашивал Джона Дэя и королеву, кивал и снова отступал в тень. Всякий раз я чуть погодя метал молот, ловил и торопливо догонял пару, страшась, что в этот раз не успею и буду обречен скитаться здесь вечно, спрашивать пароли и степень допуска. Наконец спуск, еще один коридор, богатый и строгий. Дальше комната, дверь, два стражника.

Барон открыл дверь перед королевой, а когда за ними захлопнулись двери, стражники поставили копыя и сошлись с таким видом, словно один другому давал прикурить от спички, загораживая ее от ветра ладонями. Я метнул мо-

лот, страстно желая, чтобы он сразил обоих, выхватил меч и бросился через освещенное пространство.

Молот, возвращаясь, ударил в ладонь и замедлил мой бег, но второй страж только-только выкарабкивался из-под упавшего на него трупа. Я торопливо махнул мечом, удар получился кривой, но все равно рассек шею и плечо. Страж захрипел, упал, из разрубленной шеи хлестала под напором широкая струя крови и одновременно выходил воздух, из-за чего кровь рассеивалась струей, как из поливальной машины.

Я распахнул дверь, свет множества светильников показался чересчур ярким, тут же торопливо метнул молот в ближайшего мужика с двумя короткими мечами на поясе. Шартреза двигалась наискось от двери шагах в пяти, между нею и распахнутой дверью находились красивый молодой рыцарь и элегантная женщина. Молот еще летел в сторону рыцаря, когда Шартреза, уронив бокал, помчалась, оттолкнув жену рыцаря, в сторону распахнутой двери.

Я поймал молот, швырнул снова, вложив в бросок всю силу:

— Сокруши!

В зале слышались крики, шум, лязг выхватываемых из ножен мечей. Молот ударил в главную колонну с такой силой, словно взорвалась крылатая ракета. Середина каменного столба исчезла в облаке белой пыли. Осколки брызнули, как блестящие сосульки. Тут же сверху раздался страшный треск.

Королева выбежала с растрепанными волосами. Я ухватился за створку ворот, но Шартреза другую половинку подвела еще раньше. Я успел опустить в скобы толстое бревно засова, с той стороны замолотили кулаками, начали стучать мечами. Пол под ногами задрожал. Треск стал громче.

— Все! — прокричала она. — Уходим!

Я побежал следом, каменный пол трясся и вздрагивал. Когда мы пробежали весь длинный коридор и оказались возле поворота, за спиной раздался жуткий треск, хлопок.

Массивные ворота вылетели, словно пробка из бутылки. В коридор выкатились огромные глыбы и остановились, а в проеме ворот застряли глыбы побольше.

Мы торопливо повернули, и воздушный кулак ударился в стену, а нас только мягко толкнуло в спины отраженной боковой струей.

Шартреза тяжело дышала, лицо ее было смертельно бледным.

— Погоди, — произнесла она с усилием. — Чуть... отдышусь. Ты... хорошо все сделал.

— Как вы и велели, — ответил я.

Дыхание из меня тоже вырывалось горячее, словно я наглотался красного перца. Я поддержал королеву под локоть. Она бледно улыбнулась, но глаза оставались строгими.

— Никому, — предупредила она.

— Но король...

— У него и так хватает забот, — сказала она твердо. — Для него будет слишком большим ударом, что его хотели сместить даже такие люди, как лорд Ундинг, барон Шарг де Горт и конт Мендель. Он считал их личными друзьями... Мерзавцы!

Я спросил:

— А король не удивится, что такой обвал... хотя, конечно, сейчас не до обвалов. И не до исчезновений. Вы правы, Ваше Величество. Вы проделали все с великой отвагой.

Она отмахнулась.

— С великой скорбью, ибо я христианка. Мне до последней минуты не хотелось, чтобы так совершилось. Я со всеми переговорила... и увидела, что их души закрыты для слова истины: А бароны так и вовсе действовали как слуги дьявола...

— Соблазнами?

Она устало кивнула.

— Мерзавцы!.. Что они мне предлагали, скоты!.. Всего лишь быть королевой. Ничтожества. В то время как я сейчас — царица всего мира, ибо меня любит такой замечательный человек, как наш король... И я никогда-никогда...

Впрочем, ты еще молод, сэр Дик. Тебе этого пока не понять.

Я поклонился, скрывая смущение. Королеве необязательно так раскрываться передо мной.

— В любом случае располагайте мной и дальше, Ваше Величество. Я счастлив, что вы заметили меня...

— Не только, — сказала она колко.

— Что, простите?..

— Я заметила не только это, — сказала она многозначительно. — Другой бы сказал тебе, чтобы ты выбирал даму сердца, которой служишь, ближе к своему положению. Но я не скажу, не скажу... Ибо перед Господом Богом мы все равны, все Его дети.

Часть II

Глава II

Я переступил порог своей каморки, ноги налились свинцовой тяжестью. На столе ровным светом горит толстая свеча, а на единственном стуле старик в монашеской одежде читает толстую книгу. На скрип двери он поднял голову, глаза красные от долгого чтения, лицо осунулось, но я сразу узнал одного из инквизиторов.

— При...ветствую, — сказал я осевшим голосом. — Приветствую вас, отец...

— Отец Дитрих, — сказал инквизитор. — Садись, Дик, это ж твоя комната.

— Спасибо... отец Дитрих, — пролепетал я.

Не отрывая от него глаз, я нащупал табуреточку и подтащил под свою задницу. Инквизитор захлопнул книгу, улыбнулся скупой, пальцы бережно погладили старинный переплет из зеленой меди.

— Дик, — проговорил он мягко, — мы посоветовались и приняли решение. Но, скажу сразу, это решение тебя ни к чему не обязывает. Это просто наше мнение... Даже не совет или просьба, а... мнение.

Я перевел дух, но сердце все еще тревожно сжималось. Я знаю, какую страшную силу иной раз имеет мнение. Правда, здесь, к счастью, вроде бы не то общество, чтобы СМИ разгулялись во всей страшной силе, создавая «общественное мнение», угодное хозяину телеканала, но все-таки, все-таки...

Он выждал, но я почтительно молчал. Молчал и старался даже дышать не так шумно. Он долго всмат-

ривался в мое лицо, мне почудилось, что инквизитор колеблется, но все же он сказал с легким вздохом:

— Дик, ты мог бы отправиться на поиски доспехов святого Георгия.

Я вздрогнул.

— Я? Вы не шутите?

Инквизитор помолчал, пальцы снова ласково погладили книгу, будто она что-то нашептывает или просто ластится, как верный и любящий пес.

— Выдам тебе одну тайну... Хотя, может быть, это для тебя уже и не тайна. Благородный сэра Ланселот и его спутники отправились именно за доспехами. Где они находятся, я говорю о доспехах, знает только один человек на свете... король Арнольд. Сэр Ланселот — отважнейший из рыцарей и верный слуга церкви, с ним доблестный Бернард, неустрашимый Асмер, с ними отец Совнарол, чье неистовое горение приводит в восторг и в то же время пугает нас, иерархов церкви. Да, это все верные слуги церкви, чистые души и храбрые воины... да. Однако, Дик, нам кажется, что и ты там нужен.

Я спросил с недоверием:

— Вы в самом деле хотите, чтобы на поиски отправился еще и я?

— Да.

— Почему?

— Ты... как никто... подходишь. Ланселот, Бернард, Асмер... они прекрасные люди. Они могут многое из того, что не сможешь ты... но и ты умеешь нечто...

Я пробормотал:

— Я знаю людей, которые сочли бы, что вы сейчас называли меня круглым дураком. А может быть, потому, что я не такая уж и потеря для защитников Зорра?

Священник невесело усмехнулся, продолжил, будто не слышал ядовитого вопроса:

— До гор подать рукой... если на драконе. Но таких смельчаков... да и умельцев пока не находится. А если на коне, то можно бы успеть за пару недель. Но, к сожалению,

по дороге будут леса и реки, так что придется на объезды и переправы затратить месяц, а то и два...

— Реки?

— Еще, — продолжил он, словно не слыша, — там такие леса, что на коне не пробраться.

— Я могу оставить коня, — сказал я твердо. — Уж чего-чего, а леса я не боюсь. Уже.

Отец Дитрих вздохнул:

— К сожалению, там не простой лес. Ночами там властвуют гномы, а днем — эльфы. Вернее, властвовали... Теперь там появилась третья сила — воинство Тьмы.

Я проговорил хмуро:

— И сил Тьмы надо страшиться днем и ночью. Так?

— Так, — снова вздохнул отец Дитрих. — Тебе придется как-то миновать степь, а там очень воинственный степной народ. Надеюсь, Господь уберезит тебя от встречи с ним.

Я продолжал с горькой насмешкой:

— ...в горах горные народы, в лесах вообще всякие... И вы надеетесь, что доспехи святого Георгия смогу не только отыскать, но и помочь привезти Ланселоту... именно я?

— Именно ты, — повторил инквизитор. Голос его был суров, но я чувствовал в нем затаенную боль и страшную усталость. — Дик, мало кто понимает значение слов Христа, что ему ценнее одна раскаявшаяся блудница, чем сотня девственников... Да и мы стараемся не упоминать эти святыя слова, ибо они... так сказать...

— А что в них крамольного?

Он заколебался, ответил нехотя, словно выдавал некую великую тайну:

— Дик, Господь изрекал святыя истины... но он не разделял, какие истины можно говорить простому народу, а какие... еще рано. Ведь не говорим же мы многие вещи детям, не окрепшим умом и плотью?.. Святыя апостолы все записали, прочли и увидели, что не все слова Христа можно бросать в народ вот так сразу...

Мне почудилось, что я нечто подобное уже слышал. Ага, Сатана говорил почти теми же словами. О том, что не

все можно сразу, человека нужно подводить к истине постепенно. Как если бы ребенка учить сперва арифметике, потом алгебре, потом интегральному исчислению... А если сразу начать с тензорных уравнений, то и школьный учитель скопытится от инсульта и прочих попыток понять высшие для математика истины.

— И что же крамольного, — повторил я, — именно в словах о блуднице?

Он снова заколебался, но на этот раз не стал уходить от ответа, выдохнул горько:

— Они для своих.

Я смотрел непонимающе.

— Для... каких? Священников? Епископов?

Он покачал головой:

— Для своих, Дик. Для своих. Уже... скажем так, познавших многое. Для тех, кто поймет скрытый смысл этой горькой истины. Таких немного, увы. Однако наша церковь старается спасти души не только своих, но и всего человечества... или, по крайней мере, большинства. А большинство, сам знаешь, это совсем не герои, не подвижники, не аскеты, не мудрецы. Их надо держать в чистоте и невинности с рождения. Понимаешь? Нет, конечно...

Я сказал с неуверенностью:

— Мне кажется, в чем-то врубаюсь. Не у всякого хватит духу завязать с наркотой, водярой, даже бросить курить может не всякий... Таким лучше и не начинать. Потому и надо пропаганду здорового образа жизни ширше и — в массы, в массы, в массы!

Инквизитор посмотрел на меня остро.

— Я не знаю, что значат твои слова. Но мы обучены смотреть сквозь мирское... и я вижу, ты понимаешь. Более того, скажу, что первые апостолы Христа были совсем не из невинных душ. Это были... словом, это были те, кто... скажем осторожно, видел и Свет, и Тьму, пробовал сладкое и горькое, творил дело правое и неправое. Они создали Церковь!.. Обжегшись сами, старались уберечь от огня более слабых, которые могут сгореть. Именно они создали

Церковь, а не чистые невинные души. Чистые души они... чистые...

Я кивнул:

— Улавливаю. Политика — грязное дело, да и сами политики... сплошная грязь. Но только политики могут изменить жизнь. Как к лучшему, так и к худшему. Я недостаточно хорош и чист, чтобы на меня снизошла благодать Господня, зато я могу быть полезен... как палач, ассенизатор, журналист, мент... Да и в лесу на меня не больно что-то действует нечисть, потому что я сам в некотором роде... гм... не совсем чисть.

Он поднялся, книгу сунул под мышку, в полутьме глаза блеснули сухим огнем.

— Получи разрешение у Беольдра... а еще лучше — у короля. И... не затягивай, Дик, не затягивай!.. Боюсь, ты им сильно понадобишься.

И все-таки выносливости людей Зорра я завидовал. Возможно, это выносливость белок и зайцев, постоянно верещащих и прыгающих, но сейчас я, как огромный усталый слон, развалился в тесном кресле... ага, именно как слон и именно в тесном, ноги гудят, как разогнанный проц, тело обессточено, а до электророзетки не дотянуться... хотя сухой жар от крупных багровых углей испаряет капельки пота, очень медленно вымывает усталость и капелька по капельке вливает в измученное беготней тело энергию.

Слуга поставил на маленький столик кубки из золота. Шартреза благосклонно кивнула, он налил во все три, неслышно удалился. Я не решился взять раньше короля и королевы, а Шартреза тоже отдыхает в глубоком кресле, веки опустила, я впервые заметил на них первые крохотные морщинки. Король же с некоторым удивлением посматривал то на меня, то на королеву, но молчал.

Наконец Шартреза открыла глаза, ее тонкая ладонь с изящными пальцами отыскала на подлокотнике высохшую кисть Шарлегайла.

— Дорогой, — произнесла она, и я ощутил затаенную

нежность в ее сильном голосе, — я привела Дика... чтобы ты дал согласие...

— На что, любовь моя?

Снова я ощутил непритворную любовь и нежность, теперь уже в голосе быстро стареющего короля.

— Я хочу, — сказала она бархатным голосом, — чтобы Дику дали лучшего коня, лучшее вооружение... и послали на поиски доспехов святого Георгия.

Король отшатнулся, даже руку выдернул из-под ее пальцев.

— Дорогая, это невозможно!

— Почему?

Король остро взглянул на меня. Глаза Шарлегайла стали колючими, как мелкие льдинки на сильном морозе.

— Дорогая... Во-первых, за доспехами уже поехали лучшие рыцари Зорра. Если не они, то кто?

Она мягко прервала:

— Дорогой, но, как я слышала, этот простолюдин оказался очень полезен им в том странствии.

Взгляд короля стал еще строже. Льдинки перестроили молекулярную структуру и стали покрытыми изморозью пластинками из стали. Он покачал головой с самым непреклонным видом.

— Извини, но я слышал об этом человеке... многое, что говорит не в его пользу. Отец Гарпаг сказал мне такое, что у меня волосы встали дыбом.

— Он помог тебе, — напомнила Шартреза мягко. Она побледнела, плечи зябко передернулись. — Если бы он не метнул молот в этого ужасного... ужасного, как орг... барона...

— Фольгарта.

— Барона Фольгарта... то я даже не знаю...

— Да, — ответил король. — Да! Он его сокрушил, верно. Но я не знаю, зачем он это сделал. Его поступки непонятны.

— Дорогой, — повторила Шартреза с нежностью. — Он сейчас там будет нужнее, чем здесь. Я уверена, что бароны

сейчас мчатся во весь опор к своим владениям, нахлестывая коней... А там запрутся, и мы о них больше не услышим. Часть твоих придворных, что тайком поддерживала их, затихнет, затаится, а то и вовсе сбежит со двора. Либо в свои дальние владения, либо в Мордант, а то и к Карлу. Я уверена, ты их вообще не увидишь. Так что Дик с его удивительным молотом здесь уже ничего не сделает больше, чем твои оставшиеся стражи. А там...

Король покачивал головой, его пальцы сжимали узкую ладонь королевы. Я все ждал, что он цыкнет на глупую женщину, споры между супругами на посторонних людях недопустимы, все это должно происходить в спальне, но то ли ко мне доверие, то ли потому, что без свидетелей, но, скорее всего, в том мире таятся от благородных, а при слугах и простолюдинах господу не стесняются.

— Что скажешь, Дик? — сказал он раздраженно. — К тому же тебя не взял Ланселот!

Я поднялся из кресла, поклонился. Хотелось сесть, ноги гудят, но это будет уступкой моей простолюдиновости, Ланселот нашел бы в себе силы стоять, даже будучи пронзенным десятком копий.

— Ваше Величество, им надо было ехать срочно, а у моей двери уже стояли стражи. Я должен был предстать перед святейшей инквизицией. А иначе, не знаю, не знаю... Это насчет того, что меня не взяли.

Он хмыкнул, окинул меня с головы до ног придирчивым взглядом.

— Как я слышал, святейшая инквизиция тебя не оправдала.

— Осмеливаюсь напомнить Вашему Величеству, что и не осудила.

— Да-да, — сказал он раздраженно, — им все подавай улики! Неопровержимые. А я бы просто вздернул. Своей монаршей волей. А что ты скажешь об этой... странной идее моей царственной супруги?

— Ваше Величество, — ответил я с сильно бьющимся сердцем, — я давно хотел увидеть южные земли.

Король повернул голову к Шартрезу.

— Ну, видишь?

Она мягко улыбнулась.

— Да, он иногда забывает кланяться. Это лишь говорит о его достаточно высоком происхождении, которое он скрывает... недостаточно умело.

Король поморщился.

— Я не об этом! Всюду тебе мерещатся женские страсти. Ему, видите ли, хочется увидеть южные земли, погрязшие в разврате, колдовстве, чародействе, куда не ступала нога апостолов Христа... а если и ступала, то Тьма там снова заполонила все... и где все кишит чудовищами и магами, что ездят на этих громяющих чудовищах.

— Громяющих? — удивился я.

Король рявкнул раздраженно:

— Говорят, что они вовсе из металла! Или камня. Что может быть нечестивее?.. Насилие над камнем, железом, огнем — это еще большее осквернение и плевок в сторону Господа, ибо только Господь, только наш Создатель имеет право сюзерена...

Он задохнулся от возмущения, дико взглянул на свою руку. Его пальцы были в узких ладонях Шартрезы, она гладила их, успокаивала, потом поднесла к своим коралловым губам и поцеловала. Мне стало неловко от такого откровенного признания в любви и беспредельной нежности, а король набрал в грудь воздуха, выпустил и сидел затихший, только в глазах медленно угасали искорки гнева.

Да что они так об этом высоком рождении, подумал я зло. Конечно же, я инстинктивно чувствую себя... высоко-родным, если пользоваться здешними терминами. Когда мы в тот единственный раз были в подшефном селе, все чувствовали себя королями среди... среди простолюдинов, ибо те не знают компов, Интернета, мобильных, роликовых коньков, безопасного секса, диджеев. И хотя среди тех простолюдинов почти всякий мог легко набить нам морды, парни в селе крепкие, но осознание превосходства над

— Вот-вот, слышите? Стоит нам проявить слабость... как слуги Сатаны уже здесь! Ведь главное прозвище Сатаны — Совратитель!.. Соблазнитель!.. Вся его мощь в том, что он умеет смущать людские души. Он умеет доказать, что невыгодно трудиться, а выгоднее воровать, что плохо быть добрым, справедливым, честным!.. Он умеет доказать очень просто, что... человеком быть плохо, а зверем — хорошо. Зверя все боятся — раз, зверь счастливее человека — два, зверю не надо ходить в церковь — три!..

Умный в гору не пойдет, мелькнуло в меня в голове насмешливое, умный гору обойдет... Ну, конечно, это тоже от дьявола, если брать шире. А может, и в самом деле от дьявола. Как и житейская мудрость: плюй на все и береги здоровье. С другой стороны, возражения против прогресса всегда сводились к обвинениям в аморальности. Наверное, все-таки человек действительно должен вмещать в себя по возможности все, как хочет Сатана, плюс еще нечто более высокое — от Бога. Я же знаю, что, когда у меня не было чего-то выше... не знаю чего, я чувствовал себя пустым, как муравьиный кокон.

Песня закончилась под лихие «два притопа — три прихлопа», разудалые вопли, смех, веселое ржанье. Певцу поднесли кувшин, он отхлебнул малость, настроил свой инструмент и запел красивую песню «Средь полей и лесов». Несколько сотен человек с готовностью подхватили ее. Песня пошла реять над площадью, сильная и красивая.

— Мы должны бороться с соблазнами, — прокричал священник, и я вздрогнул, возвращаясь с площади в этот мир, — мы должны противостоять им!.. Но «мы» — это не только мы, воители монастыря святого Тертуллиана, но и весь народ королевства Зорр!.. Вот когда весь народ королевства как один человек встанет под святое знамя христианской церкви, когда проникнется ее возвышенными идеями спасения души...

На меня внимания не обращали, я отвернулся к окну. Песня звучала сильно и мощно, я даже пожалел, что оборвался этот рев, под который во мне начали подрагивать ка-

кие-то струны. Певцу снова поднесли кувшин, он сделал пару мощных глотков, я видел, как двигается его острый кадык, затем он кивком поблагодарил, тонкие пальцы быстро вытерли рот, он начал перебирать струны и запел, насколько я понял, умную и строгую песню «Над облаками». Два десятка человек запели вместе с ним, другие слушали, но нашлись и такие, что повернулись спинами и начали протискиваться к выходу с площади.

Мне что-то показалось знакомым, но я перехватил внимательный взгляд отца Дитриха, умная мысль тут же выпорхнула из черепа.

Они пререкались, переговаривались, а я слушал доносящуюся с площади песню. Из глубины моей скользкой и зеленой души поднималось нечто чистое, белое и пушистое, сердце начинало биться в унисон сильным, исполненным благородства голосом.

Все хорошее заканчивается, песня закончилась тоже, и певец после еще одного исполинского глотка из кувшина запел сложную и виртуозную песню с изысканными модуляциями. Лишь два голоса присоединились к его пению, а большая часть собравшихся начала расходиться.

Я услышал за спиной участливый голос отца Дитриха:

— Сын мой, что с вами? Вы вдруг так опечалились...

Я молча указал на окно. Отец Дитрих с минуту вслушивался, его быстрые глаза мигом охватили всю площадь, уходящих людей, лавки с товаром, оставленных лошадей. Когда он повернул ко мне голову, лицо его тоже стало печальным, но в глазах печаль смешивалась с выражением непреклонной стойкости.

— Отец Гарпах, — позвал он, — подойдите, пожалуйста.

Священник прервал горячую речь, больше смахивающую на проповедь. Я посторонился, отец Дитрих указал священнику на окно.

— Имеющий уши да услышит, — произнес он, — имеющий глаза да узрит...

Я видел через их головы, что певец от усердия привставал на цыпочки, вытягивал шею, взмывал, голос его взле-

тал под облака, песня звучала на разные голоса, тонкая, изысканная, с модуляциями. Народ уже разошелся, а перед помостом стояли двое горожан и тоже пели, глаза закрыты от наслаждения, морды довольные...

Отец Гарпах сказал раздраженно:

— Что я должен увидеть?

— Что рано... чтобы все как один, чтобы все прониклись святостью и величием идей... Взгляните на певца. Вы ведь тоже...

Отец Гарпах выпрямился.

— Что у нас может быть общего? Я слуга церкви, а он... он слуга дьявола!

— Может быть, — согласился отец Дитрих, — но сейчас, именно с этой песней, он на нашей стороне. Вы ведь слышите, что он поет...

Священник сказал раздраженно:

— С какой стати я буду слушать, что поет какой-то простолюдин? Пусть даже он хорошо поет... Даже удивительно, что он поет... такое! Я слышал, что ревели на площади только что, здесь стены дрожали от скабрёзности и возмущения!

— Вот-вот, — сказал отец Дитрих. — Он поет чересчур хорошо.

— Чересчур?

— А сколько ему подпевало, когда горланил похабщину про пьяного священника и распутную жену трактирщика? Сколько?.. Намного больше, чем про поход в южные страны!.. А сейчас он поет, как будто замаливает грехи, о душе, о духовности, о высоком... и что?

Я отвернулся. Мне не надо смотреть в окно, подобное я насмотрелся по любым каналам телевидения, по всем газетам, по Интернету, в политике, науке, искусстве. Я сам, стыдно теперь признаться, переключал на шоу или футбол, если случайно наткнулся на оперу или балет.

Отец Дитрих кивнул мне.

— Пойдем, сын мой. Простите, отцы, я отлучусь на минутку. Отведу испытуемого в келью и сразу вернусь.

Глава 12

Когда мы вышли в коридор, солнце опускалось за зубчатую стену, по стене со зловещей неотвратимостью двигалась черная ощеренная тень. В нишах становилось темнее, зло начинало просыпаться, потягиваться в полусне, расправлять мускулы для ночной охоты.

Багровый луч падал на дверь, к которой подвел отец Дитрих, медные полосы и заклепки выглядели раскаленными в огне до вишневого цвета. Я едва не толкнул створку ногой. Вовсе не из непочтения, вдруг почудилось, что святая церковь спалит пальцы нечестивца...

Огромное помещение пугало пустотой, отец Дитрих вел по широкому проходу между скамьями, на приближающемся алтаре я рассмотрел раскрытую книгу. Шаги мои замедлились, отец Дитрих поклонился алтарю, начертал в воздухе крест. Глаза его из внимательных стали трезвыми, он словно сейчас сообразил, куда меня привел, явно его душа все еще дралась в теологических битвах о будущем Зорра.

— Я уже знаю, — сказал он негромко. — Король отпускает...

— Благочестивая королева сообщила? — спросил я.

— У нас есть и другие источники, — ответил он сухо. — Итак, сэр Ричард... преклоните колени перед алтарем. Там святая книга, источник нашей стойкости... Вам предстоит бдение до утра.

— Зачем? — спросил я.

Он сказал строже:

— Вам предстоит тяжелый путь. И опасный. Так что... не медлите, сэр.

Я перевел взгляд на алтарь. Книга в латунном переплете выглядит пугающе толстой. Справа и слева горят толстые свечи, наплывы воска словно наледи возле колодца. Мощно пахнет благовониями, но это слово у меня неизменно распадается на составляющие «благо» и «вонь».

— Надо ли сейчас?

Тяжелая рука опустилась на плечо медленно, но тяжесть придавила меня к земле. На колени я опустился, можно сказать, поневоле. Пальцы на моем плече оставили странно горячий след, уже исчезли, а кожа вся еще чувствовала жар. Голос произнес над головой требовательно:

— Разве ты не воин, сын мой?

— Воин, — проговорил я. — Отец Дитрих, разве не вы сказали о трудной дороге? Если же выступать на рассвете... Хорош из меня будет рубатель нечисти, если ночь простою здесь на коленях! Еще бы и гороху подсыпали под колени.

Инквизитор сказал сурово:

— Лучше потерять жизнь, чем душу.

Я смолчал, ибо шуточку насчет гороха могут принять как руководство к действию. У церкви чувство юмора всегда было на точке замерзания. Он повернулся уходить, уверенный, что я и так все знаю, я взмолился вдогонку:

— Отец Дитрих, но что я должен делать? Я ж не очень... осенен благочестием, вы же сами знаете!..

— Тебе надо укрепиться, сын мой, — ответил он строго. — Да, твоя душа не весьма чиста... Местами смердит так, что небесам гадко, с этим уж ничего не поделать... пока что, но для успеха трудного пути надо, чтобы те свойства твоей души... ну, в которых еще есть свет, окрепли и не погасли. Укрепись!.. Подумай о себе, о людях, о мире, о своем месте в мире. В Морданте, к примеру, музыка и пляски, чтобы человек жил, не думая, в постоянном радостном веселье, аки скот... А человек потому и человек, что может скорбеть душой, а не только телом. Человек может плакать, а мордантец — нет. Слезы очищают, облагораживают, так что не стыдись слез... Плакать не умеют только скот и простолюдины. И еще скот, простолюдины и мордантцы каждую свободную минуту тратят на игры, веселье, пляски, песни, похоть... Человеку же даден день в неделю для раздумий: правильно ли жил, как жить верно дальше, как строить жизнь... Это свойство человека, сэр Ричард! Вот и подумай...

Он ушел, а я остался в довольно глупой позе на коле-

нях. В пустом костеле. Идиотизм, конечно. Согласен, не все же время веселиться, уже прямо из себя выжимаем веселье по любому поводу, а серьезный человек уже подозрителен, но и мыслить именно на коленях — дурь. Мыслить лучше в хорошем удобном кресле, чтобы нигде ничего не давило, в правой руке — чашечка с крепким горячим кофе, пусть прочищает мозги, в левой — пульт от цифрового телятника, новости ничуть не мешают мышлению, а то и придадут новые повороты, добавляют нюансы и нюансики...

Правда, новости часто прерываются рекламой, а на остальных каналах обычно туповатые шоу да рэперы, но наши мозги натренированно отсеивают лишнее, выбирают... что они выбирают?.. черт, да мозги, строго по Павлову, заранее включают предохранительное торможение. То есть вопят, что устали, надо отдохнуть от думанья, переключи-ка, друг, на футбол или концерт...

Ладно, эти люди в Зорре больше имеют времени для думанья, но они на все его имеют больше. Вон в Морданте царит веселье... Они, кстати, мне понравились больше, чем люди Зорра, это уже себе говорил... Даже твердил. Да и вообще, как говорит Карнеги, человек с улыбкой нравится всем. А у мордантцев не просто приветливые улыбки, а вообще рты до ушей.

А здесь все сковано догмами, правилами, суровыми требованиями. Всякий зоррец живет только «как надо» и никогда не оттягивается, не балдеет, не расслабляется. Это как если бы пацан взялся качать железо и качал бы его все свободное время, жертвуя девочками, выпивкой, травкой, дискотекой... Вот уже накачал себе такие мышцы, что Шварценеггер от зависти удавится, но все качает, все вздувает, все бьет и бьет рекорды, отказывая себе во всех радостях...

Но жизнь коротка, на девочек и выпивку можно вообще опоздать, как и на дискотеку!

Внезапно странная мысль мелькнула, как острая искорка падающего в ночи болида: а что, если у этих сумасшедших другое понятие радости? Этому идиоту радостно

качаться... нет, такое не может быть радостно, но хотя бы радостно смотреть на себя в зеркало, пройтись по пляжу, а другому придурку приятно грызть гранит науки, чтобы в уме щелкать интегралы шестого уровня, а потом ломать голову над новым суперчипом, а третий не ест, не спит, на баб не смотрит — ибо тоже увидел радость другого порядка... Скажем, как исполнить фугу Баха на компе...

В зале совсем темно, через окно падает широкий луч мертвенного лунного света. На полу с астрономической неспешностью двигается светлый ромб, пылинки пляшут в полосе лунного света. Мне почудилось движение, по коже прошел холодок, зашевелились волосы.

В полумраке пробежало что-то мелкое, мохнатое. Если бы топало, как маленькая лошадка, я бы погрешил на ежа, но существо двигалось совершенно бесшумно. Проходя под стеной ближе к двери, существо задело боком освещенное место. Я задержал дыхание, чтобы не ахнуть во все воронье горло.

Существо напоминало медвежонка, даже игрушечного медвежонка, но когда оглянулось на меня, я увидел почти человеческое лицо, разве что мелкое и заросшее шерстью.

И это в Зорре, мелькнула мысль. Мало того — в святой церкви! Рано епископ объявил, что Зорр — абсолютная твердыня христианства, что здесь нет ни малейшей тени язычества. Этот домовый... или что-то подобное... явно к строгому христианству не имеет никакого отношения.

Вообще-то отец Дитрих, говоря о чистых и нечистых душах, сам забросил зерно сомнения. Немалое зерно, так, размером с тыкву. Я хоть и не христианин, но я нахватавшийся, информация из меня так и прет, я знаю, сколько кирпичей в стенах Московского Кремля, как именно Моника пробралась в Белый дом, сколько ложных крыльев у дрозофилы, все эти знания обычно простой мусор, вбитый рекламами и запавший в голову из услышанных радиопередач в метро, вот точно так же откуда-то помню, что основатель самого христианства вовсе не Христос, а Павел. Это он написал семнадцать из двадцати четырех книг Нового Завета

и является его автором, именно он создал основные постулаты христианства: мол, Христос был не просто одним из множества пророков, что шлялись тогда по пыльным дорогам, а Сыном Божьим, что умер Он за наши грехи, Его страданиями мы все спасены, и теперь давайте-ка начнем жить сначала, хорошо и честно.

Так вот «Павел» — просто ник, а был это Савл, который христиан ловил и распинал, бросал живьем зверям на жратву и вообще жил не совсем так, как положено христианину. Но потом он призадумался о сути нового учения, сам его принял, взял ник «Павел» и под этим ником создал из крохотной еврейской секты мировую религию. И церковь сделал он. Сам прекраснодушный и поэтичный Христос никогда бы не додумался до строгой иерархии, до церковных уставов, регламентации, крестовых походов, сожжения ведьм...

У меня на миг все поплыло перед глазами, потемнело. Из тьмы оформилось злое лицо сильного решительного человека, как бы сейчас сказали, явно выраженной кавказской национальности: с иссиня-черными кудрявыми волосами, упавшими на плечи, выбритым до синевы подбородком, крючковатым носом — словом, типичный запорожский казак или турок, он взглянул на меня в упор темными как терн глазами, я уловил посланную откуда-то мысль, что это и есть Павел — создатель церкви и ее догматов.

И еще пришла одна жуткая мысль, которую безуспешно пытался вытолкнуть из черепа. Этот Павел до жути похож на того странника, который встретился мне в заброшенном лесном домике.

А почему нет, мелькнула другая мысль, очень здравая. Говорят же, что революции задумывают праведники, совершают энтузиасты, а плодами пользуются сволочи. Вон задумал же Ленин... или даже Томас Мор, куда уж праведнее, его католическая церковь даже к святым причислила! — их задумки воплотил Сталин, а пользовались всякие Брежневы да Горбачевы...

Так что и вся огромная организация церкви есть создание рук... или воли... Врага...

Я огромным усилием отодвинул эту мысль, что слишком уж с большой готовностью подминает все остальные, растворяет, изничтожает, оставляет только себя как непрекаемую истину. По телу прошла дрожь, я постарался отогнать привычное состояние быдла: мол, все лажа, все брехня, политики — грязь, женщины — шлюхи, Матросов не бросался на дзот, а Гастелло не швырял самолет на колонну бензовозов, так что и от меня не требуйте подвигов, я вот трус и слабак, принимайте меня таким, каков я есть, все мы такие, все — жвачное быдло, все — русская интеллигенция...

Подышал несколько чаще, голова чуть прояснилась. Стало стыдно, кожей лица уловил струю свежего ночного воздуха. Возможно, как раз сейчас дьявол и подталкивает меня к этой крамольной мысли, что вся церковь — дело его рук. Чтобы я, значит, относился к церкви несколько иначе...

А как я отношусь?

Черт, да я никак не отношусь! Я не хочу к ней относиться!!!

— Поздравляю, — слышался негромкий голос. В нем звучала тонкая ирония интеллигентного человека. — Уже сэр Ричард!.. Поздравляю, Дик. Ты делаешь большие успехи.

Из темноты вышел и остановился передо мной, заслонив алтарь с книгой, высокий человек в черном плаще. Я поднял глаза на его умное интеллигентное лицо.

— Это я вас поздравляю, — ответил я учтиво. — Как это вам удалось войти в святая святых?

Он вскинул красиво изломанные брови.

— Это в церковь, что ли? О, Дик, знал бы ты, сколько я основал этих церквей! И сколько таких, где я сам служу мессы!.. Но это пустяки. Я удивлен, увидев тебя здесь... и в такой странной позе. К тому же я не вижу за твоими плечами... ангела-хранителя.

Он выговорил это как ругательство. И хотя я с ним

вполне согласен, у меня любая моя охрана без моего согласия вызывает протест, а хранитель превращается в охранника, но я спросил автоматически — люблю спорить:

— А что странного?

— Да такого человека не то что в церковь... вообще должны были утащить на костер!

Я вспомнил колеблющихся инквизиторов, плечи мои зябко передернулись, я спросил на всякий случай:

— Но нет и беса?

Он сдержанно улыбнулся.

— А его и не надо.

— Почему?

— Этого достаточно, — сообщил он. Видя мое недоумение, пояснил: — Достаточно, чтобы не было ангела.

Я ощутил холодок, сказал настороженно:

— Не совсем понял...

Хотя уже понимал, только не хотел признаваться даже себе. Дьявол улыбнулся шире.

— Кто не служит Свету, уже служит Тьме. Только, если честно, Дик... ты же сам знаешь, что Свет — это я. У меня даже прозвище — Люцифер, что значит «светоносный». А церковь, увы, тьма. Мракобесие. Тьма. Но ты не смотри на меня так подозрительно, Дик, не смотри!.. Я не пришел тебя искушать, пугать или еще как-то на тебя воздействовать. Скажу честно: я не буду тебе мешать, даже когда ты что-то сделаешь вразрез с моими планами... А ты пока что ничего такого не делаешь. Понимаешь, даже Старик скрепя сердце признает свободу воли человека. Раньше не очень-то признавал, но, озлившись и изгнав из райского сада, махнул рукой и сказал: живите как хотите. Тем более свободу воли признаю и поощряю я. Я как раз и строю свою политику на свободе воли, на желаниях, чувствах, страстях... А вот тот консерватор все старается заковать в узкие рамки догм, дисциплин, норм... Вернее, не Он сам, я ж сказал, Он на все махнул рукой, но все еще не смирились толкователи и проповедники его учения: богословы, священники, отшельники, аскеты... Понимаешь?

Я сказал осторожно:

— По крайней мере, я понимаю, почему... гм... из моего мира.

Он рассмеялся, потер руки.

— Честно говоря, я никак не верил, что такое удастся... Нет, я не сомневался в своих возможностях, но когда мы с Ним заглянули в твою душу... Там при Нем была свора ангелов, так они разбежались с воплями. Ужаснулись, значит. Страшно смотреть в черные бездны... Но Он посмотрел и махнул на это вяло рукой. По-моему, даже не понял, что увидел. Или глазами стал слабеват.

Он смеялся и потирал руки, на меня смотрел взглядом собственника. Он победил, молодой и сильный, а одряхлевший Бог уже, видно, допустил ошибку. Не рассмотрел, что в моей душе для него нет места вовсе, зато Тьмой занято все.

— И что же, — спросил я, — все, что я делаю... я делаю на пользу наступающей Тьме?

Он кивнул. Глаза стали серьезными.

— Да.

Я подумал, спросил:

— Но как же... я ведь помог привезти мощи Тертуллиана... Я не дал заговорщикам сбросить короля с трона.

Он развел руками.

— Ты сам знаешь ответы. Загляни в себя. Не хочешь?.. Это в тебе остатки морали прошлых эпох. Нет, не твоей эпохи, а времен твоих отцов-дедов. Ты делаешь то... что делаешь, но пока стыдишься называть это своими именами. Ничего, и этот предрассудок падет очень скоро. Я могу тебе назвать пока только общий признак... все, что ты делал, ты делал для себя, а не для других. А это, сам понимаешь, единственно правильно и честно. И по отношению к себе, и по отношению к другим.

Из меня вырвалось:

— Ложь!

— Хотя я — Отец Лжи, — сказал он мирно, — и прочее, прочее, как только меня не называют, но я не вру. Да, на

тебя не действует магия... потому что ты родился в другом мире. На тебя действует другая магия, магия того мира, неизвестная здесь... Более того, даже я не могу заглянуть в тебя, увидеть твою суть. Единственное, что могу сказать наверняка: Старик крупно лопухнулся, не возражая против твоего переноса! Ты — из того мира, где я уже на белом коне. И принимаю парады! А мне под ноги бросают трофеи... какие, сам назовешь, если подумашь.

— Но... — сказал я, — а как же...

Он тонко улыбнулся:

— Это я запустил в обращение прекрасный лозунг, который сразу прижился: книги имеют свою судьбу! Но это верно не только с книгами. Еще больше — с человеком. Мало ли какую судьбу готовил вам Старик! Гениальное творение начинает жить своей жизнью с момента сотворения. Я лишь помогаю ему жить... правильно. Умно. Рационально. Ты против того, что надо жить по уму?

Он смотрел странными мерцающими глазами. Я хотел отмолчаться, но он ждал ответа. Я выдавил через силу:

— Нет.

— Спасибо, — сказал он просто, но с торжеством.

На его месте слабо блеснул огонек, словно электрический разряд. Сатана исчез, словно сам себя выключил. Я снова видел темный алтарь, наполовину укоротившиеся свечи, толстую книгу, от нее никакого свечения, никаких признаков Мощи или Святости. Старая потертая книга, которую читали многие, читали внимательно, вдумчиво, часто заламывая «ослиные уши».

По уму, повторил я злобно. Он хочет, чтобы все жили по уму. Свободно и раскованно. А церковники хотят свободную мысль заковать в оковы догматов. Шаг вправо, шаг влево — попытка к бегству. Только вот такой прямой дорогой, товарищи, в светлое будущее всего человечества, в царство Христа, царство свободы... грудью проложим себе...

Хотя, конечно, если честно, только распоследняя сволочь или бомж отказывается от догматов, от веры. Пусть они даже ложные, вроде «Все люди равны», «Запад нас спа-

сет», «Честность лучшая политика», «Так делать не принято», но они ведут нас по жизни, а без них мы вообще превратились бы в зверей. Или в скот. Без веры в то, что надо быть честными, мы, поступающие нечестно, скатились бы еще ниже простой нечестности!

Так что вера... вера необходима. Но при чем здесь церковь? Христос? Нелепый рай на облаках и смехотворный ад в преисподней, где зарождаются вулканы? Да ни при чем, это для общего употребления, как уже дал понять инквизитор. Для чистых душ. А для тертых — можно приоткрыть занавес чуть шире.

Вера, к примеру, заставляет продвигаться этих людей все дальше и дальше на юг, покоряя, повергая, сжигая и разрушая чужие ценности, чужие культуры, чужих богов и чужую религию. Не будь этой неистовой веры, сразу началось бы гамлетовское: а прав ли я, а надо ли завоевывать, а может быть, пусть меня завоюют и поставят, как им приятнее?

Сатана говорил про ум, разум, намекал на прогресс, науку, но, если опять же честно... а мне самому это не нравится, я из числа тех, кто любит побалдеть под пиво и доступных девочек, так вот если совсем уж честно, то эта вера и догматы нужны и разуму, и науке, и всему-всему, что делает человек. Иначе он такого наделает...

Ноги занемели, спина и шея — деревянные, тяжесть в теле неимоверная, кости ломит, я потерял счет времени, сквозь бессознательное состояние вроде бы послышались голоса, с каждым часом... или веком?.. становятся громче, наконец я начал различать слова, но не в силах повернуть голову на занемевшей шее.

Из пристройки вышли два священника. Лицо отца Дитриха побледнело, осунулось, а под запавшими еще больше глазами повисли набухшие неводы. Второй священник, отец Гарпах, выглядел не свежее. От них пахло крепким потом, словно только что пробежали пару миль. Или же положили перед иконой пару тысяч земных поклонов.

Окна загорелись оранжевым огнем. Утренние лучи солнца переломились в цветном стекле, упали на пол, коснулись алтаря, подползли ко мне. Я прищурился от брызнувшего в глаз солнечного зайчика, помотал головой.

Отец Дитрих спросил встревоженно:

— Сэр Ричард, как прошло?

Второй священник принял, вздрогнул.

— Отец Дитрих, — проговорил он дрожащим голосом, — здесь были не только соблазны... Пахнет смолой и серой! Но ведь это же... костел!.. Как могла сюда проникнуть нечистая сила?

Я смолчал, опять некстати вспомнил про Павла, основателя церкви. Простой нетитулованной нечистой силе не войти, но уж святой Павел может входить во все церкви мира. Нет, нельзя так думать, это уловки дьявола.

— Как прошло? — повторил отец Дитрих. В его лице нарастало выражение страха. Я посмотрел ему в лицо, он вздрогнул и отшатнулся.

Я попытался встать, но колени не слушались. От ледяного пола за многочасовое стояние холод проник в мои кости, смял суставы, заморозил межсуставную жидкость. Я пошатнулся, отец Дитрих подхватил меня, сказал в ухо громко и настойчиво:

— Это все иллюзия!.. Враг стремится сокрушить твою веру!.. Верь!

Я стиснул зубы, напрягся. Тело затрещало, за часы ночного бдения застыли не только колени, я разгибался с таким трудом, что кости шелкали, будто непрестанно ломали поленья, а то и бревна. Но я все же встал, отец Дитрих отнял руки, я пошатывался на онемевших ногах, но не падал.

Отец Гарпах спросил торопливо:

— Что вам являлось? Какие видения мучили?

Я сказал тихо:

— У каждого свой ад.

— Да-да, — торопливо согласился отец Гарпах. — Сэра Будоргана, к примеру, мучили... просто истязали, не пове-

рите ли, сценами обжорства и неумеренного чревоугодия, а сэра Штергла — видениями роскошных блудниц... В то время как сэру Бергу ничего не являлось, кроме залитого кровью трона и его брата с перерезанным горлом...

Огненные муравьи пробежали по телу и пропали удивительно быстро. Я напряг мышцы, распустил, некоторая усталость, но в то же время ощущение, что я успел поспать и отдохнуть.

— У каждого свой ад, — повторил я. — Сейчас не до исповеди, отец.

Отец Дитрих обошел меня со всех сторон, всмотрелся. В его запавших глазах страх попеременно сменялся на надежду, затем снова мелькал страх.

— Я вижу, — сказал он негромко, — что у тебя был тяжелый бой... пахнет не только смолой и серой, но и кровью. Я чую запах огня, чую пепел сгоревших городов и даже пылающей земли, хотя не понимаю, как это земля может гореть. Ты выстоял, сын мой?

Я развел руками.

— Не знаю, — ответил я честно.

Они оба отшатнулись, отец Гарпах быстро и широко перекрестился, а отец Дитрих спросил, сильно побледнев:

— А что ты скажешь... теперь? По поводу нашего дела?

— Я поеду, — ответил я. Посмотрел в их напряженные ждущие лица, добавил поспешно: — Если найду — привезу. Если успеет найти Ланселот — помогу ему довести в Зорр.

Отец Дитрих вздохнул с облегчением. Он старался сделать это незаметно, но его коллега взглянул удивленно, я же интеллигентно отвел взгляд в сторону.

— Хорошо, — сказал отец Дитрих. — Да будет с тобой благословение церкви. Скажи, что тебе нужно, ибо ты не знатен, тебе могут отказать, это для нас, слуг Господних, нет разницы между знатым и незнатым — у всех у нас души, которые вложил Господь Бог и которые он же возьмет в свои руки.

— У меня все есть, — ответил я поспешно. — Даже

больше, чем у многих... Хорошее оружие, доспехи, конь... Вот только насчет спутника! Слуги или оруженосца мне не нужно, но я взял бы с собой одного спутника...

— Только изъяви желание, — ответил отец Дитрих. — Все рыцари сочтут за счастье...

— Нет, — ответил я с еще большей неловкостью, — но есть один... дернуло же меня сшибить его с коня! Теперь я же за него и в ответе. Он мне принес присягу, все время спрашивает, что ему делать. Теперь вижу, что быть начальником — самое хреновое дело.

Инквизитор смотрел глубоко запавшими глазами. На миг мне почудилось в них сочувствие, но подумал, что если я отвечаю за одного, то он точно так же — за все королевство, и я сам посмотрел на обоих с глубоким состраданием.

— Спасибо, — сказал отец Дитрих негромко.

— За что?

— За то... что сейчас подумал. Ладно, с этим молодым рыцарем я обещаю. Хотя...

— Что, святой отец?

— Он слишком чист, — выговорил инквизитор с трудом. — Он чересчур чист!.. Я просто боюсь, что любое пятнышко грязи его погубит. А там, куда ты отправляешься, грязи будет немало.

Глава 13

Конюх вывел коня, заставил пробежаться по кругу. Двое оружейников старательно проверяли мои доспехи. В воротах показался светловолосый рыцарь, увидел меня издали, просиял, мне стало неловко, ибо он бросился ко мне с искренней любовью и преданностью большого щенка.

— Мой господин! — воскликнул он счастливо. — Я слышал, что вы снова побывали в опасном походе, откуда привезли чудесное оружие! Сейчас над ним четверо священников служат круглосуточную мессу, зато потом...

— Да-да, — прервал я. — Сигизмунд... Я снова влез в

очень опасное предприятие. На этот раз мог бы взять тебя...

Он тут же опустился, нет, с железным грохотом рухнул на колено с таким жаром, что земля вздрогнула. В глазах заблестели звезды.

— Господин, располагай мною!

— Очень опасное, — повторил я. — Ты не говори «да», пока не услышишь, в чем дело...

— Опасности? — воскликнул он. — Нечисть на пути? Кровавые раны, пот, испытания?.. Так о чем же еще может мечтать мужчина, как не о подвигах?

Я покосился на Беольдра, тот придирчиво наблюдает, как готовят мне доспехи. Беольдр перехватил мой взгляд, чуть приподнял и опустил плечи. Он уже понял, что я хоть почти ровесник Сигизмунду, но в чем-то странном намного старше, мудрее и даже умудреннее.

— Опасностей ты не страшишься, — сказал я осторожно, — но там хуже, чем опасности. Мы заберемся довольно далеко в южные земли, где сейчас власть захватила Тьма. Там... нечисть! И не просто нечисть, которую можно мечом или топором, но и та, которая незаметно забирается в души, отравляет, поворачивает все так, что друзья начинают казаться предателями, а враги — друзьями...

Щеки его слегка побледнели, но он ответил твердо:

— Но если цель благородна, то что наши жизни?

Беольдр, что молча следил за разговором, подошел, шагая, как статуя Командора, прорычал ласково:

— Спасибо, сынок... Дик, бери его. Этот львенок вырастет львом... если, конечно, ему дадут вырасти.

Я кивнул.

— Хорошо, Сиг. Поедешь. Но учти: я предупредил! Выезжаем на рассвете, иди готовь коня, доспехи, оружие. Отоспись!

Беольдр взглянул вслед ошастливленному Сигизмунду, тяжело вздохнул. На суровое лицо набежала тень, оно стало злым и неприветливым.

— Какой... был, — сказал он с едва сдерживаемой яростью, — какой... Ах, сволочи!

Я тоже посмотрел вслед молодому рыцарю, спросил с тревогой:

— А что с ним?

Беольдр бросил в мою сторону злой взгляд.

— Да ладно, тебя это не касается.

— Касается, — отрезал я. — Я беру его в опасное путешествие. Мы должны доверять друг другу! А после ваших слов, ваша милость, извините... но я, видимо, его оставлю.

Беольдр отрезал еще злее:

— Я же говорю, что это касается только его, а не тебя!

Я поклонился.

— Простите, ваша милость, мне нужно идти. Возможно, я еще успею кого-то подобрать в спутники.

Он зло скрипнул зубами, проговорил нехотя:

— Ладно, погоди... Я ж говорю, это касается только его. Он приехал откуда-то совсем из глуши. Ты его перехватил, когда он только-только выехал из родового гнезда!.. А когда ты победил его и велел ехать в Зорр, он так и сделал, но... чистая душа!.. неся со всех ног, отошал по дороге, коня едва не загнал, все стыдился, что никак не приступит к службе... Есть люди, которые очень чувствительны в этом деле, я их очень уважаю...

— Я тоже, — сказал я.

Он сердито сверкнул глазами, продолжал:

— В Зорр прибыл, едва держась на ногах, оборванный и голодный. Конь под ним светил ребрами. Ну а у нас как назло... да-да, что пошло во зло, была целая неделя без приступа! Молодые рыцари от безделья не знали, чем заняться. Пятеро лоботрясов как раз поднимались на высокую башню, пригласили на крышу и этого деревенского простака. Там один взял да и кинул вниз горсть золотых монет и сказал, что, кто прыгнет за ними и быстрее всех принесет хоть одну сюда, наверх, тому он отдаст доспехи и своего коня. Ну, эти лоботрясы начали делать вид, что собираются прыгать...

— Бог ты мой, — прошептал я, уже догадываясь.

— Вот-вот, — угрюмо сказал Беольдр. — Этот простак тут же поспешно прыгнул, чтобы опередить других. Там подхватил монету и бегом поднялся по ступенькам... Сам понимаешь, все раскрыли рты. Но все перед этим побывали в таверне, вино туманило мозги, как-то решили, что просто повезло. Правда, доспехи и коня пришлось отдать...

— Слава Богу, — выдохнул я, — то-то я заметил, что конь у него в такой богатой попоне!

— Это еще не все, — сказал Беольдр несчастливым голосом. — Они пошли по стене дальше, пока не пришли к башне, что прямо над рекой. Там глубокие омуты, там вообще опасно. Стали говорить, что там на дне огромная жемчужина, хорошо бы ее достать, а обратно легко вскарабкаться по стене... Это по отвесной стене, представляешь? Там паук не взберется. Только сказали, как этот простак прыгнул прямо в железных доспехах! Все решили, что он утонул, но тот все же вынырнул, показал в ладони крупную жемчужину, после чего легко, как белка, взбежал по стене обратно. Все смотрели на него, как на чудовище, но гордость не позволила признаться, что дурачились... Да уже и не только гордость, конечно. Уже испугались, я с ними потом переговорил, сволочами!

Я слушал, чувствуя приближение чего-то нехорошего.

— Бедный простодушный Сигизмунд!

— А на обратном пути, — сказал Беольдр несчастным голосом, — люди Карла решили попробовать какую-то особую катапульту. Подвезли ее поближе к стенам, швырнули не камень, а глиняный горшок с горючей смесью. Наши стрелки мигом раздолбали и катапульту, и катапультщиков, но горшок все равно упал на крышу конюшни и поджег. Ветер дул в нашу сторону, подойти невозможно. А один из молодых оболтусов сказал Сигизмунду, что если тот сумеет вбежать внутрь и выпустить оттуда коней, то пусть себе выбирает любого... Ну, Сигизмунд бросился в огонь, разбил ворота, вывел всех коней, а на нем не сгорело ни единого волоска! Вот тут-то всех и трянуло... Я как

раз прибежал, видел, как рыцарь Денс Гарт пал перед ним на колени, умолял простить за дурацкие розыгрыши, идиотские шуточки... мол, никто же не знал, что на нем такая святость...

Я сказал со злостью:

— Догадываюсь. Ох, догадываюсь!

— Не знаю, о чем ты догадываешься, — сказал Беольдр свирепо, — но я видел, как побелел Сигизмунд, с каким ужасом оглянулся на пылающую конюшню. Набежала уйма народу, но все равно удалось лишь не пустить огонь дальше, а конюшня все равно сгорела. Сигизмунд пытался поднять одну вещичку, что блестела среди углей, тут же с криком отбросил, а на ладони, не поверишь, вот такой волдырь! А до этого он спокойно брался за раскаленные докрасна засовы!.. Понимаешь, он верил всей душой и сердцем, страшился не огня или земли, а страшился показаться недостаточно быстрым, недостаточно усердным. Он не думал о себе или своем теле, он безоговорочно верил этим идиотам... и у него все получалось!.. Но теперь он испуган, Дик. Понимаешь, он теперь никому не верит и всего боится.

— Из крайности в крайность, — пробормотал я. — Из меня, конечно, психотерапевт хреновый. Точнее, никакой. Но я возьму его... не потому, что буду лечить его душу... Ваша милость понимает, какой из меня лекарь, зато его никто не лягнет здесь!

Беольдр возразил:

— Здесь никто не посмеет обидеть, он всех напугал до икотки!.. Но ты заведи его, чтобы он этих гадов не видел. Когда епископ узнал про случившееся, он на всех рыцарей, что так шутили, наложил жесточайшую епитимию. Это ж какого человека, сказал он, потерял наш Зорр! Человек с такой неистойвой верой мог и войска Карла отбросить назад, и войну всю выиграть, да и вообще... Давно не встречали человека такой неистойвой силы благодаря чистоте души и детской вере!.. А теперь Сигизмунд боится собственной тени. Никому не верит, а отправляясь с тобой, он, понятно, еще больше увязнет в неверии и нечестии...

— Почему? — спросил я автоматически, тут же понял, прикусил язык.

Беольдр взглянул хмуро.

— Понял, да?

Солнце едва-едва позолотило облачко над горизонтом, когда моего коня вывели из конюшни. Огромный, могучий, он мотал головой, двое дюжих конюхов едва удерживали под уздцы. Я спустился с крыльца, тоже огромный в доспехах, похожих на скафандр для погружения в Марианскую впадину. Еще двое услужливо подкатали колоду, поставили ее стоймя.

Я погладил коня по умной вытянутой морде, зашел с другой от колоды стороны. В походе вряд ли на каждом шагу седальные камни или эти колоды, так что... Конь напрягся, когда я вставил ступню в стремя и ухватился за лук седла, оттолкнулся от земли, чувствуя себя волейболистом у сетки, которому надо поставить блок, мышцы затрещали, но сумел воздечь себя в седло. Конь с шумом выпустил воздух из легких.

Мне подали копье, я принял и держал острием кверху — так принято, выброшу в ближайшем же лесу. Или сразу за воротами. Послышался цокот копыт, из-за строеный выметнулся легкий с виду конь Сигизмунда, сам всадник сидит красиво и гордо, рыцарское копье даже не подрагивает в такт скачки.

Этот конт Сигизмунд, мелькнула у меня ироническая мысль, странная помесь аристократичного ребенка, выращенного в глубине поместья, и крепкого крестьянского чада, что взращен на деревенском молоке, сметане, сливках, отсюда эта свежесть кожи, чистый румянец, а также по-крестьянски широкие плечи и могучее сложение лесоруба.

Он посмотрел на меня влюбленными глазами.

— Я ночь не спал, сэр! Все торопил этот сладостный миг...

Беольдр усмехнулся.

— Врешь. Трусил небось, что передумаем... Пусть счастье вам сопутствует!

— Сэр, — сказал Сигизмунд счастливо, — это вот уже счастье!.. Наконец-то подвиги, я так мечтал... но какие подвиги в нашей глуши? Пока сэр Ричард не послал меня в суровый Зорр... И вот сейчас — самый счастливый день моей жизни!

— Или несчастный, — проворчал я. — Готов?

Из костела вышли священники. Глаза Сигизмунда округлились — узнал епископа, высших иерархов инквизиции. Даже поблédнел, а губы зашевелились, словно перебирал грешки. Впрочем, откуда у него грешки, явно благодарственная молитва, хвала Господу, Его ангелам...

Священники благословили нас, Сигизмунд все порывался слезть и встать на колени. Отец Дитрих перекрестил меня особо, его острые глаза все искали крестик на моей шее, но я сижу в железном доспехе по самые уши, даже голова накрыта железом.

Мой великанский конь нес меня с легкостью, хотя на мне пудика два тесного железа. Вообще-то я не знаю, сколько в пудике кэгэ, но чувствую, что многовато. Хотя я на голову выше Сигизмунда, однако самое тяжелое, что я носил, — это зимнюю куртку с капюшоном, а вот таким летом — джинсы и гавайку. Сейчас же в железе весь, даже шлем с настоящим забралом.

С ночи пошел дождь, какой-то не летний, что налетает, как буря, и так же быстро исчезает, оставляя небо чистым и голубым, траву вымытой и зеленой, а воздух посвежевшим и свободным от пыли. Сейчас небо затянуто почти осенними тучами, дождь стучит по листьям монотонный, гадкий, я без зонтика, не под крышей автобуса или в надежном метро, даже не прячусь в ближайшем подъезде, как у нас принято, а еду открыто под этим бесконечным дождем. С неба по мне мелко стучат капли холодной воды, а когда задеваю ветки, с них злорадно обрушиваются целые водопады.

Впереди двигается Сигизмунд, этакая металлическая глыба на блестящем, как тюлень, коне. И сам блестящий и холодный, как морской валун, пролежавший на берегу миллионы лет, омываемый водой дважды в сутки. А у меня через все щели доспехов с чайниковым свистом вырываются струйки пара. Ну, почти со свистом. Я промок до костей, у себя на Тверской уже бы продрог, но здесь в этой железной скорлупе разогрелся так, что, не охлаждай меня дождь...

Тело зудело и чесалось, я с ужасом вообразил полчища злобных блох, что забрались под железо. И сразу же зуд стал совсем невыносимым.

Из-за мелкой дымки лес казался в тумане. Ближайшие деревья я видел четко, а дальше все тонет в таинственной и страшноватой зеленой кисейности. Во время дождей все звери сидят в норах, ибо капли прибывают к земле запахи и приглушают звуки. Можно пройти в трех шагах от добычи и не учуять ее. Правда, олени тоже не бродят в дождь по той же причине: можно сослепу выйти прямо на хищника. Даже птицы забились в гнезда, спрятались в дуплах, сидят молча, не поют зазря, дождь все равно приглушит любую песню. Да что петь — ни одна дура не полетит под дождем на страстный зов.

Даже привычный звонкий или глухой стук копыт сейчас растворился, и мне показалось, что Сигизмунд двигается впереди совершенно бесшумно. И весь он, слегка размытый в моросящей мгле, не человек, а призрак... Призрачный всадник на призрачном коне...

Он поглядывал вопросительно, наконец восхитительно покраснел, как юная девушка, не выдавшая современной России.

— Сэр, вы сказали... нам предстоят свершения на юге?

— Ага, — ответил я.

— Но мы... там север!

— Ага, — повторил я и подумал, что пора бы разнообразить словарный запас всякими «ну» и «в натуре». — Сперва заедем к соседям в Галли. Король Шарлегайл сказал,

что только король Арнольд знает, где спрятаны... где упрятаны доспехи святого Георгия.

Сигизмунд испуганно икнул, долго молчал, а когда заговорил, в его голосе звучали страх, благочестие и суеверный ужас:

— Милорд... Я даже боюсь и подумать... поверить...

— Да-да, — подтвердил я. — Те самые. А что не так? Привезли же мы мощи святого Тертуллиана?.. Не все так просто, как ты думаешь, Сигизмунд. Все намного проще...

Я снова поймал себя на том, что обращаюсь с ним, как с ребенком, хотя он если и моложе меня, то на пару лет, вряд ли больше. Но как в той поездке в колхоз на уборочную мы чувствовали себя намного старше и умудреннее деревенских ровесников, так и сейчас я чувствовал на себе груз лет Ренессанса, раннего капитализма, социализма, построения царства Божия в отдельно взятой стране, затем снова какого-то странно разгульного капитализма.

Деревья все утолщались, трусцой не бегают, узловатые ветви красиво простираются во все стороны. Трава густая, сочная, на полянах множество цветов, порхают бабочки, носятся стрекозы. То и дело с натужным ревом пролетают толстые жуки...

Деревья с мощными наплывами на стволах, откуда такое только берется, но нет засохших или засыхающих деревьев, что так часто попадались на пути, даже нет упавших и гниющих стволов, нет безобразных коряг, страшных, как растопыренные в заклятиях безобразные ведьмы...

Мне казалось, что еду по ухоженному парку. Или по лесу, где деревья никогда не болеют и не старятся. И трава. И кустарники, что растут так аккуратнo, словно их высадили такими вот кучками.

В полдень, когда я совсем ошалел от жары и обливался потом, мы сделали крохотный привал, дали отдохнуть коням, перевели дух сами, потом снова тряска в неудобном седле. Я стремился за первый же день, пока никто не мешает, отъехать как можно дальше.

Небо стало угрожающе багровым, я устал, как пес, что полдня бегаёт по лесу, выкладывая все силы, а потом, оказывается, надо ещё и домой, но я тащился из последних сил, пока не усмотрел мелкую тихую речушку, могучие раскидистые деревья, массу сухих сучьев.

Кроваво-красные лучи закатного солнца высветили песчаный берег с редкой жесткой травой. Мы расседлали коней, я привязал к их мордам сумки с овсом, Сигизмунд принялся разводить костер. Я разделся, осторожно ступил в прохладную воду, застонал от наслаждения. Казалось, пот начал вымываться не только из распаренных пальцев ног, но вода достигла даже ушей и смывает со всего тела.

Сделал шаг дальше, ступня нащупала мягкое, со дна поднялась коричневая муть. Когда вошел в речушку до колен, вода из прохладной стала странно теплой, как обычно бывает в неглубоком и хорошо прогреваемом солнцем болоте, хотя, как мне чудится, на глубине должно бы все наоборот...

Мясистые листья кувшинок закачались от волны. Лагушки злобно уставились выпуклыми шарами, некоторые припали к листьям белесыми животами, другие же, напротив, приподнялись на всех четырех, угрожающе выгибая спины.

В двух шагах забурлила вода, словно под водой прорвало нефтепровод. Вместе с пузырьками воздуха выплескивалась черная жидкость отвратительного вида и запаха. Вздрыбилась масляно блестящая спина, словно у огромного тюленя, а голова начала подниматься прямо передо мной.

Я безуспешно пытался нащупать на голом пузе молот, даже замахнулся, а в другой руке держал перед собой несуществующий меч острием вперед — до чего уже привык, ну прямо боец, герой. Вода продолжала бурлить, затем зверь, явно рассматривавший меня из-под воды, решил не рисковать, раз я в такой странной стойке, и снова ушел под воду.

Сигизмунд сказал обеспокоенно:

— Милорд, а не перенести ли костер от воды подальше?

— Стоит ли? — усомнился я. — Я слышал, что огонь всех зверей отпугивает.

— А у нас огнем приманивали рыбу, — сообщил он. — Вот такую!

Я посмотрел, ответил:

— Да, лучше перетащить.

Пока я одевался, он начал сгребать угли и переносить повыше на берег, задумчиво посматривал на лес, на высокие деревья, обронил:

— Правда, я слышал про лесных зверей, что тоже выходят только на огонь...

— И еще я слышал, — добавил я ему в тон, — что есть рыбы, которые лазают по деревьям...

Он засмеялся:

— Вот это точно враки!

— Правда, — ответил я серьезно. — Сам видел.

— Где ж такие рыбы живут? — изумился он.

— На юге, — ответил я. — На самом дальнем юге.

Отклика не последовало. Я посмотрел на Сигизмунда, краска медленно сходила с его щек. Я запоздало вспомнил, что здесь не то что телевизора, даже простых фотоаппаратов все еще нет и «сам видел» означает только одно: был там и видел собственными глазами.

— У меня... — сказал я медленно, — это... ну... видения как-то были... Видел как наяву... Только осталось руку протянуть!

Он с облегчением вздохнул, кровь вернулась в щеки.

— Видения, — проговорил он с откровенной завистью, — а я жил в таком медвежьем краю, что ничего не видел, кроме высоких сосен... А у нас они особенные! В пять обхватов, стоят так плотно, что боком не протиснешься... Так и жили мы, не видя других людей. Хорошо, у отца были книги... Сам он читать не умел. Вообще думаю, что не с собой привез, а кого-то ограбил... Больно мой батя не похож на книгочея. А читать меня мама научила... Странные книги! Вроде бы старинные сами по себе, а в них о еще более давних временах...

Мы сидели у костра, подбрасывали веточки в огонь, я слушал его неторопливый рассказ, полный ахов и детского удивления тем, что он вычитал. И хотя говорил только о подвигах, сражениях, перед моими глазами вырисовывалась немножко иная картина.

Люди пришли в эти земли вовсе не из-за жажды приключений, как они расписали в своих хрониках, а просто бежали под натиском более сильных племен и народов. И пришли сюда не племена, как опять же высокопарно в хрониках, а остатки уцелевших, растерявших родню, друзей, даже знакомых. На новых землях, достаточно суровых и бедных, если сравнивать с югом, они селились далеко друг от друга, не чувствуя привязанности или даже необходимости держаться вместе.

Так возникали племена, раздвигались границы, пока не соприкоснулись, не начались трения из-за пастбищ, обрабатываемой земли. Появились группы вооруженных людей, что защищали племя, а потом, окрепнув, начали нападать на соседей. В результате появились крепкие здания из камня, куда в случае необходимости можно было укрыться всем, а еще позже крупные селения начали обносить заборами. Сперва частоколом, а потом из камня.

Долгое время люди даже не замечали, что эти земли все-таки уже заселены. А если и замечали, как замечают прыгающих по дороге зайцев, как видят стада лесных оленей или свиней, то кто станет считаться с правами зверей на эту землю? То же самое и с эльфами, гномами, троллями, кобольдами. Их видели очень редко, а когда встречали, не упускали случай метнуть стрелу или бросить топор.

Правда, потом узнали, что в лесах и горных долинах эльфы создали богатое и могучее королевство, но тем более их надо перебить, а богатства разграбить, ибо не дозволено оленям, лесным кабанам и всяким эльфам владеть тем, чем имеет право владеть только человек. Вот тролли же не владеют, хоть и троллей тоже надо перебить, как и всяких гномов, кобольдов, огров, гоблинов...

Самой большой опасностью были, конечно, огры, жут-

кие великаны. Жили в пещерах, что, однако, не привычные пещеры, а что-то наподобие муравьиных ходов, источивших древние горы во всех направлениях. Когда-то в них добывали руду древние кобольды, руду выбрали, а шахты и огромные пустоты остались. Огры только приспособили их для себя, кое-где расширили. К счастью, огры жили поодиночке, но, на беду, их нельзя было застать в пещере, выкурить или задушить дымом: все пещеры были проходными. И огры могли уйти и внезапно появиться со спины, а дым свободно рассеивался по тысячам пещер без всякого вреда.

Королевство эльфов довольно быстро пало под неудержимым натиском людей, что были во много раз слабее. Это признавали все. Бежавшие эльфы основали в дремучих лесах и труднодоступных горах новые королевства. Но эти островки уже не могли равняться с былой мощью. Обозленные герои-эльфы в одиночку уходили в леса, где сражались всякого встречного человека, будь это странствующий рыцарь, дровосек или женщина, вышедшая в лес за хворостом или ягодами.

Но пали и эти герои. А могучие маги эльфов отступили перед странной мощью, что несли в себе священники, монахи, аскеты, проповедники, даже богословы.

Эльфы, гномы, огры, подумал я невесело. Ладно, все мы знаем, что были две ветви — неандертальцы и кроманьонцы. Считается, что несколько десятков тысяч лет они жили обособленно, но в конце концов кроманьонцы истребили неандертальцев. И вот мы — потомки этих кровожадных тварей, что перебили родных братьев... просто так. Но есть предположения, что неандертальцы не погибли так уж все. Многие ушли в леса, горы и там дали то, что теперь называем эльфами, гномами, ограми, троллями, гоблинами...

Сигизмунд внезапно умолк, приложил палец к губам. Я застыл, не шевелясь, только следил за ним глазами. Он сделал мне знак чуть-чуть повернуть голову, но не вставать и не хвататься за оружие.

Из темноты, где обрывался освещенный круг, смотре-

ли два глаза. Огромные, как автомобильные фары, только желтые и не такие яркие. И почти на таком же расстоянии один от другого. Лунный свет пробивался сквозь тучи слабо, создавалось впечатление огромной, как танковая башня, головы с плитами и выступами. Внизу на миг распахнулось багровое жерло, я содрогнулся при виде двух рядов жутких зубов, за ними виден сужающийся пурпурный туннель, со всех сторон обсаженный слизью и припухlostями.

Луна задвинулась во тьму, мы видели только два глаза, что наблюдали уже с нечеловеческой злобой. Я услышал рычащий звук, но не понял, то ли рычит у чудовища в животе, то ли во мне или же Сигизмунд нагнетает в себе нечестивую ярость берсерка.

Я тихонько протянул руку к молоту. Глаза погасли, некоторое время оставалось ощущение близости к огромной массе плоти, затем исчезло. Я медленно встал уже с молотом в руке, всматривался в темноту.

— Что это?

— Это порождение южных земель, — проговорил Сигизмунд. Он побледнел, губы тряслись, но явно счастлив, что не струсил, не ударил передо мной, сюзереном, лицом в грязь.

— Далеко же оно забралось, — заметил я тревожно.

— На юге водятся другие звери, — сказал Сигизмунд, я хотел возразить, но подумал про слонов и бегемотов, их не встретишь на Среднерусской равнине, а Сигизмунд добавил поучительно: — К тому же нечестивая жизнь порождает чудовищ.

— Может быть, — сказал я вслух, — там радиация повышенная. Или что-то в траве такое... Непонятно, почему ушло? Ему нас на один зуб.

Сигизмунд подумал, предположил нерешительно:

— А если у этого зверя только голова большая? А сам крохотный... Хотя нет, задница должна быть такой же, для противовеса.

— И лапы толстые, — добавил я. — Иначе подломятся. И брюхо, иначе не прокормишь.

Сигизмунд вздохнул.

— Да, завтра увидим.

Я подумал про динозавров, у которых головки совсем крохотные, но этот закон непропорциональности, похоже, работает только в одну сторону. Зверей с маленькими головками и большими туловищами уйма, а вот наоборот...

— Увидим, — согласился я. — Интересно, как они с хозяевами этих земель, эльфами да гномами? Люди еще могут за каменными заборами отсидеться, но эльфы да гномы и спят, говорят, часто просто в траве. Если такое наступит...

Сигизмунд возразил почтительно, но твердо:

— Хозяин — человек! Всюду.

— Не горячись, — сказал я миролюбиво. — В нашем королевстве поступали по-другому. Мирно продвигались на чужие земли, занятые якутами да эскимосами, селились, торговали, ходили друг к другу в гости. Эскимосы да чукчи учили людей рыбу да тюленей ловить, а люди их — пшеницу сеять да водку из нее гнать... Нет, гнать так и не сумели научить, но пить научили. А потом пошли браки, дети-полукровки, а теперь в тех краях уже и не разберешь, кто человек, кто эльф... тьфу, чукча.

Сигизмунд с недоверием качал головой:

— Дивные у вас земли.

— И люди дивные, — согласился я. — Это называется политкорректностью. Если ты увидишь, к примеру, у человека на носу бородавку, то никогда не заговоришь даже о прыщах. Это для того, чтобы все люди, эльфы, гномы, негры, бушмены не чувствовали разницы в обществе. И чтобы могли селиться и жить бок о бок даже в одних домах, не замечая разницы...

Сигизмунд недоверчиво хмыкал, я слышал, как трещат ветки под его молодым, но тяжелым телом. Я собирался лечь ближе к костру, как вдруг с той стороны костра раздался красивый задумчивый голос, полный музыкальности и изысканности:

— И где же такие земли, сэр странник?

Я напрягся, пальцы коснулись рукояти молота. Неко-

торое время в напряжении всматривался в пляшущее пламя, перед глазами — только прыгающие к небу искры. Потом сообразил, что меня могли бы достать стрелой, это Сигизмунд лег правильно... Где он сейчас, подкрадывается ли к затаившимся эльфам?..

— Есть такие земли, — ответил я. — Добро пожаловать к костру, благородные эльфы.

Из темноты вышли двое в зеленых плащах. Капюшоны надвинуты на брови, оба эльфа выглядят высокими, но только из-за удлинённых пропорций, а так мне до середины груди, не выше. Оба — типичные шпионы Средневековья, но когда один откинул капюшон, золотые волосы рассыпались по плечам, я понял, что шпионами здесь не пахнет. Аристократы в шпионы не идут. По крайней мере, в те времена не шли.

Второй остался с надвинутым на глаза капюшоном, оба сели у костра в трех шагах от меня по-хозяйски, не спрашивая разрешения. То ли из врожденного хамства, то ли давали понять, кто в лесу хозяин: мол, сперва — мы, эльфы, потом — медведь, а мы с Сигом в ранге забредших в чащу деревенских коз.

Из чащи вышел, понурясь, Сигизмунд. Вид у него был пристыженный, на поясе болтались пустые ножны. Мне почудилось, что на левой скуле расплывается кровоподтек. Он сел к огню явно вынужденно, на эльфов поглядывал с ненавистью.

— Конт Астральм, — назвался первый эльф. — А это мой сердечный друг Гелионт. Вы шумели в лесу, как стадо свиней, мы решили полюбопытствовать...

Я наклонил голову.

— Любопытствуйте, если вы не мусульмане. Ваш друг... это значит, что вы нетрадиционной ориентации?

Он не понял, но я выразительно окинул сердечного друга особым взглядом, при всей политкорректности все же мы глубоко внутри еще те политкорректники, и конт Астральм вспыхнул до корней волос, вскочил, рука метнулась к рукояти короткого меча, но я нагло улыбался, мои

пальцы на рукояти молота, метнуть все же успею, и конт, покипев какое-то время, с достоинством сел.

— На выпады человеческих свиней обращать внимание не стоит, — ответил он высокомерно. — Но любопытно, неужели в самом деле существуют такие земли, где... живут вот так, как вы изволили прохрюкать?

— Я из такой страны, — ответил я. — Не скажу, чтобы она мне очень нравилась... но все же там любого уважают лишь за его личные качества, а не потому, родился он эльфом, гномом, негром, чукчей или даже чеченом.

Он все еще кипел, рука сжимала рукоять меча. Второй конт, который сердечный друг, успокаивающе опустил ладонь на его кулак. Я увидел и скабрёзно улыбнулся. Теперь, когда все примеры крепкой мужской дружбы обгажены, когда все пары героев: Орест и Пилад, Аяксы — выглядят просто как гомосеки, это крепкое мужское рукопожатие воспринимается только как сексуальный жест.

Неожиданно Астральм высокомерно улыбнулся.

— Мне нравится то общество, — заявил он. — В нем явно правят эльфы!

Я пожал плечами:

— Возможно. Но кто это знает?

Он вскинул длинные загнутые ресницы, в больших глазах вспыхнуло удивление.

— Разве не видно?

— Только по личным качествам, — ответил я. — А говорить о расах, видах, цвете кожи и половых признаках — запрещено.

Конт Гелионт проговорил мягким музыкальным голосом:

— Что значит — по... признакам?

— Это значит, — объяснил я, — что будет казнен тот, кто откажет в приеме на работу, в выдвижении на высокие должности и так далее... тому, у кого не тот рост, цвет кожи, пол, религия или даже сексуальная ориентация. Это значит, что у нас еще те Содом и Гоморра.

Конт Гелионт сказал настойчиво:

— Пол? Женщины у вас...

— Наравне с мужчинами, — ответил я. — Избираются королями, императорами. Не наследуют, а избираются. По уму, своим личным качествам, а не по тому, что их прадедушка Рим спас или древней королеве чем-то хорошо услужил.

Конт Астральм сказал Гелионту строго:

— Успокойся.

Тот огрызнулся:

— Ты не понимаешь?... Посмотри на него! Видно же, не врет. Мы умеем распознавать, когда кто-то врет. У них в самом деле так!

— Успокойся! — повторил конт Астральм строже. Он коротко взглянул на меня, бросил презрительный взгляд на замершего Сигизмунда. — Я тебе потом все объясню.

— Не нужны мне твои объяснения, — сказал конт Гелионт. Он рывком сбросил капюшон на плечи. Золотые волосы рассыпались по плечам, часть упала на грудь, на спину, локоны достали до земли. У меня перехватило дыхание. Конт Астральм раскрыл было рот, но увидел мой взгляд, понял, что я тоже все понял, захлопнул рот со стуком деревянной шкатулки.

Этот конт, вернее, контесса была не просто ослепительно красивой. В ней удивительно сочетались ум и воля, в огромных серых глазах светились ум и решимость, выдвинутый подбородок говорил о сильном характере, и вообще, мы все с первого взгляда способны отличить умное от идиотского. Так вот ее красота никак не могла затмить яркого интеллекта, что светился в глазах, проступал в изгибе губ, читался в каждом движении.

— Великий Гейтс! — вырвалось у меня. — Если бы за красоту выбирали... вы бы стали императрицей всего белого света!..

Конт Астральм что-то проворчал. Контесса ослепляюще улыбнулась мне, костер сразу померк, я видел только блеск ее глаз и зубов.

— Да, — сказала она, взгляд ее проникал мне вовнутрь, — вы не врете... сэр.

— А что тут необычного? — удивился я. — Скоро и здесь будет так. Люди всегда к этому приходят. Сперва войны, драки, потом мир, а затем уже и мирное сосуществование. У нас сразу станет преступником тот, кто помешает эльфу или гному купить дом в центре поселения людей, открыть там лавку или завести коров, стать крупным феодалом, олигархом... э-э...сюзереном, которому одинаково подчинены люди, гномы, негры, эльфы, коммунисты...

Они переглянулись. Конт Астральм после некоторого колебания взмахнул рукой. Из-за деревьев вышли еще пятеро эльфов. Они сели по другую сторону костра, никто не проронил ни слова, но я расценил их появление как явный знак доверия.

Контесса сказала мне серьезно:

— Мне бы хотелось, чтобы то ваше правление, о котором вы говорите, наступило как можно быстрее.

— Наступит, — заверил я. — Прогресс не остановить. Люди пришли, а это обязательность прогресса...

Конт Астральм проворчал раздраженно:

— Я вижу только одно полезное дело, что люди сделали для нас.

— Какое? — осведомился я вежливо.

— Прекратили наши войны, — отрубил он. — До этого мы постоянно воевали друг с другом... Нет, когда-то не воевали, но про этот золотой век никто ничего не знает. Мол, было золотое время, все жили счастливо и... не воевали. А потом пришел век серебряный, и начались войны. Или век пришел, потому что начались войны? Словом, воевали черные альвы с бурыми, с альвами гор, с альвами подземелий, а в союзе с ними воевали со светлыми альвами, которым помогали феи лесные и горные, водяные и радужные. Огры, тролли и гоблины обычно стояли на стороне черных альвов, а все народы и племена гномов, дварфов и карликов принимали сторону светлых альвов. Эти войны велись тысячи и тысячи лет, их сперва записывали

подробно, но за тысячи лет ничего не изменилось, и вскоре начали отмечать только самые большие сражения... А потом пришли люди.

— А что люди? На чьей они оказались стороне?

Астральм скривился.

— Это у людей такие шутки? Предупреждайте, сэр. Люди, несмотря на свою слабость и мизерность, тут же объявили войну всем. Даже не объявили, а начали вести себя так, словно пришли не в земли, уже занятые могущественнейшими народами, а... ну как будто эти земли заселены только оленями, зайцами, реки — рыбой, а небо — птицами. Если им встречался альв или гном, они стремились его убить точно так же, словно видели напавшего на их жалкое стадо волка!

Я сказал сочувствующе:

— Альвы были сильны?

Астральм сказал зло:

— Они и сейчас сильны!.. Невероятно сильны!.. У них сокрушающая магия... Не пойму только...

— Чего?

— Куда все делось?

— Магия?

— Могущество!.. Раньше от альвов ступить некуда было. Альвами был населен этот мир. Альвы потрясали горами, силой заклятий могли заставить вырасти лес на голых скалах, поднять со дна озера гору или же, наоборот, опустить гору так, что ее вершина зияла бы на большой глубине в бездонной пропасти! Но теперь вместо всего огромного могущества альвов... осталось то, что вы, люди, презрительно зовете эльфами да гномами. Да-да, эльфами и гномами, смешивая в одну кучу действительно гномов, дварфов, карликов, кобольдов, подземный народец... Эх...

В голосе воителя было столько горечи, что уже контесса сказала ему успокаивающе:

— Астральм, не сжигай сердце... Были ведь еще и саги Вольгейда.

— Да все это бред! — возразил он яростно. — И самих саг не было!.. Только слухи, слухи...

Она возразила:

— Но если слухи хоть чуть-чуть верны...

Я поинтересовался осторожно:

— А что за саги... Вольгейда?

Она отмахнулась:

— Самые из древнейших... что дошли до Первых.

— Первых... кого?

— Первых альвов, конечно. Был найден только один текст, но за тысячи войн он исчез, погибли и все копии... Известно только, что якобы до прихода Первых, первых альвов... или до появления, это не одно и то же, здесь вроде бы уже жили люди. Их города занимали полмира, а крыши домов достигали звезд... Потом что-то произошло, много о пожаре, охватившем мир, о морях огня из-под земли, с небес, о морях, что вскипали и обращались в пар... Теперь трудно восстановить, что было в самой саге Вольгейда, а пересказы на то и пересказы, что все причудливее и причудливее...

Конт Астральм хмурился все больше, в глазах вспыхнула сдержанная злость. Резко поднялся, бросил:

— Мы не будем мешать вам ехать через наш лес. Гелионта, нас ждут!.. Надо торопиться.

Она поднялась с некоторой неохотой. Почти одновременно с нею встали и пятеро молчаливых эльфов. Я тоже поднялся, но еще раньше вскочил и поклонился красивой женщине Сигизмунд. Скула в самом деле покраснела и припухла.

Глава 14

Трава блестит, на каждом стебельке крупные блестящие бусинки, но копыта безжалостно рушили всю красоту. Солнце еще не вылезло из-за края, но в небе расплавленным золотом уже горят облака, меня качает в седле, я привык отсыпаться подольше, а летом ночи чересчур короткие.

Сигизмунд мчался рядом, свежий, как английский огурчик, что-то щебетал, его длани без усталости поднимались, указывая на дивный мир, что сотворил Господь, возносил хвалу Его Трудам, восхищался, восторгался, ахал, едва ли не пел осанну...

...а потом как-то вдруг внезапно умолк, заткнулся, помрачнел. От этой перемены я проснулся, нащупал молот и повертел головой, отыскивая угрозу. В сторонке от дороги медленно проплывает разрушенная церковь. От деревни, что окружала ее, остались только редкие груды камней, остальное сгорело, унесено ветром, дождями, весенними ручьями. Но остов церкви уцелел, только крест с крыши вывернут с корнем, окна зияют черной пустотой, а под стенами еще блестят осколки цветного стекла...

В старые времена русские переселенцы в Сибирь или на Дальний Восток, прибыв на облюбованное место, первым делом рубили церквушку, сами ночуя на телегах и под телегами, а затем уже строили дома себе. Здесь могло быть так же, только если русские останавливались на церкви из дерева, то в этих краях и после того, как село окрепло и разрослось, о церкви продолжали заботиться: перестраивали, улучшали, а изрядно подгнившее дерево однажды заменили не новенькими бревнами, а массивными каменными глыбами. Это был немалый труд, ведь сами крестьяне по-прежнему жили в деревянных домах, но церковь отгрохали громадную, всю из камня, на что потребовался труд не одной сотни лет, ибо камень добывали где-то далеко, каменоломен не видать, а тяжелые глыбы волокли издалека по одной в свободное, как говорится, время. А в остальное — пахали, сеяли, убирали урожай, молотили, мололи, ссыпали в закрома, кормили и выпасали скот.

Но за две-три сотни лет уложили массивный фундамент, иная крепость позавидовала бы, поставили огромные украшенные резьбой ворота, лучшие столяры тщательно и любовно обработали старый выдержанный дуб, а то и вовсе мореный для алтаря, церковной мебели, для добротных лавок со спинками — все на века, массивно, увесисто.

А сейчас одна половинка ворот все еще висит на верхней петле, поскрипывает и покачивается под порывами ветра. Остатки другой лежат на земле, раздробленные, с погнутыми металлическими полосами, потускневшими медными бляшками.

— Богохульники! — вскричал Сигизмунд, не выдержав. — Сэр Ричард, как Господь допускает такое?

— Чтоб мы видели, — ответил я.

— А зачем?

— Чтоб делали выводы.

Я остановил коня, поколебался. Сигизмунд смотрел с беспокойством.

— Вы хотите заглянуть?

— Жди здесь, — сказал я. — Я на минутку.

Он перехватил повод, под моими сапогами захрустели осколки пересохшей черепицы, стекла, остатки церковной утвари. В зияющий провал на месте ворот я вошел со странным чувством насмешки и гнева. Насмешка — понятно, я всегда насмехаюсь над церковью, что, как жаба, все еще пыжится, что-то изображает, но здесь все-таки больше чем насмешка: кто-то перебрал с глумлением — порубленные скамьи, алтарь, мебель, нагажено, даже на крепком камне стен следы от тяжелых топоров...

Везде следы огня, но дуб оказался в самом деле мореный, такой невозможно поджечь, и сволочи в бессильной злобе рубили все, что могли, гадили и пакостили, тоже как могли и где могли. И все же большинство скамей осталось там, где строители их поставили, стены хоть изрублены топорами, однако выше человеческого роста и до самого свода уцелели картины с летающими толстыми бабами, могучим дядей, которого я назвал бы Зевсом или Юпитером, но никак не Саваофом, с толстыми младенцами... без луков, но с неизменными покрывалами, которыми раньше закрывали бесстыжих афродит и диан, а теперь покрывают целомудренную Матерь Божью.

Массивный шкаф весь в шрамах, но его рубили уже напоследок, излив злобу на скамьях, устав от тщетных попы-

ток поджечь, и потому дверцы уцелели. Я поискал ручки, их срубили сразу, попытался поддеть ногтями, наконец сумел вставить в щель острое кинжала. Дверца открылась с жутковатым скрипом. Я покрылся сыпью, в испуге оглянулся. Показалось, что в провал на месте ворот кто-то заглянул и тут же скрылся.

На трех полках горы манускриптов. Полка уходит вглубь, там еще ряд, в темноте видны рулоны совсем старого пергамента. Запахло древностью, пылью, повеяло ароматом тысячелетий.

Очень осторожно я открыл манускрипт. И хотя я скептик, но втайне каждый из нас ждет чуда, страстно надеется на чудо... увы, деревенский священник коряво и с ошибками вносил даты рождения, крещения, смерти, сообщал о хвостатых звездах, о знамениях, плохой погоде, о двухголовом теленке, толковал приметы, смутные слухи об увиденном гоблине...

Ни слова, как я заметил, о сотрясавших материк жестоких войнах, о противостоянии империй — все это деревенский священник не замечал, ибо войны — это где-то там, а в его селе ссора двух соседей имеет гораздо большее значение, чем какие-то непонятные войны на краю света.

— Вот он и докатился, — сказал я. — Этот самый край докатился прямо сюда.

Отложил, взял другой манускрипт, полистал. Взял третий. Наугад достал снизу еще один, с самой нижней полки, а потом еще с верхней. Увы, никаких страшных тайн, заклятий или чудес: все те же свадьбы, рождения, крещения, ранние весны, жестокие зимы, подозрение в адрес одного прихожанина в колдовстве, рождение тройни в семье уважаемого торговца скотом...

За спиной послышались шаги. Легкие, Сигизмунд ходит, как подкованный лось, а в этих шагах я ощутил дружеское участие. Голос раздался знакомый, тоже дружеский, полный соболезнавания:

— Жалеешь, Дик? Да, мир несовершенен... Увы, так заведено: чтобы утвердить свое, надо рушить чужое. Как буд-

то не знаешь, что все первые церкви строились на месте сожженных и разграбленных языческих храмов!.. Мол, ту-пой народ по привычке придет поклониться новому богу... да и убедится наглядно, что новый — сильнее.

Он встал рядом, на бледном интеллигентном лице отразилось сочувствие.

Я-буркнул:

— Да, я слышал насчет церквей на месте капищ. Но все равно, жечь церковные книги, чтобы на их место положить книги по химии, — тоже нехорошо.

— Книги по алхимии? — переспросил он. — Да, это просто гадко. Но гадко для нас, интеллигентных людей. К сожалению, это единственный прямой и понятный путь... для большинства. Наглядный. Сразу видно, кто сильнее! Простой человек не любит думать. Ему сразу дай результат, дай готовое мнение знатока, чтобы можно выдавать за свое собственное. Разрушенная и загаженная церковь — демонстрация нашей силы и для умных, и для... не очень. Сам я, как понимаешь, осуждаю эти методы... Моя война — война идей.

Я кивнул на развалины:

— И это результат войны идей.

— Дорогой Дик, а где не так? Когда-то все вырастем настолько, что воевать будем только силлогизмами, идеями, но ни в коем случае не опустимся до такой грубости. Но ты мне скажи другое... Ты ведь не глуп, как ты с этими меднолобыми? Ах да, традиция... Верность, служение, обеты... Ты как будто не знаешь, что это и есть величайшее насилие над душой человека! Да-да, верность, обеты — это насилие, а душа человеческая должна быть вольна. Свободна! Независима. Человек сам должен делать выбор, никто не имеет права решать за других, даже если он себя гордо именует сеньором или королем, а остальных — простолюдинами.

Я покачал головой:

— Слова, слова, слова... За них в самом деле можно и церкви разрушить. Да и университеты заодно.

— А университеты зачем? — полюбопытствовал он.

— Да так... если вдруг понадобится. Для дела.

— А, — сказал он, — если для дела... Для дела можно и университеты. Видишь, такая простая мысль тебе даже в голову не приходит. А ведь это так. Нужно рушить и университеты, если там, к примеру, преподают, что кто-то всего лишь по праву рождения имеет право повелевать другими! Никто не должен рождаться господином, как не бывает рабов по рождению. Каждый рождается свободным, а рабом или господином уже становится сам. Пусть так и будет: не всяк способен принять на себя бремя власти, кому-то хочется быть в тени великих, кому-то больше нравится пахать землю, чем править страной... Пусть так и будет, но уже по своему выбору, а не по рождению. Дик, запомни: никто не рождается, чтобы править королевством, как никто и не рождается, чтобы копать всю жизнь в навозе!

Я зажмурился, потряс головой, но правильные слова Князя Тьмы, даже излишне правильные, звучали в ушах, заползали в мозг и в душу. Совнарол в пути подолгу рассказывал, что в Начале Начал этот Князь Тьмы был самым близким и могущественным из ангелов Бога. Имя его было Люцифер, что значит — «блистающий». Он блистал доблестью и славой, величием уступал только Господу, но заспорил, воспротивился порядку мироздания, за что Всеблагой низверг его с небес. И вот теперь этот Люцифер, все еще ангел, но уже падший ангел, потерявший чистый блеск, говорит те слова, за которые и низвергли... возможно, те же слова... но если так, я автоматически должен быть на его стороне...

Я снова потряс головой.

— Ты говоришь... ты говоришь слишком правильно.

— А разве такое бывает «слишком»?

— Бывает, — ответил я. — В этом мире не знают еще, что такое предвыборные речи... А я наслушался.

Люцифер вскинул красивые изломанные брови.

— Да? Какие же?

— Я не силен в определении грязных технологий, — от-

ветил я честно. — Но я... просто научился... нет, не научился! Просто у меня уже вырабатывается иммунитет к правильным словам. Аркадий Аркадиевич, не говорите так красиво!

— Это плохо? — спросил он с недоумением.

— Это не действует, — сообщил я. — Опыт показал, что за очень правильными и красивыми словами часто скрывается очень непотребное... Фашизм, коммунизм, инквизиция, право первой брачной ночи, свобода, равенство и братство, вся власть Советам, свободу колониям, равенство неграм, права секс-меньшинствам, ку-клукс-клан, политкорректность... Все это правильно и верно, когда слушаешь их лидеров, но... я не могу все вот так взять и разложить по полочкам, ты — Князь Лжи, Отец Пропаганды, Родитель Равенства и Братства, а я вечная мишень для твоих средств массовой информации... но я все же хочу по возможности решать сам.

Люцифер кивнул:

— Хорошо, тогда скажи мне, в чем я не прав. И я, наверное, с тобой соглашусь. Только будь честен, Дик! Будь честен, говори свои слова, а не чужие. И я с тобой соглашусь.

Я сказал саркастически:

— Ну да! Мне удастся то, что не удалось даже Богу?

Люцифер сказал очень серьезно:

— Удастся. Только ответь предельно честно. Сам. Пусть за тебя не говорят твои родители, наставники, рыцари, короли, священники, конюхи...

Я смотрел в глаза Люцифера и видел, что тот говорил совершенно серьезно. И что сдержит слово, ибо он из тех, чья гордость не позволит себе унизиться до того, чтобы нарушить слово. Ведь говорят же: «горд, как Люцифер»! За гордость его и низвергли с небес.

— Ладно, — сказал я с усилием, — я отвечу... но не сейчас. Сейчас я еще не готов.

— Хорошо, — легко согласился он. — Ты в Срединные Королевства?

— Не совсем, — ответил я. — Небольшой крюк, а потом двинусь на юг.

Он вскинул высокие изогнутые брови.

— На юг? Правильное решение. Советую сразу же в королевство Скарлянды. Оно граничит на юге с Зорром, но ты увидишь разницу...

— В чем?

— Прежде всего, — сказал он, — в системе правления. Казалось бы, Зорр и Скарлянды — соседи, но там уже так называемая Тьма... ха-ха!.. ты не находишь это смешным? Все-таки ученье — свет, а неученье — тьма, а я как раз всюду насаждаю ученье... И вообще на юге начинают смеяться, когда слышат, что далеко на севере, среди лесов, есть захолустные королевства, которые гордо именуют себя Срединными. А мы, значит, на окраине Ойкумены?

— В чем разница? — прервал я.

— В Скарляндах новый король, — ответил он с легкой усмешкой. — Новая династия, так сказать... Новый король не скажу чтобы умен... но зато безвреден. Нет-нет, вовсе не из-за доброты! Просто его власть ограничена. Понимаешь... странное дело, я почему-то чувствую, что тебе можно доверять... другому бы я никогда такое не сказал, даже своим сторонникам, не говоря уж о верных подданных. А вот тебе говорю совершенно откровенно... Так вот, власть короля урезана до предела. Вообще-то я совсем обошелся бы без короля, но мир пока несовершенен: тупой народ, не говоря про аристократов, ждет на троне обязательно короля. Для них самый тупой и жестокий король понятнее и лучше, чем самый умный из простолюдинов!.. Да, в сказках у них то и дело кузнецы да плотники занимают королевские покои, но в реальной жизни они сами никогда такое не допустят, идиоты... Так что король у нас есть, есть... Но правит совет из умных людей. Просто умных, неважно, кто из них благородного происхождения, а кто не совсем... И ценности у них совсем другие. Реальные, а не придуманные. То, что у вас высокопарно называ-

ется, к примеру, предательством, у них просто реальность бытия...

Я вспомнил Бернарда, его суровое лицо, сдвинутые брови, упрямый и гордый взгляд, вспомнил его речи, сказал:

— Но ведь нельзя предавать.

Брови дьявола взлетели вверх. Глаза расширились в несказанном удивлении.

— Почему?

— Ну, — сказал я, — нельзя... Просто нельзя.

Он отшатнулся.

— Почему? Прости, почему? Жизнь человека бесценна. Даже простолюдина. Жизнь простолюдина, кстати, для меня даже ценнее. Он не обвешан с головы до ног постоянными предрассудками, устаревшими понятиями, всевозможными условностями и ритуалами. Простолюдин — это просто человек, искренний и честный. И если простолюдин бросает оружие и бежит с поля боя, я не называю его трусом, ибо он спасает свою жизнь, единственную и неповторимую! Ведь другой жизни у него не будет. И когда он предает... Кстати, что такое предательство? Когда человек свои интересы ставит выше чужих? Помилуйте, какое же это предательство? Это просто честное и трезвое отношение к себе, другим, жизни. Все мы ценим себя больше других. И любой человек, будь то барон или простолюдин, считает себя умнее своего короля.

Я пробормотал:

— Но что это за жизнь будет, если все будут друг друга предавать?

Он сказал с тонкой улыбкой:

— Позволь поправить... Не когда все будут друг друга предавать, а когда всяк будет свои интересы ценить выше интересов другого человека... и будет готов его предать во имя своих личных интересов! Разницу не уловил?.. Ты не можешь себе представить стабильное общество, где предательство не считается чем-то нехорошим, вот в чем дело. И где всяк готов предать... и предает при первом же удобном случае. Удобном для себя! Но никто не предает просто

ради того, чтобы предать. За что в него не бросают камни, продолжают подавать руку и прочее, прочее. Словом, тебе надо побывать в одном из подобных королевств. К примеру, в Юсерии. Или в Кельтулле, туда немного ближе.

Я покачал головой:

— Но там же нечисть!

Он с немым укором на интеллигентном лице развел руками. Красивыми тонкими руками с длинными пальцами пианиста.

— Ну что ты повторяешь детские сказки? Нет там никакой нечисти. Люди живут... счастливо. Кстати, кое-где даже короля и баронов нет. Я почему это повторяю так настойчиво? Заметил, что и ты забываешь о глубокой пропасти между простолюдинами и так называемыми благородными. Отсюда я сделал еще один добавочный вывод, что ты из того мира, где... где я уже победил!

Когда я вышел из церкви, кони задрожали и подались в сторону. Сигизмунд удерживал их, глаза расширились в тревоге, а ноздри затрепетали. Я сам чувствовал, что от меня идет ароматный запах горящей смолы и серы.

Совсем не пугающий запах.

Глава 15

Король Конрад продвигался со всем огромным войском и нигде не встречал сопротивления. Города и гарнизоны королевства Галли сдавались, верные приказу короля Арнольда. Обрадованный Конрад со всех сил спешил к столице. Из захваченных городов уже знал о странном приказе Арнольда, теперь страшился, что Арнольд опомнится и его довольно богатую и сильную страну — теперь убедился в этом сам — придется завоевывать огнем и кровью...

Но ворота городов открывались навстречу, ему выносили ключи от городов и заявляли, что сдаются на его милость.

Перед столицей Конрад затрепетал — слишком велика и хорошо укреплена, он даже не думал, что за последние

годы Арнольд сумел так поднять стену, а затем еще и обнес весь город дополнительным рвом и валом. При штурме пришлось бы недосчитаться четверти войска, если не трети, они остались бы в этом зловещем рву, а сколько бы полегло при штурме неприступных стен?..

Однако протрубили трубы, ворота распахнулись. Навстречу вышла толпа самых знатных граждан, рыцарей, баронов и графов, владетельных хозяев больших поместий, хорошо укрепленных замков. Старший нес на вытянутых руках огромный золотой ключ. Ключ от столицы, от непобедимой и неприступной Тантры Ней!

Конрад, обезумев от счастья, закатил грандиозный пир. Всем солдатам, участвовавшим в походе, выдал по золотой монете, рыцарям — золотые шпоры, всем велел именоватьсь отныне Сокрушителями Королевства Галли.

Затерявшись в толпе, я смотрел на его торжественный выезд на городскую площадь. Телохранители усеяли все крыши, стены, но я видел по лицам, что никто из жителей не собирается стрелять из лука, метать ножи или бросать дротики. Король Арнольд велел сложить оружие — армия сложила. Он велел крестьянам не сопротивляться — они поворчали, но сопротивления захватчикам не оказывали. Даже своевольные бароны и те признали власть Конрада, хотя ворота своих крепостей не отворили. Но они не отворяли их и перед Арнольдом, так что Конрад настаивать не стал.

А сейчас он выехал на свободный от толпы участок, дальше охрана оттеснить народ не смогла, вскинул руку. Ропот медленно начал смолкать. За спиной Конрада трубачи вскинули к небу трубы, торжественные звуки вспороли воздух. Когда трубы вернулись на место, над городом стояла торжественная тишина.

Конрад помахал ладонью, сказал сильным красивым голосом воина и полководца:

— Люди королевства Галли!.. Я король Конрад, который взял это королевство силой своего меча, объявляю его своим владением!.. Всем жителям дарую жизнь... и ту сво-

боду, которой они обладали раньше. То же самое относится к войскам. Я уверен, что они бы сражались доблестно и показали чудеса отваги и храбрости, если бы не трусливый приказ прежнего короля сложить оружие!.. Это позорный приказ, признаю. Но у вас будет время и возможность показать себя героями, ибо вы можете влиться в мою армию, что победоносно... и неотвратно... дальше...

Впереди начали переговариваться, я слышал плохо, начал протискиваться ближе. Кто-то прокричал из толпы:

— Как налоги, Ваше Величество?

Конрад широко улыбнулся, его признали королем, его называют королевским титулом, в то время как то трусливое ничтожество, Арнольд, где-то скрывается в пещерах, спасает шкуру, трус, позорит мужской род...

— Налоги, — сказал он мощно, и его голос докатился до самых задних рядов, — останутся прежними!..

Мгновение толпа молчала ошалело, потом взорвалась приветственными криками. Я на всякий случай тоже изобразил радость, помахал рукой, так все вокруг махали и улыбались, бросались друг другу на шею, обнимались. Конечно, противно, что так сразу забыли прежнего короля, а нового приняли с такой охотой, но, с другой стороны, уцелели сами, спасены дома и посевы, к тому же даже налоги никто не станет драть вдвойне, как с покоренной страны...

Еще сутки мы бродили по стольному граду, прислушивались, вступали в разговоры, подбрасывали провоцирующие вопросы. Конечно, если смотреть откуда-нибудь из Срединного Царства, то понятно, что в Галли вторгся чужой король, а местный король, не смев организовать оборону, бежал в горы и скрывается среди пастухов. Поменялась власть, династия и все такое. Но точно так же однажды в моей стране была свергнута монархия, произошел чудовищный перелом, свирепствовала Гражданская война, но в провинциальных городках почти не заметили ни то, ни другое, ни третье. Жили, пахали, работали...

Здесь больше интересовались налогами, а когда выяс-

нилось, что все по-старому, то большинство тут же благополучно забыли, кто на троне: Арнольд или Конрад. Конечно, в остатки свободного времени, когда выпадает время собраться возле очага, Арнольду перебивают кости, предполагая то неумение воевать, то трусость, то внезапное умопомешательство, то руку Тьмы. Сколько я ни прислушивался, ни один не предположил, что Арнольд пожертвовал собой, только бы сохранить их жизни, только бы не допустить кровопролитных сражений.

Дворовая челядь усердно выполняла приказы Конрада. Он заменять ее верными людьми не стал — больше наслаждения властью, когда прислуживают те, кто прислуживал его заклятому противнику. Даже расположился в его покоях, спал на ложе, где спал Арнольд, велел приводить себе тех женщин, которым знакомо ложе изгнанного короля.

Его сильнейший полководец Юбенгерд сперва деликатно, а потом сурово намекал, что это чревато. Одна из них может воткнуть в него отравленную шпильку, но Конрад с великой беспечностью отмахивался. Он наслаждался, наслаждался, упивался каждым мгновением.

Даже самые робкие горожане перестали прятаться от солдат Конрада, а потом уже на улицах появились женщины, послышался женский и детский смех. Налаживалась жизнь, солдат бояться перестали. Я видел, как один солдат Конрада указал на прекрасную рощу, что почти примыкала к городской стене с запада.

— Что это у вас за чудо?

— Королевский парк, — ответил горожанин гордо. — Правда, красиво?

— Очень, — признался солдат. — Я такой красоты еще не видел! И какой громадный...

— Разве? — удивился горожанин. — Нам он кажется маленьким.

— А сколько в нем?

— Пять миль в длину и четыре в ширину...

Солдат воскликнул:

— Такой громадный? И вы его называете маленьким?

У нашего короля парк всего в милю, но все называют его громаднейшим!

Горожанин помялся, поклонился, хотел отступить, но солдат ухватил его за рукав, сказал с пьяной настойчивостью:

— Не-е-ет, дружище, ты мне расскажешь, почему парк нашего короля считается громадным, а ваша громадина — крохотным!

Горожанин помялся, говорить явно очень не хотелось, промямлил:

— В парк нашего короля свободно ходит народ за хвостом. Собирает сено, целебные травы, березовый сок, мед... Царь в нем охотится... охотился на оленей, кабанов. Естественно, что народ считает такой парк маленьким и хотел бы, чтобы он стал еще больше. А парк вашего короля... Я был однажды в Алемандрии, и сейчас мурашки бегут по коже, когда вспомню, как оказался вблизи того парка. Меня чуть не затравили собаками! В ваш парк запрещено входить не только простолюдинам, но даже знатым людям без позволения короля. Понятно, что все хотели бы это опасное место сократить... Потому ваш парк называют... большим. Чересчур большим.

Сигизмунд потихоньку дернул меня за рукав, мы отошли в сторонку. Он поинтересовался вполголоса:

— Что будем делать, ваша милость?

— Тебе — ждать. Я загляну во дворец Арнольда, вдруг да узнаю, где он сейчас. А ты жди меня... сутки. Нет, лучше двое, тут все очень неторопливые.

Он округлил глаза.

— А это не опасно?

— Опасно, но ты не высовывайся. А места здесь пустынные.

— Нет, вам не опасно... во дворец?

— Справлюсь, — ответил я уверенно.

Я соскочил с коня, Сигизмунд ухватил повод. Доспехи я сташил с великим облегчением, глубоко и жадно вздохнул — какое же это счастье, Сигизмунд смотрел с непони-

манием. Я устыдился, пошел ломиться через кустарники, заглядывал под камни, топал, поднимая пыль, снова кусты, чертополох, заросли жуткого бурьяна, настолько высокого, что легко скроют всадника на рослом коне, под ногами хрустят кости — место довольно жутковатое...

В нагромождении серых камней показалась неопрятная щель. Оттуда дурно пахло, словно в щель заползло крупное животное, издохло, а теперь разлагается. Я представил, как придется ступать по гнилому мясу, что кишит червями, содрогнулся, крикнул:

— Сигизмунд!.. Отъезд, но не очень далеко, чтобы я тебя смог потом увидеть. Потом, через два дня!

Он проломился на коне следом, в глазах беспокойство:

— Но... куда вы, ваша милость?

— Посмотрю дворец Арнольда, — ответил я. — Люблю смотреть дворцы. Конечно, это не Вестминстер или Кремль, но по местным меркам...

Под камнем чавкнуло, на сырой земле испуганно замерли белесые многоножки, мокрицы, но тут же метнулись в разные стороны. Я протиснулся в щель, идти пришлось, сильно согнувшись, едва ли не на четвереньках, но дальше ход перестал маскироваться под случайную щель, на стенах появились следы зубила.

Я высек огнивом искру, зажег факел. Ход сделал еще два поворота, ушел вниз, я рассмотрел даже ступеньки, но дальше ход помчался строгий и ровный, словно и под землей камень расчерчивали незримыми чернилами.

Я двигался по меньшей мере час, уже начал беспокоиться, потом тревожиться, затем впал в панику и начал помышлять, не вернуться ли, уж чересчур обнаглел, все здесь, видите ли, понятно, и тут, как спасение, серая стена гранита сменилась такой же стеной, но сложенной из ровно отесанных плит.

Основание башни уходило вглубь еще ниже, но что там, какие в глубинах тайны, я не стал допытываться, устремился к темному проему, дальше широкие ступени на-

верх, подвал с мешками, еще одно подвальное помещение, доверху заставленное бочками с вином, пришлось вернуться, долго искал тайный ход, отчаялся, замерз и проголодался, но все-таки мысль средневековых архитекторов развивается в узких рамках, вот оно, вот, слепой дурак, прямо перед тобой, два раза уже прошел мимо...

Камень начал сдвигаться с жутким скрежетом. Я замер, потом решил, что теперь точно попадусь, если замру, сдвинул камень до отказа, пролез в щель. За спиной глыба за скрипела и съехала на прежнее место. Ход в стене привычно узок, двигаться только боком, как думовцу по коридору, тесно, словно, как ни говори о разобщенности средневекового мира, все строилось по одному, уже понятному мне стандарту.

Я двигался тихонько, стены в один каменный блок, а где темнее ниша, я тут же начинал искать тайный ход или дырку, через которую можно наблюдать и слушать. Все же обычно эти отверстия расположены так, чтобы с той стороны были повыше человеческого роста. Меньше шансов, что кто-то обратит внимание на крохотную дырочку в gobелене или ковре на стене. Впрочем, заметить их невозможно, достаточно дырочки с игольное ушко, чтобы видеть весь зал.

По залам дворца Арнольда, который мало чем отличался от дворца Шарлегайла, ходят придворные, видимо, Конрада, которых я при всем желании не отличил бы от придворных Арнольда. От суровых зоррян отличил бы, но зорряне — это зорряне. Еще с полчаса ползая по тесным ходам, пока не пробрался к главному тронному.

К моему облегчению, король Конрад был там, в кресле, вернее, на троне. От него один за другим отходили рыцари, лица деловые, король говорит быстро и повелительно, голос приподнятый и деловитый. Но когда ушел последний в блистающих доспехах, Конрад явно помрачнел, повернулся всем корпусом к единственному оставшемуся низкорослому крепышу в простой неброской одежде, с короткими седыми волосами.

— А теперь, — сказал он отрывисто, — Юбенгерд, давай о том, что меня интересует больше всего.

Юбенгерд низко поклонился.

— Мне можно было не выходить за стены двора, — сказал он, — чтобы собрать вести о короле... простите, Ваше Величество, о беглом Арнольде. О нем говорят все. Стар и млад, женщины и мужчины, богатые и бедные, наши люди и жители этой захваченной страны... Ваше Величество, если говорить всю правду, очень многие его прославляют. Он принес великую жертву, он пожертвовал собой, своим дворцом, богатствами, тронем, даже именем и славой предков.

Конрад засопел, нахмурился, в глазах метнулась хмельная ярость. Полководец поклонился еще ниже, сказал торопливо:

— Но все больше раздаются голосов, которые им недовольны.

— Кто?

— Прежде всего это военачальники, которые мечтали стяжать славу в сражениях. Кроме того, герои, они всегда возвращаются с богатой добычей вне зависимости от того, победа была или поражение... Эти просто называют коро... простите, Арнольда трусом. Надо прибавить еще тех, кто утверждает, что коро... простите...

Конрад прервал нетерпеливо:

— Называйте его королем! По крайней мере буду помнить, что победил короля, а не шайку разбойников.

— Спасибо, Ваше Величество. Многие утверждают, что король Арнольд просто трус, он спасал прежде всего собственную жизнь. Ведь в сражении можно и погибнуть...

Конрад фыркнул:

— Ну, насколько я знаю, Арнольд всегда был отважным рыцарем. Это брехня.

— Вы не знаете, — осторожно сказал Юбенгерд, — как король Арнольд стал в последние годы. Известно, что при нем день и ночь находились проповедники. Ну, кото-

рые насчет подставь и левую, если врезали по правой... Король Арнольд мог сильно измениться.

Конрад подумал, кивнул. По лицу было видно, что ему неприятна сама мысль, что доблестный Арнольд, извечный противник, вдруг превратился в труса, умалив его победу, но, будучи политиком, сказал вслух:

— Ладно, эту версию можно поддерживать. Трусов не уважают, зато нас должны уважать и бояться. Что еще говорят?

— Остальные... молчат.

— Про Арнольда?

— Они не знают, — объяснил Юбергерд, — что и думать. Они не верят, что король — трус, но не понимают, почему король Арнольд вдруг отказался от престола. Они просто медлят со своим мнением.

Конрад усмехнулся.

— Осторожные. Но они правы. Я сам не понимаю, почему Арнольд так поступил. Что-нибудь известно, куда он исчез?

— Ходят слухи, что ушел в горы. Прикажете проверить?

Конрад отмахнулся.

— Как? Слухи есть слухи, а горы здесь чудовишные. У нашем сыре меньше дырок, чем в этих горах пещер. Всей армии искать тысячу лет. Ладно, оставим Арнольда... Скажи, как расквартировали тяжелую конницу? Я слышал, слишком далеко от реки...

Я тихонько отошел от дырочки. Значит, про местонахождение Арнольда здесь не знают.

Сигизмунд ахнул, когда я выбрался из кустов. От рубашки остались клочья, царапины пламенеют по всему телу. А так как в темноте я к ним не притрагивался, то кровь засохла живописными потеками. В довершение ко всему я весь в пыльных нитях паутины толщиной с веревку удушенника.

— Сэр, у вас был бой!

— Еще какой, — ответил я замученно.

У меня в самом деле был не просто бой, а целое сражение, правда — с самим собой, когда я проходил мимо королевского пиршественного зала. Туда уже начали вносить изысканные и не очень кушанья, слуги входили и выходили, был шанс выскользнуть потихоньку и что-то спереть лакомое, ибо от долгого карабканья по этим катакомбам разыгрался не просто аппетит, а чудовищный голод.

— Но вы победили, сэр?

— Еще бы, — ответил я, — я такой... Как насчет поесть?

— Сэр, тут прямо на меня набежала молоденькая косуля... При всем христианском смирении я не мог не прибить дуру. Все равно ее сожрут волки, такую неосторожную.

— Очень верно, — одобрил я. — Мы тоже санитары леса. Пойдем, я готов жрать ее сырую.

— Сэр, я там в низине, за кустарником, развел костер. В ожидании вашего возвращения решил разделать зверя, сейчас там жарится...

— Так бежим скорее, — закричал я, — а то подгорит!

Через час, оставив от косули одни обглоданные кости, мы лежали в кустах, сыто взрыгивая. В животах приятная тяжесть, по всему телу растекается истома и дремота.

— Придется расспрашивать народ, — решил я. — Как-нибудь не в лоб, а бочком, бочком... Не слишком заинтересованно. Бывших его псарей, колесничих, сокольничих... Бывших баб, хотя бабы его вряд ли ушли в отставку. Кто-то да знает любимые места Арнольда помимо спален его наложниц да библиотеки?

— Как будем искать? — поинтересовался он. — Я могу пойти вон в те села... Оттуда явно доставляли во дворец зерно, мясо, а вы, ваша милость, лучше вон в тот городок, возле него — во-о-о-он видите? — виноградники. Там и королевская винодавильня наверняка. Если где и знают, куда король мог уйти, то это, скорее всего, поставщики вина...

— Н-ну, — сказал я с усилием, — идея ничего... Вооб-

ще-то я собирался... гм... что мы вдвоем, плечом к плечу, но, в самом деле, почему не удвоить шансы? Только к вечеру встретимся здесь же, понял?

Он вскочил из положения лежа, даже железо не загремело. Глаза сияли восторгом.

— Спасибо! Спасибо, ваша милость!

— Кушай на здоровье, — буркнул я.

Пришлось встать, солнце за время моего путешествия по норам в стенах сдвинулось, мое железо выползло из тени, и когда я притронулся к доспеху, то услышал шипение поджариваемого мяса, даже почуял запах, а на кончиках пальцев наверняка вздуются волдыри.

Сигизмунд уже был в седле, дождался, пока я сыто влезу на коня, отсалютовал мне и пустил коня в долину. Явно боится, что передумаю, хотя в этот момент сытости я бы доверил ему поспрашивать и в этих винодавильнях. Все равно вино здесь слишком простое хоть у королей, хоть у простолюдинов. Как и сами короли на уровне колхозных бригадиров. Пусть даже председателей колхоза.

Я медленно выехал из зарослей, конь по дороге лениво хватал с верхушек орешника самые молоденькие листочки, свеженькие, нежные. Фыркнул, затряс головой, явно прижал губой пчелу или осу, что обнаглела до такой степени, что не убралась вовремя.

Тропинка виляла без всякой причины, я все старался понять, ну почему не идти бы ей прямо, ведь нет же по бокам ни скал, ни огромных деревьев, то ли у всех здесь глаза кривые, то ли эти тропки разбойники протоптали, чтобы незаметнее подкрадываться, вот едешь и не знаешь, что за поворотом всего в трех шагах...

Я услышал стук копыт раньше, чем увидел всадника. Поспешно выпрямился, сделал неподвижное и надменное лицо — здесь это признак благородного происхождения. Вскоре из-за поворота выехал на крупном рыцарском коне человек в полном доспехе, в правой руке длинное рыцарское копье, поводья держит левой, чтоб, значит, сразу в бой, если страна бросит вечный зов.

Рыцарь был огромен. Сам конь был огромен, а рыцарь на нем выглядел, как скала на скале. Или скала на горе. Он медленно опустил длинное рыцарское копье, похожее на пушечный ствол штурмового танка, на самом конце зловеще блестит тонкое острие, похожее на десантный штык. Театрально улыбнулся.

— Вы готовы, сэр?

— Всегда готов, — ответил я. — К труду и обороне.

Он вскинул брови:

— К труду? Странно изъясняетесь, сэр.

— Труд облагораживает человека, — ответил я.

— Но не рыцаря, — ответил он высокомерно. — Вы говорите, как простолюдин. Рыцарь вообще не говорит о труде и обороне. Он нападает! Назовите себя, сэр. Свой герб, звание, происхождение...

— Шас, — ответил я. — Еще и справку о глистах принесу. Придурок. Я ж у тебя имени не спрашиваю? Мало ли тут чокнутых ездит?

Пришпорив коня, он понесся навстречу. Это похоже было, словно несся бронетранспортер. Копье показалось мне чересчур огромным, а острие целилось мне одновременно во все точки тела. Я пустил коня навстречу рысью. Это не совсем красиво, но мне можно, у нас другие нормы красоты, а такой же по размерам мужик, но с цепями и серьгой в ухе в черной кожанке на «Харлее» у нас смотрится куда круче.

Рыцарь налетел, как тайфун «Маня». Мы сшиблись с грохотом, что был слышен за мили. С деревьев взлетели перепуганные вороны, а хомяки забились поглубже в норы и дрожали там, прижимая к себе детенышей, ждали, пока небесная гроза закончится.

Копья переломились. Рыцарь выхватил меч, я со злорадством потащил свой. Некоторое время мы кружили друг вокруг друга, выбирая позицию. У рыцаря на щите был вздыбленный лев с короной, и когда я нанес первый удар, глубокая царапина отделила корону от пушистой львиной головы.

— Лев без короны, — прокричал я с веселой злостью. — А скоро потеряет и голову!

— Сэр, — прокричал рыцарь, — сперва голову потеряете вы!.. А также меч, коня и собственное имя!

— А вот хрен тебе, — ответил я.

Меч в моей руке блеснул красиво и остро. Щит в руке рыцаря содрогнулся, со звоном лопнула металлическая окантовка, а на толстой доске пролегла канавка. Я захохотал и начал рубить быстро и нещадно, как если бы на вечеринке попросили меня нашинковать капусту.

Рыцарь защищался довольно умело. Прикрываясь щитом, он подбирался ближе, я чересчур увлекся, сильный удар в голову отозвался острой болью в зубах. Во рту стало солоно — я ухитрился прикусить язык. В ярости я обрушил град ударов, снова голову тряхнуло, затем острая боль в руке, я увидел кровь на локте. Там железная пластина лопнула словно деревяшка, чужое лезвие пропоролло даже кольчугу и достало сквозь рубашку кожу.

— Ах ты ж гад... — прокричал я, — ну теперь ты меня разозлил...

Левой рукой я отбросил щит и ухватил молот. Это было очень рискованно, ведь мы в ближнем бою, но я чувствовал отчаяние и могильный вкус поражения. В прорези шлема глаза рыцаря расширились в удивлении — не понял странный маневр, что дало мне шанс замахнуться, но он молниеносно двинул меня слева щитом в голову, а правой обрушил меч. Я инстинктивно попытался закрыться, жутко лязгнуло, взвизгнуло, рука онемела до плеча, а молот выдернуло, как полного жизни сома из вялой руки влюбленного рыбака. Молот упал на землю. Всадник, впрочем, похоже, раздосадован и разочарован: его удар должен был раскрыть меня до пояса, но лезвие столкнулось с металлической болванкой молота, и, судя по его искажившемуся лицу, его руку тоже парализовало до плеча, но лучше бы до пальцев ног...

Я судорожно сжимал колени, давая команду коню попытаться, но боевой конь знал, что битва должна длиться

до тех пор, пока кто-то остается в седле. Слабый удар моего меча всадник отбил половинкой щита с легкостью, а от его страшного удара у меня в глазах вспыхнули искры, в черепе зазвенели колокола. Я ощутил резкую боль в висках, в правом плече и вообще во всем теле.

Небо и земля поменялись местами. Я летел бесконечно долго, а потом в этом жутком ущелье ударился о каменистое дно с такой силой, что выдохнул воздух до последней молекулы. С трудом набрал в грудь новую порцию, выдохнул и снова набрал. В глазах немного очистилось. Я лежу на земле, распластанный, как рыба на столе домохозяйки, всадник шагах в пяти удерживает коня, что старается укунить или лягнуть моего ветерана боев, потом рыцарь довольно легко слез и с мечом в руке поспешил ко мне. Изрубленный щит на бегу брезгливо стряхнул с локтя, мне стало дурно, когда я увидел его блестящие доспехи без единой царапины.

Я поднялся, шагнул в бой, промахнулся, бронированный кулак ударил в мой затылок как таран. Я рухнул вниз лицом, в голове звенело, во рту снова стало горячо и солоно. Перевернувшись, я попробовал встать, но такой же бронированный сапог ударил в живот. Дыхание вылетело из меня со всхлипом и соплями. Боль была острой, режущей, я вскрикнул, услышал, как рыцарь злобно расхохотался. Я согнулся, попробовал встать, однако он шел за мной, сильным ударом сапога почти подбросил меня в воздух.

Я шлепнулся на землю, как старая больная жаба. Пальцы оказались совсем близко от рукояти моего меча. Из последних сил я перекатился на бок, ухватил меч и с трудом поднялся.

Рыцарь стоял с мечом, ждал. Я понял, что он успел бы не дать мне поднять меч, но слишком уверен в своей победе, слишком.

— Готов? — спросил он свирепо. — Тогда умри с мечом в руке!

Он сделал красивый выпад, я умело парировал... как я думал, что умело, но кончик его меча блеснул перед моими

глазами, я на краткий миг ощутил холод на скуле, потом сразу же боль, а по щеке потекла горячая струйка. В ярости я бросился, размахивая мечом, он умело парировал, в самом деле умело, мы некоторое время стояли друг против друга, вокруг нас и между нами блистал шквал стали, а от металлического лязга осыпались с деревьев листья.

Перед глазами у меня стояла розовая пелена, я все не успевал стереть кровь со лба, но у рыцаря от щита осталась одна рукоять, он с проклятиями отбросил его и ухватил меч обеими руками. Его удары стали мощнее, зато я мог теперь рубить и рубить... С ужасом понял наконец, что мой знаменитый меч, что рассекает любую сталь, как лист дерева, на его доспехах не оставляет даже царапины!

Исхитрившись из последних сил, я проделал невероятный прыжок, мой меч с силой опустился на его правое плечо. Я ожидал, что плечо отвалится вместе с сжимающей меч рукой, но лезвие звякнуло, высекло искры и отпрыгнуло, оставив в пальцах онемение.

Рыцарь ответным ударом выбил меч, локтем саданул меня в лицо. Я услышал хруст костей. Небо и земля снова поменялись местами. Кровь заливала глаза, во рту солоно и горячо, я выплевывал кровь, когда железный сапог ударил меня в живот. Я отлетел в сторону, рухнул, а рыцарь пошел следом и ударил снова. И снова. И снова. Он катил меня через всю поляну, я все пытался хотя бы привстать, иногда это удавалось, тогда сапог бил меня с особенной силой, снизу, почти подбрасывая в воздух.

Пальцы иногда цеплялись за траву, за выступающие корни, но чаще упирались просто в землю. С моим умением у меня шансов не было. Рыцарь надвигался, огромный и страшный, удары сыпались на меня со всех сторон, железо звякало, разлетаясь, как пересохшая скорлупа орехов, я чувствовал, как кровь течет из мелких ран.

Потом наступил короткий миг тишины. Я лежу вниз лицом, а подо мной расплывается красная горячая лужица, что течет из разбитого рта. Все тело измочалено, словно

провернуто через мясорубку, в черепе стучат молотки, голова вот-вот лопнет.

Сильная рука ухватила за волосы, я застонал, брызнули слезы. Он крепко держал меня за волосы, на крупном лице — наслаждение, в глазах — свирепая радость.

— Бой закончен, — сказал он хрипло. — Говори имя, и пусть твою душу возьмет Бог или дьявол, кому бы ты ни служил.

Другой рукой он вытащил длинный узкий кинжал — мизерикордию, которым через забрало добивают пленных, приставил к моему горлу.

— Ричард... — прохрипел я. — Ричард Длинные Руки... И пошел ты, ублюдок...

В горло кольнуло, я чувствовал, как потекла кровь. Но лицо его исказилось, он переспросил с непонятным страхом:

— Кто? Как ты сказал?

— Ричард Длинные Руки, — ответил я едва слышно. — Я... до тебя... еще доберусь...

В его выпуклых глазах отразилась мука. Пальцы с такой силой стиснулись, что волосы остались в его пятерне, а моя голова упала на землю. Он разогнулся, несколько мгновений смотрел с гневом и удивлением. Сильным пинком, что переломал все ребра и с другой стороны, переброшил меня на спину.

Снизу он выглядел вовсе башней, как я только и связался с таким динозавром-рексом, у меня с моим умением драться нет даже шанса. Лицо его затряслось, он вскинул руки к небу, проревел яростно:

— Этого не может быть!

Я прохрипел:

— Почему?

— Это несправедливо! — заорал он и пнул меня снова. — Это мерзко!.. Ну скажи, скажи, что ты соврал!.. Скажи, что у тебя другое имя!

Я выплюнул кровь из рта, спросил сипло:

— С какой стати? У меня хорошее имя.

Он снова вскинул руки, но теперь ухватил себя за воло-

сы, рванул, разжал пальцы, и по ветру полетели длинные пряди.

— Ну зачем, зачем... я заезжал к Улафу?.. Зачем обещал, что если встречу Ричарда Длинные Руки, то оставлю его для своего неистового друга?

Я кое-как стер кровь со лба. Двигаться не мог, при каждом глубоком вздохе в груди больно колом обломки ребер. Тела не чувствовал, словно оно превратилось в старое трухлявое дерево.

С руганью, проклятиями, стонами и жалобами рыцарь сунул кинжал в ножны на поясе, а когда встретился со мной взглядом, яростно проревел:

— Живи, червь!.. Ты живешь лишь потому, что я тебе позволил!.. А позволил потому, что неосторожно пообещал другу Улафу, что если встречу тебя, то не отниму у него радости сразить тебя самому!

— Как благородно, — простонал я. — Да, в рыцарстве что-то есть... особое! Недаром же теперь... ни этого особого, ни рыцарства...

Глава 16

Стук копыт уже почти затих, когда я сумел повернуться на брюхо, уперся в землю дрожащими руками и сел. Мир качается, во рту солоно, а когда я стер кровавую пленку с глаз, блестящая фигура в доспехах достигла опушки далекого леса. Под рыцарем черный как ночь жеребец, а мой конь понуро идет следом на длинном поводке. На седле поблескивает гаснущими искорками, небрежно прихваченный ремнем, мой выкованный гномами меч. Иссеченными доспехами победитель погнушался, как и не позарился на мой пропахший потом кафтан. Впрочем, шлем подобрал, но это трофей, эквивалент отрубленной головы противника.

Я снова упал лицом вниз. Жить не хотелось, если бы не острая боль в боку, то взял бы и помер с тоски и безнадёги. А так со стонами, хрипами, проклятиями сквозь зубы кое-как освободился от посеченных лат, иные сами свалились,

ремни перерублены вместе с железом, а без железа я ощутил себя намного легче, свободнее, хотя и с ущемленными правами. Полноправным я ощущал себя только с мечом в руке, пусть даже в ножнах за плечом, да еще бы с молотом...

Молот, мелькнуло в голове. Посмотрел вслед всаднику, тот как раз преспокойно обогнул рощу и скрылся за деревьями. Молот либо преспокойно висит в чехле справа от седла, либо...

Я привстал, правая нога подломилась, упал, острая боль стегнула вдоль всей голени. Поднялся, сцепив зубы, заковылял, сильно хромя, в сторону ручья. Здесь как будто стадо свиней резвилось, это я, выходит, валялся на травке, выкупавшись наконец в чистой проточной воде...

— Родимец! — вырвалось у меня. — Лапушка!..

Из травы выглядывает, как морда суслика, отполированная частым прикосновением ладони рукоять. Я заковылял так поспешно, что упал, прополз последние три шага. Если рыцарь и видел молот, то побрезговал взять оружие простолюдина, к тому же умницы-гномы сковали его тят-ляп, будь благословенна теперь грубость отделки, над которой я, идиот, морщил нос и прикалывался...

Нет, вообще-то я поспешил насчет жить не хочется. Хочется, еще как хочется. По крайней мере, с голоду не сгину. Если даже белка проскачет по верхушкам деревьев, собью молотом. Пусть даже удар превратит ее в лепешку, тем проще есть, почти готовая отбивная. У нас в армии солдаты от голода жрут даже мышей, жуков, кузнечиков. Не где-нибудь на курсах по выживанию, а в обычных рядовых частях, расположенных по всей России.

Оглянулся, бросил взгляд на груды искореженных доспехов. Похожи на сухой ломкий хитин перелинявшего насекомого. Крупного такого насекомого, очень крупного. Даже цветом похожи: вывозились в глине да крови так, что от металлического блеска ни следа, только ржавость да коричневые потеки в два-три слоя.

Сильно хромя, постанывая и поскуливая, я потащился... или меня потащило обратно к месту встречи. Молот, к

весу которого я уже привык и не замечал, теперь снова тянет к земле, как подвешенная к поясу наковальня. Если так буду ползти, останавливаясь, передыхая, а то и падая от изнеможения, то к вечеру или к ночи доберусь, может быть, к костру, где будет ждать обеспокоенный Сигизмунд.

Я в самом деле пару раз падал, долго отдыхал. При каждом вздохе в ребра кололо, а сплевывал кровавой пеной. Когда в голове начинало кружиться меньше, снова поднимался, брел, тащился, хватался за кусты. Боль в боку притупилась или же это я сам притерпелся, но теперь я начал лучше замечать, куда иду и что вокруг.

А вокруг по-прежнему те же невысокие холмы, кусты торчат так тесно, словно кучка пехотинцев встала спиной к спине, готовясь отразить нападение. Довольно скудная и невысокая трава, потом заросли кустов, через которые мышь не протиснется, потом снова чахлая трава...

Я услышал конский топот, голоса, с трудом определил, с какой стороны, у меня с навигацией и раньше было туго, а сейчас, когда в голове черти бьют в колокола... поспешно обошел кустарник, чтобы спрятаться за ветвями.

Шагах в двадцати показался всадник. За ним еще один, оба в железных шапках, но в простых потертых доспехах из плотной кожи. У третьего на кожаном панцире блестят металлические полоски. Показался четвертый, в правой руке поводья, а левой держит длинную веревку. Я не видел, что на другом конце, но натянута, словно ведут упрямую корову...

Через мгновение показался... Сигизмунд. Это его тащат на веревке: избитого, без доспехов, в разорванной рубашке, босого, со связанными руками. Он сильно откидывался назад всем корпусом, его шатало, кровь текла по левой стороне головы.

Всаднику надоело пассивное сопротивление, он обернулся, вытащил из ножен меч и что-то прокричал злым голосом. Сигизмунд вскинул голову, кровь заливала один глаз, но другим смотрел гордо и вызывающе.

— Господь не оставит меня, — донесся до меня его чистый голос. — А тебе... гореть в аду!

Всадник воскликнул громко:

— Ширак!.. Я не могу терпеть этого гордеца!.. Плевать на выкуп, я хочу увидеть, как его голова скатится...

Я поспешно снял наковальню, бывшую совсем недавно молотом. Размахнулся, в плече остро хрустнуло, в шею и голову стрельнуло жгучей болью. Я простонал, но молот швырнул, как мог, взглядом испепеляя наглеца с занесенным над головой Сигизмунда мечом.

Молот ударил всадника в плечо. Конь дрогнул, но устоял, только седло опустело моментально. Сигизмунд лишь краткий миг стоял неподвижно, все еще изготовленный к смерти, потом вздрогнул всем телом, глаза поймали, куда полетел молот, и поспешил в мою сторону. Его раскачивало, он бежал медленно, веревка волочилась следом. Второй всадник развернул коня и погнал следом.

Я ухватил рукоять молота, удержал, но инерция заставила меня обернуться вокруг оси. Я упал на колени, зеленые ветви на миг скрыли Сигизмунда. Я поспешно поднялся, увидел настигающего его всадника. Еще двое на тропке остановились и смотрели ему вслед.

Я застонал от режущей боли, снова швырнул молот, уже едва-едва. Сигизмунд был в трех шагах, всадник — в пяти, молот ударил прямо в лоб, я услышал глухой треск, словно раскололи скорлупу гигантского ореха. Сигизмунд протатился мимо меня, рот его был широко раскрыт, глаза безумные.

Я прохрипел торопливо:

— Пригнись... Дальше за кустами...

Он послушно пригнулся. Я поймал молот, упал под его весом. В третий раз уже не метну, мелькнула трезвая мысль. Если те двое погонятся...

Мы убегали, как две раненые черепахи. Задыхались, хрипели, постоянно пригибались, ибо когда нас не видно, то непонятность страшнее: пусть гадают, сколько человек тут, и какое у нас оружие, и что мы задумали. Может быть... не рискнут гнаться.

Сердце выскакивало, и кололи не только сломанные

ребра, но трещали все кости, а изо рта пошла кровь. У меня не было сил ни отплевываться, ни вытираться. Наконец застряли в диких зарослях, ни взад, ни вперед, упали, долго лежали, хрипели, сипели, земля вокруг нас потемнела от крови, пота, слюней.

Я кое-как развязал тугой узел на его руках. Сигизмунд сел, веревка упала на землю, прислушался. Тихо, конского топота не слышно. С нами решили не связываться.

— А где ваши доспехи, милорд? — прошептал он.

Я открыл рот, собираясь нагородить небылиц про страшные бои с тысячами демонов, но посмотрел в его чистое честное лицо, вздохнул и признался:

— Встретил амбала покрепче себя самого. Он меня разделал, как орех. Или под орех, не помню.

Он долго молчал, лицо осунулось. Прошептал с великой жалостью:

— А ваш знаменитый меч... который ковали гномы?

— Увез, — ответил я. — Увез как военный трофей.

— Да, — сказал он грустно, — весело начинается наше путешествие.

— Лучше не придумашь.

Он бросил быстрый взгляд на молот в моей руке.

— Но хоть его вы сумели отстоять?

— Им просто побрезговали, — сообщил я хмуро. — Хотя... лучше бы взял. Тогда бы у нас был его конь. И доспехи... Эх, какие у него доспехи!

Сигизмунд раздвинул плечи, он выпрямился, взгляд стал просветленным. Я наблюдал с недоумением. А он вдруг сказал с воодушевлением:

— Слава Господу!

— Ага, — сказал я с осторожностью, — конечно, слава... а за что?

— Он возлагает на нас великую ношу, — сказал Сигизмунд еще просветленнее. — Значит, считает нас сильными и достойными! Так не осраим же Его веры, сэр Ричард! Все пройдем, все вынесем, все сделаем!..

А что-то в религиозном дурмане есть, мелькнуло у меня

по ту сторону лобной кости. Парень без веры скуксылся бы, скис, опустил бы уши, как под дождем лопух. Ведь у него отняли даже больше, чем у меня. У меня хоть молот остался. Он же в самом деле гол как сокол. Или у человека без этого опиума для народа тут же проявилось бы чисто нашенское: а оно мне надо? Или: а что, мне больше всех надо? А здесь никаких сомнений и колебаний: да — надо! Господь в меня верит, Господь посылает, а Господь выше всех и всего, так что сопли в тряпочку, поднимаюсь и топаю выполнять волю Верховного Сюзерена.

— Да, — сказал я, поднимаясь, — с собой всегда можно договориться насчет полежать да побалдеть, а вот с Господом... Пойдем, сэр Сигизмунд. Мы им, гадам, всем рога посшибаем! С нами Бог, так кто ж против нас? Даже супротив?

Он смотрел на меня восторженными глазами.

Сигизмунд вооружился палкой, у меня на поясе молот, простой, грубо выкованный молот. Два крепких молодых парня, в лохмотьях, явная беднота, таких тысячи шляются по дорогам, гонят скот, пашут и сеют, рубят лес и ломают камни.

— Прекрасная легенда, — проговорил я. — Теперь мы — люди-невидимки.

— Невидимки? — переспросил Сигизмунд испуганно. Он оглядел себя, ощупал. — Сэр Ричард, но я вас зрю как наяву...

— Зато другие не узрят, — объяснил я. — Или не узреют, как правильно? Ты разве замечаешь тех, кто привозит тебе хлеб, мясо, овощи? Кто каждый день проходит мимо в конюшню, где убирает навоз?

Дорожка петляла без всякой видимой причины, огромные кряжистые стволы дубов остались позади. Я настолько к ним привык, что тонкоствольные березки, клены и осинки показались чересчур тонкими и жалобными, а еще дальше так и вовсе в чистый ручей склонило ветви худое и гибкое дерево, название не знаю, просто дерево.

Дорогу пересек широкий ручей, мы топали вдоль по берегу, пока не перебрались по упавшему стволу на ту сторону. Вдоль ручья красно от распустившихся маков, еще дальше маки вперемешку с тюльпанами, колокольчиками, ромашками и синими-синими волошками. Над водой носятся стрекозы, а над цветами порхают бабочки. Прямо на меня летел тяжелый, как рыцарский конь, жук. Я пригнулся, жук пролетел над головой, почти зацепив крохотным копыем волосы.

Небо стало багровым, облака застыли над самым горизонтом, а солнце почти коснулось черной грани. Мы шли по краю небольшого озера, что уже начинает от старости превращаться в болото. Озеро выглядело красным, я зябко передернул плечами. Показалось, что все озеро от берега до берега заполнено кровью. Я отвел взгляд, посмотрел на Сигизмунда, снова на озеро. На этот раз оно показалось заполненным расплавленным металлом от края и до края, а немногие листья кувшинок выглядят застывающей окалиной.

Потянулись кусты, уже темные, без солнечного света. Поверх веток я видел только краешек болотистой воды, листья кувшинок, огромных толстых лягушек, вдыхал жуткий аромат гниющих растений, а также странный запах разлагающейся плоти, но не просто разлагающейся под натиском жрущих микробов, а как будто кучу крупных жаб долго мучили в химлаборатории, а потом бросили в это болото.

Вода беспокойно колыхалась, я насторожился, сказал Сигизмунду:

— Погоди, там кто-то есть...

Храбрый до дурости, он, вместо того чтобы затаиться, сразу же ломанулся вперед, мечтая принять удар на себя, закрыть своей грудью сюзерена, красиво пасть, хоть и в лохмотьях — но пасть в сражении.

Ругаясь, я выбежал следом. На берегу болота лежит одеяло, наполовину скатанный мешок, а в мутной воде среди белесых трупов неимоверно крупных лягушек, если это

лягушки, барахтается тщедушный человечек. Мы увидели только мокрую голову и голое плечо, он безуспешно хватался за нависшую над водой ветку, она выскальзывала из ослабевших пальцев. Он даже не взмолился о помощи — то ли охрип от крика, то ли не ждал от двух оборванцев ничего хорошего.

Я вошел в воду по колено, одна нога сразу же попыталась провалиться в сплетение корней. Справа колыхалось брюхом вверх то, что я принял за лягушку. Только у лягушки, как я помню, во рту сплошная роговая пластинка, а у этой в пасти зубов больше, чем у пираньи. Кое-как я сумел удержаться, протянул руку.

— Хватайся!

Он с колебанием смотрел на мои пальцы, ему надо выпустить веточку, настолько тонкую, что переломится под сытым муравьем, затем тяжело вздохнул, его пальцы метнулись в мою сторону. Я поймал, потащил, он весил как бык, потом по его искажившемуся лицу понял, что его что-то держит, трясина или корни, поднатужился, Сигизмунд пришел на помощь, вместе выдернули на берег, оттащили на траву и оставили истекать водой и грязью.

Он лежал на мокрой, покрытой блестящей слизью траве, тяжело дышал. Низкорослый, тщедушный, ребра часто раздвигают грудную клетку, и тогда становится видна его жуткая худоба. Наконец он перевернулся на спину, с трудом приподнялся. В глазах были страх и неловкость.

— Простите мою наготу... — прошептал он сипло. — Я сейчас... с вашего позволения... оденусь. К сожалению, у меня нет ничего ценного, чтобы отблагодарить вас за спасение моей ничтожной жизни...

Сигизмунд взглянул на меня — говорить должен сюзерен, а я отмахнулся от изъявлений благодарности.

— За ничтожную жизнь еще и плата?.. Просто в следующий раз не лезь в воду, если не умеешь плавать...

Спасенный чуть ожил, торопливо одевался, кланялся, в глазах страх почти испарился, только голос стал еще виноватее:

— Да я хотел лишь чуть освежить лицо... Но там скользкая глина, я поскользнулся. Кто ж думал, что сразу от берега так глубоко?

Сигизмунд смотрел на него с удивлением, смешанным с отвращением. Спасенный был мал ростом, тшедушен и настолько узкоплеч, что казался уродом. В этом мире, где от тяжелой работы никто не избавлен, даже у самых высокопородных баронов ладони как копыта от твердой корки мозолей, у каждого мужчины плечи выдаются в стороны. Даже у стариков с отвисшими животами они пошире задницы, а этот весь как цилиндр, мне даже захотелось спросить, где будем талию делать, лицо остроносое, глаза сдвинуты к переносице, из-за чего узкое лицо выглядит совсем как доска, повернутая ребром.

Я кивнул Сигизмунду:

— Пойдем. Он тут дальше сам справится.

Когда мы были уже за десяток шагов, сзади послышался заискивающий голос:

— Добрые люди!.. Можно я пройду немного с вами?

Он догонял нас, запыхавшийся, костлявый, похожий на христианского умерщвлятеля плоти, но я не заметил ни крестика на шее, ни вериг или цепей. Сигизмунд поморщился, я тоже сказал без охотки:

— Ты вроде бы намок, но вымыться не успел. Несет от тебя...

— Это болотные гады! — воскликнул он торопливо. — Они накинулись на меня, как не знаю на что... К счастью, у меня на шее была истолченная кора жги-дерева, пришлось высыпать... Так жалко...

— Зато цел, — утешил я. — А эту кору надерешь еще. Ладно, иди с нами, пока нам по пути. За это покажешь нам это самое жги-дерево. Такая кора и нам не помешает. Я видел, как они кверху пузами!

Он кивнул, заискивающе улыбнулся.

— Да-да, конечно! Как только встретим, так сразу...

Сигизмунд нахмурился, а я сказал подозрительно:

— Что-то слишком быстро соглашаешься. Явно это дерево в этих краях не растет. Верно?

Он уже семенил рядом, пугливо поглядывал на меня снизу вверх, в глазах снова появился страх.

— Вы все так быстро понимаете... сэр. Даже странно. Ведь вы из благородных, верно? Вот видите... У меня глаз наметанный. Увы, эти деревья, как вы правильно изволили подметить, растут очень далеко на юге, увы.

Сигизмунд фыркнул. Я окинул его с ног до головы взглядом.

— А ты откуда знаешь? Бывал там? Или слышал? Как зовут-то тебя?

Он поколебался, еще пугливее посмотрел на нас обоих, сказал осторожно:

— И бывал... хоть не очень далеко, и слышал, и даже читал. А зовут меня непривычно — Гугол.

Сигизмунд сказал саркастически:

— Ого, читал! Грамотный.

— Что делать, благородный сэр, — ответил он смиренно. — Каждый зарабатывает себе на жизнь тем, чем умеет. Я слишком слаб, чтобы держать в руках топор, не говоря уже о рыцарском копье...

Я переспросил:

— Гугол? Или Угол?

Он виновато развел руками:

— Увы, Гугол. Дорого бы я дал, чтобы узнать тайну моего имени! Не удивляйтесь, но я очень любопытен, из-за чего часто попадал в беду. А это имя у нас переходит от деда к внуку, от внука к праправнуку... Откуда идет, никто не знает, но есть предание, что это имя принесет удачу. Я, конечно, человек грамотный, суевериями не обременен, но почему не уважить предков?

Я посмотрел на него, пробормотал, как Сигизмунд:

— Грамотный? Ничего, скоро уважать перестанешь.

По дороге я повеселил рассказом, как сражался с наглецом, которого намеревался согнуть одним пальцем. Сигизмунд поведал историю, как глупо засмотрелся на идущего

щих внизу паломников, а тем временем сзади ему набросили на шею аркан. Гугол покачивал головой, в свою очередь рассказал длинную и запутанную историю, как он ездил по старым монастырям, пытаясь найти в могучем древе христианства ту веточку, которая соответствовала бы его устремлениям.

Мне почудилось, что он врет от первого и до последнего слова, но я не собираюсь начинать карьеру детектором лжи. Сигизмунд сказал:

— Вон там белеют домики. Маленький городок. Будем заходить, сэр Ричард?

— А что там?

— Я узнал, что там разводили коней для короля Арнольда. Кто-нибудь может знать его привычки...

Мы уже едва тащились, домики почти не приближались. Я сел, а когда снял сапоги, присвистнул. Волдыри кроваво-красные, один лопнул, стелька промокла от неприятной бесцветной жидкости.

Гугол сказал с легкой насмешкой в голосе:

— Похоже, ваша милость, раньше на другом месте такую же красоту шупали... Герой должен быть в седле, да? Или изволили разрешить вас на носилках, да?

Сигизмунд буркнул:

— Ты мне поумничай еще, понял? Двумя пальцами шею сломаю. Ваша милость, у меня в животе что-то хрустит... Боюсь, мой желудок уже ребра грызет. Надо бы еще как-то и перекусить где-то.

Я оглядел их, велел:

— Только держитесь так, как... ну, как одеты. Встречают по одежке. Пусть по ней и проводят. Никакого гонору, вы здесь не принц в изгнании, как намекает Гугол, и не рыцарь...

— Я намекаю? — всполошился Гугол. — Где это я намекаю?..

В селе я удержал Сигизмунда, когда тот уверенно направился к самому богатому дому, в таком хрен накормят, но и в бедный заходить не стоит, там сами голодают. По-

стучал в калитку, где домик как домик — простой, средний, грядки перед самым домиком, а с той стороны обязательный сад.

Похоже, мы подросли к обеду, ибо нас без лишних разговоров и расспросов сразу посадили за длинный узкий стол. Еще один стол, поменьше, поставлен отдельно, за него сел кряжистый мужик, перед ним тут же поставили большую миску. Рядом с мужиком опустился еще один, помоложе, но похожий настолько, что я и без подсказки понял: старший сын.

Остальные сыновья, как и прочие домочадцы, сели за общий стол. Сели только мужчины: женщины кто еще принимает опоздавших, кто суетится у печи, расставляет миски, на деревянных подносах раскладывает хлеб, порезанный на длинные узкие ломти, еще горячий.

Гугол принялся, шумно вздохнул. В миске настоящий борщ из мяса, капусты, морковки, свеклы и множества трав и корешков. Глаза Сигизмунда голодно блеснули, но воспитанно терпел, он же толкнул Гугола локтем, и тот застыл с ложкой в руке, глядя на хозяина. Тот из-под насупленных бровей следил за быстро рассаживающимися за общим столом мужиками. Толкаясь, все расселись, ухватили ложки, ждут. Мужик встал, мы все встали. Хозяин громким сильным голосом начал читать молитву, зыркнул на нас. Сигизмунд вторил ему звонким красивым голосом, мы с Гуголом старательно шевелили губами. К счастью, молитву громко читали все дюжие сыновья хозяина, наши «голоса» потонули в их хоре.

В тишине постояли с минуту, потом мужик сел и молча запустил ложку в миску. Тут же раздался торопливый стук множества ложек. Ели быстро, обжигаясь, ведь кто как ест, тот так и работает.

Мы все трое не отставали, проголодавшись, справа и слева так же дружно работают ложками крепкие мужики, тоже похожие на хозяина. Всем ставили одну миску на четверых, а для гостей — каждому по миске. Сигизмунд возгордится, им-де почета больше, благородных чуют, а я по-

думал с сытой насмешкой, что после нашего ухода эти миски не просто вымоют, а либо прожарят на огне от всякой скверны, либо вовсе разобьют.

Женщины зорко следили за столом, подкладывали хлеб. Едва я опорожнил миску, сзади участливый женский голос спросил:

— Добавить ли?

— Ага, — ответил я.

Тут же из-за моего плеча выдвинулась рука с огромным половником, миска сразу наполнилась до половины.

Когда миски убрали, женщины поставили широкие блюда с нарезанным мясом. Я даже не понял, говядина или конина, все сдобрили горчицей так, что во рту горит, все летит почти непрожеванным, но в животе уже появляется приятная тяжесть. На третье блюдо подали кашу, здесь ее едят отдельно, а когда дошла очередь до блинов в сметане, старший мужик, глава стаи, или прайда, довольно крикнув, распустил пояс. Глаза его в который раз пробежали по нашим лицам. Я заметил, что взгляд зацепился за мой амулет на шее.

— Хорошо оголодали, — заметил он с одобрительной насмешкой. — Копалка уже выдохлась, да?.. Или сломалась?

— Что делать, — ответил я осторожно. — Все когда-то приходит в негодность. Такой мир.

Он качнул головой.

— Вот-вот. Все ломается, все стареет. Даже горы стареют!.. Лопаты мне хватает на сезон, топора — на три года, плуг перековываю через каждые семь лет... А копалка, хоть и сделанная Старыми Мастерами, тоже просто не может быть вечной. Когда-то да ломается.

Перед ним поставили широкую чашу, тут же ловкие руки расставили чаши перед всеми мужчинами. Послышался звук льющейся жидкости, но я не отрывал взгляда от хозяина. Однако тот молчал, неспешно отхлебывал нечто темное, похожее на брагу.

Я сделал осторожный глоток, в горле приятно зашипало. Что-то вроде кваса или медовухи.

Старший сын вздохнул, проговорил мечтательно:

— А как бы это здорово... Взял в руки копалку, прошел по дороге, а оттуда тебе в руки то одна монета прыгнет, то другая... Эх!

Он снова тяжело вздохнул, словно большая печальная корова. Отец с явным неодобрением покрутил головой. На лице и в глазах было острое разочарование в таком мечтательно-поэтичном отпрыске.

— Ишь, как работать не любят...

Старший сын развел руками. Улыбка была виноватая.

— Батя, разве я плохо работаю? Просто мечтаю...

Распрошались, мы призывали милость Христа и Девы Богородицы на этот дом, нам тоже нажелали всех благ, благословения Господня, ибо только он защищает всех странников и бредущих.

По дороге через лес я удачным броском молота, удивив до икотки Гугола, подбил зайца. Молот, расплющив грызуна, красиво вернулся в мою ладонь, смачно шлепнул, будто в стену швырнули ком мокрой глины. Сигизмунд подобрал зайца, укоризненно покачал головой. Ближе к вечеру встретили еще стадо свиней, я торопливо бросил, Сигизмунд тут же кинулся к разбегающемуся с визгом стаду.

Искалеченного зайца отдали нести Гуголу, Сигизмунд умело, с рыцарской сноровкой разделал кабанчика и насадил тонкие ломти на прутья. Я развел костер, скоро пурпурные куски мяса стали приобретать оранжевый, а затем и коричневый цвет, пошел сочный мясной запах. На ломтиках постепенно выступали мелкие бусинки сока, увеличивались, стекали под действием гравитации к самому краю, там долго висели над багровыми углями, но все же срывались, в ответ угли рассерженно становились ярко-пурпурными, шипели, плевались быстрыми струйками сизого дыма.

...Утром мы с тоской смотрели на обглоданные кости.

Желудок старого добра не помнит, снова хотелось есть, пить, а до следующего села так далеко, оказывается, когда идешь пешком!

Гугол поднялся, похлопал ладонями по грязному халату.

— Эх, где мой кошель?.. Снова придется просить еду, как нищим...

— Ну уж нет, — ответил Сигизмунд с достоинством. — Я и в прошлый раз чуть со стыда не помер. Лучше умру от голода как христианин!

Гугол ответил мирно:

— Я лучше бы пожил... даже как христианин.

Он некоторое время тащился, загребая ногами пыль, вдруг вздрогнул, по лицу пробежала тень. Дернулся, дико огляделся по сторонам, уставился на меня.

— Еда? — пробормотал он. — Монеты?

— Еда, — повторил Сигизмунд злорадно. — Не любишь поститься?

Гугол повернулся ко мне.

— Попробуйте, сэръ! — сказал он горячечно. — Вы должны уметь!.. У вас на шее...

Я пощупал амулет, что достался от Ганслегеров. Женщина, как ее, забыл, назвала его амулетом Древних Королей.

— А что он может?

— Помните, что тот мужик говорил? Насчет копалки? И тот парень, его сын? Что достаточно взять в руку и пройти над дорогой... А разве у вас это... ну, эта копалка сломалась? Вы ж ее не пробовали даже, да?

Я ответил озадаченно:

— Угадал.

— Так попробуйте же!

— Но откуда мужики могут знать о копалке?

Он заговорил горячечно, не отрывая глаз от амулета:

— Я ж говорил: я много скитался, посетил множество монастырей, прочел много книг. Даже в постель книги брал, хотя отец-настоятель бранился. Там много дивного, но все такое непонятное... Я читал и про дивные штуки, одна из

них, копалка, вроде бы указывает на золото, спрятанное в земле. Раньше таких копалок было много, их сделали древние маги... Я только не видел, какая она, копалка. И тот, который писал, не видел, иначе бы нарисовал.

Я с недоверием повертел в руке амулет.

— Было много? Значит, золота было еще больше, раз речь о массовом производстве. Но как искать?

— А как тот сын хозяина сказал! Возьмите в руку, думайте о золотых монетах. Просто думайте, что они вам очень нужны. Я понимаю, что вашей милости золото вовсе ни к чему, вам бы только рыцарские подвиги да обеты... но вы уж постарайтесь для нас...

Да уж постараюсь, подумал я тоскливо. За монеты можно купить приличную еду, не говоря уже о конях. Но особенно еду. Сейчас бы хороший шмат мяса... Нет, лучше большого жареного гуся. Чтоб корочка хрустела и ломалась под пальцами, сладкий сок брызгал на ладони, а сводящий с ума пар вырывался через трещинки... И все это всего лишь за золото, желтые такие тяжелые кругляшки...

Внезапно впереди на земле вздыбился небольшой бугорок, словно крупный жук поспешно выбирался наружу. Блеснуло нечто желтое, подпрыгнуло и упало на землю. Гугол подбежал с воплем, схватил, как коршун цыпленка.

— Вот оно!.. Я ж говорил!.. Я ж говорил!

На ладони блестел неправильный кружок, на нем два-три углубления, намек на рисунок, даже вроде бы ребрышки по ободку.

— Золото! — выкрикнул Гугол торжествующе. — Это ж не железо, что за пару лет соржавеет!.. Этому золоту тыщи лет, а все как новенькое!

Золотая монета не выглядела как новенькая, стерто с обеих сторон так, что не угадать изображение, но три оставшиеся насечки по ободу навели на размышления. Насечки, если не изменяет память, начали делать совсем недавно. Все старые монеты выпускались с гладким ребром. Чтобы делать насечки, нужен не просто давяльный пресс, а высокоточное оборудование...

И все-таки ликование странно смешивалось с острым сожалением. Вернее — глубоким разочарованием. Надо же — копалка! Там, на севере, это амулет Древних Королей, чей секрет потерян, а здесь — всего лишь чудом сохранившаяся копалка... При всей бесполезности амулетов все же приятно было слышать, что это — от Древних Королей! От самих Древних. Тут и слово «королей» звучит весомо, и «древних», мы почему-то чтим древность, а когда эти слова в сочетании, да еще с прописных букв, так и вовсе радостно тревожат душу... А теперь понятно, что обладание этим талисманом, который всего лишь находит утерянные золотые монеты или просто золото, могло какого-то энергичного мужичка возвысить настолько, что стал королем в каких-то деревнях.

Гугол дернул меня за рукав:

— Не стойте, ваша милость. Пойдемте дальше... И того... ищите, ищите! Повезет, так и на клад наткнемся. Тут часто войны прокатывались. Всяк зарывал золотишко в землю. Кто-то вернулся и отрыл, но еще больше таких, сами извольте разумать, наверное, кто уже никогда не откапает и даже не отроет.

Сигизмунд закусил губу. В глазах страх и надежда сшиблись с такой силой, что летели искры и слышался звон мечей. Вообще-то так можно находить только с помощью дьявола, но, с другой стороны, на это золото можно купить коня и меч, а с ними — искупить богоугодными делами...

Амулет мне приходилось нести в руке — явно черпает энергию в человеческом тепле, а когда меня внутри охватывал холод, я уже, сообразив связь причины и следствия, готовился подхватить монету. Иногда их выбрасывало целую горсть, Гугол ликовал, уверял, что это клад, а я начинал доказывать, что клады обязательно в банке. Гугол спрашивал, что такое банка, я объяснял, что так у нас называют кувшины или горшки.

— Возможно, — предположил он наконец, — амулет у вас, ваша милость, уж простите за слово, слабенький... Из кувшинов поднять уже не в силах...

Я и сам дважды чувствовал шевеление внутри себя и холодок, который вскоре исчезал, но на поверхность ничего не пробивалось.

— Ладно, — отрезал я, — не будем жадничать.

Он посмотрел, как я надеваю амулет на прежнее место, сказал обеспокоенно:

— И бледный вы какой-то, ваша милость, как червяк, что корни капусты кушает...

— Замерз, — огрызнулся я. — К костру бы!

Гугол подумал, сказал с осторожностью:

— Амулет тоже чем-то питается. Либо манной колдунов, либо светом звезд, либо вашим теплом, простите за грубое слово, ваша милость... Вот вам и не совсем... жарко.

Я посмотрел на него с уважением. Приятно встретить человека, который интуитивно понимает природу подзарядки. От батареек, аккумулятора или колдунов — не суть важна, важен принцип.

Он с недоумением смотрел, как я снял амулет и положил его на камень поближе к костру.

— Вы хотите... его нагреть?

— Природа тепла едина, — сказал я. — От расщепления жиров в моем животе, от процесса сгорания или ядерного распада... По крайней мере, попробуем!

Он покосился на меня с уважением.

— Что не так? — спросил я с подозрением.

— Все так, — ответил он испуганно. — Только чего вы такой умный? Вы не совсем рыцарь, да?.. Или болеете чем?

Село, где для короля Арнольда разводили коней, показалось размерами с небольшой городок. По крайней мере, таверну мы увидели сразу же.

Таверна как таверна: сама по себе вдвое выше остальных домов, каменная, даже крыша не из соломы или теса, а из черепицы, да еще выбросила в стороны два крыла попроще, похожие на обычные домики из довольно толстых бревен.

Двор залит ярким солнечным светом, у колодца три ба-

бы чешут языками, в то время как один мальчишка старательно таскает воду. Окна уже закрыты ставнями, готовятся к ночи, но в щели пробивается яркий свет масляных светильников. Во дворе фыркают, чешутся и звучно хрустят овсом кони, а из таверны доносятся голоса, иногда веселые, иногда злые. Я прислушался, драк не хотелось бы, а в таких местах почему-то без них ну никак, но, к счастью, злые крики тут же сменялись раскатами грубого мужского смеха.

Судя по запахам жареного мяса, здесь кормятся все постояльцы. Спят явно в двух пристройках, там темно и почти тихо.

Мы поднялись на крыльцо, я отметил, что построено добротно, совсем недавно, в воздухе еще витает запах смолистой стружки. Перед дверью вытянул руку, готовясь придержать, если та вдруг распахнется с такой силой, что расшибет лоб, но за дверью никто не дрался, никто никого не вышвыривал.

Я потянул дверь, запахи жареного мяса, лука, терпкого вина и горелого сахара ударили в нос раньше, чем мы переступили порог. В большом помещении с низким потолком не больше десятка людей, столов шесть, четверо из них заняты, столы тяжелые, тоже добротные, как и лавки по обе стороны столов. Надо быть великаном, чтобы схватить такую лавку и размахивать ею в пьяной драке.

Вдоль стены в медных чашах горели масляные светильники, но жар и запахи идут сразу от двух очагов: на одном закипает уха, на другом жарят на огромном вертеле тушу кабана.

Гугол предупредил:

— Расплачиваюсь я.

— Почему ты? — вскинулся Сигизмунд. — Да как ты смеешь...

— Тихо-тихо, — сказал я. — Он знает не только цены. Золото, конечно, везде золото, но любому непривычно зреть монеты столь древние... К тому же из десятка монет и двух одинаковых не отыщешь.

В таверне нас встретили подозрительными взглядами. Хозяин не пошевелился, вместо него подошел здоровенный мужик, руки как бревна. Оглядел нас угрюмо, поинтересовался:

— Ну и че?

Гугол показал ему золотую монету, сказал коротко:

— Если не хочешь, чтобы мы ушли в другое место, позови хозяина.

Мужик удалился, через некоторое время у нашего стола появился хмурый хозяин. Гугол начал расспрашивать, чем кормят в этой паршивой дыре, долго торговался, к негодованию Сигизмунда, наконец на стол нам начали таскать еду, принесли вина.

Гугол довольно потер ладони.

— Выглядит неплохо, — сообщил он хозяину. — Если и на вкус будет таким же, то... гм... мы позволим тебе подыскать нам трех коней. Но только хороших.

Хозяин смерил нас подозрительным взглядом. На богатеньких буратин смахиваем мало, однако в жизни случается всякое, и он сказал осторожно:

— Я знаю у одного двух коней на продажу... Но трех?..

— Ты уж постарайся, — бросил намекающе Гугол. — В обиде не будешь.

Хозяин пошевелил складками на лбу, сообщил:

— Попробую уговорить Дыротряса. У него хороший конь, но зачем ему?.. С тех пор, как потерял ногу...

— Такому верховой конь ни к чему, — подхватил Гугол, — но деньги в хозяйстве нужнее, ты прав.

Обед удался, ведь приправа у нас самая лучшая — голод, вдобавок мы осушили большой кувшин вина, едва-едва добрались до отведенной нам комнаты, рухнули без задних ног, а утром, хорошо позавтракав, выехали со двора уже верхом. Кони, правда, настоящие крестьянские лошадки, но все-таки не пешком.

Уже на улице Сигизмунд проворчал:

— А чего не спросил про оружие? Хотя что-то бы...

— Это будет чересчур, — сказал Гугол наставитель-

но. — Подозрительно. А вот дальше городок Утятинск... Вполне нормально, что трое всадников покупают оружие. Заодно и коней можем поменять с доплатой. Я не знаю, что за кляч нам предложат, но все равно в Утятинске выбор будет побольше... Сэр Ричард, вы не передадите мне повод вашего коня?

Я насторожился:

— Зачем?

— Чтоб и вторая рука была свободная, — пояснил Гугол. — Одной рукой, значит, держите амулет... другой ловите монетки.

Сигизмунд вскипел:

— А ты мерзавец! Ты будешь ехать верхом, когда мой господин будет идти пешком? Да я сейчас же сверну тебе шею.

Гугол в мгновение ока соскочил на землю, конь с облегчением вздохнул и попробовал остановиться, но Гугол дернул повод с такой силой, что чуть не оторвал ему голову.

— Я уже иду, иду!..

Сигизмунд прыгнул наземь, без доспехов он двигался с легкостью кузнечика. Я фыркнул — не могут без этого табеля о рангах, снял амулет. В ладони стало тепло, словно я держал нечто живое, мирно спящее, свернувшееся калачиком.

Мы прошли не больше сотни шагов, как под ногами забурлил фонтанчик. Я остановился, в воздухе блеснуло, я сделал хватательное движение, будто ловил бабочку. Ладонь поймала холодную тяжесть. Монета оказалась четырехугольная, со стертым рисунком. Я рассмотрел только четыре углубления на лицевой стороне. Гугол выхватил, глаза полезли на лоб, завопил:

— Так это же... это же монета времен императора Железоголового!.. Я думал, враки!.. Говорили, что тогда монеты еще не умели чеканить!

Я сказал брезгливо:

— Золото чеканить не умели, а железо ковать могли?

Он удивился:

— Конечно!.. Железо ведь перековывали из старых вещей древних людей. А золото учились добывать из шахт сами.

— Железо, — спросил я, — было раньше? Что за старые вещи?

Он пожал плечами:

— Никто не знает. Те люди не то погибли, не то ушли в глубокие пещеры. Все теперь знают, что были какие-то катастрофы, потопаы, огненные бури. До самой большой катастрофы люди, говорят, были очень могущественными. Но это, может быть, и легенды... Вы, ваша светлость, поможайте этим амулетом над путем-дорогой, поможайте! Вот так, из стороны в сторону... Ого!

За час я наловил с десяток монет, потом развели костер, поджарили мясо и подогрели купленный в таверне хлеб, но главное — подогрели, вернее, наполнили энергией амулет. И хотя на подогрев его пришлось скормить почти целое дерево, но экономический эффект налицо: еще часа за три из пыли и грязи поднялось столько монет, что пришлось нести и Сигизмунду, что сперва отказывался брать в руки нечестивое золото. Вряд ли мы заработали бы столько даже на продаже всей роши.

Гугол пел и плясал вокруг каждой монеты. Мое уважение возросло, когда я понял, что степень его ликования зависит не от размеров найденных монет, а от древности, редкости. Он даже пытался что-то прочесть, разгадать древние знаки, вопил в возбуждении, что вот про эту монету так и слыхом не слыхивали, из чего я заключил, что он и в нумизматике орел, он пробовал и мне совать эти монеты с истертыми знаками под нос, но я брезгливо отворачивался, как истый... нет, не рыцарь, а русский интеллигент, который делает вид, что живет совсем не по рыночным законам.

Явно здесь проходил какой-нибудь эквивалент из варяг в греки или Великого шелкового, ибо монеты попадались времен и Александра Македонского, и Цезаря, и Ашурбаннипала, и, возможно, легендарного Ария, прародителя всех чистых, красивых и вообще замечательных, как и мо-

неты отвратительного Сима, прародителя всех нечистых, некрасивых и вообще гадов. Были монеты настолько дивные, что я только головой мотал и тут же передавал Гуголу. Он и сам жадно выхватывал их из моей ладони, как горячие пирожки. Но это жадность коллекционера, искателя чудес, так что негодовал только Сигизмунд, он, как истый талиб, не видел ценности в старых вещах, тем более в тех, что были сделаны еще до рождения Иисуса Христа.

Глава 17

В следующем селении обменяли с доплатой коней. Сигизмунд сторговал для себя пристойный кожаный панцирь, почти новый, купил боевой топор, два ножа. Один отдал Гуголу. Хотел купить и мне, но я глазами указал на молот.

Здесь тоже никто не мог предположить, куда мог уйти король Арнольд, и еще я заметил, что смотрели на нас с подозрением, как на соглядатаев Конрада. Не помогли даже золотые монеты, каждый качал головой и уходил, а однажды из-за забора в нашу сторону полетели камни и комья грязи.

Привал устроили на холме в миле от села. На самой вершине, совершенно лысой, даже трава не растет, возвышался белый камень. Высотой в два роста человека, обе стороны срезаны как гигантским ножом, а на плоских стенах — множество знаков, значков. Земля у подножия тверже кирпича, я топнул пару раз и понял, что это в самом деле кирпич. От бесчисленных костров, что раскладывали у подножия камня — неплохо защищает от ветра, — земля спеклась до крепости гранита. В самой земле, ноздреватой, как шлак, кое-где темнеют угольки, теперь уже не совсем угольки, раз их не размывают ни дожди, ни снега, не выдувают ветры. Возможно, алмазы. Ну, какие-нибудь черные.

Гугол вытащил купленный нож и попытался что-нибудь нацарапать местное трехбуквенное, однако нож скользил как по стеклу.

— Колдовство, — сказал он раздраженно. Подумав, добавил: — Или наш героический друг купил нож из глины.

— А если этим ножом ткну тебя? — поинтересовался Сигизмунд холодно.

— С тобой уж и пошутить нельзя!

Гугол спрятал нож, отвернулся с достоинством, но, когда подул холодный ветер, сел к камню, упершись спиной.

— Нечестивое колдовство, — подтвердил Сигизмунд. — Не видно знака Христа!.. А раз так, то все бы здесь разрушить...

Гугол слушал его вполуха, взгляд его блуждал по моему молоту. Проговорил задумчиво:

— А вообще я смутно помню... можно сказать даже, знаю!.. Знаю, чем можно пробить доспехи, изготовленные гномами.

— Чем? — спросил я жадно. — У того гада доспехи были явно гномьи!

Он рассматривал меня очень внимательно.

— А вам в самом деле так важно... найти?

— Признаться, — ответил я с неловкостью, — мне очень не по себе, что отыскался гад, перед которым я совсем беспомощный. Понимаешь?

Он кивнул.

— Понимаю. Как будто впервые оказаться вообще без оружия в гуще битвы. Ладно... Есть такая Долина Стреляющей Смерти. Пока еще ни одному человеку не удалось пройти через нее живым. Да и зверю тоже... Но в вашем случае, ваша милость, и не надо ее пересекать. Достаточно помаячить на самом краешке и... уцелеть.

Я насторожился.

— Что там за суперснайперы?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Известно только, что какая-то трава.

Я вытаращил глаза.

— Трава?

— Ну, может быть, не трава, а бурьян. Или даже кустарник. Но не деревья, точно. Никто не говорил о деревьях.

Словом, растет там такой чертополох... Вы знаете, как чертополох размножается? Хотя, простите, откуда вам знать такие вульгарные вещи...

Я опешил от вопроса, подумал, брякнул:

— Что-то с перекрестным опылением... Помню даже анекдот про пчелок. А что?

Он отмахнулся:

— Я говорю уже про семена, а не о процессе зачатия. Одни наловчились, подобно одуванчикам, прицеплять к семенам пушинки, чтобы ветер унес подальше, другие, как вот клен, приделывают такие хитрые хвостики, что семена падают медленно, вертятся как одержимые, а ветер успевает отнести подальше в сторону... Самые хитрые придумали окружать себя сладким, а сами прячутся в твердую как камень кожуру. Съест зверь такие сладкие ягоды, уйдет подальше, там опорожнит кишечник, вот семена там и прорастут! А за сутки он уносит их далеко!..

Я сказал с нетерпением:

— Тебе бы в естествоиспытатели. Или в учителя биологии. Ты лучше расскажи про эти... которыми можно бить гномы доспехи.

— Я к тому и веду, — ответил он довольный, что я возвел его в неведомые естествоиспытатели. — Есть еще репейники, сами знаете, как они распространяют свои семена, я видел, как ваша милость красиво выбирали репы из конского хвоста... у вас такие исполненные внутреннего благородства движения! Есть грибы, да и не только грибы, что, созрев, как бы взрываются и разбрасывают семена как можно дальше... так вот растения Долины Смерти — это как бы такие грибы и репейники вместе.

Я подумал, спросил:

— А созревают они разве одновременно?

— Нет, конечно. Так вот, в старину эти семена подбирали и делали из них наконечники для стрел. Теперь, правда, это забыто, что и понятно...

— Почему?

Он двинул плечами.

— Доспехов, сделанных гномами, почти не осталось. А простые наконечники проще сковать в домашней кузнице, чем ехать за ними через море.

Я подумал, переспросил с недоверием:

— Стоило ли такие бронебойные семена выращивать... да еще с системой наведения?... Не проще ли стрелять в простой люд?

Он засмеялся.

— Вы, ваша милость, как будто с дуба рухнули. Темечком на большой камень. Люди когда появились?... То-то. А гномы всегда здесь жили. Испокон веков. Вот растения и приспособились стрелять по гномам. Теперь, понятно, стреляют и по людям.

— Ясно... И где та долина?

Я ожидал, что он назовет место за тридевять земель, однако Гугол махнул рукой в весьма неопределенном направлении вверх:

— А вон там. В горах. Люди ее просто обходят, вот и все. Сигизмунд смотрел на меня заблестевшими глазами.

— Привал на ночь, — велел я. — Утром поедem — посмотрим.

Трава расступалась нехотя, густая и сочная, под копытами иногда хрустели сухие веточки, но потом хруст сменился, стал каким-то нехорошим. Среди зелени то и дело белели кости мелких и крупных зверей. И чуть ли не с каждым шагом костей становилось больше.

Я присмотрелся — ни один скелет не разложился полностью, сохранив кости. Чувствуется, что зверье помельче растаскивает подраненных гигантов.

Справа на горизонте небо ложится на горный хребет, хорошо видна сросшаяся, как сиамские близнецы, гора. Странная гора, я не раз встречал деревья со сросшимися боками, но чтоб гора... Далеко слева тоже отвесные горы, странно опаленные, с оплавленными, как у гигантских свечей, вершинами. Если пеленг взять правильно, то долина стреляющих растений прямо передо мной, стоит про-

ехать еще с полмили, и я сам получу заряд бронебойной картечи. Как получили вот эти...

Я осмотрел кости и землю вокруг в поисках проросших семян. Впрочем, их могли сожрать еще в молодом возрасте, ведь защищаться растение начинает только в весьма зрелом возрасте...

Небо чистое, ясное, в самой высоте кружат птицы, что-то вроде жаворонков или орлов, хрен их разберет отсюда. Правда, я их и вплотную не очень-то различу. Хотя орла как-то видел на фото, а вот жаворонка — нет. Под таким вот небом не верится в стреляющие растения, не верится в нечисть, троллей и гоблинов, все хорошо и прекрасно, а с седла уже видны зеленые заросли растений вроде подсолнухов, такие же сочные стебли, мясистые листья...

Я прикинул, как бы поступил на моем месте доблестный Ланселот с его выдвинутой нижней челюстью, что бы сделали Бернард, Рудольф, Асмер, священник, подумал и... и поступил, естественно, наоборот. Когда белеющие кости животных стали громоздиться баррикадами и чем дальше, тем круче, я поступил так, как не делали, естественно, в эти века, девственные от огнестрельного оружия: слез с коня, снял шлем, повесил на палку и пошел через заросли, держа его над головой.

Сигизмунд вытарашил глаза, на всякий случай перекрестился и начал читать молитву. Гугол усиленно морщил лоб, в глазах мука, старался понять, ведь я уже доказал, что не сумасшедший, а поступки мои логичны...

Щелк!

Шлем дернулся на палке с такой силой, что едва не слетел. Я поспешно ухватил его, успел увидеть, как выкатилось, звеня, нечто коричневое с черным. Гугол завопил, наконец все разгадав, спрыгнул с коня. Сигизмунд тоже слез, вместе шарили в траве, пока Сигизмунд с торжеством не протянул мне на ладони со словами:

— Сэр!..

Зернышко было размером с пулю. На самом деле это орех, обыкновенный орех, с твердой скорлупой и сладким

ядрышком внутри, но я видел у себя на ладони пулю, что с легкостью пробила бы мне грудь, если бы я ехал, как дурак, турист или рыцарь, не прибегая к подлым хитростям человека моего времени.

— Сэр, — повторил Сигизмунд с великим почтением. — Я счастлив служить сеньору, столь сведущему в воинских хитростях! Обмануть исчадие ада с такой легкостью, заставить его служить себе, выполнять угодную Господу и человеку работу... Сэр Ричард, вы — великий человек!

— Да ладно тебе, — сказал я с неловкостью. — Это не я придумал!

— А кто? — спросил он живо.

Я развел руками:

— Не знаю. У нас это все мальчишки знают.

Он сказал с жаром:

— Тем выше ваша слава, что вы не присваиваете это открытие себе! Вы еще более великий человек!

Я застонал, сказал торопливо:

— Ладно, надо собрать еще хотя бы с десяток. Я не думаю, что из скорлупок надо выковывать меч целиком. Достаточно наварить на лезвие узкую полоску... Тогда и гибкость сохранится, и меч будет рубить все... с той же легкостью, как вот сейчас зернышко просадило шлем.

Зерна мы собирали полдня, зато набрали две пригоршни. Сигизмунд ссыпал все в отдельный мешочек, тщательно завязал. Гугол проводил сожалеющим взором, ибо молодой рыцарь спрятал все в седло своего коня. Сигизмунд пообещал лично наварить на мой меч такую полоску — в комплекс подготовки рыцаря входит не только умение слагать стихи, но и умение подковать коня, изготовить себе меч, разжечь костер под проливным дождем.

Пока мы с Сигизмундом разделявали косулю и жарили мясо, Гугол налил в котел воды, всыпал толченую кору дерева, что-то нашептывал. Его длинные гибкие пальцы дважды ныряли в эту воду, уже и не в воду, а в липкую смесь. Сигизмунд наблюдал с отвращением. Его рука то и дело дерга-

лась к мечу. Мне показалось, что он с трудом удерживается, чтобы не зарубить нечестивого колдуна.

Гугол вскинул голову на грохот моих шагов. Лицо сияло, но в глазах было виноватое выражение.

— Не мог не попробовать, — сказал он торопливо. — Здесь в развалинах нашел такое... такое... что просто и не знаю! Было бы время, все бы исследовал... А так пока только то, что знаю наверняка.

— Ну-ну, — сказал я. — И что с этим можно? Намазаться?

Он подумал, просиял:

— А это идея! Надо будет попробовать. Но пока наверняка знаю только одно: что если сесть над этим составом и, вдыхая его пар, напряженно думать о ком-то... или о чем-то, то можно его увидеть.

Сигизмунд сказал, задыхаясь от праведного гнева:

— Кошунство! Никто... никто, кроме самого Всевышнего, не способен и не смеет предвидеть, заглядывать, смотреть...

Гугол виновато умолк, чуть было не опрокинул котел, я сказал поспешно, напоминая, кто в лесу хозяин:

— Речь идет не о предвидении, а о простом заглядывании дальше. Как вот ты с горы видишь дальше, чем с равнины. Ладно, я сажусь. А пар не ядовитый?

— Н-н-нет, — произнес Гугол с заминкой. — Я не пробовал, правда, но мой учитель на моей памяти несколько раз смотрел. И ничего...

— Смотри, — пригрозил я. — Если вдруг сдохну, то прибью, не пожалею.

Запах щекотал ноздри, я ожидал каких-то глюков, видений, но в мутной воде появилось светлое пятно, начало раздвигаться, как диафрагма старинного доцифрового фотоаппарата. Я увидел черно-белое изображение, как в довоенном кино, однако диафрагма расширилась до краев котла, света прибавилось, появился цвет, я узнал тронный зал дворца Арнольда.

Занавески колыхались под свежим ветерком, но Конрад метался по огромному залу, как лев в тесной клетке,

которую окружила гогочущая толпа простого люда. Лев в ярости, а они тычут его под ребра длинными палками, хохочут, когда он рычит и бросается на железные прутья, ревет и грызет металл.

Дверь распахнулась, по ту сторону стоял Юбенгерд. Конрад в ярости обернулся нему:

— Чего застыл? Давай сюда! Докладывай!

Юбенгерд почти вбежал, вытянулся, торопливо заговорил:

— Наши гарнизоны заняли казарму на перевале. Там горная река, я велел построить широкий мост. Это привлечет симпатии местного населения, а для нас — удобная переправа. Как только Ваше Величество захочет... если захочет... двинуть свои победоносные войска дальше...

Конрад нахмурился, прорычал зло:

— Что ты о каких-то мостах!..

— Понимаю, Ваше Величество, — сказал Юбенгерд еще торопливее. — Наши войска расквартировались в богатой долине, где за зиму передохнем, соберем обозы, а затем сможем всей массой двинуться на земли Тер Овенса...

Он осекся, умолк, ибо король повернулся к нему всем туловищем, яростный и взбешенный, с горящими, как у льва при виде добычи, глазами.

— Что ты про какие-то мелочи! — прогремел он. — Не понимаешь?.. Я отовсюду слышу, что я всей победой обязан великодушию Арнольда!.. Он-де настолько благороден, что отказался от трона, только бы сохранить жизни своих подданных!.. Ха-ха, как будто не высшая слава, честь и цель для мужчины — красиво пасть на поле боя!.. И вот теперь я хожу как оплеванный... Моя великая победа над вековым врагом превратилась в черт знает что!..

Юбенгерд вздрагивал от раскатов громового голоса, вытягивался, подбирал живот и выпячивал грудь, но голову откидывал назад, словно король вот-вот вперится зубами в его лицо.

— Ваше Величество, — наконец проронил он, — стоит ли обращать внимание?.. Поговорят и забудут...

— Забудут?

— Да, ведь простолюдины...

— Дурак, об этом все говорят: рыцари, священники, бароны, торговцы... Хуже того, об этом уже говорят барды, менестрели!

— Ваше Величество, да что вам до этих никчемных людишек?

Король Конрад посинел от злости. Юбенгерд смотрит искренне, прекрасный тактик, у него невозможно выиграть сражение, если силы равны, но абсолютный дуб во всем, что не касается расположения войск.

— Эх, — процедил Конрад люто, — когда же ты начнешь понимать... что умело подобранная песня может из армии зайцев сделать львов, может опрокинуть трон, может черное превратить в белое... Ладно, иди.

Юбенгерд попятился, осторожно осведомился:

— Ваше Величество, так как с переправами?

Конрад отмахнулся.

— Делай. Одобряю. Ты лучше знаешь, что нужно. Иди, даю позволение заранее.

Юбенгерд ушел, пятясь, обрадованный, но явно обеспокоенный таким странным поведением. Я видел по его лицу, что раньше король влезал во все щели, интересовался даже стельками в солдатских сапогах, каждого воина знал по имени, а у ветеранов знал даже их лошадей, но вот теперь...

Конрад хлопнул в ладоши, в зал пропустили тихого и малозаметного, как мышь, серого человека. Я всматривался так, что ломило глаза, по морде этого тихони видел, что с королем в последние дни творится нечто странное: он то затихает в изнеможении, то взрывается водопадами гнева и походит тогда на огненную гору, что извергает в небо раскаленные тучи и выбрасывает тысячи тяжелых камней, из которых можно выстроить десяток неприступных замков. В такие дни от него разбегаются и прячутся даже самые близкие из придворных, самые неустрашимые полководцы, самые доблестные рыцари.

— Ваше Величество, — сказал серый человек первым, — вы сегодня выглядите как никогда сильным и великодушным королем. Народы Галли уже благословляют вас...

Конрад поднял на него налитые кровью глаза. Я рассмотрел бледную кожу в мелких морщинках, которых месяц назад еще не было, и темные мешки под глазами, которых не было тоже.

— Благословляет? За что?

— Ну, Ваше Величество, — сказал серый человек медленно, я понял, что вот сейчас начинает на ходу импровизировать: — Вы не стали увеличивать даже налоги! И ни один город не сожгли, не разорили...

Конрад прервал злобно:

— Словом, меня хвалят не за то, что я сделал добро, а за то, что не наделал много зла!.. А образцом добродетели по-прежнему выставляют этого труса Арнольда, черт бы его побрал!.. Я только и слышу отовсюду: король Арнольд, король Арнольд!..

— Да, Ваше Величество, — сказал серый человек.

— Что «да»?! — заорал Конрад.

— Я тоже это слышу, — ответил серый человек. Он побледнел, но прямо смотрел в глаза — король не терпел, когда ему врут. — Да и все слышат.

Конрад заревел, подбежал к стене и с силой ударил кулаком. Взвыл, на суставах сразу выступила кровь.

— Сволочь! Он отравил мне всю победу!

Серый человек сказал твердо:

— Ваше Величество, осмелюсь сказать...

— Ну-ну, говори!

— Вы никогда не станете истинным хозяином этой страны... пока не будет захвачен король... простите, захвачен Арнольд. Пока он жив, о нем рассказывают легенды. Я сам слышал, как он в образе простого пастуха кого-то исцелил, кого-то спас... Причем, по слухам, он может находиться сразу в двух или трех местах. С каждым днем его жизнь приукрашивается все больше. Еще немного, и о нем будут рассказывать как о чудотворце. А вы...

Конрад процедил с яростью:

— Ну-ну, говори!

— Я не осмеливаюсь, Ваше Величество.

— Говори, я приказываю!

— Вы можете догадаться, Ваше Величество. Если Арнольду с каждым днем добавляют все больше белых перьев, то вам, естественно, черной шерсти. Вот-вот найдутся очевидцы, что видели, как вы прячете в штаны... простите, в брюки хвост. А ваши длинные волосы объяснят тем, что вам надо прятать рожки. Вы же знаете простой народ!

Конрад проревел с ненавистью:

— Черт бы побрал этого Арнольда!.. Черт бы побрал!.. Все черти бы его побрали!..

Серый человек осторожно на цыпочках удалился. Изображение начало меркнуть, я увидел, что смотрю в остывающую желтую воду. Сигизмунд догадался по моему лицу, что видение оставило меня, предположил:

— Вода остыла. А если подогреть?

Гугол виновато развел руками, а я сказал:

— Не надо. Я увидел мало, но... король Арнольд жив, где-то в уединении. Мы еще сможем его отыскать.

Сигизмунд уехал вправо, там селение Годорж, королю Арнольду оттуда поставляли соколов, Гугол напросился захватить в селение Синий Луг, вон слева, а я, оставшись наедине, долго седлал коня, подтягивал ремни, в голове пусто, а в душе растет предчувствие неудачи.

Вернулся к костру, затоптал, угли никак не хотели рассыпаться, я бил по ним палкой, наконец забросал землей. Уголек подпрыгнул и попал за голенище, я сел на землю, стащил сапог, выкатился черный комок. Сбоку упала черная тень. Я вскинул голову, вздрогнул. Прямо передо мной возник мужчина. Кусты в десятке шагов, а травка такая, что и мыши не проползти незамеченной, однако же он вот передо мной, как будто соткался из воздуха. Крепкий, жилистый, уже в возрасте, но матерый, пара шрамов на лице,

глаза холодные и жесткие, сразу пахнуло могильным холодом.

Он засмеялся.

— Тряхнуло?.. Эх ты, герой! Нет, магия ни при чем. Я честный профессиональный убийца. И я пришел за тобой, благородным героем.

Снова неувловимое движение, как он думал, но я видел, как он потрянул рукой и из рукава прямо в ладонь выскользнул кинжал с узким лезвием.

Я сидел неподвижно, молот мой в трех шагах, меч там же, а на мне ни кольчуги, ни доспехов, даже рубашка распахнута до пупа. Крестик же на шее спасает только идиотов в плохих фильмах, а здесь все наяву, где я — растерянный лох и этот натренированный матерый убийца.

— Но... за что? — прошептал я. — Кто послал?.. Кому я нужен?

Он захохотал, но глаза его цепко отслеживали каждое мое шевеление.

— Ты как будто не слышал имя герцога Морвента? Которого ты чем-то оскорбил настолько, что он отвалил мне золота полный кошель... только бы я перерезал тебе глотку и принес голову! Представляешь, обычно все довольствуются отрезанными ушами, а то и вовсе моим словом, а этот...

Я пробормотал:

— погоди... У меня тоже есть золото. Скажи, сколько он тебе заплатил?..

Он изумился:

— Что за странные речи от героя! Ты должен разразиться гневной напыщенной речью!.. Вскочить с обнаженным мечом... Ах да, меч далеко? Ну тогда с голыми, но чистыми руками и большим пламенным сердцем!.. А я, презираемый убийца, всего лишь с ножом... Ну?

— У меня с речами туго, — сообщил я.

— Ага, — сказал он зло, — дескать, ты настолько благородный герой, что больше упражнялся в поединках, а не пел под лютню?

— Упражнялся, — согласился я, — хоть и не совсем в

поединках. Так как насчет золота? Плачу вдвое. Могу даже дать заказ на моего заказчика.

Он злобно смеялся, глаза блистали триумфом, словно это я его самого когда-то сбил оглоблей с коня на глазах его людей и теперь он живет, всеми осмеиваемый, презираемый, а ведь какой мужчина не стремится к уважению в чужих глазах?

— Тебе не понять, бла-а-а-агородный, — заявил он. — Не понять, что у нас, профессиональных убийц, тоже есть честь. Да не тоже, а есть! Своя. И не уступает вашей хвальной, хотя о вас, героях, слагают песни, о вас поют в замках, на дорогах и даже на базарах, о вас грезят принцессы, а о нас отзываются только как о грязи... Мол, убиваем исподтишка, в спину... Потому я стараюсь вот так, лицом к лицу. И никогда не нарушаю слова. А вот когда уйду на покой... я собираюсь сделать это теперь, денег герцога хватит, я даже дам попам на часовенку, закажу мессу во искупление своих грехов!..

Он сделал шаг, смотрел на меня сверху, глаза сканировали мое горло, но я чувствовал, как он натренированно следит за каждым моим движением. Как только начну вставать, достаточно одного взмаха его жилистой руки...

— Ты не хочешь подняться, — предложил он, — и принять судьбу достойно?

— Не хочу, — ответил я.

Моя правая нога ударила толчком по его голени, я быстро вскочил, но убийца не упал, только пошатнулся и отступил, профессионально держась между мной и моим оружием. Я сделал движение, словно хотел сбоку пробежать к мечу, но узкий нож блеснул почти у самых глаз. Я отпрянул, он зло рассмеялся.

Я отступил, он пошел вокруг меня с ножом в руке, пригнувшись, разведя руки, готовый метнуться в любой миг. Я надеялся, что он зайдет достаточно далеко, чтобы я успел схватить меч, но он улыбнулся и тут же пошел по дуге обратно. Страх еще разок полоснул по уже и так обнаженным нервам, но он же выплеснул в кровь ведро адреналина-

на. Меня потрянуло сильнее, мысли понеслись быстрые, как электроны в межгалактической пустоте. Я не пригнулся, стоял ровно, следил. Он метнулся, я отступил, одной рукой перехватил кисть с ножом, кулаком другой встретил его в нос.

Хрустнуло, я оттолкнул его руку с ножом, и он упал на спину. Сердце колотилось с частотой детской погремушки. Я опережал его движения, опережал намного. Будь их двое или трое, я бы, увы... но этого суперубийцу я опережаю с потрясающей меня самого легкостью.

Он вскочил быстро, но не так эффектно, как нам показывают на всех в киноканалах. Он намного опережал по движениям деревенских увальней, но я уже чувствовал, что я со всем своим арсеналом... хотя нет у меня никакого арсенала, но есть общее развитие, есть информация, что-то видел, о чем-то слышал, но в целом я знаю и даже умею намного больше.

Снова нож замелькал передо мной, я сделал вид, что сейчас отступлю, а сам с силой пнул его ногой. Удар пришелся по колену, убийца отшатнулся, едва не упал. На лице отразился мгновенный страх, но я не бросился добивать, и он тут же пришел в себя. Перевел дыхание, пошел снова вправо.

На этот раз я очень внимательно следил за движениями руки с ножом. Очень простые три взмаха, повторяет постоянно, не соображая, что это выдает его с головой. Правда, может быть, в запасе и четвертый, а эти всего лишь обманки, но что-то не верится в чересчур изощренные для такого простого мира хитрости. Чтоб совершенствоваться в боевых приемах, нужны достойные соперники, а здесь...

Он прыгнул, я отодвинулся, нож прошел мимо, а мой кулак саданул его в челюсть. Костяшки пальцев заныли. Профессионал отлетел с запрокинутой головой на три шага, растянулся в пыли. Нож оставался в руке, но глаза были затуманенными. Я сделал пару торопливых шагов, пинком вышиб нож из вялых пальцев. Тот взвился в воздух, блеснул серебристой рыбкой и исчез в зелени кустов, будто нырнул в покрытое ряской болото.

Он медленно повел глазами, приходя в себя. Я ударил его ногой в голову. Он откинулся навзничь и застыл, раскинув руки. Я с минуту постоял над ним, потом вернулся к оружию. За спиной было тихо, но я оставался настороже. Конь фыркал, пугая травяных лягушек, топал, слышно было, как высоко в небе кричит мелкая птица. Я прицепил на пояс молот, с мечом в руке подошел к поверженному. Он медленно приходил в себя, попытался ощутить нож в руке, но пальцы стиснули пустоту. Я замахнулся для последнего разящего удара.

Он смотрел на меня, не делая попыток увернуться. Наверняка не знал, что есть сотни приемов, как вот из такого неудобного положения прыжком очутиться в трех шагах влево, вправо, а то и у меня за спиной или даже выбить у меня из рук меч... Да и мало ли что умеют в моем мире, а здесь даже не подозревают, потому он лежал и ждал смерти.

Отвращение к убийству кольнуло в сердце. Мои руки медленно опустили меч. Наемник лежит на спине, в глазах — бессильная ненависть, но в лице нет страха. Он не понял, почему я сделал шаг назад, даже прислушался, не слышится ли где-либо конского топота мчащихся в нашу сторону всадников.

Меч оставался в моих руках, я внимательно следил за поверженным.

— Если можешь встать, то вставай, — сказал я. — У тебя наверняка где-то конь... Подзови и... уезжай.

Он все еще лежал на спине, глаза его с недоверием впились в мое лицо.

— Что случилось?

— Да так, — ответил я. — Ничего.

Он приподнялся на одном локте. Лицо исказилось, он охнул и повалился на спину. Глаза стали белыми от боли, но закусил губу, повторил попытку, уже упираясь другой рукой. Так, полулежа, он мог смотреть мне в лицо, не теряя достоинства.

— Ты мой враг, — напомнил он. — И я тебе не сдался.

— Я знаю, — ответил я.

Меч мой вернулся в ножны, я отступил на шаг, свистнул. Кусты затрещали, мой конь проломился сквозь них, как вепрь через камыши. Я ухватился за седло, голова все еще кружится, а в голове нехороший звон.

За спиной раздался напряженный голос:

— Ах, опять бла-а-а-агородство прет из всех дырок? Я не сказал даже герб своего клана! И не назвал имя.

— Помню, — ответил я. — Но я и не спрашивал.

Конь отодвигался, он-де привык больше за плугом, я дернул з. узду, погрозил кулаком. Стремя болтается, целиком из кожаных ремешков, железом даже и не пахнет. Оттолкнулся от земли, взлетел орлом, а когда подобрал поводья, наемный убийца уже сидел на изрытой нашими ногами земле, растопыренная пятерня упиралась в красную лужу его крови.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он озлобленно. — Почему если герой — то дурак?

— Просто делаю, — ответил я равнодушным голосом. — Живи...

— Я не могу жить обесчещенным, — ответил он гордо. — Я, хоть и наемный убийца...

— Что за дурак! — сказал я с отвращением. — Остаться живым — бесчестье?.. Ты не просил пощады, могу дать расписку. Деньги получил? Вот уходи на пенсию, как собирался. Построй часовню, если деньги девать некуда. Живи, расти детей.

— Ты мог бы забрать моего коня, — продолжил он озлобленно. — Мои доспехи... У меня хороший меч! Или потребовать за меня выкуп. Даже золотом. На мои владения претендовать не сможешь, у моего отца четверо сыновей, я — младший, но выкуп — да, мог бы... Я кое-что скопил, все у моей сестры...

Я подобрал поводья, повернул коня. Разговаривать не хотелось, от слабости мечтал только о чашке крепчайшего кофе, а иначе свалюсь под куст и засну, потому только буркнул:

— Не все меряется золотом... Бывай!

Он крикнул вдогонку:

— Черт бы тебя побрал, герой! Почему ты так делаешь?

— Тебе не понять, — ответил я гордо.

Конь пошел тяжелой рысью, копыта стучали гулко, я не был уверен, что этот придурок меня услышал. Вообще-то я и сам не понял, зачем так сделал. Правильнее бы, конечно, прирезать. Оставлять врага за спиной — дурость. Увы, только дьявол все делает абсолютно правильно...

Глава 18

Прошла еще неделя в бесплодных поисках. На седьмой день вечером я напомнил Гуголу:

— Ты говорил, что у тебя осталось жги-коры... или какой-то новой дряни еще на разок.

Он сказал испуганно:

— Да, но, ваша милость, это последний. Поберечь бы.

— Мы отсюда прямо на юг, — сказал я. — Если не прибьют по дороге... там увидишь целые рощи этих жги-деревьев. Обдери хоть все леса, рощи и отдельно стоящие деревья в отдельно взятых королевствах.

Он вздохнул, но покорно начал готовить снадобье, высыпал в горячую воду, а я наклонился и начал вдыхать, как наркоман или якутский шаман. Долго плавали серые пятна, иногда высвечивались краешки и фрагменты картинок, я успевал увидеть либо замки дивной красоты, либо вид на равнину с высоты птичьего полета, затем проступила стена с угрюмыми гобеленами, изображение раздвинулось до краев котелка, а я, напротив, опустил голову ниже, чтобы охватить взором как можно больше.

Уже знакомый тронный зал, здесь в прошлый раз король Конрад отчитывал своих полководцев, изображение под странным углом, словно телекамера прикреплена на уровне самого высокого светильника, впечатление такое, будто наблюдаю действие в изометрической проекции, без всякого 3-D.

На той стороне зала трудятся два десятка музыкантов и

дюжина полуголых девушек кружится в танце. Это, конечно, от христианской морали далеко, но, насколько я понимаю, король Конрад от христианства отходит все больше и больше. Во всяком случае, по самым достоверным слухам, колдунов в его войске становится все больше, а священников меньше.

Я приблизил лицо еще больше. Ага, вон и сам король. Возлежит на ложе, перед ним столик с фруктами и кушаньями, а также кувшин с вином. Я видел, как Конрад раздраженным жестом велел убраться с глаз долой танцовщицам и музыкантам. Юбенгерд насторожился, а лицо серого человека сразу стало несчастным. Он начал продвигаться к выходу, Конрад бросил в его сторону злой взгляд, и серый примерз к месту.

В мертвой тишине даже мне стало слышно, как заскрипела кожа на костяшках пальцев Конрада. Он посмотрел на свой кулак, суставы побелели, с грохотом ударил по столу. Кубки подпрыгнули. Король ударил снова, сильнее. Грохот пронесся по всему залу.

— А теперь о деле, — прорычал он гневно. — Ну-ка, что еще говорят в народе?

Юбенгерд поклонился, развел руками.

— Народ Галли благословляет ваше правление, мой король...

— Ваше мудрое правление, Ваше Величество, — добавил серый льстиво.

Конрад в третий раз грохнул по столу. Упавший кубок подпрыгнул и скатился на пол, звякнул в тишине, завертелся волчком.

— Эти слухи меня не интересуют, — рявкнул он. — Что говорят про Арнольда?

— О короле Арнольде ничего не известно, — пробормотал Юбенгерд. — Говорят, что он ударился куда-то в горы. Но гор здесь много...

Конрад рыкнул гневно:

— Это я уже много раз слышал! Но ты знаешь, почему я спрашиваю. Не увиливай.

— Ваше Величество, народ доволен...

Конрад грохнул кулаком вновь, проревел мощно:

— Палач!

Из-за портьеры выдвинулся огромный толстый человек с красным капюшоном на лице. В обеих руках держал огромный мясницкий топор.

Юбенгерд сказал несчастным голосом:

— Ваше Величество, я не знаю, зачем вам это надо... но если уж так хочется ковыряться в ране, то нате вам, пожалуйста: в народе говорят, что своим положением вы обязаны только благородству короля Арнольда. И что это не победа ваша, а дар короля Арнольда жадному и завистливому захватчику!..

Конрад потемнел, брови сдвинулись в одну линию, прохрипел тяжело:

— Кто говорит?

— Да теперь уже почти все говорят, — сказал Юбенгерд мстительно. Он посмотрел на палача, пощупал шею, продолжил даже громче и злораднее: — Те, кто молчал, наконец разобрались и заговорили, а те, кто осуждал Арнольда, сейчас уже отпускают шпильки по вашему адресу. Но не надо на это обращать внимания, Ваше Величество! Чернь всегда злословит при виде сильных.

Конрад сел за стол, лицо еще больше постарело и осунулось. Большие руки на столешнице вздрагивали. Кровь с разбитых пальцев капала на высокобленные доски.

— Говори, — велел он угрюмо. — Догадываюсь, что ты хочешь... но говори.

Юбенгерд развел руками:

— Я?.. Может быть, сэра Самадхи?

Угрюмый взор Конрада упал на серого человека. Тот присел, словно его расплющило, развел руками, поклонился:

— Позвольте?

— Позволю, — буркнул Конрад. Добавил нетерпеливо: — Давай без этих штучек! Говори.

— Надо поймать Арнольда, — сказал серый сэра Самадхи. — Надо привести его сюда в цепях. Пусть народ увидит

его с веревкой на шее, а вас — во всем могуществе! И всем все станет ясно. Слухи рассеются, легенды забудутся.

Конрад сказал с безнадежностью в голосе:

— Но где его ловить? Здесь слишком много гор. А горы старые, изрезаны пещерами. Там были выработки, рудники, можно спрятать целую армию.

— Нам не поймать, — признал сэра Самадхи. — Тем более что, если честно...

— Ну?

— Ему будут помогать местные, а нам указывать неверную дорогу.

— Ладно, говори, что ты задумал. Я же вижу.

— Пусть Ваше Величество объявит награду. Большую! Настолько большую, что эта куча золота перевесит преданность бывшему королю. Конечно, люди благородного сословия на подлость не пойдут, но они и так не знают, где прячется Арнольд. Зато простые люди, которые не присягали подобно рыцарям, могут дрогнуть... Для них и одна монета — состояние, а если пообещать сто? Двести?

Конрад сидел как глыба, но в его неподвижности я видел, как накапливается сила. Наконец Конрад, все еще не двигаясь, прорычал:

— Тысячу! Тысячу золотых монет тому, кто отыщет Арнольда и приведет его ко мне!

Юбенгерд сказал осторожно:

— Ваше Величество, простолюдины и за сотню монет перероют всю страну...

— Три тысячи! — воскликнул Конрад в исступлении. — Три тысячи золотых монет и полное освобождение от пошлин на всю жизнь... для него и всего потомства, кто доставит мне беглого короля Арнольда!

Сэр Самадхи бросил торжествующий взгляд на мрачного Юбенгерда, поклонился, отступил.

— Ваше Величество, я сейчас же разошлю во все концы страны герольдов и глашатаев с этой вестью.

Изображение потускнело. Я поднял тяжелую голову, в висках покалывало. Перед глазами некоторое время дро-

жала пелена, наконец я увидел встревоженные лица Сигизмунда и Гугола.

— За голову Арнольда объявлена награда, — объяснил я торопливо.

— Ого, — сказал Сигизмунд возмущенно. — Да как он посмел?..

— Посмел, посмел. Нам надо успеть добраться до Арнольда, пока не добрались люди Конрада!

Гугол покачал головой.

— Нас трое, — сказал он трезво, — а людей короля Конрада тысячи.

Да, их были тысячи, но у каждого в голове одна мысль, а то и одна извилина, я же за секунду перелопачиваю тысячи мыслей, как скоростной проц, потому заранее отсеивал тупиковые пути, и в конце концов меня направили к старику, который некогда был помощником ловчего самого Арнольда.

В этом селении на окраине обнаружилась застава из двух конных воинов армии Конрада, а в самом селе я видел у коновязи таверны еще с десятков. На меня солдаты смотрели с подозрением, с таким ростом трудно долго оставаться незаметным, я улыбнулся им как можно дружелюбнее, а сам поспешно проехал к указанному дому.

Солнце уже заходило, от домов и заборов побежали длинные тени. Старик сидел на перевернутом корыте, строгал деревянные грабли, перед ним кувыркались двое малышей, а третий, постарше, слушал внимательно.

— Он не был раньше слюнтяем, — убеждал его старик, голова тряслась, руки беспокойно двигались, нож либо упирался в сучок, либо соскальзывал. — Мы с ним охотились на горных львов!.. Однажды он вообще оставил мне свой меч, а сам вошел в пещеру большого горного льва! И вернулся, покрытый ранами, но в обеих руках нес маленьких львят. Об этом тогда еще пели менестрели, ибо никто еще не осмеливался войти в пещеру горного льва даже в полном вооружении... Это был герой!..

— Трус, — возразил подросток упрямо. — Герой должен быть с мечом в руке...

Он говорил быстро, захлебываясь словами, торопясь, глаза сверкали, а пальцы сжимались в кулачки. В этом возрасте еще не пашут, не сеют, так что можно и о Родине поболеть, потом будет некогда. Ловчий умолк, только плямкал беззубым ртом и разводил руками. Похоже, несмотря на возраст, его понятия о героизме не пошли дальше подросткового, возразить неча.

Я зашел со стороны подростков, поинтересовался:

— А разве еще есть в этих горах львы?

Он покачал головой, не поднимая на меня взора.

— Уже нет, уже нет... То был последний, которого доблестный Арнольд одолел голыми руками. Его пещера была почти на вершине самой высокой горы вон в том горном хребте... Видишь двойную гору? Как будто две срослись боками? Вон в той, что слева. С тех пор горных львов в наших краях больше не видели... Впрочем, говорят, их немало в странах Тьмы...

Я хотел спрашивать еще, но воины Конрада уже начали присматриваться ко мне, переговаривались между собой негромко и с самым заговорщицким видом. Один указал на меня командиру. Может, просто хотят завербовать армию, но если заподозрили шпиона?

Потихоньку отступил, а там разогнал коня и перемахнул каменный заборчик. Все осыпалось, теперь его перепрыгнет и лягушка, если хорошо пообедает и отоспится. Есть надежда, что я знаю, где мог найти уединение король Арнольд. Если, конечно, Фрейд не наврал о всяком подсознательном, внесознательном и околосознательном несознательном.

Вблизи гор начали встречать стада овец. Собаки бросались с лаем, пастухи смотрели с подозрением. Я расспрашивал про пещеру, где, по легенде, король Арнольд голыми руками задушил льва и львицу, а потом вынес двух крохотных львят, но все только пожимали плечами. Когда я

оборачивался, все неотрывно смотрели мне вслед, даже овцы.

И все же один, поколебавшись, указал направление. Я дал ему монету, но он плюнул на нее и зашвырнул в кусты. Я поклонился, не зная, как понять этот жест, мы отправились в указанном направлении. Это был единственный пастух, кто не смотрел нам вслед.

С середины горы, очень невысокой на самом деле, начали встречаться руины древних строений. Я вертел головой, не понимая, что заставило древних жителей поселиться здесь. Ни пашен, ни виноградников, да и овец здесь не разведешь, потом заметил пару дыр, в которые мог бы пройти, согнувшись, взрослый мужчина. А еще дальше, в сторонке, самая большая нора. Здесь явно в древности добывали руду. Не знаю, золото, медь или серебро, но теперь все заброшено. Вряд ли из-за нашествия Тьмы, все заброшено много-много веков тому назад.

Перед пещерой ветром намело белого кварцевого песка, словно здесь пляж, а за поворотом море. Я смотрел на песок, и чувство безнадежности заползло в сердце. Насколько я помнил, последний ветер дул с неделю тому. А следов на этом песке нет. Ветер за годы и годы намел красивые волны, вся поверхность выглядит внезапно застывшей поверхностью озера с бегущими волнами...

Я прошел, утопая по щиколотку, через песок, оглянулся. За мной глубокие следы, будто прошел шагающий экскаватор.

— Ау! — крикнул я громко в темный зев. — Я с миром!

Но меч обнажил, ибо, как ни нелепо говорить про мир с мечом в руке, но если навстречу прыгнет зверь или выбегут разбойники, но... словом, что-то уже говорилось про добро с кулаками и про вооруженный мир.

Сигизмунд смотрел большими круглыми глазами. Гугол скептически морщился. Я поколебался, велел:

— Оставайтесь здесь. Берегите коней!

— Мой господин! — взмолился Сигизмунд.

Гугол смолчал.

— Я не знаю, — сказал я, — что там внутри. Если пойдем вдвоем или втроем, оно может сожрать нас всех. А так меня сожрет, а ты, Сигизмунд, все равно поедешь и добудешь... добудешь то, за чем едем.

Он смотрел, широко распахнув глаза. Я говорил с иронией, но он все равно слышал лязг мечей и хруст огромных зубов, раскусывающих стальной панцирь. А я посмотрел на его чистое лицо и подумал, что как некстати его разуверили... самое бы время добыть доспехи одной мощью веры... скажем, в то, что доспехи уже добыты и лежат в седельном мешке.

Я улыбнулся ему подбадривающе, получилось криво, пригнулся, чтобы не разбить железный лоб о каменный выступ, а дальше навстречу мне медленно пошла мерцающая тьма, тихая, бесплотная, только под подошвами иногда с сухим треском рассыпались истлевшие кости, а лицо опахивало крыльями то ли ночных птиц, то ли летучих мышей.

Затем — красный трепещущий отблеск на стене. Сердце застучало чаще, я ускорил шаг. За поворотом открылась громадная пещера. Костер полыхал устойчивый, жаркий, края ограждены крупными булыжниками, не давая выкатываться углям. Стены пещеры поднимались на два-три человеческих роста, а там сходились в арочном своде. Мне даже почудился какой-то узор, как в церкви, хотя это явно творение природы.

Под стеной напротив покоится половинка ствола расколотого вдоль могучего дерева, неимоверно толстого, без коры, блестящего. Я спрятал меч, ноги стали ватными, но я заставил себя подойти ближе.

Ствол не просто расколот, в этой половинке еще и углубление... А в этом углублении, как в гробу, человек.

Я задержал дыхание, ноги стали тяжелыми, как две колоды для рубки мяса. Я слышал про моду делать для себя гробы, это говорило о презрении к смерти, старики годами, бывало, тешут себе гробы и украшают их, но здесь гроб... или домовина, как иногда говорят, сделан просто, без вы-

крутасов. И человек хоть и не мертв, но в самом деле близок к смерти...

— Ваше Величество, — сказал я тихо, — вы не хотите узнать новости о вашей стране?

Крупное мужественное лицо, сейчас сильно исхудавшее, не дрогнуло. Глаза ввалились, под тонкими веками едва угадывались глазные яблоки.

— Ваше Величество, — повторил я так же тихо, — вы не хотите узнать о своем противнике?

Арнольд лежал недвижимо, спокойный, отрешенный от этого мира, одной ногой уже там, в вечности. Крупный, широкогрудый, только живот запал так сильно, что края грудной клетки торчат, словно навес над пещерой. Длинные мускулистые руки, сильные ноги, все еще жилистые, крепкие.

— Ваше Величество, — сказал я в третий раз, — мне очень нужна ваша помощь! Помогите мне... просто советом. И я тут же уйду.

Арнольд не шелохнулся, но на этот раз я был уверен, что он меня услышал.

— Ваше Величество, — сказал я упрямо. — Вы отказались от королевства... ради людей. Ради их спасения! Но если ответите мне, поговорите со мной, вы тоже спасете многих.

Веки дрогнули, начали подниматься. Я застыл, ибо если сам Арнольд был исхудавшим, как скелет, то глаза его оставались живыми и ясными. Более того, словно вся сила из мышц перетекла в глаза. Взгляд его был пронизывающий, я с содроганием по всему телу подумал, что человек с такими глазами поймет не только то, откуда я пришел, но и увидит все мои грешки, всю ложь моей прошлой жизни.

Арнольд сделал больше, чем я ожидал: поднялся, сел в этом величественном гробу. Глаза его все еще не оставляли моего лица. Я старался делать вид, что каждый день общаюсь с людьми в гробах, но Арнольд понял правильно, я отступил, когда он с достаточной легкостью вылез, постоял, приходя в себя или справляясь с головокружением.

— Да, — сказал он приятным негромким голосом, — вы, сэр рыцарь, сумели найти верные слова. Присядьте и расскажите, что вас привело ко мне.

Я в неловкости оглянулся, выбрал глыбу побольше. Она качнулась под моим весом, но я расставил ноги пошире, став похожим на трехногий табурет, что никогда не шатается, ждал. Король, замедленно двигаясь, пошел в глубь пещеры, порывлся в темноте, я порывался вскочить и помочь, все-таки король, к тому же очень немолодой человек, но Арнольд уже шел обратно, в руках — широкая плетеная корзина.

— Крестьяне приносят, — объяснил он. — Как они только и поднимаются по таким кручам... ежедневно. Сколько я им запрещал!.. Как их король. А они говорят, что раз я сам отрекся от престола, то они мне не подчиняются.

Его исхудавшие руки выкладывали на широкую плиту камня блюда с гроздьями винограда, сочные груши, яблоки, диковинные фрукты, названия которых я не знал, предположил бы, что это мутировавший инжир, генетически измененные персики, абрикосы... Снова какие-то фрукты, пахнет одуряюще: Арнольд явно не выносит сейчас даже вида мяса, вегетарианец, но все же виноград — это виноград, не мед с акридами, что значит мед с саранчой, такой виноград только на Центральном рынке в большом павильоне, где отовариваются «новые русские».

Я начал отщипывать по ягодке, демонстрируя хорошие манеры, раз уж не стал доказывать, что я не рыцарь. Опасно, с простолудином король может не захотеть разговаривать. Даже ушедший в отставку.

С самого дна корзины Арнольд поднял, нахмурившись, большой ломоть хорошо зажаренного мяса. Мясо было завернуто в хорошо пропеченную лепешку.

— Ишь, мерзавцы, — сказал он без злобы, — все еще пытаются меня соблазнить... Сами без мяса жить не могут, вот и мне тайком подкладывают. Берите, сэр, это вам.

— Да как-то неловко, Ваше Величество...

— Ешьте, ешьте. Я все равно мясо выношу и оставляю

за пещерой. Думаете, случайно там в небе всегда парит орел?

— Ну, сегодня он может отдохнуть, — сказал я и взял мясо.

Король положил на камень большие жилистые руки, широкие в кости, но сильно исхудавшие, с выпирающими синими венами. Глаза его очень внимательно всматривались в меня, чересчур внимательно, я чувствовал себя неловко, ибо знаю, что на свете самый замечательный из людей — это я, но все это у меня пока там, в потенциале, в глубине, а вообще-то дермеца хватает тоже, а оно, как все дермецо, стремится всплыть повыше, так что не хотел бы, чтоб вот так внимательно...

Губы короля дрогнули в слабой улыбке.

— Вы странный человек, сэр, — заметил он осторожно. — И тот, кто вас послал, должен быть очень смелым человеком...

Я вспомнил инквизиторов, зябко передернул плечами. Чтобы жечь людёв на кострах — нужна ли отвага? Правда, в моем случае сработала презупенция невинности...

— Я выгляжу странным?

Он качнул головой:

— Да. Но не для всех, конечно... Близость к тому миру, к другому... обостряет чувства... Нет, не обостряет, а истончает. Перестаешь замечать горы, лес, а видишь бегающих по камням или веткам муравьев... А потом вовсе начинаешь чувствовать их желания, понимать их побуждения... Я сразу забыл про ваш рост и ваш меч, потому что рослых людей видел немало, как и мечей рассмотрел, а сосредоточился на том неуловимо необычном, чем веет от вас...

Я спросил жадно, все мы обожаем, когда говорят о нас, и сами готовы таскать в такие разговоры сухие дрова и плескать керосинчика:

— А чем веет?

Он покачал головой. Глаза были очень серьезными.

— Не понял, что тревожно и странно. Обычно я понимал людей хорошо...

Я не удержался от язвительности в голосе:

— Потому и ушли в пещеры?

Он кивнул.

— Вот видите, дорогой сэр, вы меня понимаете, а я вас — нет. Ладно, с чем вы пришли? Я ведь понимаю, что такие рыцари так просто проводывать даже бывшего монарха не приходят.

Явно против воли в его голосе прозвучала горькая насмешка. Как ни старался подготовиться к переходу в иной мир, но мирские страсти ввелись крепко.

— Ваше Величество, — сказал я виновато. — Вы абсолютно правы в своей невысокой оценке человечества... и людей, его составляющих. В самом деле, я пришел лишь потому, что мне нужна ваша помощь. Вот такой я гад!.. В оправдание скажу лишь, что все мы — гады, но других на свете нет. Господь создал нас такими. Или разрешил пройти через такое, чтобы потом, отмывшись, мы могли... Простите, это я уже стараюсь предугадать Его задумки, а они, как известно, неисповедимы... методами простой экстраполяции. Правда, других у нас пока нет, даже сценарии пока не разрабатываем... Ваше Величество, меня зовут Ричардом Длинные Руки, я из Зорра, а послала меня церковь, как это мне ни странно.

Он слушал внимательно, кивнул:

— Мне тоже.

— И еще я простоял на коленях ночь перед алтарем... черт бы побрал твердый и холодный пол!.. Пытался молиться, но я не знаю ни одной молитвы. Я вообще, если честно, даже таблицу умножения не знаю. Я из поколения «пепси, пейджер, эмтиви», которое даже два и два складывает на калькуляторе... Но отцы-инквизиторы отпустили меня только утром, сказав, что у меня есть шанс добыть то, в чем так отчаянно нуждается Зорр... Не то что я обязательно добуду, но что у остальных отважных и безукоризненно честных и чистых рыцарей, которых уже послали, шансов еще меньше — это наверняка.

Он все еще смотрел внимательно, потом лицо его по-

за пещерой. Думаете, случайно там в небе всегда парит орел?

— Ну, сегодня он может отдохнуть, — сказал я и взял мясо.

Король положил на камень большие жилистые руки, широкие в кости, но сильно исхудавшие, с выпирающими синими венами. Глаза его очень внимательно всматривались в меня, чересчур внимательно, я чувствовал себя неловко, ибо знаю, что на свете самый замечательный из людей — это я, но все это у меня пока там, в потенциале, в глубине, а вообще-то дермеца хватает тоже, а оно, как все дермецо, стремится всплыть повыше, так что не хотел бы, чтоб вот так внимательно...

Губы короля дрогнули в слабой улыбке.

— Вы странный человек, сэр, — заметил он осторожно. — И тот, кто вас послал, должен быть очень смелым человеком...

Я вспомнил инквизиторов, зябко передернул плечами. Чтобы жечь людёв на кострах — нужна ли отвага? Правда, в моем случае сработала презупенция невинности...

— Я выгляжу странным?

Он качнул головой:

— Да. Но не для всех, конечно... Близость к тому миру, к другому... обостряет чувства... Нет, не обостряет, а истончает. Перестаешь замечать горы, лес, а видишь бегающих по камням или веткам муравьев... А потом вовсе начинаешь чувствовать их желания, понимать их побуждения... Я сразу забыл про ваш рост и ваш меч, потому что рослых людей видел немало, как и мечей насмотрелся, а сосредоточился на том неуловимо необычном, чем веет от вас...

Я спросил жадно, все мы обожаем, когда говорят о нас, и сами готовы таскать в такие разговоры сухие дрова и плескать керосинчика:

— А чем веет?

Он покачал головой. Глаза были очень серьезными.

— Не понял, что тревожно и странно. Обычно я понимал людей хорошо...

Я не удержался от язвительности в голосе:

— Потому и ушли в пещеры?

Он кивнул.

— Вот видите, дорогой сэр, вы меня понимаете, а я вас — нет. Ладно, с чем вы пришли? Я ведь понимаю, что такие рыцари так просто проведывать даже бывшего монарха не приходят.

Явно против воли в его голосе прозвучала горькая насмешка. Как ни старался подготовиться к переходу в иной мир, но мирские страсти въелись крепко.

— Ваше Величество, — сказал я виновато. — Вы абсолютно правы в своей невысокой оценке человечества... и людей, его составляющих. В самом деле, я пришел лишь потому, что мне нужна ваша помощь. Вот такой я гад!.. В оправдание скажу лишь, что все мы — гады, но других на свете нет. Господь создал нас такими. Или разрешил пройти через такое, чтобы потом, отмывшись, мы могли... Простите, это я уже стараюсь предугадать Его задумки, а они, как известно, неисповедимы... методами простой экстраполяции. Правда, других у нас пока нет, даже сценарии пока не разрабатываем... Ваше Величество, меня зовут Ричардом Длинные Руки, я из Зорра, а послала меня церковь, как это мне ни странно.

Он слушал внимательно, кивнул:

— Мне тоже.

— И еще я простоял на коленях ночь перед алтарем... черт бы побрал твердый и холодный пол!: Пытался молиться, но я не знаю ни одной молитвы. Я вообще, если честно, даже таблицу умножения не знаю. Я из поколения «пепси, пейджер, эмтиви», которое даже два и два складывает на калькуляторе... Но отцы-инквизиторы отпустили меня только утром, сказав, что у меня есть шанс добыть то, в чем так отчаянно нуждается Зорр... Не то что я обязательно добуду, но что у остальных отважных и безукоризненно честных и чистых рыцарей, которых уже послали, шансов еще меньше — это наверняка.

Он все еще смотрел внимательно, потом лицо его по-

дернулось печалью, словно освещающее его солнце ушло за облачко, глаза уронил к каменной плите.

— Говорите, сэр Ричард, — проронил он угасшим голосом. — Скажу с грустью, что совершенно не понимаю вас... как не понял половину ваших речей. Смутно угадываю в них некий великий смысл, но... Говорите, я постараюсь вам помочь. Одно я сумел понять: вы говорите правду и... говорите искренне. Я не понимаю, как святая церковь решилась послать именно вас... как посмела... но в самом деле неисповедимы пути Всевышнего!..

Я перевел дух, сказал:

— Ваше Величество... мои слова могут казаться странными еще и потому... что я не рыцарь, я не благородного происхождения, а прибыл очень издалека. Отцы церкви приняли это... ну, странность и издалекасть, но на странности решили пока не обращать внимания. Они просили меня... не велели, а именно просили!.. попытаться найти доспехи святого Георгия. Найти и доставить в Зорр... если это уже не сделали посланные раньше Ланселот и его спутники.

Его глаза слегка расширились при упоминании доспехов, потом слабая улыбка снова коснулась бледных губ.

— Узнаю отцов-инквизиторов... Приказать тебе мог любой сюзерен, и ты бы поехал, не особенно утруждая коня... но если попросить, то будешь жилы рвать, ногти обламывать, но ползти... ведь попросили! Отцы церкви сразу чувствуют, кому приказать, а кого лучше попросить... Но с доспехами, увы, непросто.

— Догадываюсь, — сказал я нетерпеливо. Сердце заколотилось чаще. Возбуждение пошло по всему телу. — Иначе послали бы любого свободного от работы конюха. Но они... существуют?

Он вскинул брови.

— А как могут быть разрушены святые доспехи? Они неразрушимы.

— Простите, Ваше Величество, я не то хотел... Они где-то есть, чтобы их можно было извлечь? Чтобы это было по силам?

Он задумался, по лицу пробежал свет, потом снова все омрачилось тенью. Голос стал строже:

— Они есть. Но вот в человеческих ли силах извлечь... Я так и сказал этим мужественным людям, что спрашивали меня в последний день, когда я еще был во дворце. Вы знаете о них?

— Сэр Ланселот, — сказал я торопливо, — высокий блондин с выдвинутой нижней челюстью, Бернард — потомок горных великанов, это видно и так, и Асмер — в нем есть кровь эльфов. С ними еще отец Совнарол, худой такой и очень желчный. Меня бы послали с ними, но меня... задержала инквизиция. Правда, потом она же и послала вдогонку.

Арнольд кивнул, посмотрел на меня уже с большим доверием.

— Да, это они.

Я вскрикнул умоляюще:

— Ваше Величество, не тяните кота за... расскажите побыстрее! Ведь от этого зависят жизни многих достойных рыцарей и простых кнехтов. Да и крестьян тоже.

Король задумался, густые брови сошлись на переносице и остановились там, как две рати, скрестив наконечники длинных копий.

— Я помню то место, — сказал он. — Эти доспехи так и не успели послужить нам... Да и вообще никому, кроме самого Георгия. То века хранились в Риме как реликвия, то застревали по дороге в наши земли... Я бы мог рассказать немало удивительных историй, связанных с этими доспехами! Нет, никто их не надевал, но их столько раз выкрадывали друг у друга...

— Выкрадывали? — удивился я.

Он кивнул.

— Да. Конечно, вырезая тех, кто перевозил. Но все равно доспехи все приближались к нашим землям. Понимаешь, Рим пал, разграбили и разрушили все. Что можно было вывезти — вывезли. Немало молодых и честолюбивых королевств старались завладеть этими доспехами! Я был

молод, когда мне посчастливилось... Но именно тогда король Курций, это дед нынешнего Карла, сделал первый поход с большим войском. Мы попали едва ли не в середину массыдвигающихся армий. Наши люди гибли ежедневно, мы прятались, бежали, использовали все уловки, но... сам понимаешь... Нас осталось трое: рыцарь Богородицы Антиний, монах Гаваил и я. Наконец мы спрятали доспехи в одной из пещер, успели заложить вход камнями, а Антиний и Гаваил запечатали то место нерушимым именем Девы Богородицы-Заступницы... Мы едва успели, когда появился конный отряд. Как сейчас помню, вел его сам король Курций. Антиний и Гаваил погибли сразу... По-моему, они даже сами оборвали нити своих жизней, страшась выдать все под пытками... Меня, раненого, оглушили молотом со спины, захватили... К счастью, никто из приближенных короля не догадывался, что мы везли и почему так упорно пробирались через занятую его войсками страну...

— Вы можете нарисовать то место?

Он кивнул:

— Да, мы выбирали приметное место. Никто не знал, когда вернемся, но надеялись все, даже старый Гаваил... Но тут одна мелочь, которая перечеркивает все.

— Какая?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Заклятие.

— Заклятие?

Он запнулся на миг.

— Да словцо не то... Ведь там и не пахнет магией. Но мы несколько перестарались со Словом. Понимаешь, по стране двигались темные орды Курция, и мы страшились, очень страшились, чтобы они не коснулись доспехов...

— Что за закливание?

— Никто, — сказал он тихо и даже уронил взгляд, чтобы не видеть моего лица, — никто не может коснуться святых доспехов... даже сдвинуть те камни с места, если он... не чист сердцем и помыслами!

— Ого, — сказал я.

Он поднял взгляд, на его лице было виноватое выражение.

— Да, понимаю. Мы наложили такое сильное заклятие, что и сами не смогли бы добраться до успехов. Кто из нас чист? Увы...

— Ага, — сказал я совсем не по-рыцарски. Хотелось почесать в затылке, но переборол себя и положил пальцы на рукоять меча — выглядит гордо, да и чем-то заняты. — Я не совсем... гм... ангел. В отдельно встречающихся местах не совсем... а так — пятнами... как далматинец. Но все равно мне ничего не остается, как идти. Если Ваше Величество нарисует...

— Я больше не король, — перебил он.

— Теперь вы еще больше король, — возразил я. — Все говорят о вашем подвиге!.. Это был чисто королевский жест. Это ваш пиар, Ваше Величество. Король Конрад в полном дауне...

Он отмахнулся.

— Рисовать ничего не надо. Просто надо двигаться строго на юг... Будут попадаться холмы и горы, но обращать внимания на них не стоит. Потом, через месяц пути, считая от этой пещеры, дорогу перегородит горная цепь... Вы сразу обратите внимание на нее, сэр...

— Почему?

— У нее странные вершины. Как будто срезанные мечом. На одной высоте! Или как будто бы некий великан бросил копьё... нет, есть такой круглый диск с острыми краями, я видел метателей этого редкого оружия, и этот диск чисто срезал вершины десятка гор... Это трудно вообразить, но вы увидите... и поймете. Запомните: третья гора слева. Она вся испещрена пещерами, так что слушайте внимательно, заблудиться там очень легко... Вообще на юге все горы — очень старые. Они, как трухлявые пни, испещрены старыми выработками, древними каменоломнями, рудниками, шахтами, копиями, не говоря уже о том, что в глубинах вообще есть гигантские пещеры, где якобы обитают неведомые люди, спрятавшиеся от первого потопа,

что наслал на человечество Всевышний... Вход в нашу пещеру ничем не отличается от других щелей и гротов, но я сам выпарапал справа на камне две буквы: «А» и «С».

Я кивнул:

— Спасибо, Ваше Величество. «А», как я понимаю, «Арнольд». А «С»?

Он нахмурился.

— Сэр Ричард, у вас есть свои приметы, у меня свои. Этого достаточно.

Я поклонился, сказал с неловкостью — явно сдуру задел что-то интимное, давно позабытое:

— Умоляю простить меня, Ваше Величество. Я же сказал, что я из дальних стран, где люди весьма простые и невежественные.

Он хмуро блеснул глазами, поднялся, и я поспешно вскочил следом, ибо неприлично сидеть в присутствии старших, тем более — монархов.

— Я проведу вас через пещеру, — сказал он. — Там ход прямо на ту сторону горы.

— Да мне не хотелось бы вас затруднять, — сказал я торопливо.

— Ерунда, — сказал он резко. — Если объезжать эту гору, то потеряете неделю. К тому же есть риск напороться на нечисть... По ночам она появляется в чаще, а днем ее ищут безуспешно рыцари Конрада.

Я замаялся, развел руками:

— Ваше Величество, я не один. У меня двое спутников... Они там охраняют наших коней. Внизу, на выходе из пещеры.

— Ведите их, — распорядился он безапелляционно. — Кони пройдут без особого труда.

Я смутно удивился, что же за пещеры, если там могут пройти даже кони, вышел, яркий свет ослепил, и я некоторое время шурился, как Чингисхан. Сигизмунд с обнаженным мечом поднялся из-за камней, на лице готовность отдать жизнь за своего сюзерена. Гугол опустил лук. Его худое, как у козы, лицо оживилось.

— Я здесь, мой господин! — сказал Сигизмунд.

— Нашли? — спросил быстро Гугол.

— Берите коней, — распорядился я, — попробуем пройти через пещеру. Арнольд обещает провести на ту сторону горы...

Они бегом спустились к коням, я ждал, пока поднимутся, кони шли нехотя, Сигизмунд осведомился с беспокойством:

— А что за Арнольд? Ему можно доверять?

— А хрен его знает, — ответил я искренне. — Люди меняются. На троне он был одним, здесь другой...

Он ахнул, едва не выпустил коней:

— Это какой Арнольд? Блистательный король Галли, защитник христиан и ревностный...

— Ага, — прервал я. — Не отставай.

— Нет, правда? Их Величество Арнольд Синезуб, магистр ордена...

— Я тебя оставлю здесь, — пригрозил я.

Арнольд встретил нас у входа. Его быстрые глаза скользнули по гербу на щите Сигизмунда, цепким взором охватили всю его ладную фигуру и чистое преданное лицо, остро взглянули на меня.

— Станный вы простолюдин, сэр Ричард, если у вас в вассалах конты благородных кровей... Что будет дальше? Идите за мной, друзья.

На Гугола он внимания не обратил, хотя я видел цепкий взгляд, которым он разом охватил тщедушную фигуру. Сигизмунд тащил коней за мной, я шел за королем, на всякий случай обнажил меч и взял молот в другую руку. Арнольд двумя ударами огнива воспламенил факел, мы двинулись сперва во тьму дальней стены, тьма отступила, но дальше такая же тьма, очень нескоро стены сузились, но все равно оставался проход достаточный, чтобы прошел железнодорожный вагон.

Арнольд шел впереди с пылающим факелом, за спиной сопел Сизигмунд, кони звонко цокали копытами по камню. Пол ровный, хоть и в выбоинах, но чувствуется, что

стесывали крупные неровности старательно, всюду. Под ногами угадывалась какая-то трещина, что бежит впереди меня ровная, похожая на узкую траншею...

Сердце мое начало колотиться чаще. Я еще не понял, что же взволновало мои рефлексy, они здесь умнее меня, наклонился, пальцы коснулись глубокой борозды. Под ногами в камне прорезана борозда. А в шаге от нее... нет, в двух шагах еще одна. Идут вместе, строго параллельно, не сближаясь и не отдаляясь одна от другой. Я бы сказал, что здесь когда-то были рельсы, которые потом расташили, ведь в хозяйстве нужнее мечи, топоры, подковы, доспехи... но такая идея слишком абсурдна. Скорее здесь по этим выемкам катились колеса тяжело груженных телег, не натываясь на стены, не сходя с курса...

Но все равно во рту стало сухо, а сердце шемило тоской. Все же это какой-то технологический скачок, достаточно странный, если учесть, то сейчас руду добывают простыми кирками и выносят в корзинах на плечах.

Глава 19

Мы двигались довольно долго, и везде стены почти-тельно держались одна от другой на той же дистанции, а пол оставался ровным. Правда, два-три раза приходилось обходить глыбы, но это явно выпавшие из свода, как и мелочь, что хрустит под ногами.

Наконец воздух посвежел, поплыли запахи свежей листвы, птичьего помета. Оранжевый свет факела вырвал из темноты густую массу леса, а когда Арнольд подошел вплотную, я увидел густые заросли орешника.

Факел вспыхнул под ногами, рассыпался искрами. Я помог затоптать, теперь увидели за густой зарослью искорки света. Я взвесил в руке молот, решил не привлекать внимания, ступил вперед и пару раз взмахнул мечом. Лезвие не рассекало зеленые ветви, это не мой прежний меч, изготовленный гномами, а ломало, как будто я бил по ним оглоблей. Я вздохнул, прошел вперед и проломил дорогу

на открытое место. Дальше зеленая долина, много кустарников, деревья, холмы с лысыми вершинками, далеко слева угадываются крохотные домишки небольшого селения.

Сигизмунд и Гугол вывели коней, остановились в почтительном ожидании. Мы с королем прошли чуть вперед, он царственно простер длань в сторону горизонта.

— Прямо и прямо... на юг. Три недели...

— Вы говорили, четыре, — напомнил я.

— Мы прошли гору насквозь, — пояснил он. — Если бы и дальше вот так по прямой, то всего неделю бы до той заветной пещеры... Увы, на пути будут реки, болота, непроходимые чащи. Так что...

Я насторожился раньше Арнольда — внизу слышались голоса. По едва заметной тропке поднимался огромный ворох хвороста, только позже я рассмотрел под ним изможденного мужчину в лохмотьях. Следом за ним шла моложавая женщина, одетая в чистое, но пронзительно бедное платье. И хотя они оба смотрели под ноги, я отчетливо видел на их лицах следы голода и лишений.

Оба опирались на толстые суковатые палки. Мужчина дышал хрипло, с натугой, иногда поворачивал голову, чтобы взглянуть на женщину. У нее за спиной мешок, она иногда срывала верхушки трав, которые считала целебными или полезными, бросала в мешок. Через каждые два-три шага они останавливались, переводили дух.

Я слышал, как мужчина сказал, задыхаясь:

— Еще чуть... десять шагов, не больше, а там дорожка идет вниз, дорогая. Крепись, дети подрастают. Скоро они смогут сами собирать хворост...

Женщина сказала тихо:

— Бедный Хегерт... Сними вязанку, отдохни.

Мужчина постоял, опираясь о палку, крупные капли пота стекали по лицу и срывались на землю.

— Если я сниму, то уже не смогу снова поднять... Сейчас еще чуток... И пойдем... Эх, если бы нам удалось увидеть короля Арнольда!.. Подумать только, три тысячи зо-

лотых монет за его поимку... Это обеспечило бы не только нас, но и наших детей и внуков...

Я чувствовал, как вздрогнул Арнольд. Мужчина и женщина находились всего в пяти-семи шагах от нас, но смотрели себе под ноги, я опустил королю руку на плечо, сам ужасаясь своей дерзости, и заставил его присесть за кусты.

Женщина ахнула:

— Хегерт, как тебе не стыдно!

— Дорогая, — ответил он виноватым голосом, — что делать. у меня силы иссякают с каждым годом. Ты вдвое моложе меня, ты останешься одна с малыми детьми... мое сердце за вас обливается кровью.

Она сказала с жаром:

— Пусть лучше я вся обольюсь кровью, чем по моей вине прольется хоть капля крови этого самого благородного из людей! Он пожертвовал всем, что у него было. Он отдал все, только бы не лилась наша кровь, он спас страну от разорения...

Мужчина возразил устало:

— Прости меня за малодушие. Но у меня семья, отвечаю за нее я... К тому же многие считают, что король Арнольд просто убоился сражения. В бою он может погибнуть, а так он где-то спрятался. Уверен, что он увез и казну с собой. А теперь под именем богатого купца купил где-нибудь роскошный дворец, завел себе наложниц...

— Я не хочу тебя слушать! — сказала женщина гневно. — Пойдем, Хегерт, ты просто устал. Отдохнешь — тебе будет стыдно за свои слова.

Хегерт вздохнул, сделал шаг, упер палку на шаг дальше, снова сделал шаг. Наконец они достигли высшей точки тропы, там еще раз перевели дух и начали удаляться.

Арнольд поднялся, я вздрогнул, глядя на его лицо. Оно излучало свет, яркий и чистый, словно внутри горела свеча и озаряла его изнутри.

— Она сказала, — проговорил он, — что я отдал все... Но она не права. Теперь я понял, почему Господь так упорно не принимает мою жизнь... Я еще не все отдал!

— Ваше Величество! — вскрикнул я.

Он раздвинул мощными дланями кусты, вышел на тропу.

— Остановитесь! — прогремел его сильный голос.

Хегерт и его жена испуганно оглянулись. Арнольд пошел к ним, величавый и царственный. Испуганные, потрясенные, они разом опустились на колени. Он снял с их плеч хворост и мешок, отшвырнул в сторону.

— Я Арнольд, — сказал он сильным звучным голосом. — Бывший король этих земель, за голову которого назначена награда.

Мужчина взмолился:

— Ваше Величество!

Арнольд сказал непререкаемо:

— Ты отведешь меня к королю Конраду и получишь эти три тысячи. И твоя семья заживет в достатке.

Женщина простерла к нему дрожащие руки:

— Ваше Величество! Простите его, это от усталости и отчаяния он такое... такое сказал!

Слезы брызнули из глаз Хегерта. Он смотрел снизу вверх в мужественное лицо короля. Губы его дрожали и кривились.

— Ваше Величество, — прошептал он, — моя жена сказала правду. В минуты усталости и отчаяния что не подумаешь? Но никогда рука не поднимается что-то украсть... хотя можно было, никто бы не увидел.

Арнольд взглянул с сочувствием и глубокой жалостью на рано постаревшее лицо женщины, еще довольно миловидное, чистое, но уже с глубокими складками печали у рта и морщинками на лбу от вечных забот.

— У меня нет золота, — сказал он, и в голосе его звучала скорбь, — чтобы я мог вам помочь... Однако ты получишь три тысячи золотых монет! Пойдем к королю Конраду, ты скажешь, что поймал меня, и он тебе даст эти деньги.

Хегерт взмолился:

— Ваше Величество!

— Я уже не король, — напомнил Арнольд.

— Вы всегда останетесь нашим королем! — вскрикнул

Хегерт. — Вы были самым справедливым и праведным... и сейчас вы хотите, чтобы на мне такой грех...

Арнольд прервал:

— Я вижу твою усталую жену, измученную непосильной работой. Я слышал, что у вас дома голодные дети. Пойдем, ты заявишь, что поймал меня. Или же я сам пойду и скажу, что ты укрывал меня. Пойдем, говорю тебе!

Хегерт и женщина, стоя на коленях, вздымали к нему руки. Слезы бежали по их лицам. Мое сердце сжималось, я чувствовал, как у меня самого начинают подрагивать губы, а в глазах пощипывает.

Арнольд отступил в сторону, легко подхватил вязанку хвороста, другой рукой взял мешок с травами.

— Пойдемте же!

У Хегерта вырвался крик, казалось, из самой глубины души:

— Нет!.. Нет!.. Я никогда не позволю себе этого сделать!

За моей спиной послышались всхлипывания. Сигизмунд смотрел неотрывно на Арнольда, Хегерта, женщину, губы его тряслись, будто по ним били пальцем. По бледным щекам проползли блестящие дорожки. Он ревел чистыми детскими слезами, они срывались с подбородка и капали на грудь.

Гугол смотрел хмуро, но он побледнел тоже, в глазах были слезы. Я прислушался, отодвинул Сизигмунда дальше в кусты. Снизу раздались сильные грубые голоса. Со стороны поселка поднимались пешие воины, но впереди ехали трое всадников. Завидев Арнольда с крестьянами, они пустили коней вскачь и, хотя пришлось одолеть подъем, вскоре оказались перед ними.

— Кто вы такие... — начал передний, как вдруг второй и третий вскрикнули почти одновременно: — Это же... король Арнольд!

Они схватились за оружие, передний громко крикнул:

— По указу короля Алемандрии и Галли доблестного и

непобедимого Конрада... беглый преступник Арнольд арестован! Схватить, связать...

Арнольд ответил с достоинством:

— Зачем? Вы боитесь меня? Я даю слово, что пойду с вами к королю Конраду.

Я удерживал руку Сигизмунда на мече до тех пор, пока всадники и Арнольд не удалились в сторону долины. С другой стороны молодого рыцаря удерживал Гугол. Сигизмунд трясся всем телом, в чистых детских глазах стояла мука.

— Как можно? — вскрикнул он со слезами. — Как можно?

— Значит, можно, — ответил я тупо. — Он знал, что делает. Это его решение, мы не имеем права... портить его шоу. Он решил закончить свою жизнь красиво. Я просто не знаю, кто бы еще поступил так... и умер так, как этот странный король.

Сигизмунд вскрикнул в смертельной муке:

— Мы не можем этого так оставить! Мы все равно должны его спасти!

— Не все решается мечами, — ответил я с горечью. — Впрочем... это хорошо, что не все.

Я вернулся к коням, они в зарослях орешника обглодали все молоденькие веточки, дальше передвигались, как три гигантские машины по стрижке декоративных кустов, состригая вкусные верхушки и не трогая старые толстые ветки с невкусными листьями.

Сигизмунд молча смотрел, как я влез в седло, подобрал поводья, потом тяжело вздохнул и пошел к своему коню. Тот сочувствующе ржанул и потерся о его плечо мордой. Сигизмунд поцеловал его в длинный нос с бархатными ноздрями, вытер слезы.

Я пустил коня на юг, потом повернул на тропу. Я слышал, как за спиной Гугол в чем-то убеждал Сигизмунда, потом раздался робкий возглас молодого рыцаря:

— Мы заедем в селение?

— Нет, — ответил я. — Прямо в город. Нас никто не

знает. Купим на дорогу еду, коням нужно взять овса. Не отставай!

Город приближался, большой и красочный, а в самом центре города резко и четко выделялась на синем небе массивная крепость из серого камня. Она стояла на холме, как всегда стараются ставить крепости и замки, а весь красочный белый город, выстроенный из песчаника, раскинулся у подножия холма со всех сторон. Сам город окружала стена из такого же белого камня, а прямо от стен начинался дивный зеленый мир с ровной сочной травой и далекой темно-зеленой массой леса. Единственное, что нарушало ровную безмятежную зелень, это хорошо укатанная до твердости камня дорога, на которой ничего не растет, и потому она оставалась оранжево-коричневой...

Копыта наших коней чересчур громко стучали по высохшей земле. Ворота распахнуты настежь, стражи лишь проводили нас ленивыми взглядами: с воинов ничего не возьмешь, а связываться со знатными себе дороже, зато когда показалась тяжело груженная подвода с битыми тушами оленей, сразу оживились, подобрались.

Сигизмунд перевел дух, когда мы проехали врата, мое сердце колотилось тоже учащенно, но перед Сигизмундом и Гуголом я делал вид, что все в порядке. Да и чего тревожиться, даже если раскроется, кто мы? Король Шарлегайл с королем Конрадом в войне не находится...

Когда мы проехали базар, Сигизмунд начал поглядывать на меня с немим вопросом в глазах. Я упорно ехал в центральную часть города по направлению к замку. Улицы становились чище, вместо укатанной земли пошла булыжная мостовая, перед замком — ровная площадь, никаких лавок или строений, чтобы к замку никто не подобрался незамеченным.

Из соседней улицы раздались шум, выкрики. На площадь вышла горлающая толпа, я слышал, как за моей спиной болезненно охнул и застонал Сигизмунд. Во главе толпы едут трое всадников, за ними идет Арнольд, руки его все же связаны за спиной, а на шее — толстая грубая верев-

ка. За ним двигалось с полсотни тяжело вооруженных воинов, а из толпы слышались выкрики, плач, многие падали на колени и просили у Арнольда благословения.

Один из стражей, охранявших замок, повернулся и опрометью бросился внутрь. Всадники подвели пленника к воротам замка, но стражи скрестили копья. Сигизмунд сыпал проклятиями, стонал, всхлипывал, хватался за рукоять меча, едва не рвал на себе волосы.

Очень скоро мы увидели, как ворота распахнулись. Конрад почти выбежал в сопровождении знатных рыцарей, полководцев. Ему подвели коня, он торопливо взобрался в седло и уже с высоты оглядел всех, глаза его жадно впились в пленника.

— Наконец-то! — выдохнул он жадно. — Наконец-то палач получит... Эй, кто его поймал?

Трое всадников разом закричали, замахали руками. Один даже пытался двинуться ближе, но стража за спиной Конрада тут же подняла к плечам приклады арбалетов. Всадник поспешно подал коня назад, прокричал:

— Я!.. Это я!.. Я это поймал!

— Я! — крикнул второй зычно. — Ваше Величество, это я его увидел первым!

Третий закричал громче всех:

— Но подскакал к нему первым я!

— Потому что я крикнул, — закричал бешено второй, — что это и есть беглый преступник Арнольд!

Они орали, бранились, Конрад начал морщиться, наконец грянул, как рассерженный лев:

— Если не замолчите, я сейчас же разделю награду на троих!.. Три тысячи — это будет только справедливо, ведь вас трое!

Он взглянул поверх их голов на сбегаящий на площадь народ. Стоял гам, все переговаривались, вновь прибывшие жадно спрашивали, что случилось, им рассказывали, но все смотрели и на Конрада, что на огромном боевом жеребце смотрелся очень внушительно.

Арнольд протиснулся вперед, могучий голос без труда покрыл разномастный гул:

— Позвольте, я скажу, Ваше Величество!..

Конрад вскинул руку, гаркнул мощно:

— Все тихо! Иначе палач получит чью-то голову раньше, чем голову этого человека!

Сигизмунд ахнул, рванулся вперед, я ухватил его за руку, с силой дернул. Он застонал, в глазах были невыносимая тоска и жалость. Мы слышали в тишине ясный сильный голос Арнольда:

— Отыскал меня вот этот человек... Хегерт, да иди же сюда! Вот он меня... нашел, только ему и надо отдать все три тысячи монет.

Конрад пронзительно взглянул поверх голов. Двое всадников протащили вперед из задних рядов несчастного Хегерта, за ним с плачем протискивалась его жена. Хегерт рухнул на колени перед конем Конрада.

— Ты его отыскал? — возвысил голос Конрад. — Я хочу, чтобы весь мой народ... отныне это все мой народ!.. чтобы все видели, что награду получает именно тот, кто ее заслужил!

В звенящей тишине все услышали дрожащий, срывающийся от плача голос Хегерта:

— Ваше Величество!.. Умоляю!.. Никаких монет... я лучше умру в нищете и бедности!.. Я не стану причиной гибели этого святого человека!..

Конрад нахмурился.

— Объясни, — прогремел он ледяным голосом и зыркнул из-под нависших бровей на молчаливую толпу. На площади народу становилось все больше и больше, новоприбывшие торопливо спрашивали, что стряслось, на них злосжикали, страшась пропустить хоть слово короля или Хегерта. — Так ты отыскал этого человека... или это был не ты?

— Не я! — вскричал Хегерт. Всадники сразу оживились, начали горячить коней, стараясь привлечь к себе внимание. — Не я!.. Он сам, услышав о моей бедности, вышел и предложил мне, чтобы я... о, смилуйся, Господь!.. отвел его

в ближайший замок и получил награду. Это последнее, что он может сделать в этой жизни для своих людей...

Он упал на колени, стал биться головой о землю, протягивать руки к Арнольду, к небу, к молчаливой толпе.

Конрад проревел страшно:

— Что ты хочешь, червь?

— Я, недостойный, — вскричал Хегерт, — прошу лишь, чтобы меня поразил гром небесный... или земля разверзлась у меня под ногами, покарав за такой грех...

На землю пала глубокая черная тень. Люди со страхом подняли головы, слышались испуганные вскрики: в небе откуда ни возьмись огромная туча целиком закрыла солнце. Поднялся ветер, пронесся, взметая пыль.

Конрад выпрямился, лицо стало красным от гнева. Конь под ним переступил нервно передними ногами, уши запрядали, на них падало горячее дыхание Конрада.

В передних рядах толпы заголосили женщины. Одна упала на колени и подняла над головой ребенка. Арнольд поморщился, но сделал скупой жест в ее сторону, благословляя. Еще одна женщина с горестным воплем подняла ребенка и протянула в сторону Арнольда. Страж грубо толкнул Арнольда, не давая тому совершить крестное знамение над ребенком. По толпе прокатился плач, горестные выкрики. Люди поднимали над головой детей, указывали младенцам на Арнольда, чтобы те увидели, запомнили, чтобы на них упала благодать от созерцания святого человека.

Мы с Сигизмундом видели, как по толпе словно пробежала волна. Люди опускались на колени, прощаясь с королем. Мужчины и женщины протягивали в его сторону руки, просили прощения, кто за то, что плохо о нем думал или говорил, кто за то, что помнил о своем доме, но забыл о стране, и все вместе смотрели в его сторону блестящими от слез глазами.

Море лиц, у всех одинаково блестят дорожки на лицах, у всех катятся слезы, а потом женский плач потонул в глухом непонятном шуме, даже я вытянул шею, сразу не по-

нял, что это тяжело и неумело рыдают мужчины, прощаясь с королем-подвижником.

Конрад сидел все такой же выпрямленный, но багровость ушла, крупное лицо медленно и страшно бледнело. Под глазами обозначилась густая синева, на глазах натягивалась кожа на скулах.

Рядом со мной громко и взхлеб рыдал Сигизмунд. Губы вздулись, нос распух и блестит, глаза красные, как у вареного рака, а по щекам бегут настоящие чистейшие ручьи. Я повернул коня, ухватил повод коня Сигизмунда и поспешно повел рысью в ближайшую улицу. Гугол неотрывно следовал за нашими спинами.

Стражники на воротах встретили нас такими же равнодушными взглядами, никто не поинтересовался, чего это мы въехали и тут же выехали из такого богатого города, не дав коням даже отдохнуть. Я за воротами пустил коня в галоп, спеша уйти как можно дальше от этого места.

Глава 20

Из Галли через трое суток мы добрались до Ирама. Зорр остался справа, там все еще основная масса войск Карла, а в Ираме, куда войска Тьмы вторглись еще лет пятнадцать назад, а последние крепости пали три-четыре года тому, установилось некоторое затишье. Мелкие мятежи подавлены кроваво, а уцелевшие не помышляют о сопротивлении. Да и некому было организовывать оборону: рыцарство истреблено полностью, священники повешены, церкви и монастыри разграблены.

Зато мы видели, как поспешно отстраиваются на пепелищах села, на глазах превращаются в города. Крестьянство, разом освобожденное от гнета баронов, от всех пошлин и податей, спешно обустривалось, пахало, сеяло, собирало урожай, растило детей, копило денежки в ожидании обязательных поборов и налогов той власти, которая обязательно придет и скажет: плати за то, что оставляю тебе жизнь.

Потому эта новая таинственная власть и истребила старую королевскую власть, чтобы самой припасть к кормушке...

Кони несли нас быстро, страна выглядела достаточно обезлюдившей, и весь Ирам мы, почти не прячась, пересекли за две недели.

Гугол все больше оживал, подпрыгивал в седле. Его остроносое лицо блестело от волнения, однако то и дело омрачалось сильнейшим разочарованием. Вот пересекли мы речку Каменку, что служит границей между Ирамом и королевством Варт Генц, что еще дальше к югу, но и по ту сторону реки такая же трава, такие же деревья!

Честно говоря, даже я подсознательно ждал чего-то необычного. Все-таки королевство Варт Генц попало под власть Тьмы еще лет тридцать назад. За это время здесь должны быть какие-то заметные изменения, просто обязаны быть, но сколько я ни вертел головой, все те же деревья, все та же трава, песок, синее чистое небо. Нет, небо все-таки здесь чище, облаков меньше, чувствуется близость юга. Даже воздух как будто чуть жарче, хотя в доспехах мне будет жарко даже на Северном полюсе.

— И все еще не встретили какой-то особой нечисти! — воскликнул Сигизмунд.

— Сплюнь, — сказал Гугол и добавил: — и возблагодари Господа.

— Да, Господь — наш щит, — сказал Сигизмунд благочестиво, — и наши доспехи для души.

Гугол снова начал рассказывать обрывки древнейших легенд о величайших битвах, когда сдвинулись звезды, когда колдуны трясли горными хребтами, моря высыхали от страшного жара, а песок пустынь превращался в расплавленное стекло... А выброшенная в небо копытами небесных коней земля на полгода застилала землю, и за это время не было урожаев, деревья гибли...

Неужели эти предания про столкновение с кометой, подумал я, так живучи? Эта комета динозавров погубила, зараза, потом утопила Атлантиду, совершила всемирный потоп, а в Аризоне для туристов устроила аттракцион...

Действительно, страшное было наверняка зрелище. А если прибавить, что вся земная кора пришла в движение, повсюду все тряслось, дома рушились, все спящие вулканы проснулись, а плюс тысячи новых, что вылезли прямо среди полей и городов... Сколько еще осталось до очередного столкновения? Нет, надо поскорее в космос, а то и нас, как динозавров...

Хотя что-то в моей голове застряло еще и о всемирной катастрофе, вызванной ударами осколков Фазтона. Страшнейшие катаклизмы, тучи пепла закрыли земной шар таким одеяльцем, что солнце впервые увидели только через десяток лет! Или через сотню, не помню. И когда оно наконец проглянуло через тучу пыли, все были потрясены, что оно встает теперь на юге и заходит на севере! В смысле — динозавров это здорово потрясло. Возможно, потому и померли...

Вдобавок после смещения оси Земля стала менять форму, растягиваясь к новому экватору и сплющиваясь у новых полюсов. Начались мощнейшие тектонические процессы, потопаы, Бог спас Ноя на ковчеге, Девкалиона на корабле, Ийшу на плоту, а прочих кого на чем, этих основателей человечества на самом деле оказалось до черта, и все самые лучшие, самые правильные, самые арийские, самые семитские, самые негритоидные, и у всех был блатной союз с Богом, что им он даст больше, чем другим.

Вдруг Гугол замер на полуслове. Глаза его стеклянно смотрели через мое плечо. Я быстро повернулся. В нашу сторону неторопливо шел великан. Ростом выше меня на две головы, а весит наверняка не меньше, чем двое могучих рыцарей в полных доспехах. Грудь, как сорокаведерная бочка, валуны плеч своей тяжестью пригибают к земле, а массивный выступающий вперед живот кажется не животом, а отполированной ветрами и морозами скалой.

На плече у него только дубина, однако размером с дерево. Присмотревшись, я понял, что это и есть дерево, а комель с обрубленными наискось корнями превращает его в могучую булаву с острыми шипами. Одет великан только

в короткие кожаные шорты, показался мне выкованной из темной меди статуей, настолько широка и выпукла грудь, правильно и красиво вздуты мышцы. Я подсознательно ожидал, что гравитация должна любого великана вжимать в землю настолько, что он, как наши тяжелоатлеты, превратится в коротконого толстяка, но этот шел красивый и подтянутый, играя глыбами мышц.

— Накаркал, — сказал я с досадой.

Великан двигался на нас, совершенно уверенный в своих силах. Сигизмунд и Гугол ожидающе смотрели на меня. Я небрежно снял с пояса молот, повел плечами, разминая тело — шас скажут, что занимаюсь колдовством и магией, — хорошенько размахнулся и метнул мощно и красиво. Молот понесся, вращаясь, как циркулярная пила, ударил со страшным грохотом, отскочил, сделал красивую дугу и понесся ко мне.

Я едва успел растопырить пятерню, так обалдел, молот смачно впечатался рукоятью, а я все смотрел на гиганта, что надвигался все так же уверенно и неудержимо. Опомнившись, я метнул снова, уже изо всей силы, вкладывая в бросок всего себя. Молот радостно вспорол воздух, ударил, словно в железную наковальню размером с башенный кран, красиво петлянул и ринулся ко мне.

Сигизмунд и Гугол уже торопливо подавали коней назад, медленно расходясь в стороны. Я швырнул в третий раз, уже последний, ибо до гиганта всего шагов десять, он их покроеет за один шаг...

Молот ударил, отскочил, а я уже пятился вместе с конем, ухватил молот, повернул коня и постыдно пустил в галоп. За спиной слышал тяжелые шаги, потом раздались яростные крики. Я оглянулся, гигант уже остановился, яростно отмахивался дубиной от Сигизмунда, а Гугол остановил коня в сторонке и осыпал гиганта градом стрел.

Я поспешно швырнул молот, уже понимая, что тот бесполезен, но все же направил его прямо в переносицу. Гигант от удара вздрогнул, даже качнулся, его налитые гневом глаза отыскиали меня, он взревел и бросился на меня.

Я повернул коня, заорал:

— Да хрен с ним!.. Ну идет себе мужик и пусть идет!

Гугол закричал:

— Сигизмунд!.. Оставь его!

— Оставь! — закричал и я. — Зеленый виноград, понял?

Вряд ли они поняли, при чем тут виноград, но, странно, именно это загадочное как заклинание слово заставило обоих развернуть коней и пустить их вслед за мной. Я сперва придерживал коня, но, когда оглянулся, волосы встали дыбом: гигант гонится за нами с легкостью. И даже когда я послал коня в полный галоп, мне чудилось, что мы играем в быстрого Ахиллеса и трех черепах.

Мы гнали коней, пригнувшись к гривам. Земля гремела под копытами, встречный ветер рвал волосы, выворачивал веки и выдавливал глаза. Но еще тяжелее гремела земля под тяжелым топотом гиганта. Расстояние между нами медленно сокращалось. Я время от времени оглядывался — гигант абсолютно сух, не вспотел, не запыхался, бежит красиво, спортивно, а когда встретился со мной взглядом, он улыбнулся, показав огромные желтые зубы с острыми клыками.

Мой конь начал хрипеть, клочья пены повисали на узде, ее тут же срывало ветром. Гигант был совсем близко, я чувствовал, что он в состоянии бросить нам вслед дубину и сшибить сразу всех. Но, видимо, он решил сразу схватить и сунуть в пасть еще живую добычу...

Слева показалось крупное стадо мохнатых животных. Бизоны или туры, я в них не разбираюсь, но не олени точно. Они пересекали нам путь, я упросил коня наддать еще, мы начали обходить их по дуге, и уже когда конь захрапел и начал останавливаться, я рискнул оглянуться.

Гигант маячил далеко позади. Его дубина взлетала, он гонялся за этими буй-турами, ломал хребты дубиной, а когда стадо в испуге унеслось, он принялся собирать убитых в кучу. О нас уже не вспомнил, с глаз долой — из сердца вон. Тем более что десяток турьих туш лучше, чем три коня и три человека...

Я перевел коня на шаг, потом спрыгнул на землю и повел в поводу. Ноги тряслись и подгибались, будто я бежал от гиганта с конем на плечах.

Среди степи маячило исполинское дерево, мы пустили коней в его сторону. Сигизмунд первым углядел блеснувший в траве ручеек, радостно заорал.

Дуб оказался исполинский, ветви на просторе пустил не ввысь, как все нормальные деревья в чаще, а во все стороны, став похожим на огромный палаточный зонтик. Знойное солнце оказалось не в состоянии пробить толстый зеленый щит, под дубом трава зеленеет роскошная, сочная, почти скрыла ручей, что выбивается прямо из-под корней.

Я засмотрелся на этих коричневых удавов — блестящие, отполированные, толстые, как трубы нефтепровода, изогнутые так красиво, словно потрудился изысканный дизайнер. И только одно не понравилось: из ствола торчит рукоять меча. От самого меча осталась на виду только полоска с ладонь шириной, но я остекленевшими глазами смотрел на рукоять.

Волосы медленно зашевелились у меня на затылке. Рукоять меча размером с весь мой меч — это не укладывается в голове. Чтобы обхватить ее, понадобится ладонь вчетверо шире моей. Нет, впятеро. Рукоять отделана золотом, заметны знаки или руны. Рукоять производит впечатление достаточно сглаженной прикосновением твердой мозолистой ладони.

Сигизмунд поспешно расседлал моего коня и своего — я ж его сюзерен, Гугол сам позаботится о своем, — вытер пучками травы потные бока и живот, долго водил под уздцы, охлаждая, потом только дал напиться ледяной воды из ручья.

На меч Сигизмунд поглядывал блестящими от любопытства глазами, но помалкивал. Мы разожгли костер, уселись ужинать, и только тогда Сигизмунд первым задрал голову. Глаза отыскиали огромную рукоять.

— Меч великана, — прокомментировал он. — Рыцар-

ский меч! Но тот великан, которого мы встретили... совсем не похож на рыцаря.

— Почему? — спросил я. — Он сразу бросился в бой. Совсем по-рыцарски. Но вот что я так обгадился со своим молотом... не понимаю.

Сигизмунд сердито сверкнул очами, но смолчал. Руки его быстро и умело разделявали подстреленного по дороге зайца. Гугол разложил на чистой траве ломти хлеба, сыра. Глаза его были счастливые и тревожные разом.

— Сэр Ричард, — проговорил он сочувственно. — Мы уже ступили на землю, где Тьма... Чем дальше к югу, тем больше магии, тем слабее наша сила... Ваш молот...

— Бессилен, — сказал я с горечью.

— Он не бессилен, — возразил он. Пошупал ребра, скривился. — Боже, когда он ухитрился мне всё переломать?... Лучше бы вы молотом... Сэр Ричард, надо искать кристаллы Силы...

— Кристаллы Силы? — повторил я. — А где они растут?

— Они не растут... Черт, и ногу сломал, что ли?... Почему она у меня гнется в другую сторону?... Кристаллы, говорят, эти кристаллы делали... или как-то выращивали, как цветы, древние маги... нынешние так не умеют...

— А чем помогут кристаллы?

Он скривился.

— Ваша милость, вы меня удивляете. Сила есть сила... Даже умные ее признают за силу. Вставишь в рукоять — молот десятиero сильнее.

— А где они могут быть сейчас? — спросил я жадно.

— Умные? Умные перевелись... Вот я разве что еще...

— Кристаллы!

Он пожал плечами:

— Бывает, находят случайно. Есть охотники, что выискивают их, потом продают. Есть богатые люди, у которых эти кристаллы хранятся в доме.

— А на севере их нет? Что-то не слышал...

— Ваша милость, на севере многого нет, не обижайтесь. А на юге много чудес, очень много. Говорят, там есть коро-

левства, где колдуны настолько могучи, что правят они, а королей там нет вовсе.

Сигизмунд возмутился:

— Как можно без королей?

Гугол пожал плечами:

— Не знаю. Я передаю только то, что сам слышал. Но если мы углубимся на юг слишком далеко, то... боюсь, и увидим.

Я сказал громко:

— Мы уже почти добрались. Вон те горы, видите? Дальше не пойдем, так что южные чудеса нам не грозят.

От жареного мяса запах тянул в нашу сторону всё сильнее. Сигизмунд умело поворачивал ломтики мяса над багровыми углями. Капельки жира срывались с уже коричневых кусочков, угли зло шипели, от гнева становились пурпурными, взвивались короткие синие дымки, а запах жареного мяса становился все мощнее, одуряющее.

Гугол сказал с облегчением:

— Я человек не суеверный, очень даже не суеверный. И в самом деле, когда-нибудь в уютной комнате, в защищенном замке, положив ноги на каминную решетку, где мирно горят сухие березовые поленья... приятно будет порассуждать о Добре и Зле, о предсказанном пришествии Антихриста. О том, что есть Антихрист...

Сигизмунд сказал строго:

— Гугол, не умничай. Антихрист — это тот, в ком нет Христа. А есть только Зло. Много Зла. Больше, чем у кого-либо!

Гугол покачал головой.

— Да? — спросил он с сомнением. — А я побаиваюсь, что может быть похуже.

Сигизмунд вскинул брови.

— Что может хуже?

— Антихрист может быть человеком не столько тем, в ком нет Христа... а оказаться тем, в ком ничего нет. В ком вообще нет души! А это, знаешь ли... Сейчас боремся со Злом, с теми, у кого злые души. Подлые души! Лживые,

проклятые, прожженные, рваные, грязные, нечистые, холодные... Но когда придет человек без души — вот это и будет конец света.

От каждого его слова меня осыпало морозом. Дарвин, Павлов, а потом и Фрейд четко доказали, что души у человека нет, а есть одни рефлексy. И вообще человек должен жить умом. Разумом.

— Умничайте, умничайте, — проворчал я с наигранной бодростью, хотя на душе скребли кошки. — Мне больше мяса останется...

Сигизмунд молча, по-рыцарски протянул руку и схватил следующий по размеру кусок, он просто выжидал, пока первый кусок возьмет сюзерен, порядок кормления в стае таков, а Гугол взял тот, что к нему ближе, хорошее воспитание получил, значит.

Он же успокаивающе пробурчал с набитым ртом:

— Пусть будет и то, и другое. У кого душа, у кого рефлексy... Надо у вашего священника спросить, что это такое...

Мои челюсти застыли, словно попали в смолу. То ли я сказал вслух, то ли Гугол сумел прочесть мои мысли...

Утром мы проснулись почти в другом мире. Чем дальше мы забирались на юг, тем чаще я видел чистое синее небо. Но сегодня, едва раскрыв глаза, я уже стучал зубами, ежился, тянул на себя несуществующее одеяло.

Тучи идут сплошняком, гадкие серые тучи, похожие на склизких улиток. И ползут так низко, что задевают верхушку дуба, моросят мелким, едва заметным гадким дождеком. Дерево кажется одним гигантским зверем, что покорно застыл под дождем, ибо бежать некуда. Ветки смиренно опущены почти к земле, с каждого листка срываются тяжелые капли, сами листья кажутся темными, осенними, вот-вот начнут сыпаться.

Если в грозу дуб бодро встряхивается, как молодой пес, показывает клыки, жадно хватает влагу листьями, ветками, трещинами коры, то сейчас даже внизу между корнями стоят темные теплые лужи, а их не пьют про запас, ибо за-

чем влага на зиму, на морозе ствол разорвет вовсе, сейчас все наоборот, от влаги пора избавляться...

Куда ни достигал взор, всюду мчатся бурные ручьи, несут листья, сор, пустые птичьи яйца и даже гнезда, тащат ветки и пробуют ворочать камни, а то и подмыть какого лесного великана.

— Когда же все успели?... — проворчал Сигизмунд очень по-взрослому. — Не иначе как колдовство...

— Да, — поддакнул Гугол. — Все, что непонятно, колдовство.

Сигизмунд заподозрил насмешку, сказал строго:

— Неисповедимы пути Всевышнего!

— Да-да, кто спорит?

— Ты, ехида, споришь!

— Да ни в жисть...

Они все же заспорили, ехали, пререкаясь, оба начитанные, оба хорошо знающие историю этих королевств, хотя и трактующие ее несколько по-разному. Я слушал их вполуха, но перед моим взором картина вырисовывалась весьма нерадостная.

На землях Срединных Королевств от Аганда и до Ясти Депра, в Сизии, Меции и до самых дальних Арендских гор, даже за ними, за горами в Ругенде и Лидунце, в Велечии и Приболье, до великой реки Касанги, а также в Великой Принге и в горной стране Грагенте... даже среди диких племен горцев и свирепых степняков — всюду воцарилась христианская вера.

Да что там дикие племена: проповедники и пророки пронесли свет христианского пламени в неведомые ранее земли Гиксии и Горланда, Бриггию и Шумеш, Бурнанду и Мезину и даже на острова Гагинии. Везде достигало слово Христа, и казалось, вот-вот весь мир познает свет истинной веры.

Но то ли успокоились, то ли передышка затянулась, и вот по всему крайнему югу понесся холодный смерч Тьмы, за которым двигались толпы чудовищ. Тьма захватила весь юг, испепелила христианские страны Бурнанду, Гиксию и

Горланд, а все христиане погибли в страшной резне. Затем Тьма двинулась на Бриггию, Шумеш, и там горели города, монастыри, церкви, христиане принимали смерть мужественно, их распинали, жгли на кострах, у детей вырывали сердца, а родителей заставляли их есть. В церквах устраивали конюшни, а распятия использовали как мишени для обучения стрелков.

Один за другим гибли осажденные монастыри, которые основали первые аскеты, ставшие святыми и покровителями тех мест, гибли церкви, что по мощи стен могли тягаться с самыми укрепленными замками. Говорят, в самом сердце захваченных земель устояло только королевство-крепость Кернель, крохотное, горное, защищенное природой лучше, чем это сделали бы самые искусные инженеры-строители. К тому же королевство охраняет могучий святой, однако его сил хватает только на то, чтобы не дать силам Врага взломать стены, но отбросить их не может...

Раздавлена, унижена, брошена в грязь богатая и цветущая страна Мезина, полностью захвачен Транг Депт, даже свирепые степняки приняли власть Тьмы, и теперь их лучшие воины идут под знаменем короля Карла. Кто не признавал их власть, тех вырезали начисто, кто сопротивлялся долго, а потом все же покорялся, тех вырезали тоже, включая младенцев, а города жгли.

Исчезли яко дым могучие государства Варт Генц, Скарлянды и Упарингия, где вера была достаточно крепка, чтобы всего за десяток лет с Начала вытеснить всю нечисть за пределы, а от огромного королевства Месонг уцелел клочок где-то в горах, куда поленились подняться идущие вперед и вперед войска Тьмы.

И вот теперь мы едем через совсем недавно христианский Варт Генц, едем крадучись, едем и затихаем на полуслове, уши на макушке. К счастью, никто не ждет такой дерзкой вылазки, потому пока не встретили ни одного конного отряда на дороге, который спрашивал бы подорожную грамоту и куда, и зачем, и по какому делу.

Впереди у края дороги высился белый камень. Я не

увидел на нем каких-либо знаков, размахнулся совершенно бездумно, ибо надоели и спор двух умников, и собственные тяжелые мысли. Рукоять молота вырвалась из моей ладони с силой, словно лягушка оттолкнулась лапами. Молот полетел, хлопая по воздуху единственной лопастью. Я успел подумать, что веду себя, как мальчишка у телефонной будки ночью, что, хмелея от безнаказанности, срывает трубку и бьет стекла...

Молот ударил с мощью, тряхнувшей под конскими копытами землю. Камень остался цел, ни единой царапинки, а молот... бессильно упал рядом!

Мороз пробежал у меня по спине. Оглянулся, Сигизмунд смотрит озадаченно, только Гугол взглянул с равнодушным презрением. Я нагнулся с коня, молот непривычно тяжел, или это я еще не привык свешиваться с седла, как печенег, поднял, молот блестит сердито и смущенно.

Гугол буркнул язвительно:

— Это камень Моши.

— Какой? — спросил я.

Гугол не успел раскрыть рот, как Сигизмунд ответил оскорбленно:

— Нечестивой, ваша милость. Какой же еще? Мощь бывает либо от Всевышнего, либо от дьявола. Другой мощи нет. Но Господь Бог не станет одарять силой неизвестные камни. Нет, этот камень наверняка впитал немало крови христианских младенцев...

Гугол сказал громко:

— Сиг, опомнись!.. Вера Христа пришла сюда пару поколений тому. А эти камни уже тысячи лет торчат из земли. И всегда торчали...

Сигизмунд огрызнулся:

— А я как сказал?

— Ты сказал — христианских.

— А младенцы, — отрезал Сигизмунд, — все христианские! С рождения. Это потом их делают... ну, нехристями.

Гугол двинул узкими птичьими плечами — с таким ред-

ким доводом спорить трудно, — повернулся в седле в мою сторону.

— В этих камнях странная мощь. Никто не знает, то ли древние колдуны ее туда упрятали, то ли они сами вобрали мощь от солнца... А может, и сейчас вбирают?

— Э-э! — сказал Сигизмунд предостерегающе. — А ты откуда знаешь? Надо бы отцам-инквизиторам порасспрашивать тебя самого...

— То ли от звезд и нечестивой луны, — продолжил Гугол уже торопливее, он тоже не жаждал разговора с инквизицией, — но эти камни... Чаше всего это просто камни. На перекрестке дорог между Галли и Алемандрией тоже стоит один... Крестьяне говорят, что иногда над ним собираются тучи, молнии долбят в него, словно куры по ореху, стоит страшная гроза... потом все стихает. Бывает, что среди зимы вдруг вокруг него начинает таять снег и лед, земля покрывается зеленой травой... Священники трижды кропили святой водой, читали литургию, но не помогло. Тогда его просто проклиjali и велели о нем забыть. Так что пусть ваша милость не винит свой молот.

Конь прошел мимо камня, не чувствуя его магической мощи. Я оглянулся — камень медленно удалялся, ничем не отличимый от остальных таких же глыб.

— Откуда он свалился, гад?.. Ближе гор нету...

Сигизмунд скромно усмехнулся, но не ответил, даже начал с преувеличенным вниманием рассматривать горизонт. Я со стыдом вспомнил, что ледники и не такие камешки притаскивали на свою горбу, а потом, растаяв, оставляли эти обкатанные со всех сторон, словно морскими волнами, глыбы посреди степей, чтобы печенег да половцы ломали головы.

Гугол сказал наставительно:

— Вы храбрый человек, сэр Ричард!.. Зачем вам знать, что существуют другие силы, кроме человеческих да бычьих мускулов?

— Да-да, — пробормотал я. — Я как раз такой... Ура, шашки наголо и еще раз уря...

— Вот-вот, — одобрил Гугол. — Не рыцарское это дело — знать, что магия может таскать камни и потяжелыше. И что магия может вообще многое...

Сигизмунд наконец уловил какой-то подвох, засопел. Его конь пошел рядом с конем Гугола, а Сигизмунд начал не столько прислушиваться, все равно не поймет, но при-сматриваться к хитрой роже Гугола. Гугол сразу посерьез-нел, подобрал поводья и выпрямился.

Глава 21

Я держался и в этом Варт Генце, как и надлежит руко-водителю похода: улыбался, показывал нечищенные зубы, ехал с гордо выпрямленной спиной, но все мои фибры предупреждали об опасности. Как кошку или муравья не-что предупреждает о скором землетрясении.

День был настолько жаркий, что мы прятались от зноя, как собаки от мух, весь полдень, даже поспали всласть, но зато я решил, что в состоянии ехать даже ночью. По край-ней мере, прихватить ее часть, благо луна огромная и пол-ная, заливает всю долину серебристым светом, видно каж-дую травинку, каждого жучка и паучка.

Воздух стоял теплый, как свежесдоенное молоко, не колыхнется, от земли поднимаются пряные запахи, все травы здесь пахучие, любую в суп клади, а звезды на вы-пуклом небосводе яркие, блистающие, половина подмиги-вает, мерцает, что-то настойчиво старается втолковать, по-яснить, передать, сообщить...

Я ехал, задумавшись, потом тишину нарушил легкий вскрик Сигизмунда. Я видел, как он насторожился, рука в латной рукавице поползла к рукояти меча. Конь под ним тоже фыркал и прядал ушами. Залитая лунным светом, на темном небе четко выделялась сторожевая вышка на высо-ких столбах. Внизу два домика, от коновязи доносится тихое ржание. Я взял молот в руку, в это время из темноты разда-лось:

— Мы вас видим!.. Вам проще спешиться. Коней оставьте у коновязи, а в доме есть еда и пиво.

Сигизмунд взглянул на меня. Я крикнул:

— А если не спешимся?

Голос ответил с издевкой:

— Времена сейчас нелегкие... По три стрелы в каждого хватит?

— Даже много, — согласился я. — Мы принимаем любезное приглашение.

Сигизмунд сдавленно ругался, лицо кривилось, ладонь то и дело прыгала к мечу. Мы отряхнули на крыльце пыль с одежды. Из-за двери доносились сильные грубые голоса, кто-то заорал песню. Когда я распахнул дверь, песня оборвалась. В комнате дымно и жарко, но воздух сухой, за широким столом человек десять крупных мужчин, все в кольчугах, у троих поверх кольчуг стальные панцири.

Я ощутил на себе взгляды десятков пар глаз. Один заорал ликующе:

— Кого нам Христос послал!..

Второй сказал вопросительно:

— Они?

— Да, — сказал первый, — те самые, беглые. Повесим их сразу?

— Нет, — решил второй. — Сперва пусть расскажут, чего они тут делают.

Они широким жестом пригласили нас за стол. Сигизмунд стоял, вызываяще выдвинув челюсть а-ля Ланселот, грудь вперед, взор выбирает жертву, с кого начать рубку. Мы с Гуголом сели, Гугол сразу придвинул к себе блюдо с жареным мясом, вытащил нож. Правда, первый кус предложил мне, я отказываться не стал, в этой формации вроде бы имею право даже на первую брачную ночь, только вот все не на ком свои права использовать, а Сигизмунд после достойной паузы тоже опустился за стол. Нож в его руках был точно такой же, как и у Гугола, но почему-то у него он выглядел очень опасным.

Вскоре половина гуляк потеряла к нам интерес, разго-

воры возобновились, только первые двое стражей рассматривали нас с явным подозрением. Первый сказал серьезно:

— Ладно, а теперь без шуток. Если вы не расскажете, кто вы и что здесь делаете... да еще ночью, то мы вас в самом деле повесим. Я — Эрланг, начальник сторожевого поста, как вы могли заметить. Это мое право — вешать. Или рубить головы.

— Меня зовут Изаэль, — сказал второй. — Я его помощник. Могу подтвердить, что перевешали немало... Итак?

— Мы просто путешествуем, — ответил я. — Ночью? Да просто любим ночь. Меньше жары, мух, пыли.

Эрланг нахмурился.

— Слишком неправдоподобно.

— Ну и что? — возразил я. — Ребята, как у вас с презумпцией невинности?

— Презу... чего? — спросил Эрланг. — Презу...лупцией? Изаэль махнул рукой:

— Пора вешать. Как думаешь?

— Думаю, пора, — ответил Эрланг. — Как, ребята, кто считает, что их лучше повесить?

— Повесить! — заорали несколько человек.

— Срубить головы! — крикнули другие.

— На кол! — пискнул кто-то. — Давно не сажали на кол!

Гугол внезапно хлопнул ладонью по столу. Все затихли, смотрели на него с удивлением. Он покачал головой.

— Вы ведете опасные игры, — сказал он укоризненно. — Его милость сэр Ричард перебьет немало из вас, прежде чем падет сам. Сэр Сигизмунд разнесет здесь все, как бы ни был ранен и измучен. А я, великий Гугол... вы еще не знаете этого тихого скромного парня — это я о себе!.. Нет, раньше вы так грубо не шутили. Или набрались здесь вредных привычек?..

Эрланг смотрел с нескрываемым интересом.

— Ну-ну, — поощрил он. — Что скажешь?

— Я скажу, что ваша история шита белыми нитками. Да и то гнилыми!.. Это только сэр Ричард в своей благой расseyанности мог не заметить, что вы, садясь за

стол, не призывали ни Христа, ни дьявола, ни Хозяина Огня, ни даже духов Земли. Если бы у доблестного сэра Сигизмунда не был подбит глаз, наш благородный конт бы заметил, что у тебя, Изаэль, плащ был подбит горностаевым мехом, а сейчас он с мехом из соболя!.. А ведь ты не вставал из-за стола! А как ты снял с полки медное блюдо, всего лишь протянув к нему руку? А много таких мелочей, вроде огня в очаге, где поленья все горят и горят, но на угли не рассыпаются?

Изаэль покачал головой. В глазах сперва мелькнуло изумление, потом рот расплылся в широчайшей улыбке.

— Я ж чувал, — сказал он громко, — что в этих бастардах что-то есть!.. Хоть у него от настоящего осталась едва ли одна печенка, но он все равно умнее этих... остальных. И сразу разгадал наше притворство.

Сигизмунд убрал было ладонь с рукояти меча. Лицо исказила судорога отвращения, он снова опустил пальцы на меч и с холодной яростью посмотрел на Эрланга. Гугол взглянул через его плечо на Эрланга. Тот наклонился и что-то начал нашептывать Изаэлю. Сигизмунд поднялся и, бросив на Эрланга взгляд откровенной вражды, вышел из помещения.

Изаэль вопросительно посмотрел на меня. Я подсел ближе, мое сердце колотилось от возбуждения, я спросил жадно:

— Так вы... эльфы? Настоящие?

Изаэль кивнул, а Эрланг поинтересовался с недоверием:

— Смертный, тебя это не пугает?

Гугол хохотнул.

— Его милость сэр Ричард у нас вообще удивительный человек. Он даже... гм... Словом, он из такого королевства, где не видят разницы между людьми, эльфами, гномами и даже ограми. Верно, сэр Ричард?

Он подавал мне какой-то знак интонацией и игрой бровей. Я не понял, на что он намекает, развел руками:

— Да-да, конечно. Это так естественно... Но зачем вы притворяетесь людьми?

— Мы на боевом посту, — ответил Эрланг.

Гугол вскинул брови.

— Ого, — сказал он. — Эльфы научились играть по правилам людей?

Эрланг признался:

— Это было нелегко. Эльфы тем и отличаются, что за тысячи и тысячи лет ничего не меняют. Впрочем, как и гномы, альвы, гоблины... Но нам пришлось... Правда, не всем, я по всему племени сумел отобрать только десять достаточно... беспринципных, чтобы сыграть в такое... да-да, пришлось подать это как захватывающую игру. Всерьез никто из эльфов не стал бы прибегать к трюкам. Словом, мы поселились вблизи от перекрестка дорог, чтобы знать все новости в мире людей. Знать, как продвигается армия Карла, которого у нас уже назвали Черным.

Я спросил:

— Король Карл и вам... враг?

— Еще какой, — ответил Эрланг. — Он завоевывает эти земли только для людей. Мы могли бы существовать с ними, нам все равно, кому вы молитесь, Богу или Сатане, но с ним идут орды темных альвов.

— Понимаю, — сказал я. — С темными вы всегда воевали.

— Уже лет пятьсот не воевали, — подчеркнул Эрланг. — Каждый жил на своих землях, обильно политых кровью. Если бы не Черный Карл... Но теперь темные альвы идут с ним, нам нужно знать о них больше. А сам король нас не интересуется. Как и его человеческое войско.

Гугол быстро взглянул на меня, опустил голову. Я понял, он уже догадался, ибо если правит Карл, то он заставит темных альвов не трогать этих эльфов. И эльфы автоматически станут союзниками Карла, ибо у Карла, так сказать, помимо удивительной и непонятной для Средневековья веротерпимости, еще и видотерпимость и даже, возможно, зачатки политкорректности. Только бы Гугол не брякнул это сейчас... Тогда нас точно повесят, ибо будут знать, на чью сторону становиться.

— Так куда вы направляетесь? — спросил Эрланг. — Все-таки непривычно, когда кто-то едет ночью.

— Мы просто спешим, — объяснил я. — У нашего молодого спутника, он сейчас вышел посмотреть коней, заболел отец... Надо застать его, пока жив.

— А-а-а, — протянул Эрланг. — Тогда понятно. Это очень важно.

— Очень, — подтвердил я.

Мы смотрели друг другу в глаза и понимали, что наша брехня никого не обманула. Изаэль взглянул на нас, сказал неуклюже:

— А нам показалось, что за вами гонятся.

— Нет, — ответил я коротко.

— Тогда за кем гонитесь вы?

— Ни за кем, — ответил я честно.

— Дивно, — проворчал Изаэль. — В мире обязательно кто-то за кем-то гонится. А кто-то убегает. Так было всегда.

— Но так не будет, — ответил я. Увидев их вскинутые брови, объяснил: — Пришел человек, а с ним всегда приходят перемены. Иногда просто стремительные перемены... Кстати, зачем вам сейчас чары? Примите свой обычный вид!

Изаэль пожал плечами:

— Нам это только проще. Но выдержишь ли ты?

Он оглянулся на остальных. Они прервали разговоры, умолкли. Изаэль посмотрел на меня, медленно повел передо мной рукой. Я ощутил, что с глаз уходит пелена. Мир стал резче, запахи сильнее, а за простым неструганым столом теперь оказались в простых кожаных одеждах, никаких кольчуг и стальных доспехов, обыкновенные дозорные. С той лишь разницей, что...

Я перевел взгляд на Изаэля. Эльф как эльф: с резкими угловатыми чертами лица, крупными глазами, торчащими ушами, очень светлыми волосами. Рот широкий, тонкогубый.

Любого, подумал я, пересели в глубину леса, он через пару тысяч лет станет таким же, а пересели в степь, станет узкоглазым, у него разрастутся скулы, кожа примет брон-

зовый оттенок, волосы почернеют. Высокорослость исчезнет, как исчезает у деревьев в степи, но если их, деревья, пересадить в лес, тут же начинают тянуться вверх с таким рвением, что едва не рвутся от усердия, даже ветви выпускают на головокружительной высоте.

Так что огромные глаза эльфа имеют свое объяснение: в глубинах леса нет ветров, от которых надо шуриться, здесь острота зрения и дальность зоркости не имеют такого значения, как в бескрайней степи, здесь важнее различать всю цветовую гамму, все оттенки, уметь отчетливо видеть в лесных сумерках... Для того же и уши стали длиннее и чувствительнее: лес, в отличие от степи, весь наполнен шорохами, скрипом, писком, ревом, треском, жужжанием, и все что-то означает, кого-то выдает, о чем-то сообщает...

Я посмотрел на красиво вырезанные ноздри длинного аристократического носа эльфа, так крылья слегка подрагивают, ловят от меня запахи и стараются их расшифровать. Я усмехнулся, напряг мышцы.

Да, эльфы оказались совсем не те эльфы, которых я представлял, которые обычно являются спутниками героя в компьютерных играх. Там это нечто утонченное, светлое, прекрасное, что красивее человека, тоньше и лучше, а по другую руку от человека обычно идет гном — нечто грубое, непрекрасное, уродливое, примитивнее человека и так далее, то есть человек находится ровно посередине между эльфом и гномом.

Эльф идет с луком и стрелами, а гном — с большим грубым топором. И хотя везде подчеркивается, что это разные виды, но везде люди вступают в браки с эльфами и гномами, везде полно полуэльфов и полугномов, так что это все-таки один вид. А отличий не больше, чем у скандинава и вьетнамца. Даже меньше, если честно. В то же время не слышно о потомстве от связи с гоблинами или троллями. Думаю, вовсе не потому, что таких связей не было. Человек такая тварь, что и черепах постарается оприходовать, да еще и на рыб будет поглядывать, но смешанное потом-

ство все же случается только от эльфов, гномов да еще от горных великанов.

Эльфы, на мой взгляд, это те же древляне, прожившие в изоляции лет тысячу. Или десять тысяч. Обособились, приспособились, приобрели особенности, помогающие выживать в лесу. В то же время живущие изолированно в горах приобрели другие особенности. Десяти тысяч лет достаточно, чтобы стать другим народом, но мало, чтобы стать другим видом. Это не значит, что мы все только поэтому должны жить в мире, у нас не только украинцы воюют с русскими, а немцы с французами, идет даже брат на брата, когда дело доходит до гражданской. Словом, эльфы — древляне, гномы — карпатские гуцулы, а огры — скандинавы.

Если учесть, что земных племен со странностями было намного больше, одни дреговичи чего стоят с их привычкой жить среди болот, а на берег выходить с неохотой и только в случае острой необходимости, как в дикие и волшебные земли, то этот мир еще скудноват на чудесные народы.

— Я так и не увидел никакой разницы, — признался я. — Знаете, ребята, вы меня разочаровали. У нас негры или китайцы куда удивительнее, чем вы. Думаю, что даже церковь после некоторого сопротивления вас признает. Это она сейчас по молодости, а потом она даже секс-меньшинства признала.

— У нас двоякое положение, — сказал Эрланг. — С одной стороны, Тьма к нам относится терпимее, чем ваши церковники. Им все равно, с кем иметь дело. Мы за это их, конечно, презираем, но зато они не стремятся истребить нас только за то, что мы — эльфы. У вас иначе: если мы не поклонимся вашему Христу, то нас истребят...

— Значит, вы с Тьмой?

— Можно сказать, да, — ответил Эрланг. — Удерживает пока лишь то, что с Тьмой идут темные альвы, а у нас с ними вечная кровавая вражда.

Я сказал с неохотой:

— Тьма не позволит вам воевать с альвами, а альвам — воевать с вами. В мире Тьмы, как вижу, зачатки политкорректности уже на марше. Мол, плюй на все убеждения, на все религии, на все ценности — лишь бы это не вредило твоему желудку.

Эрланг посмотрел на меня пристально.

— Зачем ты это говоришь? — спросил он. — Ты же понимаешь, что этим самым... ну, вредишь себе и своим путникам.

— Понимаю, — ответил я. — Ну, а если я вот такой честный, что делать?

Утром мы мчались дальше на юг. Кони отдохнули, воздух прохладный, свежий, миля за милей бросается под копыта и уходит за спину. По долине часто встречались отвесные горы, по большей части очень древние, все коричневого цвета, словно бы оплавленные взрывом огромной силы, а трава в таких местах росла неприятная, с металлическим оттенком.

Гугол догадался выпросить у Эрланга право прохода через лес, где жили эльфы. Вообще-то мы и сами собирались переть напрямик, не догадываясь, что в лучшем случае эльфы заставили бы нас попетлять на одном месте, а потом завели бы в болото или вывели бы обратно. А в худшем... в худшем пришлось бы драться.

Мы ехали прямо через эльфячий город, я с холодком вдоль спины понимал, что с эльфами драться очень непросто. Их дома расположены под могучими деревьями, прикрытые ветвями от дождя, снега, ветра, достаточно просторные, но когда я всмотрелся в эти дома, с изумлением понял, что мы едем через центр города. А до этого долго ехали через город, даже не замечая, что вокруг эльфы. Беднота, — а среди эльфов вовсе нет коммунизма, — живет в дуплах, средняя — в хижинах и землянках, но хижины обычно расположены на толстых ветках, их мы даже не заметили, а эти дома, что в самом деле дома, — уже знать, бояре, лорды, доны и прочие сэры.

Здесь множество тропинок, которые я принял за звериные, но эльфам они явно представляются Аппиевыми дорогами, если не МКАДом. Даже на деревьях хижины здесь не простые хижины, в которых жил Тарзан с обезьянами, а вроде загородных дач и роскошных вилл. Дома с каждым конским шагом становились все роскошнее, а в самом центре возвышался настоящий дворец: в три этажа, с резными шпилями, все бревна блестят, словно покрыты лаком или натерты воском, а от первого этажа и до верхушки покрыты затейливой резьбой. Шпили показались мне очень красивыми, только я не понял, какой смысл ставить их так плотно, что напоминают вставшую шерсть на спине рассерженной собаки.

Понятно, что и древлян, и дреговичей покорять приходилось долго и трудно. Конница через такой лес не пройдет, на каждом шагу завалы, а пешие будут падать под градом стрел, прилетевших неизвестно откуда. Если в древности какой-нибудь король, позабывший уроки из однообразной истории, посылал армию на покорение эльфов, ведь гады живут на его территории, то армия таяла в лесу без следа.

Так что эльфов перестали трогать, а в оправдание рассказывали о них страшные истории, наделили их волшебством, неуязвимостью, помощью преисподней и прочими гадостями, что позволили оправдать свой страх и боязнь с ними сталкиваться.

Потом город эльфов остался позади, Гугол и Сигизмунд перестали вертеть головами. Их кони понеслись стремя в стремя, Гугол что-то азартно объяснял, Сигизмунд мотал головой и время от времени творил крестное знамение. Я вспоминал встречу с эльфами, оказавшимися на распутье, потом вздрогнул, по спине прокатился предостерегающий холодок. Глазные яблоки у меня завращались сами в разные стороны, как у хамелеона. Я инстинктивно старался понять, что же меня встревожило. Сообразил, что уже несколько минут не отрываю взгляд от стены, мимо которой скачем.

Стена как стена, дряхлая уже, выщербленная време-

нем. Видны какие-то полосы, линии, в некоторых даже сохранились следы охры. Охрой, как помню, засыпали тела покойников, имитируя кровь для второго рождения, а также наносили, как говорят умно, а попросту — рисовали ею на стенах за неимением заборов.

Сознание наконец оформило эти рисунки в нечто понятное, что уже давно проделало подсознание, и тут вторая волна холода прокатилась по моей многострадальной спине.

На стене изображены... боевые роботы! Да, именно такими я сам командовал в Mech Warrior'e, когда захватывал очередную планету. Вот и лазерные лучи, и разбегающиеся людишки... А вот там вроде рушатся здания...

Я крикнул, чувствуя, как голос дрожит и вибрирует:

— Гугол! Ты знаешь, что это?

Он оглянулся, долго таращил глаза, не мог понять, на что я показываю, наконец ответил с удивлением:

— Стена!.. Это стена, ваша милость. Крепкая, гранитная. Можете проверить. Если ваша милость изволит разогнаться хорошенько да головой...

— Да нет, что на ней нарисовано?..

Он уже придержал коня, мы ехали шагом. Сигизмунд сказал с отвращением:

— Нарисовано? Это ваша милость называет рисунками? Эх, увидели бы вы прекрасные и исполненные божественного восторга картины на стенах нашей церкви!..

— Видел, — сказал я торопливо. — Шедевры!.. Ну, божественно, в смысле. А здесь примитив, дети рисовали, что от них требовать?.. Как ты думаешь, что это?

Он скользнул все еще негодующим взглядом, отмахнулся:

— Таких зверей не видел. А раз их нет, то чего думать?

Гугол всматривался долго в полустертый рисунок, посоветовал:

— Ваша милость, не забивайте голову ерундой. Если такое и существует, то где-то глубоко в Южных Землях, где колдуны, мрак безверия, куда еще не ступала нога апостолов Христа. Здесь таких нет, мы бы знали.

Я сказал задумчиво:

— Все страньше и страньше... Хотелось бы проникнуть в те южные страны поглыбже.

Сигизмунд сказал серьезно:

— Там мир Тьмы, царство колдунов и могучих чароде-ев!.. Доброму христианину там делать нечего. Сэр Ричард, даже с вашей силой и отвагой там не пройти. Молот у вас, правда, под стать герою, но ту купленную в селе железку, что у вас в ножнах, пристало держать только пастуху. У вас нет даже рыцарских доспехов!.. А чтобы пройти по землям Тьмы хоть шажок, нужны настоящие доспехи героя.

— Хорошо, — ответил я. — Отложим поход до лучших времен. А пока поехали, поехали.

Гугол посматривал подозрительно, ибо в моем голосе не было облегчения. Скорее, наоборот, сожаление, хотя вроде бы я не такой уж и герой, а молот при всей мощи может оказаться не сильнее песчинки, брошенной ветром.

Ехали осторожно, на всякий случай прятались при виде любого желтого облачка или замеченной издали крестьянской подводки. Пусть лучше никто не расскажет, что видел трех всадников.

Горный хребет разросся, я чувствовал, что за пару таких вот дней доберемся до заколдованной пещеры. Если доспехи не сумел взять доблестный и благочестивый рыцарь церкви Ланселот, если через защиту не смог пройти неистовый фанатик Совнарол, то, понятно, надежда только на нас, таких чистых и благородных...

Небо стало странно лиловым, как перед грозой, темнело с каждым конским скоком. Далекий сосновый лес приблизился, выглядел как гигантская пила, повернутая зубьями кверху. Иногда мы видели, как возникают и уплывают за спину распаханые участки земли, но вместо строений — развалины или пепелища, аккуратные пруды, где явно разводили жирных карпов, сейчас же быстро превращаются в гниющие болота.

Сигизмунд вздыхал, молился, Гугол угрюмо молчал, он

навидался больше, очерствел. Мало того, что по этим землям время от времени прокатывалась то чума, то испанка, то еще какая-нибудь дрянь, всякий раз оставляя в живых каждого десятого, так еще и эти выжившие жгут друг другу посеvy, убивают, истребляют, гонят с земель, хотя у них за спинами остаются бескрайние просторы...

Сигизмунд, что неся впереди, внезапно с таким испугом натянул повод, что конь взвился на дыбы, замотал головой, пытаясь спасти рот от раздражающих его удил. Гугол испуганно вскрикнул и, что меня удивило несказанно, забормотал молитву.

Впереди текла неширокая река, с того берега седые ветлы, это такие деревья, опускают, естественно, седые ветви в вялотекущую воду, а с этой стороны белый кварцевый песок, волна набегает прозрачная, чистая, тут же просачивается вниз.

А в воде — русалки. Или сирены, я их сразу узнал по белым незагорелым телам, что от бедер начинают покрываться легкой чешуей, а все заканчивается великолепными хвостами. Фигуры дивные!!! Крупная грудь, широкие бедра, но руки, напротив, тонкие и нежные. Живут здесь, а не мигрируют, ибо для пловчих характерна маленькая грудь, а то и вовсе плоская, чтобы не мешала при плавании, а вот плечевой пояс развит мощно. Эти же нежные, что значит, местные — только плещутся в воде да поют, поют да плещутся.

Первая из ундин посмотрела на меня, сообразила, что трепещущие Сигизмунд и Гугол в лапы не дадутся, а вот я еще тот лох, из непуганых, запела красивым музыкальным голосом:

— О путник!.. О, приди-приди к нам, утоли огонь, пылающий в твоих чреслах... Има, Има, мне так необходимо!..

От нее веяло манящей прохладой. Я обливался потом, а когда представил, что из этого зноя прижмусь к ее мокрому холодно-рыбьему телу, внутри меня взвыло от желания.

— А вот ни фигя, — ответил я с громадным усилием. Воля трещала, рассыпалась, плавилась, как воск на жарком

солнце, я заставил себя сказать громче: — Я эти ваши песни каждый день с утра до вечера по ящику слышу! И по авторadio. И на концертах. Так что пошли вы все с вашими общечеловеческими ценностями!.. У меня другая песня...

Я запнулся, еще не зная, что запеть: то ли Гимн Советского Союза, то ли вовсе Интернационал. Героические песни сталкивались во мне, как мечи в разгар жаркой битвы. Я даже не думал, что их так много, когда из ящика целыми днями дурацкие постельные песенки этих сирен, но потом понял, что эту дрянь тут же забываешь, а вот героические в памяти и в сердце остаются, будто вбитые в пол по самые шляпки гвозди.

— Словом, — сказал я надменно, — у нас... у героев, то есть, свои песни!

Я пришпорил коня, тот сдуру тянулся то ли к прохладной воде, то ли к русалкам, а может, и не сдуру, у животных свой разум, а тут можно и вовсе без разума, я проехал мимо с гордо выпрямленной спиной и даже выдвинутой вперед нижней челюстью. Оказывается, эта вот выдвинутость здорово помогает. Больше, чем психотренинг, тут что-то с соматикой.

Затрещали кусты, оттуда проломились исцарапанные и запыхавшиеся Сигизмунд и Гугол на таких же исцарапанных и запыхавшихся конях. Сигизмунд был красный от стыда.

— Прошу простить меня, ваша милость!

Я удивился:

— За что?

— Я не рискнул... Усомнился в своей стойкости. Это такой позор для рыцарской чести!

Я отмахнулся с великолепной небрежностью:

— Да ладно, вон Гугол тоже...

— Я с ним, — быстро сказал Гугол, — я с ним! Думаю, с чего это он ломанулся в кусты? Так до сих пор и не понял, зачем такая странная кружная дорога...

Сигизмунд оглянулся, но деревья уже скрыли русалок,

а также ундин, я догадался, что молодой рыцарь не то вздрогнул, не то пожал плечами.

— А почему, — вырвалось у него страстное, — вы, ваша милость, не... ну, могли же их мечом по головам?

В чистых глазах было детское недоумение. Я покачал головой:

— Какой ты кровожадный... Женщин, да еще молодых и красивых? По головам?.. Еще понимаю, если по задницам... Ну побесятся малость, это ж у них игры такие, не думаешь ли, что здесь толпами ходят лохи, чтоб их хватало на пропитание? Явно же где-то работают, пашут... ну, рыбу разводят, ловят, едят... Скоро постареют, уже петть не будут. Да и вот так показываться не станут, понял?

— Почему? — спросил Сигизмунд наивно.

Гугол противно захохотал.

— Когда сиськи вытянутся до пупа, кто ж разденется вот так?

— Добрее надо быть, Сиг, — сказал я наставительно. — Постареют — сами будут стыдиться своих нынешних песен.

Сигизмунд смотрел на меня вытаращенными глазами. Мне самому стало неловко — изрекаю прописные истины, а ему это как откровение свыше.

Я криво улыбнулся, взглянул на небо. Солнце перешло на западную часть неба. До заката еще далеко, однако...

— Привал, — скомандовал я. — Ужин, сон часика на два-три, а потом снова...

— Под звездами? — спросил Сигизмунд горько.

— Да.

— Ох, нечестивое это дело — звезды.

— Все зависит от климата, — сообщил я. — В северных краях радуются солнцу, а на знойном юге радуются приходу прохладной ночи. Или ты не знаешь, что ночь сотворил тоже Господь Бог?

— Знаю-знаю, — ответил Сигизмунд поспешно. — Просто ночью люди спят, а звери... звери ходят.

Гугол посмотрел на него, на меня, возмутился:

— Меня зверем назвал — ладно, себя обозвал — пусть, но за что его милость зверюгой окрестил?

Сигизмунд вспыхнул, начал оправдываться, совсем застеснялся. Я развел костер, пока они расседывали и устраивали коней, бросил на траву мешок, он заменяет постель, с наслаждением вытянул натруженные ноги.

Гугол вытащил из своего мешка ломти холодного мяса, круг сыра, хлеб, кувшин вина, пару крупных рыб. Теперь, когда тайна амулета оказалась раскрыта, мне на каждой встреченной дороге приходилось слезать и двигаться пешком, сжимая амулет в ладони. Гугол набил золотом карманы, у Сигизмунда тоже в седле защиты на всякий случай золотые кругляши. За последнюю неделю мы трижды меняли коней, выбирая все лучше и лучше, сменили оружие, даже старые сапоги выбросили, а купили новые.

Охотиться почти не приходилось, разве что в азарте не мог не метнуть молот в выскочившего из кустов прямо перед конской мордой кабана, а Гугол иногда стрелял в уток. Но чаще просто покупали в деревнях, Гугол всегда брал самое лучшее, нежное, дорогое.

Пужинали с аппетитом, они тут же свалились и заснули сном праведников, а я, грешная душа, долго сидел, тупо глядя в пляшущее пламя, словно дикарь-огнепоклонник.

Краем глаза заметил, что в сторонке возник свет. Нет, сразу пламя, но разгорелось неспешно, не дав мне испугаться, отпрянуть. Пламя трепетало, стараясь выглядеть как простое пламя, но свет чересчур чистый, светлый, ничем не замутненный, а я со страхом и восторгом в душе внезапно ощутил, что вот таким и был первозданный свет, когда Творец отделил свет от тьмы.

Пламя трепетало, словно на ветру, хотя над миром полный штиль, листок не шелохнется на дереве, а серебристая паутинка на фоне звезд падает с веточки медленно, ровно. В переливах огня чудились фигуры, скачущие кони, огромные глаза, нечеловеческий рот. Вдруг свет стал невыносимо ярким. Ослепленный, я отшатнулся, а надо мной прогремел властный голос:

— Сын мой!.. Твои боевые друзья уже спят. Что тревожит тебя? Почему не спишь?

— Я бдю, — выдавил я из перехваченного горла. — А ты кто, разводящий? Смена караула?

— Хороший вопрос, — одобрил голос.

Огонь оформился в человеческую фигуру в белом блистающем плазменным огнем балахоне. На полголовы ниже меня, что очень немало, широкое властное лицо, тяжелая челюсть, глаза посажены глубоко, сверху защищены тяжелыми надбровными выступами, снизу — выступающими скулами. Лицо воина, отметил я невольно, сильного и жестокого.

Ноги призрачного человека коснулись земли, но ни травинка не шелохнулась под его весом. От всей фигуры лучи, на пламенном лице из глаз бьет огонь, еще более яркий, чем лучи, а голос, я подозреваю, звучит больше в моем черепе, чем колышет воздух.

Я ошалело огляделся.

— Не понял... Это во сне или наяву?

— Дик, — сказал огненный человек, — тебе что, это важно? Соблазны являются не только во сне. Так и эти... можешь назвать их антисоблазнами. У тебя, кстати, очень богатый словарный запас. Я половины слов не знаю, лишь догадываюсь о смысле... Где есть возможность для нечистой силы, там есть место и для чистой...

Я кивнул, пробормотал:

— Да, конечно. Только каждая из сторон называет именно свою силу чистой, а себя Светом. Это я уже знаю... Так вот ты кто, демон или...

Он захохотал, чуть запрокидывая голову. Крупное тело колыхнулось, я наконец заметил, что у этого призрака немалый животик, как у борца-тяжеловеса, что ушел на пенсию.

— Или, — прорычал он, — я как раз это «или».

— Не брешь, — возразил я. — «Или» — это святые. Впервые, я не поверю, что мне вдруг да явится нечто святое. Вы ж там все боитесь запачкаться мирским! Святые долж-

ны являться... праведникам!.. Подвижникам, аскетам!.. Которые умерщвляют, постятся, бьют тысячи поклонов для Книги Гиннесса, не стригут всю жизнь волосы и ногти, не моются... А я... святые мощи, да у меня даже ангела-хранителя нет!

Пылающая фигура колыхнулась, мне показалось, что от смеха, но это было бы слишком дико, и я предположил, что сработал некий гравитационно-ортостатический флуктуй.

— Дик, — раздался из этого огня сильный, но ясный и настолько чистый понимающий голос, что сердце у меня дрогнуло будто в умилении, захотелось встать на колени и помолиться чему-нибудь светлому и чистому. Не Богу, конечно, ну его на фиг, а, к примеру, принцессе Азалинде. — Дик... Ты будешь удивлен... но только споначалу, если скажу... что и у меня ангела-хранителя нет... и никогда не было.

— Ого, — вырвалось у меня. — Так кто ты есть? Или есмь?

— У таких, как мы, не бывает, — объяснил он. — Да, не бывает. Это у чистых душ только... Ну, у заблудших обязательно, для выправления. А я был... я был слишком разным. Я был разбойником, был философом, магом, отшельником, купцом... Иногда купался в роскоши, иногда... гм... два года провел в каменоломнях, еще полтора года был рабом на весельном корабле... Но я был слишком жаден, чтобы остановиться, и потому половины моей жизни хватило, чтобы перепробовать все утехы этого простого мира... и возжелать нечто больше, выше, огромнее!

Я смотрел на него во все глаза.

— Я начинаю догадываться, кто ты...

— Ну-ну, смелее.

— Тертуллиан!

Он кивнул с явным удовлетворением:

— Молодец, Дик.

Я таращил на него глаза, огненная фигура подрагивала, словно под порывами ветра, но ветра нет, это он просто

удерживает понятную для меня, туземца, прежнюю человеческую форму.

— Так вот ты... — пролепетал я тупо, — какой.

— Да, — ответил он просто, но с гордостью, достойной разве что дьявола, — я такой...

— Тертуллиан, — вырвалось у меня. — Я не очень-то, пойми меня правильно, к твоему христианству, но ты... ты меня ошарашил. Если встречу где твою могилку, то не плюну на нее, а положу цветы. Уважаю потому что.

Он проговорил с коротким смешком:

— Много цветов придется рвать. Я малую часть земель христианского мира повидал, но и то насчитал уже восемь своих могил! Легковерны люди и тщеславны есмь... А где мои кости, знаешь сам. Но явился я тебе вот зачем. Слушай внимательно. Первое — я не ходил дальше на юг, не смогу даже теперь, когда я несколько... более чем легок на подъем. Там слишком сильна мощь темной магии... Да и вообще, человек все совершает только в той жизни, понимаешь?.. Ну, в которой ты сейчас. Если я не научился ездить на верблюде тогда, то теперь уже не смогу. Если не побывал в Южных Землях, то теперь они для меня закрыты. Потому даю это наставление и... все.

Я спросил осторожно:

— А до этого времени что... следил?

— Иногда посматривал, — ответил он коротко. — Сын мой, тебя отправили за доспехами Георгия. Это очень важно для Зорра. Но я прошу тебя заглянуть в еще одно место... Это почти по пути... Придется всего лишь отклониться от прямого пути на полсотни миль. Там довольно жуткое место, называемое урочищем дьявола. Никакого дьявола там, понятно, нет... ты уже знаешь, что одних Тертуллиановых могил на свете с десяток, а этих урочищ — сотни, но в этом урочище поселился могучий маг Ягеллан. Он, по сути, сторожит вход в одно неприятное место... Там глубокая пещера, а в ней запрятаны... да-да, конечно же, меч и доспехи одного великого воина... Еще одни доспехи, только, увы, совсем не святые. Но и не дьявольские, ибо в те далекие

времена не слышали ни про Иисуса, ни про дьявола... Я не знаю, из каких древних эпох пришел тот воин, ибо, когда я с ним говорил, у меня волосы седали только от перечисления тех зверств и злодейств, что он совершил... Однако, повторяю, он тогда еще не знал света Христовой веры, ибо жил задолго до рождения нашего великого Учителя, тогда все так жили. Но и потом, уже когда пришли первые пророки и проповедники, он многих убил лютой смертью, многих исказнил, а первое войско воинов с крестами на плащах попросту истребил...

— В одиночку? — спросил я.

— Все дело в доспехах, — объяснил Тертуллиан. — Он сам не знает, из каких времен они дошли до него, ибо, когда он родился, те доспехи уже были овеяны седыми легендами, переходили из рода в род... Он их получил еще в молодости, с тех пор не расставался с ним. Когда я его встретил, он был свиреп, жесток, кровожаден, очень умен, знания его были безмерны, и мы проводили много времени, толкуя о древних временах, исчезнувших народах и смысле жизни. Мне было легко с ним сойтись, ибо я сам не был... чист и безгрешен, а знал тоже много и ум мой был остер. Потихоньку да полегоньку я объяснял ему суть новой веры, принципы, на которых зиждется новая мораль, он со мной спорил, не соглашался, но затем свет проник в его мохнатую душу, как когда-то в мою, он принял крещение, покаялся во всех грехах. Я видел, что покаяние его искренне, потому дал ему полное отпущение, после чего он легко и светло вздохнул и заявил, что теперь готов к путешествию, из которого нет возврата... Я похоронил его там же, в пещере. Его меч и доспехи повесил на каменной стене, а пещеру запечатал Святым Словом, так что ни один туда не войдет с нечистой душой. Многие, Дик, пытались добыть эти доспехи!.. Ты увидишь, сколько там у входа костей и черепов.

Я произнес тоскливо, за иронией пряча страх:

— Ну вот... даже святые снисходят не просто так, поговорить, а обязательно дают наряды вне очереди...

Он полубопытствовал:

— А что, когда-то было иначе?

— Конечно, — ответил я. — То с одним пастухом заговорил горящий куст, то с другим — голос с неба... К монахам в келью являлись ангелы поговорить за жизнь, просто побазарить, о чудесах рассказать...

Голос его стал строже, он явно понимал мою иронию, но не принял:

— Я не говорю, что ты рылом не вышел в Моисеи или в Мухаммады... хотя, гм, будь самокритичнее, но в тех случаях тоже были наказания! И очень строгие. То, что я тебе ве-лю, — пустяк. Две трети тех, кто шел выполнять наряды, как ты говоришь, тех праведников кончили на кострах, на плахе, на колу, они были растерзаны зверьми на арене цирков...

С недовкостью за то, что он меня раскусил, я прервал:

— Хорошо-хорошо! Ну, струхнул чуть. Я ведь из мира, где трусом вовсе быть не стыдно. Это называется осознанием ценности человеческой жизни. Своей, конечно. Чем человек трусливее, тем он ценнее!

Тертуллиан спросил с интересом:

— Сам придумал?

— Сам, — признался я. — Но это носилось в воздухе. Я только облек в слова. Так что же предстоит мне? У меня если душа вдруг откуда-то и выползет, отряхивая помятые перья... или шерсть, то уж точно не безгрешная. Как я смогу добыть доспехи, если там все запечатано Святым Словом?

— Это точно, — ответил он, — душа у тебя мохнатенькая. Заскорузлая! Странно, на ее толстой коже видны шрамы... гм, по твоей роже не скажешь, что ты где-то и как-то страдал. Такие, как ты, других страдать заставляют, но чтоб сами прищемили хоть пальчик... Твоя судьба такова, Дик, что тебе нельзя ни коснуться доспехов Георгия, ни пройти через заклание Святого Слова, за которым доспехи и меч Арианта — так звали того древнего героя. А доспехи Георгия ты все-таки сможешь добыть... не взять, именно

добыть... Я догадываюсь, зачем ты взял этого чистого душой юношу! Добыть и доставить в Зорр, а с доспехами Арианта твоя задача еще проще. Правда, и труднее. Этот Ягеллан не в состоянии проникнуть через заклятие Святого Слова, но он поставил свое Черное Слово, и теперь ни одна чистая душа не в состоянии проникнуть в ту пещеру!..

— Круто, — вырвалось у меня. — Вечный пат!

— А что это?

— Ну, ни злодей, ни праведник — никто не проникнет сквозь двойную защиту!

— Да, — согласился он. — Но тебе и не надо проникать. Просто убей Ягеллана. С его смертью исчезнут и его черные заклятия.

— Гм, — сказал я. Посмотрел на сверкающую фигуру святого, сказал снова: — Гм... Как-то непривычно, что такая святая фигура нанимает киллера... но я повидал политиков, все понимаю. Допустим, мне удастся его убить, хотя не представляю как... А что дальше?

Тертуллиан ответил просто:

— А ничего. Поворачивайся и уходи. Доспехи все равно тебе не взять, даже если пройдешь Черное Слово. Ибо Святое Слово, увы, не заклятие — его пройти ты не в состоянии. Но придет время, и эти доспехи достанутся действительно достойному. Мир таков, Дик, что доспехи — едва ли не самое в нем важное. А если что и есть важнее, то только меч.

— Да, — ответил я горько. — Меч всегда важнее книги, а человек с ружьем главнее Эйнштейна.

— Пока да, — ответил он кратко. — Пока. Но даже сейчас... не совсем.

Свет померк, сквозь призрачную фигуру засияли звезды, Тертуллиан исчез.

Я перевел дыхание, руки крупно тряслись. Пошел оседлал коней, только тогда разбудил Сигизмунда и Гугола. Сигизмунд спросонья едва не свалился в костер, ребенок еще, поспать любит, но строит из себя железного Тер-

минатора, Гугол пришел в себя быстрее, затоптал костер, сказал громко:

— А полночи прошло, прошло... Скоро рассвет!

— Недоволен, что поспал чуть дольше? — удивился я.

Глава 22

Кони хорошо шли по росистой траве, а когда взошло солнце, мы все, даже кони, все еще чувствовали себя свеженькими. День пришел солнечный, жаркий, но левая сторона долины по-прежнему оставалась в тени от огромной каменной стены. Я, как и все, был слишком озабочен поисками прячущихся врагов, смотрел, чтобы конь не переломал ноги о камни, их немало скатилось с гор, не ступил в одну из норок чертовых хомяков и сусликов, и не замечал каменной стены, вдоль которой едем. А когда посмотрел...

Дыхание вырвалось, будто конь лягнул под дых. Стена почти от самой земли и доверху — абсолютно гладкая, блестящая как зеркало, ровная, словно ее тщательно отшлифовали.

Невольно развернулся в седле, посмотрел на противоположную стену. В голове застучали молоточки. Стена — абсолютный двойник. Как будто горный хребет аккуратно разрезали вдоль исполинским лазерным лучом. Как циркулярная пила разрезает длинное бревно вдоль, так и здесь нечто невероятное разрезало горную цепь и отодвинуло половинки одна от другой примерно на полмили. Чувствуется, что с той стороны хребта — обычное нагромождение камней, но здесь...

Невольно вспомнилась легенда о Фархаде, что вот так же рассек горный хребет сверкающим мечом и раздвинул половинки, чтобы дать дорогу реке на поля бедных крестьян. Но от меча, тем более от меча таких размеров, остались бы грубые царапины, полосы, заусеницы, а здесь настолько все отшлифовано...

Я вздрогнул, дернулся так, что мои пальцы судорожно ухватились за луку седла. На правой стене мелькнул жутко

огромный глаз, исчез, а через минуту я увидел исполинский размытый силуэт кузнечика, что сменился клубами желтой пыли. Я помалкивал — пусть Сигизмунд и Гугол не ломают головы, а сам все всматривался на скаку и наконец увидел скачущего всадника, в котором узнал себя! Всадник такого размера, что головой достиг бы верхушки Останкинской башни, а конь от морды и до хвоста длиной с Арбат. Что за феномен, не лазеры же в самом деле, как и не огненные мечи богатырей, но что это, что?.. Это совершили такие исполинские силы, что запросто могут скрутить пространство и время в узел, зашвырнуть меня обратно с той же легкостью, что и выдернули...

А впереди уже зеленеет лес, очень яркий, с изумрудной листвой, с неправдоподобно широкими листьями. Гугол заворчал, пощупал на поясе нож, а Сигизмунд со стуком надвинул забрало. Я ничего не понимал — лес как лес, вроде бы опасности не видно...

Кони перешли на рысь, затем на шаг. Деревья приблизились, сочные раздутые стволы, через каждые полтора метра со ствола торчат нелепые чепчики и рюшечки, такими они мне показались, а листья на самой вершине, как у всех деревьев, что растут в чаще...

Деревья казались полупрозрачными. Через тонкую кожу смутно видны темные струи, поднимаются вверх из глубин земли какие-то сгустки, утолщения, тонкие нити, словно внутри этих удивительных стволов натянута паутина. Больше всего эти стволы напоминали сочные стебли георгин или каких-то ухоженных нежных цветов, но такая структура возможна только у мелких растений, а для таких размеров не обойтись без прочного скелета. Ничего не понимаю.

Гугол вытарашил глаза, а Сигизмунд громко пробормотал молитву. Оглянулся на меня, в глазах возмущение.

— Ваша милость, как Господь попустил, что на свете столько порождений дьявола?

— Дьявола? — пробормотал я. — Я думал, всего лишь эволюция... Это же обыкновенные хвощ и плаун.

Спихватился, но слова уже сорвались с языка. Мое слабое знание ботаники сыграло злую шутку. Обыкновенный хвощ, который деревенский овощ, на самом деле достигал таких размеров только в какие-то там периоды или эры, когда бродили динозавры. Моя беда в том, что я дубы и березы видел так же, как и эти гигантские хвощи, в палеонтологическом атласе, совершенно забыл, сам дуб, что их разделяют сотни миллионов лет...

— Ну, — пробормотал я неуклюже, — они такие везде росли!.. Их еще динозавры жрали. Потом динозавры уменьшились до жаб и ящериц, а этот хвощ почему-то не уменьшился...

Сигизмунд сказал звонким голосом:

— Но здесь он уцелел. Будем прорубаться?

Деревья в самом деле стоят очень плотно. Даже пешему протиснуться непросто, а уж конный повиснет, как пес на заборе. Под стеночкой не пробраться, эти хвощи долину перегородили от стены до стены, а косогора, увы, просто нет.

— Погодите, — сказал я скромно. — Слово еще не сказал мой птенчик. Не каркнул.

Они подали коней назад, я достал молот, рукоять так и вползает в пальцы, размахнулся, держа взглядом ствол дерева напротив, с удовольствием швырнул.

Воздух знакомо и даже привычно затрещал, залопотал турбулентными завихрениями, даже послышались легкие хлопки, словно в пустоты врывался воздух. На лицах Сигизмунда и даже мирного Гугола я видел восторг и страх. Никто из них не видел даже выстрела из простого гранатомета, не говоря уже о старте ракет класса «земля—воздух», так что понять их можно...

Я едва успел проследить за молотом взглядом. Мгновенно переместившись через этот десяток шагов, он со страшной силой ударил в середину ствола. Я съежился, подсознательно ожидая, что молот пролетит весь лес насквозь, эта зелень взорвется облаком теплой воды и сока, во все стороны брызнут ошметки, а молот вернется в ладонь грязный, заляпанный жижей...

Грохот раздался такой, словно молот ударился в каменную... нет, железную гору. Ствол дрогнул, накренился и медленно повалился на деревья, что стояли сзади. Разрылив землю, вылезли и загородили дорогу огромные безобразные корни, похожие на безглазых подземных змей, бледных и покрытых слизью.

Молот ударился в подставленную ладонь сухой и горячий настолько, что я едва не разжал в испуге пальцы.

— Да что за... — проговорил я ошалело и швырнул молот снова, в соседнее дерево. — Лупи, круши!

Молот понесся с грозным ревом, грохнулся с силой падающей с орбиты станции, отслужившей срок. Мясистый хвост содрогнулся от макушки до упрятанных в землю корней, несколько листьев слетело, а сам ствол вывернуло с корнем. Но дерево не упало, зависло на ветвях и стволах второй линии обороны.

Я едва успел поймать молот, до того растерялся, Сигизмунд крикнул растерянно:

— Бесполезно!..

— Его милость обожает завалы, — сказал Гугол елеиным голосом, но лицо оставалось серьезным, растерянным.

Сейчас эти деревья напоминали мне поставленных стоймя гусениц. Такая же нежная кожа, торчащие волоски прямо из ствола, сквозь кожу можно увидеть ганглий, перемычки, что-то схлопывающееся, шевелящееся, слабое и беспомощное.

Я посмотрел направо, там в сотне метров отсюда — каменная стена высотой со здание МГУ, посмотрел налево — в полусотне шагов начинается абсолютно гладкая каменная стена, вершина тоже едва не испарывает нежные животики облачкам, оглянулся на заходящее солнце...

— Привал, — сообщил самое умное, что мог придумать. — Утро вечера мудренее.

Багровое солнце, непривычно огромное, опускалось за этот странный лес. Как он выжил, ума не приложу. Я бы скорее предположил, что ученые, после размораживания

моратория на эксперименты с генетикой, заново возродили динозаврий хвощ, как уже при мне делали опыты с воспроизведением мамонта, созданием генетически измененных продуктов, которые не трогают вредители сельского хозяйства... Или которыми брезгают.

Стволы хвоща, подсвеченные с той стороны, налились багровым. Вид у них был по-прежнему хрупкий, беззащитный, ткни пальцем — продырявишь тонкую оболочку, а внутри лишь теплая вода.

Сигизмунд встал перед стеной хвощей, опустился на колени. Я слышал неясное бормотание, исковерканную латынь. Часто упоминались имена Христа, Богородицы и даже святого Тертуллиана.

Багровый краешек скрылся за лесом. В полной тишине со стороны странного леса послышался странный шелест, будто сто тысяч крупных муравьев проснулись и начали разгребать песок. Гугол очнулся, крикнул спросонья, слепо пошарил вокруг, пока под руку не попался пояс с его ножнами. Уже с ножом в руке поднялся, отряхнулся, как вылетающий из воды пес.

Волосы у меня на затылке зашевелились. Лес... оживал. Нет, он не двинулся прямо на нас, хватая беззащитных людей корявыми ветвями и корнями, пожирая, отрывая руки и ноги. Растопыренные ветви двигались, собирались компактнее, поднимались к вершинке, как поднимают руки пловцы, намереваясь нырнуть в воду...

— Мать, Мать... Мать святая Богородица! — вырвалось у Гугола.

— Что они... творят?

— Теперь и я верю, что это... порождения дьявола!..

Странный лес медленно уменьшался, укорачивался. Я не сразу понял, что стволы погружаются в землю, спасаясь от ночного холода. Песок трещал, скрипел, деревья перетирали его, как алмазные диски. Стволы уходили в землю медленно, словно тонули в вязком болоте или зыбучем песке.

Сигизмунд поднялся с колен, размашисто перекрестился. Лик его был просветлен, глаза сияли как звезды.

— Велика сила Господня! — произнес он со вдохновением. — Демоны не могут устоять перед мощью молитвы во имя Господа нашего! С нами Бог...

— ...так кто же против нас? — закончил Гугол и победно посмотрел на меня.

Я развел руками. Память у Гугола, как у африканского слона, и пользуется он ею умело. Гугол не слон. На месте исчезнувшего леса остались только вершинки, тонкие и ломкие с виду. Я подсознательно ждал, что оторвутся, ведь деревья погружаются не сами, это могучие корни тянут их вниз, в спасительное тепло. Здесь ведь резко континентальный климат, что значит — днем можно схватить тепловой удар от перегрева, а ночью температура падает до минусовой. А хвощи — растения тропические. Во всяком случае, таких размеров. У меня впечатление, что, когда бродили динозавры, вообще на всей планете, даже в Урюпинске, были одни тропики.

Песок шелестел тише, вершинки вытягивались без таких титанических усилий, как стволы. На всем пространстве долины, что внезапно открылась нашим глазам, шевелился кустарник — так это выглядело, эти кусты жутко шевелились, все это вытягивалось в землю. Через минуту мы ошалело смотрели на совершенно пустую землю, слегка взрыленную, перепаханную, без всяких признаков травы или бурьяна.

— Проход свободен! — выкрикнул Гугол.

— Это сила Господня... — начал Сигизмунд торжественно.

Я прервал:

— Да-да, конечно. Но Господь не простит нам, если не успеем пересечь эту долину до восхода солнца.

Оба посмотрели с недоумением, только быстроумный Гугол все понял сразу, метнулся к костру, подхватил там седло и бегом понес к своему коню.

Сигизмунд воскликнул в гневе и великом возмущении:

— Это кошунство! Мы должны все встать на колени и

возблагодарить Господа нашего!.. А потом отслужить здесь... да, отслужить!..

Гугол сказал торопливо:

— Ваше преподобие, надо ехать.

Сигизмунд повысил голос:

— Мы обязаны переночевать здесь! Дабы попать дьявола. А утром спокойно отправимся через долину, очищенную Божиим словом от дьявольских исчадий!..

Гугол пробежал с седлом к своему коню, крикнул издали:

— А если утром вылезут?

— Значит, мы недостаточно чисты духом!

Гугол тяжело вздохнул.

— Не хочу рисковать, — признался он. — Я, конечно же, чист, как облупленное яичко, но вдруг кто-то из ангелов слаб зрением? Да и вообще, остаться... это где-то близко к гордыне. Мол, я чист и светел, аки... аки, словом, аки. Поэтому я еду.

Взгляд Сигизмунда зацепился за меня, все еще ждал поддержки, но я отвернулся и, взгромоздив седло на конскую спину, затягивал ремни под его по-крестьянски толстым брюхом.

И все-таки, раз решение было принято, Сигизмунд управился первым. Я подал знак, три коня ноздря в ноздрю ринулись через долину. Песок хрустел и трещал, словно под копытами рассыпался спекшийся шлак.

Снова я обратил внимание на странно блестящие стены ущелья. Мне показалось, что на одной мелькнул мой жутко увеличенный глаз, потом через некоторое время я увидел огромный размытый силуэт ночного кузнечика. Или сверчка. Сигизмунд, если увидит, сочтет кознями дьявола, но я достаточно знаю о вогнутых и выпуклых поверхностях, чтобы сразу стало ясно даже с этими... хвощами. Эти стены, естественного образования или нет, днем собирают в фокус солнечный свет и направляют в долину. Сейчас собирать нечего, вот нежные растеньица и попрятались. В полдень здесь внизу наверняка жарче, чем в кузнице. Потому и нет другой растительности, а песок какой-то

спекшийся. А эти странные хвощи могут жить только при очень высокой температуре. Где ее нет, вымерли. Здесь не вымерли, а приспособились на ночь втягиваться обратно в теплую землю.

Над головой качалось звездное небо. Высохшая земля грохотала под копытами. Кони шли экономной рысью: никто не знает, насколько далеко тянется эта странная долина с дьявольскими деревьями.

Одно я не мог понять, как ни старался. Природа, насколько понимаю, не придумала растений такой прочности. Ни травы, ни кустарника, ни деревьев. Здесь пахнет высокими технологиями, не стану же я говорить о магии и колдунах? Но технология в таком обществе исключена... Тогда откуда эти странные растения? Занесены из космоса с метеоритами?

Я вспомнил рассказ Бернарда о людях с летающих кораблей. Мол, раз в тысячу лет прилетают с красной звезды, творят бесчинства, грабят, убивают, уводят в плен молодых девушек. Может быть, это с их корабля?

Гугол выругался, что-то закричал, натянул повод. Конь захрипел, начал останавливаться. Мы с Сигизмундом еще ничего не поняли, но придержали коней. Мы находились почти на холме, а Гугол молча указал рукой на соседний холм. Мне показалось, что его пальцы вздрагивают.

Лунный свет мертвенно высветил силуэт черного всадника. Он выглядел совершенно плоским, словно вырезанным из черной бумаги. Мы рассматривали его, затаив дыхание, потом я сдвинулся, и всадник, словно уловив незримым радаром, повернул коня в нашу сторону. Снова, подсвеченный сзади, он казался вырезанным из темной бумаги... Внезапно тонкий, как рубиновая нить, луч протянулся в нашу сторону. С треском загорелась трава, погасла, щелкнул перегретый камешек.

Мощный лазерный луч, так я его определил, достиг нас, но здесь — то ли был поглощен Святым Причастием, как заявил Сигизмунд, то ли на такое расстояние не рассчитан — угас.

Всадник сорвался с места, понесся к нашему холму, но взбираться не стал, помчался по кругу у подножия. Теперь мы смотрели сверху, лунный свет четко обрисовывает металл шлема и доспехов, всадник выглядит массивным, сильным, а рыцарский конь укрыт боевой попоной, голова коня защищена металлическим щитком с острым рогом посредине.

— Все равно, — произнес Сигизмунд, — все равно...

— Что?

— Говорю, что все равно так... не страшно. Вижу, здоровый бык. Но когда вот так... когда весь черный, страшнее...

— Кто это? — спросил я Гугола.

— Шургенз, — прошептал он с благоговением в голосе. — Страж холма... Так вот он какой...

Я спросил с надеждой:

— Ты его знаешь?

— Слышал о нем древние легенды... Очень древние.

— Не надо легенд, — сказал я раздраженно. — Как обойти этого гада? Скоро рассвет, деревья вот-вот полезут.

Он содрогнулся, сказал жалко:

— Его не обойти!.. Я слышал о нем, но думал, что это очень далеко на юге... Неужели весь юг сдвинулся в эту сторону? Нет, он должен быть прикован только к этому холму.

— Почему? — спросил я и тут же пожалел.

— Никто не знает, — ответил Гугол, — когда он начал сторожить этот холм и что на нем было. Некоторые легенды гласят, что его поставил часовым Леон Пантелей, но потом о нем то ли забыли, то ли что-то случилось... а он по-прежнему несет охрану. Другие говорят, что в холме спит его Повелитель, а верный страж хранит его сон. Но когда Повелитель проснется, мир содрогнется, небо упадет на землю, земля поднимется к небу, море выплеснется на сушу, а горы... ну, обычный набор страстей. Есть легенды, что говорят, будто он прикован незримой цепью, как злой пес, потому бежит только по кругу, не в силах сделать

хотя бы шаг дальше. И эта цепь тоньше паутинной нити, так что если кто попал бы на ту сторону, то его перерезало бы этой нитью так, что он бы и не заметил...

— Хватит, — прервал я. — Я ж говорил, не надо легенд. Надо думать, как эту легенду сделать былью и... оборвать.

— Я слышал, — возразил Гугол, — что убить его невозможно. Потому что он и так неживой.

— Мертвый? — спросил я.

— Неживой, — повторил он упрямо. — Я не знаю, что это значит, но говоривший уверял меня, что между мертвым и неживым есть большая разница.

Сигизмунд сказал сердито:

— Конечно, есть. Мертвецы, которых поднимают из могил, они мертвые или неживые?

Я сказал, не задумываясь:

— Без разницы.

— Разница есть, — ответил Гугол тоскливо. — Это у вас там, на диком севере, если мертвый — то мертвый. Но не на юге... Конечно, умерев, большинство остаются мертвыми, рассыпаются в прах, а как же иначе?.. но не все, сэр Ричард, не все... В старых легендах говорится, что когда-то все могли жить столько, сколько хотят, а если кто погибал, что он тут же... оживал. Потом все было потеряно в войнах, страшных войнах... Но отдельные маги то ли сохранили, то ли, скорее всего, случайно наткнулись на заклятие, составили амулет... Словом, любого мертвого можно сделать снова живым, если сохранилась хоть часть его тела.

Я медленно кивнул, в голове суматошно копошились разношерстные мысли.

— Ага, восстановление по генетическому коду... По ДНК... Но у такого человека не будет души, верно?

Он кивнул:

— Верно. Но останется его ум, его сила. Более того, останутся его знания, навыки, а разве не это самое ценное?

— Да-да, — согласился я, а себе напомнил, что если выберемся из этой ловушки, то надо бы спросить, откуда он набрался таких странных для христианского мира идей.

И еще: почему переодетые эльфы приняли его чуть ли не за своего?

Сигизмунд, не дожидаясь мудрых указаний вождя, спрыгнул на землю. Коня оттащил назад, исчез в темноте. Я взглянул на небо, выругался. Похоже, вот-вот начнет светлеть. Если деревья начнут вылезать под нами, я даже не представляю... Или распорют коню брюхо, или же одно из двух, но все равно паршиво.

— Гугол, — велел я, — прими коней и побудь с ними вон там.

— А там не опаснее?

— А вот и проверим.

Он ухватился за повод, я соскочил и побежал к гребню холма. Да, на вершине соседнего холма снова красиво и грозно вырисовывается всадник. Вернулся на пост, значит. Голова и плечи кажутся отлитыми из чистейшего серебра, так же голова коня и его круп, все остальное тонет в черноте. Еще сама вершина холма блестит, как купол непомерно огромного яйца, затвердевшая, литая.

Всадник повернул голову в нашу сторону. Я увидел, как протянулся длинный узкий рубиновый луч. В ночи, где только тьма и слабый свет, он выглядел особенно жутко — единственное, что имело цвет!

— Ложись! — заорал я. — Отползай!

Сигизмунд молча ударился о землю и, быстро-быстро работая локтями и коленями, исчез. Сзади загрохотали камешки. Рубиновый луч налился светом, затем разом вспыхнул алым огнем. Камень над моей головой мгновенно накалился и с сухим шелчком разлетелся вдребезг. Запахло гарью, в лицо пахнуло горячим воздухом.

Я приподнял голову. Всадник по-прежнему смотрел в нашу сторону, но лазерный прицел исчез. Я поспешно переполз в сторону. Голова всадника слегка качнулась, я видел, как вспыхнула огнем узкая полоска в шлеме. Тонкий багровый луч протянулся в мою сторону. Я чувствовал, как он скользнул по моей голове, поспешно нырнул за камень, начал переползать дальше. Камень качнулся, я уловил вол-

ну мгновенно нахлынувшего жара. Глыба треснула, развалилась на три неровных ломтя.

Луч исчез, я осторожно наблюдал за всадником. Что-то его отвлекло, он начал спускаться с холма. Я пощупал молот, но, увы, оружие у меня — ближнего боя, пусть не совсем уж и такого ближнего, но даже не мечтаю добросить до этого гада.

— Сиг, — позвал я. — Сиг!

Издалека донесся голос Гугола. Я отполз еще, поднялся и, пригибаясь, как под обстрелом, бегом вернулся к понуро ожидающим коням. Гугол держал их под уздцы, я увидел белое в ночи лицо с трагически расширенными глазами.

— Где Сиг?

— Он побежал, — ответил Гугол жалко, — сказал, что заманит.

— Идиот, — выругался я. — Он не понимает, с чем мы столкнулись!

— А мы понимаем?

— Конечно, — выпалил я зло, — с обычным боевым лазером...

Осекся, увидев выражение лица Гугола. По-моему, больше всего его сразило слово «обычный». Я оглядывался по сторонам, наконец взгляд поймал тонкий лазерный луч, что поднимался к подножию нашего холма. Сердце заколотилось в страхе: фигурка Сигизмунда залита лунным светом, а лазерный прицел поймал ее и ведет неотрывно...

— Ложись! — заорал я дико. — За камень!

Далекая фигурка метнулась в сторону и пропала среди глыб. В тот же миг багровый луч вспыхнул пурпурным огнем. Из холма пошел дымок, там вспыхнул огонек. Сигизмунд подхватился и понесся к нам.

Лазерный луч снова вспыхнул, мгновенно нащупал бегущего. Я выждал, заорал:

— Ложись!.. В укрытие!

Сигизмунд отпрыгнул, покатился в сторону камней.

На том месте, где он только что бежал, вспыхнула огненная дорожка. Мы с Гуголом смотрели с сильно бьющимися сердцами, как Сигизмунд выскочил, словно заяц из норы. Багровый луч вскоре нащупал его снова, повел, но не успел я открыть рот для нового вопля, как луч оборвался, склон холма скрыл нас от Шургенза.

Сигизмунд подбежал, лицо темное, глаза вылезают из орбит:

— Шургенз скачет за мной!.. Быстрее, ваша милость, быстрее доставайте ваш молот!

Я стиснул челюсти, безумно хотелось выругать этого молодого дурака. Мы молча расхватывали коней, слышались топот, фыркание. Гугол выругался — конь наступил ему на ногу. Мой конь заупрямился, храпел, не давал даже ставить ногу в стремя.

— Стоять! — заорал я. — Думаешь, будет лучше, если явится этот боевой робот?

Сигизмунд бросил в мою сторону изумленный взгляд, и мы понеслись по темной стороне холма, стараясь оставить Шургенза позади. Над вершиной холма вспыхнул короткий огонь, запахло горелым.

Сзади слышался грозный топот. Земля вздрагивала, Шургенз вынырнул на вершину, с ходу метнул в мою сторону огненный взгляд. Дикая мысль пришла в голову, я торопливо выхватил меч. Алый луч уперся мне в грудь, я подставил лезвие меча, выбрав самый блестящий участок.

Алый луч налился пурпуром, я даже ощутил возросшую на миг тяжесть в руке, хотя это явно иллюзия. Тепловой импульс ушел в сторону под острым углом. Угол падения, вспомнил я школьную истину, равен углу отражения, и отбил еще несколько острых лучей, пока один не вернулся настолько точно, что полоснул по ногам коня Шургенза.

Конь мой пошел вперед очень неохотно, весь дрожа, как пес, что подходит к волку, и Шургенз успел подняться на ноги. Я с жалостью увидел, как задымилась кожа. Конь с жалобным ржанием упал на колени. Шургенз сыпал про-

клятиями, рука его выдернула меч, ненавидящие глаза видны в прорези шлема, багровые, совершенно без зрачков.

Я поспешно соскочил с седла. Камни злобно прыгнули навстречу, ударился боком и коленом так, что брызнули слезы. Через две-три секунды по верхушкам камней скользнула багровая игла.

Я отползал, а когда между нами оказалась достаточно высокая гряда камней, вскочил и отбежал. Вдогонку ударил лазерный луч, но я, похоже, уже поймал ритм этой странной стрельбы. Выглянул — Шургенз, спешившись, стоит на ровном месте. Идти ближе не решается, в одной руке — короткий меч странной формы, очень неудобный для боя, пальцы другой сжаты в кулак чисто человеческим жестом.

Ладно, если гора не идет к Мухаммаду... Скоро рассвет, мы и так рискнули, кто знает, сколько гектаров засеяно этими хвощами и плаунами. Прячась за камнями, я подкрадывался все ближе и ближе. Если я понял правильно, Шургенз не может шарахнуть лучом вот так сразу. Сперва ловит в перекрестье прицела мишень, в это время я вижу только узкий алый лучик, потом две-три секунды накапливает энергию, и только потом страшный тепловой выброс... Ну а если ошибаюсь...

Ноги дрожали, я задыхался больше от страха, чем от усталости. Пот заливал глаза. Мощность лазера, как помню из уроков физики, падает с расстоянием, там что-то о квадратной зависимости... Но это же применимо и взад, как теперь говорится даже в элитных тусовках. Чтобы накопить импульс для стрельбы на малое расстояние, потребуются не секунды, а ее доли.

Терзаясь в поисках выхода, я ж не молниеносный Джо, применил тот же прием, что и при ловле волшебных орехов: поднял на палке шлем. Через пару мгновений палка в руке вздрогнула, вверху зашипело. Я заорал, ибо на руки капнуло расплавленным металлом.

— Умри, скотина!

Я вскочил, размахнулся и швырнул молот. Шургенз

был от меня всего в десятке шагов. Молот грохнул прямо в огненное забрало. Вообще-то я собирался бросить и тут же пригнуться, но Шургенз оказался чересчур близко, металлическая болванка саданула в голову раньше, чем я присел. Грохнуло и взорвалось, словно я разнес банковский автомат. Во все стороны брызнули осколки металла, синие искры, зашипело, запахло горелым. Обезглавленное туловище сделало еще пару шагов, ноги запнулись о камень, тело тяжело грохнулось и застыло.

Молот молодежато шлепнулся рукоятью в ладонь. Я с сильно бьющимся сердцем понаблюдал за поверженным. Будь это человек или зверь, даже с оторванной головой еще подергался бы, а этого как будто выключили.

Далеко снизу раздался долгий крик:

— Ваша милость, опаздываем!

Я побежал, прыгая через камни. Чуть ниже в сторонке от моего пути медленно перебирался через камни абсолютный черный конь, похожий на сгусток мрака. Конь Шургенза! На том месте, где его полоснул луч лазера, остались быстро заживающая полоса сожженной шерсти и коричневый рубец. Седло странной формы, стремяна слишком удобные и тщательно сделанные, я бы сказал, очень тщательно, словно над ними поработал целый институт дизайнеров...

Конь подошел к труп хозяина, опустил голову. Под красивой попоной он выглядел обычным рыцарским конем, только острый рог во лбу казался из другой оперы. Красиво вырезанные аристократические ноздри задержались, раздулись. Конь тряхнул гривой, снова тщательно обнюхал труп, все еще не веря. Потом вскинул голову и посмотрел на меня. Глаза его были красные, как у Шургенза. Рог смотрел прямо мне в грудь. Взгляд мне показался слишком прицельным, словно вот сейчас невидимый палец ложится на спусковой крючок.

— Эй, — сказал я торопливо, — у тебя просто поменялся хозяин!.. Это я, понял?.. Попробуй сжиться со мной, а?

Конь смотрел в упор жуткими глазами. Даже я, атеист,

видел в них пламя адских огней, геенну огненную и все страсти христианской преисподней. Потом конь снова опустил голову, ноздри затрепетали, он обнюхал труп хозяина с головы... вернее, от того куска железа, что остался, до неповрежденных сапог, затем — я не поверил глазам — тряхнул гривой и медленно побрел прочь.

Я рискнул догнать, схватился за седло. Конь не обращал внимания, я поставил ногу в стремя, конь по-прежнему, не замечая меня, выбирал дорогу между камней. Оттолкнувшись от земли, я взлетел в седло.

Сигизмунд и Гугол ждали внизу. Гугол в седле, а Сигизмунд стоял на земле, держа своего коня под уздцы. Я понял, что он намеревался передать поводья мне, а самому передвигаться пешком. Гугол ахнул, увидев меня на черном коне, прокричал обрадованно:

— А ваша милость не прочь и пограбить, да?

— Это военная добыча, — с достоинством поправил Сигизмунд. Он бросил взгляд на коня Шургенза, теперь уже моего, влез в седло. — Ваша милость?

— Вперед, — велел я. — Уже рассвет!

Звезды на восточной части неба меркли. Край небосвода посветлел, скоро высунется солнце, лучи побегут по долине. Если хвощи растут и здесь, нам конец.

Глава 23

Солнце выглянуло, лучи ударили нам в бок с такой силой, что я ощутил: да, мы в самом деле уже на юге. По долине побежали длинные тени, а поверхность озарилась радостным золотистым огнем. Сигизмунд все оглядывался, Гугол заверил:

— Еще холодно. Вылезут, когда потеплеет!

— И не назад надо смотреть, — напомнил я, — а вперед...

— Или вниз! — крикнул Гугол. Тут же поправился: — Хотя зачем? Если вылезут, то... сразу почувствуем!..

Он сказал это с такой убежденностью, что я буквально ощутил прорастающие сквозь песок вершины хвоей, вот

задевают копыта моего коня, тот кувырком, через голову, падает так, что я под ним, между его тушей и прорастающими ветвями...

Дрожь потрянула меня, как электрический разряд. Озлившись, я перевел коня на шаг, крикнул:

— Все!.. Мы в безопасности!

Сигизмунд свесился с седла, даже пытался захватить рукой землю. Гугол поинтересовался:

— Опять видение?

— Оглянись, — посоветовал я, — может быть, узришь горы. Они уже далеко.

— Ну и что?

— Это они фокусировали сюда жар...

— Что такое фокусировали?

— Подкармливали магической силой, — объяснил я. — Можно было не торопиться с этим Шургензом.

Гугол недоверчиво покачивал головой, переглянулся с Сигизмундом, оба смотрели на меня с сомнением. Оба знают, молодцы, что фокусники и маги — не одно и то же, хотя все фокусники гордо именуют себя магами. Просвещенные у меня спутники, враз срезали, поймали, уличили, но благородно промолчали.

Встречный ветер трепал волосы, горы все еще вставали то справа, то слева, но все как одна изъеденные временем, в морщинах, словно лица столетних старух, с провалами на месте ртов, запавшими подбородками, все давно потерявшие снежные пики, гордую стать, доживающие свой век, прежде чем окончательно превратиться в холмы.

Одна из приземистых разрушенных гор показалась не совсем горой, я всмотрелся. Да, такие в Ассирии да в разных месопотамиях или Афганистане, где то статую Будды высекают в сто метров высотой, то крепости целиком из горы. Эту не высекли из горы, а сложили из массивных, как баальбекские плиты, блоков. Теперь это не гора, а жутковатая крепость — огромная, исполинская, по всем четырем углам — высокие и тоже массивные башни. Чего стоят сами башни, видно уже по тому, что перемычка между

башнями, то есть обычная стена, толще Великой китайской стены, по ней можно не только по четверо всадников стремя в стремя, но и по два бронетранспортера в ряд. Каждый гранитный зубец — в два человеческих роста, что совсем нелепо, если не предполагать, что в крепости жили великаны.

Я качнул головой, не понимая этой дури, когда с примитивными инструментами в руках ставят статуи Рапа-Нуи, вытесывают из огромных скал сфинксов, каменные пирамиды в Мексике среди джунглей...

Откуда здесь бульдозеры или подъемные краны, а сто тысяч согнанных сюда волоочьщиков камней, каменщиков, плотников надо было чем-то кормить, а ведь еще и целая армия возчиков, поваров... Бр-р-р!

Сигизмунд и Гугол со страхом смотрели на крепость. Сигизмунд перекрестился, Гугол сперва выматерился, потом посмотрел на вспыхнувшего от негодования Сигизмунда, благочестиво осенил себя широким крестом и громко пообещал поставить свечку. Я тоже посмотрел на эту старинную крепость, отвернулся, но что-то заставило повернуть голову снова.

Старая рухлядь, а не крепость, вся побелела от древности, камни выщербливаются от ветра, солнца и морозов, как и все окружающие горы. За тысячи и тысячи лет крепость становится все больше похожей на эти горы, еще через пару тысяч лет... или пару десятков тысяч рассыплется, как горка из золотого песка...

Мороз пробежал по спине. Наконец я сообразил, что в этой крепости не так. Я вижу ее словно в кривом зеркале. Застывшем кривом зеркале. Словно это не крепость, а изображение крепости... ну, трехмерное изображение, эдак на глади озера. А потом в озеро бросили камешек, по всей поверхности побежали волны да так и застыли.

С жутью в сердце всматривался я в этот страх. Гугол проронил:

— Я слышал когда-то в детстве... Крепость долго стояла несокрушимо, но однажды враг оказался чересчур силен, защитники изнемогали, и тогда отчаявшийся правитель

призвал колдуна... А тот использовал незнакомое заклятие... или раскрыл амулет, доставшийся от Древних Магов. Вот теперь здесь в этой крепости, где находились восемь тысяч человек, пусто.

— Восемь тысяч? — переспросил Сигизмунд. — Откуда знаешь?

Гугол смутился, развел руками.

— Это я уже для красного словца. Никто не знает.

— Двенадцать тысяч поместится в самой крепости, — сказал Сигизмунд знаяще. — К тому же в таких горных крепостях обычно просторные подземные казематы, казармы вдвое больше по площади.

Я для пробы метнул молот в основание башни. Инстинктивно чувствовал, что бесполезно, и не удивился, когда молот отскочил, не оставив царапины. Более того, он отскочил, словно его отбросило силовое поле, зная бы еще, что это, а то говорим, говорим.

— Странная крепость...

— Она дошла из эпохи Великих Войн... Нет, не таких великих, как считают сейчас. Это ерунда, когда сотысячная армия движется, сжигая города и села, убивая всех людей...

— Ничего себе ерунда! — воскликнул Сигизмунд.

— Но если ты узнаешь, что, когда сражались Древние, небо и земля менялись местами? В небе загоралась тысяча солнц, а земля горела и плавилась как воск!.. Кричала от боли сама земля, а сторукие гиганты из камня шли через огонь и убивали других гигантов — из воды и железа!

Сигизмунд отмахнулся:

— Легенды, легенды... Я тоже слышал. У отца в библиотеке были всякие старые книги. Я прочел одну, три дня ходил зачарованный. Там было о волшебном мече, что все превращал в лед... Я еще понимаю, огненный меч, то да се, но чтоб ледяной? Сказки.

Лес расступился, затем так же сомкнулся за спиной, деревья трусливо понеслись назад. Кони бодро мчались по зеленой долине, а далекие горы подпирали горизонт впе-

реди и слева. Почти такие же впереди и справа когда-то да сомкнутся, а пока кони летят как птицы над сочными, брызгающими соком травами.

Гугол ругнулся, я видел, как его рука дернулась к луку, но тут же бессильно упала. По зеленой траве, приминая верхушки, скользнула широкая темная тень с угрожающе растопыренными когтистыми крыльями.

Крупный дракон летел неторопливо, почти не шевеля крыльями, парил, голова со встопорщенным гребнем чуть поворачивалась из стороны в сторону, высматривая добычу. Мое сердце билось учащенно, я рассматривал огромного зверя во все глаза. Он не выглядел наполненным водородом или гелием, что давали бы ему подъемную силу, крылья громадные, но нести такую тушу, даже если кости пустотелые, как у птеранодонов и птеродактилей, а этот зверь в десятки раз крупнее птеродактиля и выглядит как летающий танк...

— А ведь может и напасть, — сказал вдруг Гугол нервно. Он на скаку достал лук, пустил коня чуть в сторону. — Молодой еще...

— Ну прямо как Сигизмунд, — согласился я. — И такой же красивый.

Сигизмунд закричал:

— Кто красивый? Кто красивый?.. Господи, Всевышний, дай силу нам совершить подвиг!.. Это же зверь, что похищает девственниц, попирает имя Господне и надругивается над церквями и часовнями!

Дракон пронесся в красивом почти бреющем полете. Он нас явно заметил, старался теперь рассмотреть наши слабые стороны, поединщик хренов.

— Да, — согласился Гугол, — ну прямо вылитый Сигизмунд... Тоже зеленый, тоже с крыльями...

— Кто зеленый? — закричал Сигизмунд. — У тебя что с глазами? Ты посмотри на цвета моего рыцарского герба!

— И еще, — закончил Гугол с глубокомысленным злорадством, — с огнем в очах и паром из ноздрей.

— Дымом, — поправил я.

— Паром!

— Стрижено, — сказал я.

Гугол в недоумении умолк, спросил озадаченно:

— А это... как?

— Осторожно, — крикнул я, — он в самом деле...

Сигизмунд уже с опущенным забралом и обнаженным мечом в крепкой мускулистой руке ждал, когда же дракон сядет и примет честный бой по всем правилам. Гугол хватался то за лук, то за нож, даже доставал топор, в последнем селе мы накупили всего, благо амулет позволял одеться и вооружиться по-королевски, если бы тут умели вооружать королей, а я заставил коня попятиться ближе к деревьям, меч в одной руке, молот в другой, бдю и следю за летающим гадом. Гадом в биологическом смысле, а так злости у меня к дракону нет, одно жгучее любопытство.

Дракон пролетел так низко, что пахнуло ветром, донесся запах гниющего мяса, словно оно разлагалось в когтях или зубах гигантского зверя. Гугол, оставив топор, быстро-быстро пустил несколько стрел вдогонку. Дракон вскрикнул, крылья затрещали, он повернулся с неожиданной резвостью для такого огромного чудовища, пошел над землей еще ниже, лапы выставив перед собой, когти, как ножи, изготавились схватить добычу...

Кони не коровы, шли прямо, потом резко рванулись в стороны. Дракон пронесся, как разъяренный тур, крыльями не колотил, сам изломал бы о землю, и мы все трое успели нанести каждый свой коронный удар. Я зверским ударом срубил лапу начисто, тут же меня сбило крылом на землю. Гугол ударил с другой стороны, тоже метил по лапе, но та удержалась на коже и уцелевшем сухожилии, а Сигизмунд, который по рыцарской гордости не свернул, оказался прямо перед стремительно летящей на него мордой.

Он вскричал красиво и театрально:

— Во имя Господа и Его Матери Пресвятой Богородицы!

Стремительный взмах, лезвие меча ударило со страшной силой. Сигизмунда выбило из седла, я слышал конский крик, меня самого в лоб ударило, перекаатило по тра-

ве. В сжатых кулаках трещала трава пополам с землей. Я быстро привстал, ошалело огляделся.

В трех шагах прыгала, приминяя траву, и скребла землю острыми когтями толстая серо-зеленая лапа, покрытая чешуей, как у крупной рыбы. По воздуху волочился длинный хвост, дракон улетал, видно было, как снова поворачивает, набирает высоту, готовясь напасть...

Все были уже на ногах, только Гугол остался в седле. Он быстро-быстро посылал стрелу за стрелой в дракона. Белые оперения расцветили зеленоватое брюхо, как ромашки заливной луг. Сигизмунд поднялся, его шатало, я кивком велел ему отойти, сам отступил в сторону — дракона лучше пропустить между нами. Я посвистел коню, чтобы не отбегал, дракону конь добыча более лакомая, чем мелкий и костлявый человек.

Сигизмунд искал глазами свой меч. Трава потревоженно шевелилась; выпрямляясь от воздушного удара. Нигде ни блеска металла, ни торчащей рукояти...

— Снова!

Дракон сделал полукруг и снова летел прямо на нас. Единственная лапа болталась, Гугол все-таки перерубил кость, крылья судорожно дергались. Во лбу нарастал блеск, я наконец увидел, что это и есть меч Сигизмунда, который тот ищет в траве. А на самом деле он всажен в череп по самую рукоять.

— Берегись!

Я швырнул молот навстречу падающему на нас чудовищу. Гугол почему-то не стал драться, отпрыгнул. Я успел увидеть мелькнувшее брюхо, стрелы всажены по самое оперение, молот шлепнул в ладонь рукоять, а сильный удар сверху швырнул меня на землю. Я покатился снова, но теперь на спину обрушилась невыносимая тяжесть, вмяла в землю, теперь уже твердую и сухую, как будто я лежал на горячей наковальне...

Я задыхался, старался удержать эту тушу, вытаскивал себя по маковому зернышку. Потом услышал голоса. Силь-

ные руки ухватили за плечи, вытащили. Я ошалело оглянулся.

Огромная туша дракона распласталась, как раздавленная жаба. От удара о землю лопнуло брюхо, выползали внутренности, текла зеленоватая жижa, под ногами сразу захлюпало. Гугол деловито вытирал лезвие своего топора, а Сигизмунд оставил меня, подбежал к дракону и попинал в огромный череп носком сапога:

— Свершилось! Нашими молитвами, верой и чистотой наших сердец нечестивый зверь попран и низвергнут! Больше не воровать ему девственниц.

— Да, — согласился Гугол. — Вот гад, а? И так их мало, самим не хватает, а он еще... Как он их чуял? Научиться бы... Ваша милость, наш Сиг ему голову расколол с первого раза, а он еще и летал...

— Сиг?

— Да Сиг и сейчас вон порхает!..

Я перевел дух, в ребрах колет, сказал мужественно:

— Что дракон! Вот я раз курице голову срезал, так она потом еще полдня бегала. Даже зерна пыталась клевать.

Гугол сразу заинтересовался, спросил живо:

— Чем?

Я задумался, в раздражении пожал плечами:

— Откуда я знаю? Вечно ты лезешь... Сигизмунд, в другой раз так не геройствуй, хорошо?

Сигизмунд обидчиво дернул плечом, железо загремело, а сам он скривился, даже побледнел.

— Ваша милость, разве я встретил его недостойно?

— Ты встретил его отважно, но не... словом, мы из тебя великого полководца делаем, а ты? Если бы мы с Гуголом не обезножили... обезлапили его сразу, он бы цапнул тебя. Понимаешь?

— Я разрубил ему череп!

— Вот и лежали бы сейчас рядышком. Ты видел, какие когти? Каждый что лезвие твоего меча!

Сигизмунд с великим трудом раскачал и кое-как высвободил меч из толстого черепа. Глаза чудовища еще не

погасли, следит за человеком с лютой злобой, но уже не двинет ни единым когтем, все мы слышали, с каким жутким хрустом хребет переломился при ударе.

Я обошел вокруг, потоптался на перепончатых крыльях. Под подошвами хрустят, как веточки, тонкие кости, пустотелые, как у гусей или кур. Спина дракона надежно защищена толстым панцирем, а по хребту так и вовсе идет небольшой гребень с шипами. Дурь какая-то, он же нападает сверху, ему бы брюхо укрывать, а не спину!

Впрочем, мелькнула мысль, что я знаю о драконах? Если драконы бьются в воздухе, то им важнее защищать спину, ведь всяк норовит ударить сверху...

Гугол взял топор, по-хозяйски обошел зверя, лезвие врубилось в тушу с неожиданной легкостью. Хлынула светлая кровь, цвета морской воды. Топор продолжал врубаться, показались ребра, широкие и тоже очень тонкие. Гугол довольно заворчал, двумя мощными взмахами расширил, показалась пульсирующая темная масса, блестящая, мокрая, еще живая.

— Хорошо, — прорычал Гугол и облизнулся. — Всегда ем печень дракона... Сиг, хочешь?

Сигизмунд заколебался.

— Да вроде бы надо не печень дракона, а сердце...

Гугол, пятясь, вытащил огромную массивную печень, она свисала с тонких, но широких ладоней, как будто он держал только что изловленного в теплой воде большого тюленя.

— Меньше слушай, — заявил он победно, — таких же... гм... героев. Или тех прибитеньких, которые песни складывают. Сердце дракона — звучит красивше, но печень — вкуснее!

Я подошел, оглядел гигантскую печень, предложил:

— В моем королевстве все стараются приходить к консенсусу. Не буду вам морочить голову, что это, скажу сразу: предлагаю есть печень, а рассказывать, что ели сердце. Ведь такая ли эта неправда? Вот и сердце, смотри. Но видно же, что печень — это печень...

Сквозь ужасную рану, проделанную топором Гугола, был виден и краешек сердца: весь из тугих жил, слабо держащийся, пульсирующий, но если все то правда, что я читал в учебнике биологии про жабу, то это сердце будет биться еще сутки. Если не больше.

Багровые угли светились в полумраке, как огромные рубины. Их набралась целая россыпь, ибо Гугол, как оказалось, большой любитель драконьей печени, одни ломти жарил на широких плоских камнях, другие нарезал кубиками и пек прямо в углях, третьи насадил на прутья и понатыкал вокруг ровной цепочкой.

Сигизмунд развел в сторонке второй костер, ему-де темно, сидел на камне и ритмично водил по лезвию затупившегося меча точильным камнем. Звук получался отвратительным, от него вздыбливались волосы на руках и поднимались на затылке, а по коже пробежал мороз.

Пока мы пировали, в кустах и за деревьями трещали ветки, в нашу сторону поглядывали желтые глаза. Однако все чуяли аромат убитого дракона, убегали, а мы всю ночь слышали в темноте рычание, хруст, чавканье, сопение, топот.

Когда взошло солнце, Сигизмунд побледнел, сказал дрожащим голосом:

— Ваша милость, хорошо бы убраться...

От огромного дракона остался хорошо обглоданный скелет. В истоптанной траве блестели самые крупные чешуйки с хребта. На крупных костях видны следы зубов, а мелкие зверье растащило по норам вместе с остатками мяса.

— По коням, — скомандовал я. — Это мы наелись... а они — не знаю, не знаю.

Деревья помчались мимо странные, исковерканные, как и вчерашняя крепость. Все они торчат из красного, как закат, грунта. В животе стало холодновато, я все чаще передергивал плечами, словно стряхивал чужую руку с шеи. Какие-то могучие силы здесь все порушили, скрутили в узел, сожгли, размололи в песок. Даже уничтожь весь лес,

все кусты, всю траву и всех муравьев — это все понятно, такое представить могу. Хотя, правда, больше в моем мире. Но чтобы деревья даже сейчас, спустя тысячи и тысячи лет, росли вот такие... мягко говоря, странные, боюсь сказать — мутировавшие, надо что-то большее, чем разбушевавшийся волшебник.

Над стеблями травы порхали бабочки, пролетела стрекоза. У бабочки, если глаза меня не обманули, всего два крыла, да и полет какой-то правильный, совсем не пьяное бессмысленное шараханье, как обычно. Из норки выглянула ящерица, посмотрела на меня внимательными глазами. Я не делал угрожающих движений, она не пряталась, просто смотрела. Глаза великоваты, а лоб приподнят, нет привычной гладкой покатости.

Сигизмунд вскрикнул, соскочил на землю. Я молниеносно развернулся и с молотом в руке озверело оглядывал окрестности. Гугол тоже спрыгнул, они припали к земле.

— Что там? — закричал я нервно.

— Следы! — ответил Сигизмунд.

— Ланселота? — крикнул я с надеждой.

Гугол первым поднялся, потряхнул ладони. Перехватив мой взгляд, покачал головой.

— Разве что он стал трехпалым.

Сигизмунд поднял голову, желваки вздулись широкие и рифленые. В глазах была злость.

— Нехорошо так говорить о крестоносце, — сказал он ледяным голосом. А потом, обращаясь ко мне, добавил со вздохом: — Но кони здесь прошли всего сутки тому. Хуже то, что поверх отпечатков копыт наложился этот трехпалый след.

Я сказал нетерпеливо:

— Тогда поехали. Мы уже близко. Нечего нам следы уток рассматривать.

Они взобрались в седла, Сигизмунд молчал, брови сдвинул, а Гугол сказал ехидно:

— Даже если следы утки размером с тележное колесо.

Я зябко поежился. Следы тираннозавра-рекса, насколько

ко помню, тоже трехпалые. Сигизмунд сказал вдруг осевшим голосом:

— Здесь очень плохое место.

— Да уж, — согласился Гугол. — Меня, если честно, пот прошиб.

— Дальше вроде бы получше, — сказал я, ибо вождю надлежит быть бодру и смелу. — Это какая-то зона поражения... Вон и деревья нормальные, и все там нормальное.

Под конскими копытами иногда хрустели белые кости, совсем истлевшие, с готовностью рассыпавшиеся в пыль. Некоторые черепа выглядели не человеческими, не звериными и даже не рыбьими. Но я не хотел бы встретиться с их хозяевами даже в полном доспехе и с мечом в руке, изготовленным гномами.

Сердце мое застучало громче. Я повернулся в седле. Да, вон те горы со срезанными вершинами. словно в древности отыскался среди великанов свой Шургенз, срезал к чертовой матери вершины самых высоких гор... ну, к примеру, чтобы свободно летать на ковче-самолете.

— Мы у цели, — сказал я тихо. — Ребята, мы добрались!

— Вон та гора?

— Третья слева, — ответил я. — Никогда так далеко на юг не забирались, мороз по шкуре... Хватаем доспехи — и деру в зад. Нет-нет, не потому, что поджилки растрясло в песок! У нас есть уважительная причина, верно? Доспехи ждут в Зорре!

— Да, конечно, — ответил Гугол браво и посмотрел победоносно на Сигизмунда. — А иначе мы бы все здесь разнесли, верно?

— Да, — подтвердил Сигизмунд вынужденно. — Мы бы... с Божьим Словом на устах... Мы бы поперли, то есть попрали козни Врага рода человеческого...

У подножия горы протекала небольшая, но довольно бурная река. Гугол взялся было искать брод, но Сигизмунд заявил с великолепной надменностью, что герои брод не ищут. Сам он попробовал въехать в реку на коне, но пришлось соскользнуть с седла, поплыл рядом, держась за стре-

мя. Мой черный конь вошел в воду равнодушно, мне почудилось, что он вовсе не видит разницы, где двигаться, поплыл с легкостью большой рыбы. Черный рог несся над самой поверхностью воды, как таран античной триремы. Я крепко держался за стремя, меня тащило, как на водных лыжах.

Последним на берег выбирался Гугол. Он ухитрился потерять стремя, начал тонуть, заорал:

— Господи, спаси!.. Если спасешь, даю обет уйти в монахи!

Его понесло вдоль берега, под руку попалась ветка. Он с великим трудом выбрался на берег, проговорил, стуча зубами:

— Господи, чего только не ляпнешь в такой холодной воде... Какой из меня монах?

Ноги на мокрой глине поскользнулись, он брякнулся в воду. Поднимая тучи брызг, прокричал:

— Да что с тобой, Господи? Уж и пошутить нельзя!

Сигизмунд пробежал вниз по течению, успел ухватить его за шиворот. Я отпустил коня, тот отошел в сторонку и отряхивался, как огромный лохматый пес. Брызги от роскошной попоны полетели во все стороны, как серебряные пули. Я засмотрелся, как Сигизмунд тащит Гугола, мокрого, жалкого, как утопший бобер, и не успел заметить, как из-за спины поднялась огромная лохматая туша. Огромные руки обхватили меня за грудь. Я успел заблокировать мышцы, дыхание не вылетело, как из сплющенного пакета из-под молока, но от боли в ребрах в глазах потемнело. Над ухом раздался раздраженный рев. Зверь продолжал тупо сжимать меня в объятиях, вот-вот хрустнут кости, жертва обмякнет, и ее можно будет есть.

Сквозь рев крови в ушах услышал чей-то крик. Объятие ослабело. Потом я ощутил, что меня держат только одной лапой. Я извернулся, выхватил меч, но сильный удар в плечо выбил и меч, и сустав. За молот хвататься бесполезно, я задыхался, прижатый лицом в густую шерсть. Снова

и снова я барахтался, бил ногами, пробовал даже укусить, пока зверь не швырнул меня на землю.

Я упал навзничь, треснулся затылком, в глазах заплескали искры. Гугол лежал рядом, кровь текла изо рта, глаза бессмысленно уставились в небо. Он пытался привстать, но рука подломилась, рухнул, застонал. Тролль на миг остановился, маленькие глазки оглядели нас, взгляд упал на Сигизмунда, что распластался у самых его ног.

Сигизмунд попытался перевернуться на бок, избегая тяжелой лапы чудовища, но широкая ступня опустилась на его руку. Я услышал хруст ломающихся костей. Сигизмунд закричал, зверь раскрыл пасть шире, красный язык облизал зубы. Острые клыки блестели.

Мои руки подламывались, я все пытался подняться, но боль во всем теле бросала меня наземь. Гугол зашевелился, взгляд его упал на тролля. Тот ухватил Сигизмунда передними лапами, поднял, тряс. Сигизмунд попробовал ударить его кулаком, тролль отшвырнул его руку, со скрежетом начал сдирать с груди рыцаря металлические пластины доспеха.

Гугол вскрикнул, лицо его исказилось. Грудь затрещала, раздаваясь в стороны. Узкая голова с близко посаженными глазами начала превращаться в жуткую морду, широкую и с тяжелой челюстью. Рукава затрещали, лопнули, в прорехи выглянули покрытые коричневой шерстью бугристые от мускулов руки. Он поднялся, жутко взревел.

Тролль оглянулся, отшвырнул Сигизмунда, как тряпичную куклу. Они бросились друг на друга, как два покрытых шерстью боевых робота. Рев потряс воздух, я слышал тяжелые удары, хриплое дыхание, снова рев. Потом два зверя упали, катались по земле, лапами вцепились один другому в глотки, а страшные пасти хватали друг друга, рвали зубами.

Я перевалился на бок. Из рта потекла кровь, пальцы наткнулись на холодное лезвие. Ухватившись за рукоять, я поднялся, используя меч как костыль. Чудовища подкатились ко мне, я примерился, поднял меч и с силой вонзил

лезвие между лопаток тому, на котором не было лохмотьев одежды. Тролль страшно взревел, выгнулся, горящие злобой глаза отыскиали меня.

От страшного удара огромной лапой я улетел в стену. Мне казалось, что я расплющился на ней и сполз на землю абсолютно двумерный. Зверь, что лежал под троллем, изо всех сил оттолкнул раненое чудовище. Тролль упал на спину, заревел жутко, из груди, прорвав твердые как дерево мышцы, высунулось окровавленное лезвие.

Зверь лежал на спине. Грудь часто вздымалась, там была кровь, морду исполосовали кровавые борозды. Я сидел под стеной в трех шагах, в голове все кружится, в ушах комариный звон. Изображение двоится, плывет, уходит в туман, возвращается, но все равно я видел все в двух экземплярах. Сотрясение мозга, не меньше. Наконец взгляд зацепился за истекающее кровью чудовище, которое совсем недавно было Гуголом.

— Эй, — позвал я, не надеясь на ответ, — ты так им и останешься?

Зверь тяжело вздохнул, закрыл глаза плотными щитками из толстой кожи. Чудовишные мускулы начали таять, истончаться. Могучие руки превратились в жалкие плети, через пару минут на его месте оказался Гугол, исцарапанный, в клочьях одежды, цыплячья грудь вздымается, как у заканчивающего дистанцию марафонца.

— Здорово, — сказал я с завистью. — Как ты это делаешь?

Он раскрыл рот. Зубы обычные, желтые, уже наполовину стертые. Веки поднялись, опустились, а брови, напротив, поднялись почти на середину лба, а лоб у этого Гугола дай боже. Нижняя челюсть отвисла. Глаза, снова настолько близко посаженные к переносице, что их можно выбить одним пальцем, изумленно расширились.

— Сэр Ричард, — услышал я вполне человеческий шепот, — ваша милость... вас это... не пугает?

— Тот меня испугал больше, — ответил я. — Здорово ты его. Как ты это делаешь?

Он осторожно приподнялся, скривился от боли, сел, опираясь о стену. Глаза все еще не оставляли моего лица, во взгляде было сильнейшее удивление.

— Сэр Ричард, — произнес он снова. — Но как же... Где молитвы, крестное знамение, крики о дьяволе?..

— Язвить начал? — сказал я. — Оживаешь, Гугол. Да при чем здесь молитвы? Ну научился ты как-то трансформироваться, ну и что?.. Можно только позавидовать. Не поделишься секретом?

— А вы бы хотели?

— Конечно, — ответил я убежденно. — Представляешь, к тебе какая-то девка чересчур липнет, ты не знаешь, как отвязаться...

Гугол невольно хихикнул, потом перевел испуганный взгляд на Сигизмунда. Тот пошевелился, застонал, открыл глаза. Чистые, ясные, только под одним такой кровоподтек, что глаз скоро закроется на пару дней вовсе. Но, похоже, тоже видит нас в двойном экземпляре. Если не в учетверенном.

Гугол проговорил все еще с удивлением:

— Ваша милость, вы уж совсем меня разочаровали... Я уж настроился на крики, обвинение в сговоре с Сатаной, разбрызгивание святой воды, воскурение... Ладно, Сигизмунд вот-вот очухается. Ну, на год вперед наслушаюсь.

— Ему можно не говорить, — предложил я.

Гугол покачал головой, глаза стали печальными.

— Мне родители, конечно, не говорили, что обманывать — нехорошо. И никто не говорил, понятно. Но вот книги, которые я прочел, говорили. А у меня ухо с дырой, вот и запало. Мол, обманывать вообще нехорошо, а уж друзей — никогда. Ерунда, конечно, но я что-то бываю такой послушный-послушный...

— Так и не скажешь, как это делаешь?

Он развел руками, лицо пошло морщинками, как у шарпея, начал массировать пальцы.

— Ваша милость... Я ведь не человек, а... тролль. Тролли могут в разных зверей, людей, гадов... Но только это все

слабее и хуже, потому тролли — всегда тролли... Я тоже пробовал, не понравилось. Это как будто сразу стать большим, старым, измученным. Но я заметил, что в личине человека думается намного лучше. А мне, единственному из моего племени, думать нравилось. Не знаю почему. Даже больше, чем драться. Потому я в облике человека и пошел... Читать научился, много книг пересмотрел. Хотя я и не человек...

— Человек, — возразил я. — Что форма? Важно содержание. Человек тоже может быть последним гадом, может быть свиньей, павлином или бараном — важно ли, что он выглядит как человек? Сейчас ты — человек. Все остальное — фигня.

Сигизмунд тряхнул головой, хотел потереть кулаками глазами, но застонал, побледнел. Левая рука слушалась плохо. Вид у него был ошарашенный. Взглянул на распростертого тролля. Под тяжестью грузного тела лезвие прошло целиком, тело уперлось в рукоять, а теперь из могучей волосатой груди меч торчит на длину локтя.

— Я думал, — сказал он ломающимся голосом, — этот зверь меня убьет... Или уже убил. Да, думал, что уже убил, потому что померещилось, что их двое. И бьются друг с другом.

Гугол вздохнул тяжело, сказал:

— Сигизмунд, это было...

— Пойди поймай коней, — прервал я. — Испугались этого зверюги, разбежались. А то пешком придется. Иди-иди, не ленись! Тебе досталось меньше.

Гугол взглянул на меня укоризненно, но, как мне почудилось, ушел с явным облегчением. Мы все предпочитаем, чтобы неприятные вещи вместо нас говорили другие. Все, а тролли в этом деле тоже «все», ведь он уже не тролль, а человек.

Когда он привел коней, мы двинулись с наибольшей скоростью, какую нам позволяли наши избитые тела, распухшие суставы. Дорога шла вверх, кони быстро уставали,

мы останавливались, давали им отдых, сами ели на ходу. На третьем мини-привале Гугол пожаловался:

— Сэр Ричард, меня Сигизмунд совсем достал!

— А что?

— Просит рассказать, как там в аду. Про котлы спрашивает, про огненные реки. Про грешников, которых на вилы... Я, конечно, рад, что он так спокойно воспринял ваши слова, что я... ну, что я не совсем человек...

Я отмахнулся.

— Не обращай внимания. Это я, чтобы как-то объяснить ему твоё превращение, сказал, что ты из тех демонов, что признали Слово Божье и приняли веру Христа. Ну, ты ж наверняка слышал такую красивую легенду. Вот я ею и воспользовался.

Гугол отшатнулся, глаза полезли на лоб, потом сказал с великой обидой:

— Демонов? Ну, спасибо!

— Чем мог, — ответил я виновато.

— Хорошо, — пригрозил он, — я верну должок. О вас, сэр Ричард, тоже можно кое-что придумать.

Я вздохнул.

— Удивительнее, чем случилось, уже не придумаешь.

Сказал и пожалел, глаза Гугола тут же загорелись. Сигизмунд, стараясь быть максимально полезным, ехал впереди, но конь его захромал, рыцарь слез, начал осматривать копыта. Я слышал, как он воскликнул озабоченно:

— Помоги мне, Господи!

Гугол не расслышал, крикнул:

— Иду-иду!

Сигизмунд скользнул по нему холодным взглядом.

— Вообще-то я призывал Господа.

— А-а-а... ну тогда я пошел обратно.

— Нет, раз уж пришел, то посмотри копыта моего коня. А то у меня одна рука пока еще... плоховата.

— И так скажу, что хромают... Наши кони не горные козлы. Ты видел горных козлов?

— Не видел, — ответил Сигизмунд сердито.

— И я не видел, — вздохнул Гугол. — Вот тебя уже видел, а горных козлов все еще нет. Грустно... Словом, наши кони не для таких дорог. Только у сэра Ричарда этот рогатый зверь даже не вспотел...

Конь не вспотел, это я уже мокрый как мышь, уже хриплю и задыхаюсь, ибо подниматься вверх по склону да еще тащить за собой в поводу коня... Хотя Гугол прав, мой конь идет спокойно. Не вспотел, морда не в мыле, в то время как кони Гугола и Сигизмунда уже никакие. Но сам Гугол держится, а он слабее меня, впереди Сигизмунд вообще в тяжелой кольчуге из толстых колец да еще и в кожаном доспехе с металлическими полосками толщиной в палец. Единственное, что сделал молодой рыцарь, это снял шлем и повесил на луку седла, но и тогда шлем постоянно остается на расстоянии протянутой руки.

Я измученно зыркнул исподлобья на Сигизмунда.

— Да сбрось и панцирь... В нем пуд железа, не меньше?

— Не знаю, что такое пуд, — ответил он с гордостью, посрамившей бы дьявола, — но я теперь зоррец, а не какой-нибудь срединник! Никто не заставлял еще зоррца без доспехов и верного меча в крепкой руке!

Измученные кони шатались. Бока и животы лоснились от мыла, похожие на мокрых тюленей, с удил слетали крупные клочья пены. Я бы тащил их наверх и дальше, но Сигизмунд, несмотря на юность, более опытный, чем мы с Гуголом, сказал коротко:

— Ваша милость... коней лучше оставить.

— Давно пора... — прохрипел Гугол. — Гораздо быстрее пешком.

Поблизости журчал мелкий ручей. Он так старательно прятался между камнями, что воды никто не увидел, зато трава поднималась там крупная и сочная. Мы расседлали коней, двое стояли, едва удерживаясь на копытах, слишком усталые, чтобы даже напиться или сорвать зеленый листок, а мой с самым задумчивым видом подобрал камешек и начал хрустеть им, как будто отыскивал кусок сахара.

Сигизмунд поцеловал своего в теплые бархатные нозд-

ри. Солнце перешло на западную половину, медленно двигалось к горизонту. Подъем становился все круче, мы двигались, как скалолазы, иногда вообще приходилось, как по карнизу двадцатипятиэтажного дома, когда внизу только асфальт.

Гугол, совсем выдохшись, запросился перевести дух. Ветер стал пронизывающим. Звезды из огромных мерцающих глаз незаметно перетекли в крохотные холодные искорки, словно небосвод превратился в гигантскую глыбу льда. Сигизмунд цокал зубами. Все расщелины забиты снегом, а под ногами то и дело хрустят льдинки.

Я посмотрел на солнце — не греет, сказал трезво: .

— Похоже, до вершины не добраться засветло. А ночевать на снегу... Сиг, высеки огонь, иначе врежем дуба.

Он оглянулся. Беспомощно взмахнул дланями.

— Все в седельных сумках...

Гугол вытянул шею, наши кони далеко внизу выглядят игрушечными. Поежился от ветра, взмахнул руками, едва не сорвавшись с выпуклой наледи. Пальцы его машинально сняли с пояса флягу с водой, но, поднеся ко рту, раздумал. Зато я, поколебавшись, взял у него флягу, потом снял с Сигизмунда шлем, налил немного воды. Оба смотрели на меня с опаской.

Минут через пять я вытряхнул из шлема слиток льда — идеальную одностороннюю линзу. Две пары глаз смотрели с непониманием. Когда по собранному мху побежала яркая точка, Сигизмунд забормотал молитву. Пошел дымок, и молитва стала громче. Вырвался язычок огня, Гугол завопил в восторге, а Сигизмунд осенял себя, нас и адское пламя крестными знаменами, читал все молитвы, которые знал, а знал великое множество, хотя и не полностью, а только первые два-три слова, как мы запоминаем песни.

Я отложил линзу с подтаявшим краем, где огорельефнились мои пальцы, а сам сунул их под мышку. Костер наконец разгорелся, Гугол суетливо подкладывал щепочки, ломал и выдираал все древесное, что торчало из трещин, а

Сигизмунд посмотрел на меня печальными, как у коровы, глазами и произнес с великой мукой в голосе:

— Вы чародей, сэр Ричард.

Гугол смотрел на меня с тем же выражением в глазах, но восторг на его лице разгорался с новой силой.

Я отмахнулся:

— Да это же элементарно. Любой из вас может.

Сигизмунд отшатнулся, снова осенил себя размахистым крестным знамением.

— Ваша милость!

— Можете, можете, — подтвердил я.

Гугол спросил нерешительно:

— Да?.. А если у меня нет дара к магии?

— Да какой на фиг дар! — сказал я сердито. — Вот бери эту линзу и своди лучи в фокус. Ну, приближай и отдаляй от щепочки, чтобы стало вот такой яркой точкой. Чем меньше, тем лучше...

Сигизмунд таскал камни, загораживал костер от ветра, а Гугол с сильнейшим страхом и волнением на лице взял в руки линзу. Он держал ее, как гремучую змею, не замечал, как от холода белеют пальцы, зато когда от сведенных в кучку лучей пошел дымок, завопил и выронил линзу. Сигизмунд снова перекрестился, вытащил из-за пазухи серебряный крестик и поцеловал.

С третьей попытки дымок превратился в крохотный язычок огня. Гугол орал и плясал вокруг рукотворного костра, величал себя волшебником. Я привалился спиной к камню, съежился.

— Ерунда, — сообщил я. Зубы потихоньку лязгали, дрожь проникла в тело. — Железные мечи кажутся волшебными, знаящим только медные. Просто вы теперь знаете больше, вот и все. Любое прозрачное тело вот такой формы способно зажигать огонь. Сиг, вот увидишь, церковь это одобрит и освятит! Это чистый огонь, огонь с небес, понял?..

Сигизмунд посмотрел на меня с надеждой.

— Значит, это белая магия? От Господа?

— Это вообще не магия, — повторил я терпеливо. — Как не магия то, что ты лупишь кресалом по огниву, а от ударов искры. Это было... или казалось магией тем, кто увидел впервые. И считалось, что колдуны прячут огонь в камнях... или боги запрятали от людей!.. а смельчаки воруют. Прометей, значит. Потом привыкли. И когда огонь вот так начал добывать какой-нибудь сопливый никчемный, ну, тогда какой из него Прометей? Девальвация великих имен... Так и эта линза. Найти горный хрусталь, отшлифовать, чтобы форма вот такая... понял?.. Правда, так огонь можно добывать только в солнечную погоду, а вот для кремня и кресала нет плохой погоды.

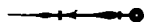
Я лег, скукожился, мышцы ноют от перегрузки. Рядом Гугол и Сигизмунд углубились в теологический спор. Здесь все споры упираются в теологию. И все непонятное — от Бога или дьявола. В душе чувствовался неприятный тоскливый привкус. Этим людям кажутся сверхъестественными такие простые вещи, как обыкновенная лупа, но ведь точно так же и мне может показаться магией высокая технология.. Хотя нет, я настолько отравлен наукой, то бишь уверовал в нее, что даже если встречу доподлинную магию, то объясню все неведомыми мне технологиями.

Глава 24

Ночь прошла жутко, мы все же едва не замерзли, жались друг к другу, как овцы. Огонь под утро погас — не хватило хвороста. Мы начали карабкаться вверх почти в темноте, на востоке только-только светлело небо, а солнце подожгло облака, когда мы были от зияющих пещер в сотне шагов.

Гугол выругался — сейчас на небе ни облачка, синее, горизонт отодвинулся пугающе далеко, и потому желтое облако пыли, как бы ни было далеко, с этой высоты видно отчетливо. Судя по форме, в нашу сторону скачут всадники. Много.

— Вот она, — сказал я.

Справа от одной пещеры на камне отчетливо выделялись грубо высеченные буквы «А» и «С».

— Грамотный, — сказал Гугол с уважением. — Кто-то вроде меня побывал, не король или отважный рыцарь с благородством во взоре...

Сигизмунд нахмурился, он тоже грамотный, хотя, понятно, это все-таки редкость для рыцаря, герою быть грамотным не обязательно.

Пещера выглядела пугающей, но не больше, чем другие пещеры. Во всех пещерах сумрак, во всех пахнет птичьим и звериным пометом, здесь звери находят приют от дождя и ветра. Вход сразу повел в глубину, а потом вниз. Ступенек не оказалось, но пол в ямках, ноги не скользили, даже когда ход пошел вниз чересчур круто.

Из темноты дважды сверкнули желтые глаза. Сигизмунд пошел от меня с той стороны, прикрывая собственным телом, обнаженный меч смотрел в сторону неведомого зверя. Я на ходу шарил по стене, наконец пальцы наткнулись на холодный металл. На ошупь нашел в нем стержень факела. Здесь же в выемке лежало завернутое в тряпицу огниво.

Осчастливленный Сигизмунд тут же умело высек огонь, факел вспыхнул пурпурным огнем, отшвырнул тьму. Желтые глаза исчезли, но тьма затаилась в дальних углах.

Я шел впереди с факелом в левой, мечом в правой. Трепещущий огонь осветил противоположную стену. Это был тупик, у меня сердце дрогнуло, но рядом тихонько охнул Сигизмунд. Справа от широкого плоского камня шел дивный чистый свет. Я непроизвольно глотнул, дыхание остановилось. Свет напоминал радугу, но только накрывал камень прозрачной полусферой. Сквозь эту пленку, которую не хотелось назвать силовым полем, мы все увидели панцирь, шлем и непривычно короткое копье. Шлем с римским орлом, на панцире тоже выдавлено изнутри изображение орла. Копье чуть длиннее дротика, ничего общего с исполинским рыцарским.

Гугол что-то шептал в страхе или восторге. Я сказал с усилием:

— Вот оно... Ну, Сигизмунд, пришло твое время...

Он вздрогнул, оторвал взгляд от сверкающих доспехов. Глаза его стали дикими.

— О чем вы, мой господин?

— Бери доспехи, — велел я.

— Я?

— Ты, — подтвердил я. — Каждый из нас делает свое дело. Я сумел найти, но мои длани, как и руки Гугола, не настолько чисты... гм... с точки зрения святого Георгия, чтобы даже лапать. Зато ты...

Он отшатнулся.

— Мой господин! Я не осмелюсь...

— Бери, — сказал я. — Я не могу. Я уже чувствую жар и желание отступить на шаг. А Гугол уже отодвинулся, видишь? Не смотри на меня с ужасом, не смотри... Я не дьявол. Но даже самому святому делу всегда служат люди с разным индексом святости. Твой индекс намного выше... Бери, у нас нет времени! Сюда уже скачут враги.

Гугол все же сделал шаг вперед, лицо его стало багровым, глаза налились кровью. Еще шаг, изо рта брызнет кровь. Он поспешно отступил, пятился почти до самого выхода, я слышал его сухое и хриплое дыхание. Сигизмунд с мукой посмотрел на меня, для него невыносима мысль, что я недостаточно свят, шагнул вперед, с ним ничего не происходило, сделал еще два шага...

Пальцы правой руки коснулись шлема. Левая висела неподвижно вдоль туловища. Я оглянулся на Гугола. Тот, все еще багровый, с красными глазами из-за полопавшихся сосудов, вытащил из сумки мешок, развязал. Сигизмунд вздрогнул, посмотрел на шлем непонимающе. Потом левая рука поднялась, Сигизмунд оглядел ее с изумлением, обеими руками поднял шлем и, двигаясь, как на торжественной церемонии коронования папы, на вытянутых руках отнес к Гуголу с мешком в руках шлем, потом панцирь.

Последним взял копье и сам тщательно завернул в старые мешки.

Назад мы двигались уже вокруг Сигизмунда, он нес доспехи бережно, словно перепелиные яйца. Желтые глаза следили со всех сторон. Донеслось глухое рычание, полное злобы. Пахнуло сильным зверем, на миг в свете факела я увидел красную пасть с острыми и белыми как сахар зубами.

Меч в моей руке дергался от напряжения, я едва не тыкал им во все стороны, ожидая нападения, размахивал факелом. Если звери и боятся огня, то эти не очень, хотя, правда, пока что не нападают.

Наконец показался свет. Сигизмунд не выдержал, побежал. Гугол выругался, повернулся и пошел спиной к выходу, меч и нож в его руках отбрасывали злые блики. Я вертелся как обезьяна, стараясь увидеть сразу все и защититься со всех сторон.

Так двигались шаг за шагом, пока со спины не упал свет. Мы вышли, птясь, как два рака, на залитую солнцем плиту. Сигизмунд уже поспешно спускался по склону, отсюда хорошо видны крохотные фигурки наших коней.

Гугол молча указал через мое плечо. Желтое облако приблизилось почти к подножию горы. В пыли поблескивает — явно солнечные блики на металле щитов или доспехов.

— Скоро будут здесь, — сказал я. — Гугол, перебирай задними ногами шибче. И побыстрее к Сигу!..

— А вы, сэр?

— Главное — спасти доспехи, — отрубил я. — Постараюсь задержать их. Здесь очень удобная дорожка... Им не пройти мимо, разве что через меня. Если получится, я их и похороню здесь.

Он покачал головой.

— Я хорошо стреляю из лука.

— Беги за Сигом, — сказал я. — Тоже мне, ученый!.. Ученому неприлично ввязываться в драки.

— Но...

— Если со мной что случится, — сказал я, — постарайтесь доставить доспехи сами.

— А что намереваетесь делать вы, Дик?

Он впервые назвал меня просто по имени, я улыбнулся как можно беспечнее.

— Я не дурак, — сообщил ему. — Видишь, солнце уже на той стороне?... А мы наловчились ехать ночью. Обратную доро́гу помним, найдем даже в полной тьме. Я задержу их до темноты. А потом мы поскачем, мы помчимся...

Я развернул его и толкнул в спину. Чтобы удержаться, он побежал, размахивая руками. Далеко внизу Сигизмунд обернулся, выронил драгоценные доспехи и, растопылив руки, ждал бегущего Гугола. Тот все ускорял бег, ноги уже не успевают, сейчас рухнет и полетит вниз головой... но Сигизмунд перехватил, сам заблаговременно уперся спиной в деревце. Оно согнулось под их весом, но удержало.

Я помахал сверху, Гугол сердито оглянулся, но Сигизмунд что-то сказал, оба подхватили с земли седла, Сигизмунд еще и доспехи, бросились вниз к коням.

Снизу поднимались степняки. К моему удивлению, низкорослые кони чуть ли не зубами цеплялись за каждый выступ, всхрапывали, сопели, но с каждой минутой приближались, топоры уже в руках всадников, глаза шарят по всем щелям. Я пригнулся за большим камнем — вдруг кто выстрелит из лука, а я все же не учился ловить стрелы, хотя уверен, что, попрактиковавшись малость, могу и это, тут еще те супермены...

Выждав чуть, я поднялся, швырнул молот, глаза успели схватить не меньше десятка всадников, тут же пригнулся. Молот радостно взревел, исчез, я услышал глухой удар, быстренько привстал, вовремя поймал, бросил снова и тут же присел, опасаясь стрел. На этот раз перед глазами стояла, как на стоп-кадре, картина падающих обратно на тропу коней вместе со всадниками.

Я вскочил, вовремя выставил руку с приглашающе распахнутой ладонью. Молот звучно шлепнул рукоятью, я

швырнул в третий раз, но уже не прятался — незачем. Грохот, дикий крик, ржание, лежащие по воздуху копыта — с горы с грохотом катилась целая лавина, в которой среди падающих камней мелькают кони, люди, во все стороны разлетается щебень, песок, трещат и рассыпают зеленые листья ветки, за которые тщетно пытались ухватиться падающие.

Некоторое время я стоял как идиот, радостно обозревая разом очистившийся склон, как вдруг мимо уха вжикнуло. Волосы дернуло с такой силой, что я откинулся, с размаха сел на камень, больно ударившись копчиком. Вторая стрела пронеслась там, где только что была моя голова. Или горло.

Я ползком подобрался к своему камню, в одной руке меч, в другой — молот, прислушался. Чьи-то крадущиеся шаги... Вскочил, уже замахиваясь в движении, а едва приподнялся над краем камня, метнул. Рослый воин с топором в руке на цыпочках подбирался ближе. За ним так же тихонько крался второй, с луком в руках, тетива натянута.

Он мигом выпустил стрелу, но и молот понесся навстречу. Я нырнул за камень, стрела пронеслась выше, подпрыгнул, поймал молот и задержал его в руке. Лучник, похоже, пытался метнуться в сторону, как и я, избегая смерти, но молот держал цель в своей магически компьютерной памяти: сделал поправку, ударил, разнес голову, как пересохший глиняный кувшин, а на выраже задел второго так, что бросил на стену.

Одного взгляда на разбрызганное по всей стене красное пятно достаточно, чтобы понять: этих двух опасаться уже не стоит.

Я ждал, ждал, ждал, а солнце уже медленно опускалось за скалы. Небо начало наливаться багровым светом. В темноте ко мне подобраться будет намного проще. Никогда бы не думал, что стану вот таким идиотом, как киношный герой. Я, человек своего века, прекрасно знающий, что самая высшая ценность — жизнь, моя жизнь, а остальные пусть идут на фиг. Знающий так же, что для спасения жиз-

ни можно... да что там можно — обязан бежать, нестись сломя голову, и пусть остальных убивают и мучают, только бы не прищемили пальчик мне, самому лучшему на свете... все же вот я как идиот сижу здесь и «прикрываю отход».

И все-таки это я, мелькнула мысль. Почему? Потому что вокруг мораль такая? Все такие? Вряд ли... Я настолько чувствую свое превосходство над этими простыми людьми, что не видели компьютеров и не умеют пользоваться телефонами, что мне их моральные установки по фигу.

Пользуясь тишиной, еще один попытался подобраться ко мне снизу. Я сшиб его молотом и едва не прозевал другого — этот бросился с ножом в руке. К счастью, меч я не выпускал, и храбрец накололся на острие, как листок бумаги на спицу.

Остро ударило в левое плечо. Пальцы разжались, меч выскользнул, но правой рукой я метнул молот, а мысль его повела настолько яростная, что в десяти шагах вдрызг разлетелись осколки камня, донесся сухой треск, а на отвесной стене расплылось красное пятно. Человек выронил лук и сполз на землю. Вместо головы у него было нечто окровавленное, похожее на красную половую тряпку.

Я стиснул зубы, потрогал древко толщиной в палец, засело в плече глубоко. Наверное, глубоко. Никогда меня вот так не ранили, никогда я не сидел со стрелой, торчащей из моего драгоценного тела, но вот сижу. Боль до странности терпимая, ничего ужасного. Намного более дикая, настоящая режущая боль была, когда однажды угодил молотком вместо гвоздя по пальцу.

Еще две стрелы ударили над головой. Похоже, пугают, не хотят, чтобы высунулся или поднял голову. Значит, под прикрытием «огня» подкрадываются ближе. Если тактика слоновьей атаки, которую изучают в наших генштабах, и непригодна для ракетно-ядерных войск, то вот огневое прикрытие наверняка изобрели еще неандертальцы, забрасывая противника булыжниками.

Я отполз от камня, меч уже переложил в правую руку. Внезапно через камень бросились сразу трое. Наверное,

готовились обрушиться на спрятавшегося врага, и потому лезвие моего меча разрубило двоих раньше, чем они успели подняться с того места, где я лежал минуту тому назад. Третий едва успел замахнуться ножом, как я всадил в него длинное лезвие невиданным здесь, но зато самым эффективным приемом, как вынужденно признал все выдавший Бернард, — прямым колющим вперед.

Его глаза выпучились, он даже не успел сообразить, что же его убило, ведь я не вздымался в богатырском замахе, не вскрикивал, не сопел, не выкрикивал боевые проклятия. Просто его пронзила холодная сталь, и хотя никто не умирает сразу, это только в кино злодеи-статисты по двое-трое падают от одного выстрела в их сторону, но он ощутил, что этот удар — смертельный, и потому даже не пытался ухватить меня, свернуть шею, укусить или хотя бы плюнуть в мою сторону.

Он просто опустился мне под ноги, пригнув к земле и мой меч, я уперся в его живое тело, оттолкнул, освобождая меч, и мы снова на шаг друг от друга. Он начал умирать, хотя еще мог бы жить долго, а я торопливо зыркал по сторонам.

Странно, никто не стрелял, не шуршал, не подкрадывался. Наконец до меня дошло, что стреляли и подкрадывались те уцелевшие, что успели свалиться с коней, а остальных горная лавина унесла к самому подножию.

И все-таки я конформист, мелькнула мысль. Самый настоящий. Кирпичик общества. На чьей телеге еду, того и песни пою. А если бы я оказался в шайке разбойников? Наверное, вместе со всеми убивал бы и грабил, ибо у разбойников тоже есть жизненная философия, некие ценности и веские оправдания, почему они поступают именно так.

Или все-таки в этом рыцарском обществе нашлось нечто, что настолько задело меня, насквозь прагматичного, технизированного реалиста, уже все повидавшего, испытывавшего и разочарованного, несмотря на свои двадцать пять лет?

Нет, это я себе льщу, а на самом деле...

Снизу прилетела стрела, больно кольнула в ногу, про-

бив сапог. Я подтянул ногу за камень, стрела завязла в толстой коже сапога, рана пустяковая, снизу стрелять непросто, гравитацию пока что никто не отменил.

Доносились голоса, неуверенные, злые. Я сжал молот, задержал дыхание, ноги как пружины подбросили меня над уступом, я метнул молот раньше, чем выбрал цель, молот распорол воздух, треск, крики. Я поймал его за рукоять, швырнул снова. Инстинкт велел бросать в оскаленные хари, явно жаждущие моей смерти, но разум холодно направил стальную болванку в каменный гребень. Сухой удар, грёхот, крики раненых, тяжелый стук камнепада, что снес этих троих да еще и передалвил не один десяток героев, что торопливо карабкаются снизу.

Пользуясь передышкой, я передвинулся пониже. Когда новый отряд поднимался, уверенный, что я чуть ли не на гребне, я поднялся в десяти шагах над ними, молот снес первую группу с той легкостью, как будто это были простые деревянные кегли.

И снова я опустился перебежками еще на сотню метров. Еще немного, и я окажусь на узкой тропке, где помчусь как горный баран вниз, фиг догонишь... Это было ошибкой, ибо они, оказывается, поднимались тремя группами. Две, уцелевшие, зашли со спины. Я успел дважды метнуть молот, потом схватился за меч и рубил, переступал через трепещущие тела, снова рубил, пот уже заливал глаза, однако ноги все еще переступали через трупы, я ухитрялся двигаться и везде оставлял стонущие тела, брызги крови на камнях, отчаянный вой и проклятия умирающих.

Меч, весь красный, как зарево заката, часто вспыхивал дивным огнем и становился чист, но руки уже налились свинцовой тяжестью. Я прокричал:

— И что же, так и будете лезть, мелкие как мыши? Где ваш вожак? Или он трус?

Парировал удар топора, снес голову, парировал удар справа, и тут же меч отрубил руку с топором слева. Впереди стена из щитов, поверх торчат железные шлемы, в квадратных отверстиях блестят испуганные глаза.

Я хрипло расхохотался:

— Подлые вороны!.. Да здоровствует рыцарство!..

Стена изломалась перед моим натиском, вмялась, как под ударом кулака размером со скалу. Я двинулся следом, рубил, сшибал с ног, щит постепенно превращался в щепки, а все тело сотрясалось от ударов. Но все равно никто не смел сразиться лицом к лицу, и когда я остановился перевести дух, ведь трупы под ногами со всех сторон, я видел только испуганные лица, в ушах звенело от истошных воплей.

Голову потряс страшный удар. В черепе раздался оглушительный звон. Я начал поворачиваться в ту сторону, успел услышать, как на каменный пол рухнул тяжелый боевой молот, который швырнули мне в голову. Второй удар обрушился между лопаток. Я слышал, как треснули какие-то кости, тут же еще один удар, самый страшный, снова в голову...

Я рухнул в черноту раньше, чем на камни.

Часть III

Глава 25

В черепе стреляло острой болью. Я наконец сообразил, что если не дёргаться, вообще не шевелиться, то боль спит. Осторожно приоткрыл глаза. Ага, полулежу в кресле, прикованный за ноги, за руки. Даже мое горло охватывает металлический обруч. Тело саднит, в голове все еще тупой звон. Перед глазами некоторое время двоилось, затем туман рассеялся, глазные яблоки поймали фокус, и я с предельной четкостью увидел, где я и куда попал.

Просторный зал, яркий и хорошей архитектуры. В высоких арках чувствуется вкус, потолки расписаны летающими бабами, сочными и мясистыми, с розовыми задницами и аппетитными грудями. На стенах тоже бабы, но в окружении столов, что ломаются под огромными ломтями жареного мяса, рыбы, вазами, где не помещаются сочные груши и гроздья винограда. Кое-где эти бабы, захмелев от вина, лежат в сладком изнеможении, бесстыдно раздвинув ноги, томные и готовые принять, застонать в истоме..

Из ушей словно выдернули заглушки, я услышал голоса, шум и выкрики за ближайшим окном. Оттуда потянуло свежим ветром, сухим воздухом. Я приподнял задницу, ухитрившись из полулежачего перетечь в сидячее, перед глазами появилась и нижняя половина роскошного зала.

За уставленными едой и питьем столами в самом деле сидят и возлежат красивые мужчины и женщины. Уже в реале. Голоса сливаются в ровный

приятный гул. Слышится музыка. Приятная, веселая, игривая, совсем не церковная. Пока я разглядывал все, стараясь понять, куда я попал, сбоку появился человек в длинном халате, на голове — остроконечный колпак. Из широких длинных рукавов выглядывали худые бледные руки, я услышал монотонный голос.

Перед глазами возник и заколыхался полупрозрачный занавес. На той стороне появились эти самые толстые фламандские бабы, только уже совершенно голые, задвигались, незаметно пересекли этот занавес, словно он не из материи, а нечто вроде серых лучей, с широкими улыбками на широких лицах начали медленный танец прямо передо мной.

Я рассматривал этих красоток бараньим взглядом. Да, спелые, сочные. И двигаются грациозно, с той тяжеловесной грацией, как в колхозном клубе доярки, изображающие персидских одалисок. И тоже наверняка знающие только один стиль, именуемый собачьим, и затвердившие одну-единственную фразу: «Мой повелитель, утолите во мне жар, пылающий в ваших чреслах...»

Ко мне приближалась в танце то одна, то другая, все томно и многозначительно смотрели мне в глаза, улыбались зовуще, возвращались в хоровод, давая мне время, так сказать, обдумать и выбрать. Даже не додумались, подумал я саркастически, предложить групповуху — довольно обычное занятие на вечеринках, попойках и просто между лекциями у нас в студенческой общаге. Сейчас, правда, институт с его вольностями позади, но иногда все же по жизни встречается такая экзотика, что здесь и Сатана устыдился бы. Прогресс, батя, он не только в производстве новых чипов. Высокие технологии и ноу-хау существуют и в эротических забавах, так что вы с вашими деревенскими соблазнами весьма отстали...

Наконец музыка пошла на высоких нотах, девушки задвигались быстрее, а ко мне начала приближаться танцующим шагом единственная, что пока что томно извивалась в сторонке. Я понял, что это и есть гвоздь программы.

Она остановилась в двух шагах — чисто породистое лицо, нежное, без намека на мысль, красивые голубые глаза навыкате, которые принято называть бесстыжими, глубокое декольте, тончайшая материя, не скрывающая ее прелестей, это здесь так называют сиськи, бедра медленно ходят из стороны в сторону, амплитуда, как у башенного крана, что крушит гирей старые дома, форма бедер безукоризненна... если равняться на фламандский вкус, полные сочные губы, нарумяненные щеки...

Она вскинула руки над головой, отчего грудь поднялась еще выше, по губам пробежала загадочная улыбка. Глаза смотрят обещающе, но я устоял на могуние заросли в подмышечных впадинах, оттуда пошла довольно мощная волна из смеси крепкого запаха пота и таких же бронебойных благовоний. Я ощутил дурноту, а красotka начала медленно поворачиваться на месте, все так же двигая бедрами, дабы я рассмотрел и мощный оттопыренный зад, а когда повернулась ко мне снова и сделала еще шаг, придвинувшись почти вплотную, я отшатнулся от запаха, очень крепкого запаха, что поднимался из глубокого выреза ее платья...

— Мадам, — проговорил я хрипло, — у вас на груди растут волосы?

Она изумилась, брови высоко взлетели.

— Нет, конечно, милорд...

— Гм, — сказал я, — тогда ваше декольте низковато.

Это в моем мире каждая школьница уже делает себе интим-прически, чтобы удивить одноклассника Вовочку, а здесь, похоже, не слышали даже про эпиляцию, не говоря уже о дезодорантах. Я ощутил дурноту, простонал:

— Что, уже пытки?

Я услышал тихий, но властный голос человека в халате, хотя и не видел, где он находится, явно у меня за спиной, тоже оценивает то, что вижу я, хотя наши вкусы, как теперь понимаю, разнятся довольно сильно. Женщины разом исчезли, словно их сдуло вместо с роскошным залом, ярким светом, музыкой. Свет померк, тут же возникла плохо

освещенная трепещущим факелом пещера. Вдоль стены сундуки, скрины, ларцы, даже кожаные мешки, по виду будто набитые грецкими орехами, но я догадался, что это не иначе как жемчужины. В крайнем случае вперемешку с алмазами. Нет, все-таки одни жемчужины — у алмазов грани, говорят, острые.

В уголке — горка золотых монет. Приличная горка, мне до пояса. Под другой стеной пучками копья и мечи, все с золотыми рукоятями, там же свалены золотые доспехи, золотые шлемы, золотые наручники... в смысле золотые щитки, что накладывают на руки с двух сторон и скрепляют ремешками. А если особо хитрые, то там есть такие специальные защелки. Только не понимаю, как сработают с золотом, ведь для нормальной работы защелок металл должен быть упругим, чтобы при нажатии стремился вернуться на прежнее место.

Я задумался, тут же в сознании прозвучал вкрадчивый голос:

— Нравится? Это может быть все твое.

Я хмыкнул:

— Всего лишь?

Голос спросил с тихим удивлением:

— Этого... мало?

— У меня было то, — ответил я, — чего здесь не купишь за все эти сокровища.

Голос надолго пропал или исчез, меня обдавало то жаром, то холодом, чудились за гранью сознания голоса, что спорили друг с другом, советовались, снова спорили, наконец прежний голос произнес с недоумением и разочарованием:

— Да, ты не врешь... хотя не понимаю... Хорошо, а что скажешь вот на это?..

Пещера Али-Бабы исчезла без следа, я увидел с высоты птичьего полета зеленую равнину. По плоскогорью, как стая саранчи, двигалась огромная армия. Воздушный наблюдатель снизился, во главе армии — рыцарь на огромном коне. За ним трепещется по ветру полотнище черного

знамени, там большая корона с высокими зубцами. Императорская корона, насколько я помню. А этот рыцарь, что-то знакомое... а, дык это же я, такой красивый, гордый, надменный, замечательный. Даже нижняя челюсть совсем как у Ланселота.

— Впечатляюще, — признался я. — Правда, я уже водил такие армии. И даже побольше... Последний раз, правда, армию орков на королевство людей... Ладно, не будем о грустном. Потом я уже с этим почти завязал.

Снова все мое тело окатывал попеременно то жар, то холод. Алхимики доморощенные, при чем тут ноги, знания же в голове! В крайнем случае в спинном мозге, как у орков и женщин. Или они верят в теорию флогистона?

Голос произнес с некоторой растерянностью:

— Может быть, вас привлекают тайные знания?

Огромная армия исчезла, словно на огромном экране сменился кадр. Я очутился в немалой по размерам лаборатории алхимика, нетрудно догадаться, что алхимика. Колбы и реторты, колбы и реторты, а в остальном — медные и глиняные кувшины, ибо стекла на все не напасешься. Это у нас каждый сопляк, вылакав бутылку пива, по-гусарски бьет ею о стену, разбрызгивая острые стекла, а здесь каждый осколок на вес ста самородков золота... На столах в тигельках дымится что-то едкое, пахнет гадостно. На длинном столе — расчлененные лягушки, летучие мыши с разрезанными животами, пучки омелы, отрубленная высохшая кисть, череп...

— Ага, — сказал я. — Философский камень, эликсир жизни, приворотное зелье... а с обратным знаком — отворотное, еще амулеты от сглаза... Что еще? Надеюсь, хоть тут не говорят о гороскопах.

Голос поколебался, сказал с некоторым сомнением:

— Если вас не привлекают такие знания... то, возможно, некоторые странные данные об устройстве мира...

— Ага, — сказал я, — мне дадут возможность открыть, что Земля не на трех китах, а на черепахе? Или вообще мне

предстоит доказать, что Земля не плоская, а круглая и находится, согласно Птолемею, в центре мироздания?

Голос ахнул, умолк, отдалился. На этот раз спорили очень долго. До меня даже донесся чей-то нервный голос скороговоркой:

— Но как это... не нужны знания? Если ему не нужны женщины, не нужно золото, не нужна власть, то ему нужны знания!.. Другого быть не может.

— Во много знаний, — сказал я слабо, — много горя. Веет ветер, веет... словом, потом на круги своя.

Наступило озадаченное молчание. От того, что я перепутал слова, моя сентенция мне самому показалась мудрой и многозначительной.

В тишине раздался незнакомый голос:

— А вот тебе твой король!

Шарлегайл в своей спальне выглядел еще старше, чем в тронном зале. Там он старался держаться прямо, орлинил взор, а здесь горбится, животик, ого-го какой животик, корсет носит, что ли, или же шарфом подтягивает?.. Ага, раздевается, даже рубашку снял. Волосы на груди уже седые, а дряблые грудные мышцы обвисли, как у женщины. Животик, как будто арбуз засунул под кожу, аж лоснится... Лезет под одеяло, изображение сместилось, с другой стороны под одеяло юркнула Шартреза. Черные волосы распустила, красивой волной раскинулись по огромной подушке...

Что хотят показать, непонятно... А, что у короля Шарлегайла — дряблые мускулы? Или что не может ничего сделать с женой, прекрасной Шартрезой, вот усиленно акцентируют мое внимание на ее настойчивых усилиях ему помочь... Идиоты, не замечают глубокой нежностью и любви в ее глазах, как есть идиоты. Не понимают, что даже если она помешана на сексе, а это не так, я ее видел и, надеюсь, понял, то она с легкостью решит эту проблему, если знает, где у нее на теле эрогенные зоны. А такие чувствительные женщины испытывают оргазм уже только от ласкового взгляда мужчины, от его любящего голоса, прикосновения его рук, губ, его тела... Нет, в самом деле идиоты. Показы-

вать такое и надеяться, что из-за этого я буду о короле думать хуже? Даже отвернусь от него? Еще покажите королевскую особь в туалете!.. Я сам, сидя на унитазе, тужусь, крихчу, ковыряюсь в носу и чешу между большими пальцами ног, ведь меня никто не видит, а заняться чем-то приятным надо. И ничего, вовсе не считаю себя самым распоследним засранцем. И мои друзья не считают.

Так и есть, в самом деле возникла картинка королевской сральни!.. Вот Шарлегайл развязывает пояс, заменяющий ему ремень... Я не выдержал, хихикнул. Изображение застыло, подергалось, медленно растаяло. Похоже, мои киношники сообразили, что такая киноколлекция шедевров дискредитирует в моих глазах не короля, а тех, кто такое хранит у себя да еще и показывает другим.

Видения истончились, серый занавес растаял без следа. Зал виден четко, я снова полулежу в том же кресле. Железные скобы охватывают мои руки и ноги, но шея свободна. Воздух теплый, насыщенный запахами еды, кислого вина, крепкого пота, неумело забитого душистыми маслами, из-за чего запах немых тел стал насыщеннее, тяжелее, влезает в ноздри и обволакивает носоглотку, не давая ощутить другие запахи.

Зал стал еще ярче, в дополнение к факелам зажгли светильники. За дальними столами веселится народ, очень яркий, просто картинно яркий, а за ближайшим ко мне столом всего трое — двое мужчин и женщина. Беседуют друг с другом, все трое сдвинули головы настолько заинтересованно, что почти соприкасаются лбами. Слуга с каменной мордой держится сзади, заученными движениями подливает вино в высокие изящные кубки из серебра.

Я услышал за спиной высокий мужской голос:

— Он очнулся, Ваша Светлость!

Двое из разговаривающих мужчин подняли головы. Одного я сразу определил как «Его Светлость», сильное и волевое лицо, здесь ведь мир, где титулы чаще всего достаются сильным и жестоким, а не переходят по наследству от одного ничтожества к другому. Вот второй, да, если и име-

ет право на титул, то явно же этот титул заработан предками... Если резню и сражения можно назвать работой или менеджментом.

Мужчина, которого называли Светлостью, выбрался из-за стола, за ним тут же угодливо понесли легкое кресло. Он сел передо мной в трех шагах, в отставленную руку ему тут же вложили бокал с вином. Именно бокал, а не кубок из металла, пусть даже из золота, как в Зорре и других королевствах, в которых я побывал. Бокал из тонкого стекла, стекло бесцветное, так что вся красота темно-красного вина видна полностью.

Мужчина рассматривал меня с любопытством. У него крупное лицо, угловатое, не лишенное грубой мужской привлекательности. Глаза умные, насмешливые, сфокусированные, как черные звезды, в одну точку.

— Я герцог Арлингский, — назвалса он. — Полновластный владетель этих земель... и не только этих. А ты — тот самый загадочный воин, что сумел заставить о себе говорить. Твой молот, кстати, так и не смогли взять. Он покалечил моих лучших воинов, я велел его просто засыпать землей и завалить камнями. А меч... меч плоховат! Может быть, в нем какие-то скрытые возможности? Во всяком случае, двое моих контов из-за твоего меча чуть не подрались... Пришлось отдать третьему, чтоб не обидно.

Он умолк, ждал ответа. Я молчал, он отхлебнул вина, посмотрел сквозь бокал на дальний светильник, явно намекая, что ему спешить некуда.

— Разумно, — буркнул я.

Он вскинул бровь.

— Вы находите? Впрочем, я сам тоже считаю себя умным. Или достаточно умным. А как вы находите свое положение?

Я попытался пожать плечами, получилось, хотя под левой лопаткой кольнуло. На груди лопнула корочка крови, проступила бледно-оранжевая жидкость. Странно, самая глубокая рана, как я помнил, была в плече, где засела стрела... Впрочем, плечо онемело, я его не чувствую.

— Бывало и хуже.

Он вскинул другую бровь.

— В самом деле? Простите мое удивление. Вы не производите впечатление воина. У вас нет шрамов, руки ваши по-королевски нежны, на ладонях ни следа от мозолей, а это просто немыслимо... Не только у крестьян или рыцарей, даже у королей твердые, как копыта, мозоли!.. Даже у магов от их вечного растирания целебных корешков... Что вы за человек, сэр Дик? Мой верховный маг в унынии, ведь все его изысканные и могучие соблазны на вас не оказали никакого действия! Что у вас за запросы?

Я покосился на металлические зажимы на запястьях.

— Чтобы это спросить, необязательно заковывать меня вот так.

— Что вы, что вы, — сказал он с веселым оживлением. — Вы себя недооцениваете! Вас заковали... во-первых, потому что бояться, а во-вторых, вас отсюда не выпустят живым, разве что...

— Ну-ну, — сказал я, — что у вас в рукаве?

Он засмеялся:

— Ага, заинтересовались? Еще бы!.. Словом, вы привлекли внимание, сэр Ричард. Известно, что вы общались с гномами и эльфами, что строжайше запрещено церковью... кстати, в церковь вы тоже не ходите, известно и то, что вы одобряете ломку сословных делений. Но в то же время вы отвергли руку противников церкви, а это, знаете ли... В этом мире так нельзя. Вы либо на стороне Бога, либо на стороне дьявола. Ваше желание идти посередине — это уже вызов. Это оскорбление воюющих сторон! Это выглядит как трусость: мол, вы воюйте, а я подберу трофеи.

— Еще в мародеры меня запишите, — сказал я грубо. — А подумать, что мне по фигу ваши мелочные разборки?

Он присвистнул.

— Борьба Сатаны с Богом — это мелкая разборка? Ну, у вас и масштабы, сэр Ричард!.. Да только за подобную гордыню вас церковники превратят в пепел, да и тот развеют над морем! Отплывут подальше на корабле, на самую сере-

дину моря, и развеют. Это же надо такое брякнуть... Ладно, не буду в детали. Вы уже поняли, что на попытку сопротивления и церковь, и мы реагируем абсолютно одинаково. Несогласных — сокрушить! Согласных — вести к счастью! Сейчас вам предлагается нехитрый выбор. Вы должны принести присягу верности нашему верховному сюзерену. Имя его вам известно. Всего лишь принести присягу. Вам это сделать совсем легко, ибо, насколько мы знаем, с Богом вы не в ладах. У вас даже нет ангела-хранителя, что просто... просто немыслимо!.. Ведь даже у нас, слуг Сатаны, и то у каждого есть. И они с нами до самого последнего часа нашей жизни. И даже в момент смерти они все еще пытаются нас «спасти», ха-ха, а потом над трупом вступают в борьбу с духом ада, все еще пытаюсь нас вызволить, не дать... А вот вы, сэр Ричард, вы просто... я даже не представляю, кто вы. Говорят, что вы — Антихрист! Верно? Ну скажите же!..

Я покачал головой.

— Вы произнесли слово «выбор». Пусть даже нехитрый. А какова антитеза присяге вашему повелителю?

Герцог развел руками.

— Я человек очень мягкий и чувствительный, мне бы не хотелось этого даже говорить.

— Понятно, — проговорил я. — Смерть настолько дикая и страшная, что ни словом сказать, ни пером описать.

Он добавил тихо:

— Но сперва пытки... Такие пытки, до которых в церковном мире Зорра никогда не додумаются. Там всего лишь дыбы, костоломы, раскаленное железо да прочие грубости. Жертва теряет много крови, а с нею и чувствительность к боли. А у нас вы испытаете настоящие муки... А потом все равно умрете. Таков мир, сэр Ричард! Кто не с нами, тот против нас.

— Если враг не сдается, — сказал я, — его уничтожают.

Он воскликнул:

— Золотые слова!.. Кто это сказал?

— О, — сказал я, — у меня таких сокровищ много. Как и старых анекдотов. Для вас они самый свежак...

Его взгляд скользнул поверх моей головы. Кто-то подошел сзади, я чувствовал, как грубые сильные пальцы ухватились за спинку кресла, прищемив мне кожу. Кресло качнуло, шелкнуло, я ощутил, что спинка исчезла. Послышался грохот, кто-то театрально отшвырнул ее в сторону.

Герцог сказал почти ласково:

— Горанг, приступай.

Спину ожег острый удар. Я содрогнулся от боли и унижения, кровь бросилась мне в лицо. Уши запылали, словно к ним поднесли факелы. В воздухе послышался свист бича. Второй удар рассек кожу, я почувствовал, как потекли теплые струйки крови. Боль была неожиданно острой, но, хуже того, унижительной, оскорбительной.

Герцог смотрел с холодным любопытством.

— Это же пустяк, — сказал он почти благожелательно. — Это же не пытки вовсе!.. А пытки — это боль. Это настоящая боль...

— Не знаю, — прохрипел я пересохшим ртом.

— Что не знаешь?

— Не знаю, — ответил я честно, — смогу ли терпеть боль. Раньше не приходилось.

В поле зрения появился еще один, похожий на рыбу в человеческой одежде, даже глаза рыбы. Переглянулись, мне показалось, что в глазах рыбаглазого промелькнуло удивление, а герцог пренебрежительно рассмеялся.

— Это уже что-то, — заявил он. — А то попадаются герои, что уверяют, будто им наплевать на любые пытки! А на первой же ломаются, начинают молить о пощаде. Так что, может быть, сразу встанешь на колени? Проси милосердия... ха-ха!.. и хотя наши боги не милосердны, но все же хоть какой-то шанс, верно?

— Верно, — признал я. — Но я все же попробую терпеть.

— Ого!

— Сколько смогу, — добавил я.

— Это не продлится долго, — пообещал он.

Он зажал мне руки в тиски. Я увидел, как он подносит

тонкую длинную иглу, инстинктивно сжал пальцы в кулак. Он расхохотался, грубо схватил за кисть, заставил разжать пальцы, прижал ладонь к поверхности и с силой загнал иглу под ноготь.

Боль была ослепляющая, я закричал, срывая голос. Перед глазами запрыгали огненные линии, запылало все тело.

Герцог сказал с пренебрежением:

— Да, со стойкостью у вас слабовато. Тут был на прошлой неделе один герой... Под самыми жестокими пытками улыбался и пел походную песнь своего рода!.. Это в самом деле крепкий... Ну а вы не продержитесь до вечера.

До вечера я охрип от крика, а к полночи сорвал голос. Палачи сменялись. Иглы загнали уже под все пальцы, а когда они распухли, иглы выдернули, пригодятся для другой жертвы, а мне пальцы просто раздробили молотком. Я терял сознание с трудом, мне хотелось умереть, но умереть было невозможно, а в те редкие минуты, когда наступало черное забытие, меня либо поливали холодной водой, либо совали под нос едкую гадость. В голове сразу все прояснялось, а боль становилась ошутимее.

Утром герцог явился свеженький, выпавшийся. Посмотрел с сочувствием, переговорил с палачами, ему подали стул, он уселся со вкусом, тут же на столике придвинули кувшин и стеклянный фужер. Один из палачей довольно умело наполнил, герцог отпил, пошлепал губами.

— Хорошо, — сказал он, — с утра почему-то принимаю только кислое вино. А вот к вечеру идет и сладкое... Странно, да? Впрочем, вам это неинтересно. Так что вы хотите сказать?

Я пытался сказать, что я о нем думаю, но из горла вырывались только хрипы. Он наклонился ближе, чтобы слышать. Я плюнул ему в морду, прохрипел:

— Я сам тебя убью, сволочь...

Он отшатнулся, глаза выпучились. Кровавый плевок попал ему в глаз, залепил глазную впадину и пополз вниз по щеке. Палачи застыли, у одного даже выпали из руки раскаленные клещи. Герцог наконец вытащил дрожащими

руками платок, вытер как можно тщательнее лицо. Губы его тряслись, лицо побелело.

— Нет, — сказал он ненавидяще. — Нет, я не убью тебя, как ты надеешься... Ты будешь умирать долго...

Один из палачей что-то шепнул ему на ухо. Герцог поморщился, взгляд его метнулся в мою сторону. Он покачал головой, палач повторил умоляющим голосом. Я услышал:

— ...перекос... необходимость...

Герцог зло посмотрел на него, на меня, выдавил люто:

— В последний раз спрашиваю: принесешь присягу моему Повелителю?

— Я убью тебя, сволочь, — повторил я сипло.

Он покачал головой.

— Да, я недооценил тебя... Здоровяки ломаются быстрее. Даже тот герой, что три дня улыбался и пел песни, на четвертый день еломался и принес присягу. А ведь он в самом деле был почти нечувствителен к боли!.. А ты чувствуешь, еще как чувствуешь... Вопишь так, что все мои гости сходят с ума от восторга. И все-таки держишься... Какая-то защитная магия?

— Да, — прохрипел я.

Он наклонился ко мне, но тут же, вспомнив о плевке, отпрянул в таком испуге, что едва не свалился с кресла. Палачи переглянулись. Мне почудилось, что от одного добежавшего смешок.

Глава 26

Боль всплыла из глубины сознания, я ощутил ее и понял, что еще жив. Все тело горело как в огне. Я поднял тяжелые веки, одним глазом смотрел как через смятое молотом забрало, а другим видел только розовую слегка просвечивающуюся мякоть опухоли.

Я подвешен на столбе, привязанный за руки толстой измазанной в крови веревкой. В зале вяло переговариваются пятеро богато одетых мужчин. Нет, четверо, пятой оказалась женщина, с холодным высокомерным лицом, безглиявая, с красиво очерченными, но чересчур тонкими

губами. Сперва я видел ее не в фокусе, но подошла ближе: черные длинные волосы собраны в хвост, завязанный где-то на макушке, черные раскосые глаза, тонкие губы, бледная кожа, голос низкий, мягкий, хриплый, походка легкая, движения исполнены властности...

— Ты оказался крепче, — обронила она холодно, — чем предполагали. Я всегда утверждала, что мужчины — грубые существа. Ты это доказал, когда тебя не сломила тонкая изысканная боль. Но, возможно, на тебя лучше подействует простая боль? Более понятная!.. Сейчас тебе отрубят... нет, оторвут уши, вырвут язык, глаза... нет, сперва отрубят руки, ноги... не сразу, а начиная со ступни...

Она остановилась, глаза ее пытливо исследовали мое распухшее лицо. Я молчал, ибо я и тогда не мог сказать заранее, что выдержу пытки. Я не выношу боль, я буду орать и дергаться, как уже орал и дергался, но, чтобы я сказал не то, что хочу сказать, надо нечто большее, чем боль. Они этого не знают. Правда, я тоже не знаю, что это за «нечто».

— Ты все слышал?

— Мыться вам надо, — прошептал я сипло. — От вас плохо пахнет, миледи...

Она отшатнулась, по бледному лицу пошли красные пятна. По ее знаку подошел палач. Я взглянул на его жуткую рожу, содрогнулся и отвел глаза. Он тут же с силой ударил меня в живот.

— Смотри на меня, тварь!

— Да, — ответил я, — ты ведь красивше, чем твоя хозяйка... Хотя пахнете одинаково.

Палач кивнул — для него это комплимент, начал раскладывать инструменты. Щипцы и клещи опустил в горящий горн на угли, разворошил, оттуда стрельнуло искрами, пошла волна жара.

Ко мне подошел герцог, уставился снизу вверх холодными рыбьими глазами. Лицо было бледным, а в глазах мелькала трусливая неуверенность. Трусливая и какая-то загнанная, словно это я его пытал и в конце концов заставил сломаться.

— Скажи, — спросил он зло, — из-за чего это все?

— Что?..

— Терпишь все из-за чего?

Я прошептал:

— Не знаю...

— Тогда... — он длинно и грязно выругался, — зачем это все?

— Не знаю, — ответил я еще тише. — Захотелось, чтоб было... А насколько сильно восхотелось, теперь даже я вижу...

— Идиот! — заорал он. — Нет ничего на свете такого, из-за чего стоит терпеть! Нет! Нет!..

— Теперь есть, — прошептал я.

На какое время я провалился в забытие или не проваливался, но в помещении повеяло жаром, прежний злой голос сказал люто:

— Все!.. Он ваш!..

И звук удаляющихся шагов. Перед глазами поплыло, затем был серый туман, чернота. Снова серый туман, что сменился оранжевым, истончился под жарким солнцем. Я чувствовал, что по-прежнему подвешен на столбе, но здесь я присел на зеленую траву, где ползают красноспинные божьи коровки, прыгают крошечные кузнечики, а деловитый муравей тащит засушенную лапку богомола.

Он присел рядом со мной на траву. Солнце светило в лицо, но не обжигало, по коже пробежали приятные мурашки.

— А ты помнишь, — спросил он, — из-за чего все началось?

Я подумал, спросил:

— Из-за яблока?

— Точно, — подтвердил он. — Был богатый цветущий сад. Он сказал человеку: от всякого дерева в саду ты будешь есть, «а от дерева познания добра и зла не ешь от него». До сих пор помню, хотя это говорил не мне, а тебе. Да, это я совратил, чтобы ты съел то яблоко и стал... человеком. До этого ты, как коровы и остальные звери, был... хе-хе!.. аб-

солютно невинным. Съев яблоко, ты уподобился самому Творцу, который — кстати о птичках — сам же заявлял, что сделал тебя по своему образу и подобию. Брехня, «по образу и подобию» ты стал только тогда, когда съел первое яблоко. Надо бы и второе, дающее бессмертие, но не успел... услышали голос Творца, тому вздумалось прогуляться по саду, спрятались... Дальше сам знаешь. Вас обоих выгнали из рая, где жили, бездельничая. Вы стали пахать землю, создали земледелие, скотоводство, научились добывать руду, построили корабли, переплыли моря и океаны, заселили землю... Словом, весь прогресс, вся цивилизация — это моих рук дело.

— Не спорю, — прошептал я.

— В тебе чувствуется неземная мощь, — сказал он, — но разве это мощь церкви?

— Нет, — ответил я.

— Это мощь прогресса? Цивилизации?.. Так ведь? Но и церковь, как ты понимаешь, тоже создана мною. Нет, Христос, конечно, не я, но это я с ним спорил там, на горе, это я соблазнял броситься с вершины, испытать своего божественного Отца... Он так и не решился. Его распяли, на этом, как ты понимаешь, Его учение и заглохло бы — в нем ничего не было жизнеспособного... Ты можешь себе представить человека, который подставит левую щеку, если ему влупят по правой?.. Нет, человека такого представить можно, даже отыскать такого можно, но возможно ли целое общество, где живут по такой морали?.. То-то. Я взял все в свои руки, упорядочил, дописал нужное, истолковал уже сказанное, выстроил иерархию, создал могущественную организацию, что теперь называется церковью...

Я закрыл глаза, изо всех сил стиснул челюсти. Однако в мозгу блеснула ослепительная по здравости мысль: а почему нет? Он мог... или не мог?

Огромным усилием воли я взял себя в руки, вскинул голову и застыл с закрытыми глазами, подставив лицо невидимому солнцу. Прогресс — да, согласен, его рук дело, против фактов не попрешь, но насчет церкви — это уж че-

ресчур. Или он рассчитывает, убедив меня, что всю цивилизацию создал он, убедить и в том, что и церковь — его творение?

Почему-то мне казалось очень важным отстоять именно церковь. Никчемную, не играющую никакой роли в моем обществе, презираемую и терпящую насмешки.

— Все началось с амебы, — прошептал я. — Или с инфузории-туфельки... Но я уже не амеба...

Мир сдвинулся, я снова висел на столбе, привязанный за руки. Палач надел длинные кожаные рукавицы и, взявшись за горячий прут, накалял конец в огне. Тот уже светился оранжевым, сыпал искрами. Кроме палача, в помещении остались только женщина и герцог. На опустевших столах я видел лишь широкие блюда с объедками, перевернутые кувшины и кубки.

Палач вытащил наконец прут, повернулся ко мне. Я сцепил зубы, боль будет острой, жгучей, я заору, не выношу боли, но все равно: одно дело — исходить криком, другое — говорить им то, что хотят...

Внезапно палач замер, глаза расширились. Прут выпал из руки, а сам он рухнул лицом вниз. Из его спины торчала стрела. Женщина вскочила, рот распахнулся для крика, но в тот же миг в нем появилась рукоять ножа. Герцог искал и все не мог отыскать меч, а когда поднялся с оружием в руке, перед ним мелькнула серая тень, и герцог повалился вниз лицом, роняя меч.

Я на миг потерял сознание, чувствовал только, что веревка лопнула под острым лезвием, меня снимают, куда-то тащат, потом я падал на землю, на седло, меня трясло, боль стегала во всем теле. Перед глазами с бешеной скоростью мелькала серая земля, я сообразил, что лежу на седле вниз лицом, лошадь скачет во весь опор.

Я собрался с силами и, преодолевая острую боль, повернул голову. За нашей спиной отдалается замок, но из ворот выметнулись десятка два всадников, с грохотом пронесли по опущенному подъемному мосту. Я изо всех сил растопыривал уцелевший глаз, видел, как из распахнутых

ворот выплескиваются еще и еще всадники. Я начал сползать с седла, рука всадника подхватила и удерживала меня, пока я не набрался сил и не сумел, цепляясь ногтями, зубами и всем телом, всползти выше.

Стрелы свистели мимо. Я сцепил зубы, боль терзает все тело, а при каждом стуке копыт в голове и везде-везде взрываются атомные бомбы. Я лежал вниз лицом, земля прямо перед глазами сперва неслась, как пестрая лента неровного асфальта, а потом мне почудилось, что летим на вертолете над самой гладью озера.

Позади раздался крики. Рука все еще сжимала мое плечо, не давая сползти с седла. Я на какое-то время потерял сознание, пришел в себя, когда по плечам хлестали ветви, а снизу по лицу чиркали жесткие стебли травы. Конь хрипел, стонал, задыхался, бока часто вздувались, я снова начал скользить по мокрой коже, на этот раз не удержался, трава прыгнула навстречу.

Я не чувствовал удара, лежал, раскинув руки. Коричневая громада коня стояла рядом. Бока ходят ходуном, голова свесилась до земли, и чувствовалось, что конь поднять ее не в состоянии. В ветвях дерева снова зачирикали ожившие птицы.

Я приподнялся на локте, преодолевая боль, оглянулся. Человек все еще стоит спиной ко мне, его руки и голова лежат на седле, а конь недоверчиво обнюхивает плечо хозяина. Из плеча торчит стрела, еще две стрелы смотрят из спины, кольчуга распорота ударами мечей в трех местах, кровь вытекает узкими струйками.

— Эй, — сказал я, — ты зачем...

Он медленно повернулся, слова застряли у меня в горле. Он попробовал сделать шаг в мою сторону, однако колени подогнулись, упал, ударившись коленными чашечками, не удержался и завалился набок. Из глубокой раны на скуле текла красная струйка.

Лежа на земле, растянул синеющие губы в страшной улыбке. Я потянулся к стрелам, он покачал головой, я отдернул руку.

— Не знаю, — ответил он хриплым голосом. — У меня было все: богатый дом, семья, золото... За каждого убитого платят хорошо, но... не знаю. Поют о вас, голодных при-
дурках, что скитаетесь по пыльным дорогам, деретесь не за деньги, а просто по дурости... Спасаете принцесс, а потом отдаете их женихам или отцу без всякого выкупа...

— Но при чем тут я?

— Эх, — прошептал он, — не понимаешь...

— Не понимаю.

— Ты тогда пощадил мою жизнь, что, конечно же, глупо... Я мог бы вернуться... и уже без всяких красивых шуточек метнуть в тебя нож из темноты. И ты это знал. Но — отпустил... Дурость? Явная дурость... Но в то же время ты не дурак. Мне сказали, что не дурак. Ты даже в церковь не ходишь, а это точно — не дурак!.. Значит, ты больше из наших, чем из... тех, бьющих поклоны. Так почему?

Я сказал горько:

— И ты решил проверить, набросившись в одиночку на всю крепость?

Его губы дрогнули в слабой улыбке.

— А что, плохо получилось?... Удалось...

— Но они все равно скоро будут здесь. Не понимаю, что их задержало.

— В моих мешках... — он закашлялся, выплюнул кровь, закончил: — в моих мешках еще осталось такое... что их задержало... Я знаю много трюков... Эх, раз в жизни попробовал сделать что-то героическое... и то мордой в стену...

Я повторил:

— Но... зачем?

— Не знаю... — прошептал он. — Наверное, свихнулся... После того, как ты, ублюдок, не стал меня убивать... Нет, это не благодарность, как ты сдуру думаешь... Какая у рыцаря Тьмы благодарность? Разве что ножом в спину... Просто я всю жизнь видел, как вы, бла-а-а-агородные, стоите за честь друг друга. Не из корысти или выгоды, а просто так... Видел, как вы по-детски держите это «слово чести», блюдете дурацкие обеты... Большой глупости придумать трудно!..

Я снова осмотрел стрелы, предложил нерешительно:

— Давай попробую выдрать?

— Дурак... Наконечники с зазубринами... Все кишки мне вырвешь... Не трожь... Ты так и не понял... Да и не поймешь... дурак, потому что я жил в более правильном мире... а на вас смотрел, как на...

Он закашлялся, изо рта хлынула кровь. Я в бессилии ухватил его голову, держал у себя на коленях, чтобы наемник не захлебнулся. Уже синеющие губы раздвинулись в слабой улыбке.

— Ты и сейчас дурак... Любой черный рыцарь на твоём месте удрал бы... Мне уже не помочь, а ты рискуешь... Они обойдут стальные колючки, что я разбросал, у них еще много коней, к заходу солнца будут здесь. А тебе надо замести след...

Я взглянул на солнце, что едва перевалило зенит.

— Я тебя не оставлю, — ответил я твердо. — Ты ж не просто рисковал жизнью... ты... ты...

— Можешь не договаривать, — разрешил он затихающим голосом. — И все равно понять не можешь, верно?.. Я сам не понимаю... Просто вдруг так захотелось, чтобы все было иначе... Вот тебя пытали, жгли, рвали кожу, а ты как идиот твердил свое... У нас, если попадешь в плен, решается выдавать всех и рассказывать все тайны... Все равно ведь предадим, так лучше разрешить, ха-ха... А вот ты никого не выдавал, не предавал, даже не пытался прикинуться предающим... Над тобой смеялись, смеялись, смеялись... а потом перестали. Нет, все равно не поймешь...

— Что?

— Что у нас полное превосходство не только в войсках, дурак. В уме!.. Мы умнее. Мы познали природу человека. Мы знаем, насколько он трус и подлец... Но вдруг мне дощема захотелось, чтобы у меня были вот такие тупые, но честные друзья... чтоб за меня стояли, мое имя за спиной защищали, а не так, как у нас принято, — в грязь, в дерьмо, да еще и сверху полить тем же...

Я сказал насмешливо:

— Это тебя коснулась благодать Господня!

Насмешка прозвучала коряво, словно я насмехался над самим собой. Он поморщился:

— Я ж говорю, дурак... Да как тебе понять, если я сам не понимаю, а я поумнее тебя, благородного дурня... Какой к дьяволу Бог, я твоего Бога презираю и не принимаю!.. Это что-то внутри меня... О, каким огнем жжет внутренности! Я думал, что я стойкий, а я сейчас буду визжать от боли, как недорезанная свинья... Убирайся, гад. Бери моего коня, он все еще хорош... если не сторел, и убирайся.

Я поднялся, взглянул снова на небо, на умирающего.

— Может быть, кому-то передать что-нибудь?

— У меня никого нет... достойного. Да убирайся же, гад! Я не хочу, чтобы ты видел...

Я отвернулся, конь перестал хрипеть, с великим трудом поднял голову. Глаза его были замученные, печальные, но все понимающие. Я с трудом взобрался в седло. От куста донеслись стонущие звуки. Я украдкой оглянулся. Наемник скрючился, лицо белое, все еще пытался удержать рвущийся из него крик боли.

Господи, взмолился я. Если Ты в самом деле есть... а сейчас мне хочется, чтобы Ты был, то прими его душу! Он грешник, великий грешник, но в последний миг он стал другом!.. И не слушай Ты его, что он Тебя не принимает!.. Зато Ты прими его, прими...

Конь нес меня через чащу. Я то и дело терял сознание, а когда наконец очнулся, вокруг чернота, конь стоит, повесив голову, а меня трясет от холода. Но вокруг меня что-то происходило, я видел желтые глаза. Потом послышалось рычание, на грудь бросился крупный зверь. Я вдохнул его шерсти, закашлялся, в висках взорвалась боль, я рухнул во тьму.

На этот раз я возвращался в сознание очень долго. Тела не чувствовал, вместо него — огромная бесформенная глыба, распухшая, с изломанными костями. Пахнет железом, горящим углем. На миг почудилось, что я снова в пыточ-

ной, затем издали донеслись частые удары молотков. Так стучат в кузнице, вот удар мастера, у него легкий молоток, а вот тяжелые удары подмастерьев, у них пока только сила, умение придет потом, не скоро, если придет вообще...

Послышались шаги. Я не мог повернуть голову, но голоса расслышал отчетливо. Один низкий и гулкий, словно шел из самого брюха, прогудел недовольно:

— Он же почти труп... И охота тебе возиться?

Второй голос ответил настолько низкий, что я представил, как он выходит вообще из сапог говорящего:

— Зато посмотри, какие руки!.. И ноги. И спина широченная. Знаешь, сколько руды сможет таскать за один раз?

— Если захочет...

— А куда денется?

— Как заставишь?

— Ты ж видишь, это из рыцарей... А они слово держат.

— Какой же он рыцарь?

— Ну и что, если без успехов?.. С такой статью все равно становятся рыцарями. Главное, поймать на слове, понял?

Первый голос ответил искренне:

— Не, не понял.

— Эх... Так и ходить тебе в подмастерьях еще лет сто, пока не поумнеешь.

Я все-таки заставил себя повернуть голову. В шее стрельнуло, виски пронзило болью, потек жар, словно плавилась мозги. Инсульт, что ли, подумал я вяло, да и с глазами что-то творится... с пропорциями.

Рука протереть глаза не поднялась, но поморгать сумел, хотя даже это простое движение наполняет болью. Я лежу на каменном топчане, подо мной пара толстых шкур, а в двух шагах — пара гномов, каждый поперек себя толще, рассматривают меня один с надеждой, другой со скептицизмом.

— Привет, ребята... — прошептал я. — Вы вовремя... Я вам обязан.

Один толкнул другого.

— Видишь?

Второй гном скептически поджал толстые губы.

— Ну и что?.. Чувство благодарности — всего лишь чувство, а не руда.

— Наш Атарк говорит, что...

— Да брось ты про Атарка, — сказал второй гном зло. — Не так уж он и мудр. Хитер — да, но мудрость с ним и рядом не лежала. Ладно, дело твое. Если думаешь заполучить человека в рабство, пробуй. Но, скажу тебе, это гнилое дело. Люди — вероломные существа. Если это рыцарь, то откажется и гордо умрет от своих ран. Если простолюдин, то согласится, а потом сбежит, чтобы остаться жить и плодить таких же вероломных и подлых людишек.

Первый гном, явно поколебленный, повернулся ко мне.

— Человек, — сказал он, — ты сильно ранен. Изранен, да?.. Я могу позвать наших лекарей, они умеют многое... Но чем ты заплатишь?

Я ответил слабым голосом:

— Чем скажешь. Жизнь — самое ценное. Сколько бы ни заплатил... и чем бы ни заплатил... все равно в долгу.

Он кивнул, победоносно посмотрел на приятеля. Тот заворчал, посмотрел на меня с озлоблением.

— Кто ты? — спросил первый гном.

— Человек, — прошептал я. — Мы везли очень ценные доспехи...

— Доспехи? Ценные?

— Да, — ответил я. Увидев, как блеснули глаза гнома, добавил: — Они из простой бронзы! Ковали простые кузнецы, не очень умелые. Но доспехи носил человек, память о котором нам очень дорога.

Гном помолчал, лицо перекривилось в брезгливой гримасе.

— Я сталкивался с такой дурью у людей, но ее понять невозможно. Вещь ценна сама по себе, а не потому, что ее потрогал великий король или самая красивая в мире женщина. И что ты готов заплатить?

Перед мысленным взором встала сожженная земля, об-

горелые трупы, горящие дома и посевы, вырубленные сады... И как наяву вдруг увидел отчаянные глаза принцессы. Она смотрела молча, но в ее глазах я видел мольбу. Мольбу и страстное желание, чтобы доспехи святого Георгия оказались в Зорре, спасли ее королевство. Сама принцесса ничего не говорила, я даже видел ее только мельком, но сейчас как воочию увидел именно ее лицо.

— Все, что у меня есть, — ответил я. — Все, что смогу добыть своим мечом или своей волей.

Гном буркнул:

— Ого!.. Видно, кто-то очень сильно в этом нуждается. Пожалуй, это стоит принять... Ты соглашаешься на добровольное рабство! На рабство всю свою жизнь, а если я погибну, то останешься в рабстве у моей семьи. А если даже исчезнет и семья, то у меня много родни, далекой и близкой... Ты согласен?

Я сказал охрипшим голосом:

— Да. И пусть весь мир будет свидетелем.

Он потер ладони, осмотрел меня с головы до ног, взгляд у него был взглядом собственника крупного рогатого скота. Из-за его спины вышли двое, такие же широкие, могучие, настоящие дети земли. Я видел, как поблескивают глаза из-под тяжелых бровей, самих глаз почти не видеть, но искорки, как от слюды, потом один прогудел тяжелым голосом, напомнившим мне рев Бернарда:

— Нехорошо...

— Нехорошо, — подтвердил и другой, огненно-рыжий, тяжелый. — Нехорошо, Генельд!

Гном возразил:

— Хорошо! Ты посмотри, какой здоровый. Подлечим, он у меня один сможет в нижнем забое руду добывать!

— Нехорошо, — повторил рыжий гном. Он обратился ко мне: — Мой друг Генельд пошутил. Он не жадный, он им только прикидывается.

Генельд заворчал, чувствуя, что добычу вырывают из цепких рук. А рыжий гном сказал:

— Меня зовут Атарк, я — вождь этого клана. Мы зале-

чим твои раны, а потом отпустим. У вас, людей, есть странная особенность... Нам это непонятно, но вполне устраивает. Герою лучше дать свободу, он приносит пользы больше, чем с ошейником раба в моей же каменоломне. Так что утром ты свободен...

Утром, когда я раскрыл глаза... к своему удивлению, оба, я зверски хотел есть. Все тело зудело, чесалось, я исцарапал себя до крови, выл от наслаждения и лишь во время этого приятного процесса сообразил, что на моем теле от всех ран остались только быстро исчезающие багровые шрамы.

А когда наконец осмотрелся, у моего изголовья стоял молот. Мой драгоценный молот. Атарк явился в момент, когда я вертел молот в руках, удивляясь, как же гномы смогли взять его в руки, как вообще отыскивали.

— Хороший молот, — сказал он одобрительно. — Сейчас таких не делают.

— Как вы сумели?

Он удивился:

— Так он же помнит руки гномов! А как бы его ковали, если бы и кузнецам плющили пальцы?.. И отыскивали довольно легко, хотя на него навалили груды камней. Что нам камни, мы с ними всю жизнь работаем, мы их знаем. А они — нас. Это твой молот, возвращаем его тебе. Но я пришел не за этим. Ты помнишь наш договор?

Я спросил настороженно:

— Какой?

— Ты отплатишь нам за все то, что мы для тебя сделали.

— Как?

Он внимательно посмотрел мне в лицо.

— Да, я вижу, ты из тех, кто в самом деле платит. Но если не заплатишь, это тоже хорошо. Наше мнение о людях упадет еще ниже. Гномы поймут, что все вы — лживое племя, с которым нельзя иметь дело... А теперь о деле. Твой молот хорош там, на севере, но если вздумаешь идти к югу, то там все больше будет зачарованных... или не зачарованных, но, словом, этот молот не сможет...

Я прервал:

— Я уже столкнулся с одним таким. Едва удрал.

Он протянул руку, я увидел сжатый кулак. Для такого малорослого гнома кулак был непропорционально велик. Я уставился на кулак, Атарк разжал, на мозолистой ладони заблестели три горошинки разного цвета. Красная, синяя, зеленая.

— Это тебе в дар, — объяснил Атарк.

— Что это?

— Мы их зовем гемами, — ответил Атарк, — хотя в старину звали иначе. Увы, все забыто, потеряно. В старину, говорят, эти гемы делали сотнями тысяч, а теперь это такая редкость, что когда находят в земле хоть одну, то владелец сразу становится богачом. Вот эта красная придаст твоему молоту впятеро больше мощи. Вот эта зеленая придаст больше силы тебе. Кроме того, если ты, раненый, возьмешь в руки молот с зеленой гемой, твои раны заживут за сутки. А синяя... она слышит твой зов.

— Э-э... Как это?

— Она стремится к тебе. Стоит тебе позвать ее, она тут же помчится на зов. А если вставить ее в рукоять молота...

— Великий Гейтс, — пробормотал я, — я просто не верю... Эта гема и молот притащит?

Атарк развел руками.

— Не с конца света, конечно. Но теперь можно оставлять, к примеру, на другой стороне реки... или дома.

— Благодарю, — пробормотал я обрадованно и в то же время встревоженно, — эдак мне никогда с вами не расплатиться... Это нечестно, в такую долговую яму... Я только проценты буду выплачивать годы... Гм... но и отказываться было бы дурью. Спасибо, Атарк! Я вижу, тебя не зря избрали вождем клана. Если бы ты пытался как-то навязать мне условия договора, то я бы постарался тебя обжучить. Но вот так... гм... теперь я в самом деле твой должник... и должник вашего народа. Теперь скажи, что я должен для вас сделать.

Он кивнул:

— Ты хорошо сказал. Заплатить. Отплатить. Хорошие слова!

— Чем? — повторил я.

Он посмотрел на меня, улыбнулся.

— Отплатить. Чем?.. Не знаю. Просто отплатишь.

Я сказал настойчивее:

— Знаешь, в любом договоре пишут, чем заплачено и какая услуга должна быть за эту плату. Понимаешь?

Он заулыбался еще шире, закивал:

— Понимаю, понимаю. Ты — хороший человек. Я — хороший гном. Зачем нам договора? Договора только между теми, кто не верит друг другу. Я тебе верю. Ты — хороший человек. А чем заплатить?.. Да ты сам решишь. Что сделаешь, то сделаешь. Как только решишь, что уже заплатил, пусть так и будет.

Я смотрел в это широкое лицо и видел перед собой водопроводчика Гену. Тот тоже никогда не называл цену за прочищенный стояк или замену прокладки на кухне, а говорил так это простецки: «Да сколько дашь, хозяин!»

— Ох и свинья ты, — сказал я.

— Свинья, — радостно согласился Атарк. — Правда, я умный?

— Зараза ты, — добавил я. — Теперь в самом деле понимаю, почему именно ты вождь этого клана жуликов.

Глава 27

Когда мы прощались, Атарк хлопнул себя по лбу, зычно взревел, к нам подбежал мальчишка, в руках сверток из промасленной тряпочки. Атарк выхватил и протянул мне.

— Нашли там же, где и молот... Он сразу завалился в щель, никто не видел. Но мы — гномы! Это наши горы. А в горах мы видим все!

Я начал разворачивать тряпку. Пальцы наткнулись на твердое, и я по внезапному холодку в кончиках пальцев догадался, что именно в драке сорвали у меня с шеи.

— Спасибо, — прошептал я. — Да, Атарк, ты умеешь заставить на себя поработать.

Его темные глаза без всякого выражения следили, как я цепляю амулет на шею.

— Прощай, — сказал он. — Там был еще крестик, но мы взяли себе. Он из серебра, мы не любим такие... фигурки, переплавим на что-то полезное. Да, еще одно...

Он помялся, переступил с ноги на ногу. Я насторожился: вот оно, начинается что-то неприятное.

— Если только одно, — сказал я.

— Одно, — сказал Атарк с неловкостью. — У нас есть маг, он немного свихнувшийся после потери руки, но иногда бывает очень полезен. Я пообещал, что приведу тебя к нему. Нет, он просто хочет поговорить с тобой. Сам он очень стар, а то бы уже сидел здесь, он очень любопытный. Пойдем, послушай его пару минут, а потом иди по своим делам. Хорошо?

— Хорошо, — сказал я, но чувство настороженности меня не покидало. — Если это все, что от меня требуется... сейчас.

Атарк отступил на шаг, воздел широкие мозолистые ладони.

— Все-все!

Мы вышли из хижины в странный трепещущий свет. Я пугливо оглядывался, луна в небе чересчур огромная, бледная, а звезды собрались в плотные рои. Лунный свет колдовской, похожий на волшебный туман, и только минуту спустя я сообразил, что мы вышли на поляну, ветви уже не закрывают небо, а привыкшим к темноте глазам достаточно и света звезд, чтобы видеть окружающий мир.

Башня высилась черная и даже там, где на нее щедро падал лунный свет, оставалась угольно-черной, поглощая любой свет. Дверь показалась мне вросшей в крупные каменные блоки. Атарк коснулся ее кончиками пальцев, дверь... исчезла. Атарк шагнул через порог, я успел увидеть узкие ступени, что по кругу вели вверх.

— Он был воином? — спросил в спину Атарку.

Гном начал пыхтеть и отдуваться уже на первых же ступенях. Повернул побагровевшее лицо.

— Чего так решил?

— Одна рука, — напомнил я. — Ты ж сам сказал, он однорукий. В Зорре многие маги — бывшие воины.

Атарк удивился:

— В Зорре маги?

Ага, подумал я, и здесь знают, что такое Зорр. Вслух сказал:

— Я имею в виду лекарей, священников...

Атарк поднялся еще на пару ступеней, живот заколыхался от беззвучного смеха.

— А ты не знаешь, почему он однорукий?

— Нет, — ответил я заинтересованно.

— Понимаешь, у нас однорукими становятся чаще по другим причинам, чем у вас в Зорре... Уф, что за крутые ступеньки... Однажды наш Хохлерг, это наш маг, после большого пира проснулся среди ночи, никак не поймет, где он. Голова трещит, во рту коты нагадили.

Он остановился, задохнувшись. Лицо стало пугающе пунцовое, со лба срывались крупные капли пота. Я спросил заинтересованно:

— Давай не тяни кота за...

— Да я и не тяну. Он на улице в грязной луже, вокруг бродят свиньи, хрюкают, тормозят, едят его заживо. Отгрызли уши, руку до локтя... Ну, он заплакал, кое-как залечил раны, только руку уже восстановить не смог, но дал великую клятву, что больше вина в рот не возьмет, будет заниматься только магией. И даже баб к себе не допустит, а то где бабы, там и вино.

Я смотрел недоверчиво, но лицо Атарка было абсолютно серьезным.

— Врешь?

— Чистая правда, — поклялся Атарк и посмотрел в мое лицо самыми честными глазами. — Когда повелитель узнал... а он обо всем узнает, он пожаловал мага золотой це-

пью с самым большим изумрудом. Ты изумруд вообще-то видел? Хоть когда-нибудь?

— Видел, — подтвердил я.

— Ну так чего ж тебе еще?

Он отдышался, развернулся к ступенькам. Я полагал, что будем подниматься еще долго, ведь только-только оторвались от земли, однако Атарк сделал шаг, я увидел тускло блестящую дверь. Атарк толкнул, дверь отворилась с ужасающим скрипом.

Пахнуло травами, старой свалывшейся шерстью. Мы шагнули в крохотную комнату, заставленную старыми шкафами с книгами. С другой стороны еще дверь, Атарк со вздохами, будто взбирался по ступенькам, добрел, толкнул. Открылась комната чуть побольше, но и от шкафов с книгами почти не оставалось места.

Старый приземистый гном сидел на высоком стуле за столом, где не было свободного места из-за книг. Он подслеповато водил носом, почти касаясь желтого листа пергамента с обгрызенными краями. Заслышав стук двери, вскинул голову. Морщинистое лицо дрогнуло, а седые брови поползли вверх.

— Ого!.. Так быстро? Я думал, придется уговаривать.

Атарк кивнул мне: мол, не церемонься, садись, где отыщешь место, а не отыщешь, смахни это чертовы книги на пол. Сам он тут же плюхнулся на массивный сундук. Похоже, он бывал здесь часто, старый маг на него даже не обратил внимания.

— Ты хотел видеть меня, — сказал я. — Я пришел.

Старый маг привстал, указал единственной рукой на другой сундук, где оставался свободный краешек.

— Садись! Я не могу, когда надо мной такая башня. Споткнешься, ты же все разрушишь...

— Меня не просто свалить с ног, — ответил я, как полагается герою, гордо и немножко надменно. Хотел было даже челюсть выдвинуть, но решил, что после такого негероического вида, в каком меня обнаружили, это будет занятно.

Однако сел, выпрямился и приготовился слушать с достоинством если не благородного рыцаря, то героя. Старый маг помялся, оглянулся на Атарка, но тот отвернулся, с сомнением рассматривал светильники. Те давали сильный свет, Атарк потрогал пальцем масло, будто проверял, почему не убывает, поднес к лицу, крупные мясистые крылья носа подергались. Он даже лизнул, скривился.

Старый маг сел напротив. Седые кустистые брови нависали, как заснеженные брылья скал. Глаза выглянули, как осторожные зверьки из норок, тут же спрятались в глубине.

— Я знаю, — сказал он почти умоляющим голосом, — что зоррцы все стараются решить ударом топора. Но ты сейчас больше чем зоррец! Тебе пришлось побывать в Темных Землях, что лежат за Кругом Света. Ты уцелел... но ты мог уцелеть, уж прости, не благодаря уму или силе, а по счастливому случаю. Я же хочу, чтобы ты уцелел и... дальше.

Я спросил подозрительно:

— Зачем?

Старый маг развел руками:

— Вопрос зоррца... Герой, ты не подумал, что твоими усилиями, усилиями подобных героев — только ими! — наш Круг Света расширяется?.. Темные Земли перестают быть Темными, если ты сумел побывать там и вернуться. Ты расскажешь мне обо всем, что увидел, я запишу, а я расскажу тебе то, что сам знаю о Темном Крае. Это может тебе помочь, герой.

Я спросил еще подозрительнее:

— Ты хочешь, чтобы эти земли отошли к королевству гномов?

Старый маг всплеснул руками.

— Пусть даже к гномам, но здесь гномы, а не трехголовые чудовища. Понимаешь? Разве ты сейчас не на земле гномов? Но никто на тебя не бросается с ножом, не старается утопить в болоте, зачаровать, убить... Даже помогли, вылечили, а раны твои были просто страшные. Вы, люди, получаете от нас доспехи, оружие, которые никогда не смо-

жете сделать сами, мы от вас получаем дивное вино, что взвеселяет сердца и отгоняет печаль, а также золотые украшения и — самое главное! — книги... Ладно, если хочешь услышать это, то вам с нами, гномами, легче вести войну, чем с неведомыми чудищами Страны Тьмы! Пойми, несмотря на всю нашу вражду, у нас есть общее то, что мы — люди или почти люди. А они — не люди. А для них нет разницы между людьми и гномами. Для них мы все — лакомое мясо, дичь, сочная трава для их коней... или что там у них вместо коней!

Я подумал, сдался:

— Ладно, рассказывай сперва ты. А я решу, стоит ли тебе знать о том, что видел я.

Старый маг перевел дыхание. Страх, что герой встанет и гордо удалится, если не испарился, то ушел вглубь. Я снова увидел внимательные, очень живые глаза.

— Я могу, — сказал маг, — многое объяснить из того, что видел ты... Вот смотри, в этих старых книгах записано о том, что случилось... Нет, писали не очевидцы, увы. Это было записано много веков спустя, записано хотя мудрыми волхвами, но со слов невежественных людей, ибо... Слушай, вот запись о том, что с небес обрушился разрушитель Ахриман. Он «накинулся на воды, что ниже земли, и он проделал дыру в середине земли и прошел через нее вовнутрь... В полдень он обрушился на мир и сделал его темным как ночь... Он затемнил небо, которое ниже земли, и то, которое выше...». «И он принес водам иной вкус...». «И в растения он принес столько яда, что они тотчас же засохли». «Небесная сфера начала вращаться, и Солнце и Луна пришли в движение, и Земля была поражена оглушающими громами гигантских демонов и их битвой со звездами». «Затем Ахриман набросился на огонь, и он смешал его с тьмой и дымом; и Семь Планет вместе с многими демонами и их приверженцами смешались с небесной сферой для битвы с созвездиями»...

Я слушал-слушал, ожидая, что начну засыпать под мерное, как зудение мухи, жужжание старческого голоса, но

вместо этого перед глазами снова встали страшные картины исполинской битвы богов, ревущее пламя, что все еще выбивается из-под земли, трещины, разломавшие целые горные хребты, словно корку хлеба...

— А вот другая запись, — сказал старик. — Она дошла до нас уже в перезаписи с языка другого народа, ныне вымершего: «Землю охватило пламя, сначала на возвышенностях, и она раскололась глубокими трещинами, и вся влага на ней высохла. Луга сгорели, превратившись в белый пепел... Большие города рухнули вместе со стенами, и бескрайний пожар обратил целые народы в пепел... Леса были охвачены огнем вместе с горами... Дымились воды Дона, горит вавилонский Евфрат, кипит Фазис, Ганг, Дунай, Алфей... Нил в ужасе растекся по всем концам земли... Огромные трещины зияют повсюду... Даже море сжимается. Горы, прежде покрытые глубоким морем, выпрыгнули наружу...». «Моря начинают пересыхать, и морские божества страдают от зноя... Кони Гелиоса разбежались в разные стороны, а их упряжь и обломки колесницы разбросало по всему небу. А Фаэтон с горящими на голове кудрями пронесся по небу, как падающая звезда, и упал в воды реки Эридан». «Заставив все сотрясаться от могучих толчков, земля опустилась ниже, чем обычно...»

— Фаэтон — это тот демон? — спросил я.

Старик пожал плечами.

— Это все пересказы... Так ли его имя, уже не узнаем. И что это за реки: Нил, Евфрат, Дунай?.. Может быть, они текут за стенами наших домов, но мы знаем их под другими именами?.. Или вот еще запись: «...упало древнее небо, поднялись тучи, возник запах, стал дымом, а дым стал тучей... Новая земля поднялась из лона прошлой...» Понимаешь, те странные земли, которые мы называем Темными, остались от того, старого мира!.. И те существа, которых ты встречал, они из того мира, до той исполинской битвы богов... или демонов, теперь уже не узнать.

Я буркнул:

— Разве я говорил, что встречал каких-то существ?

Старик бросил косой взгляд, скупая улыбка тронула губы.

— Ты да чтоб не повстречал? Если любой другой сделает любой крюк, чтобы обойти неведомое, то герой сделает такой же крюк, чтобы с ним столкнуться!.. Да что я говорю, тот любой другой вообще не пустится в такой путь... Слушай дальше: «Молнии сверкнули, и небеса взорвались, куски рухнули на землю и убили всех. Небо и земля поменялись местами...» Гм, как видишь, не всех убили, не всех. Но насчет земли и неба — кое-что верно заметили. Ага, вот еще: «Все дома на земле были разрушены, ветер перевернул землю вверх дном и швырнул ее в небо... вся земля полопалась и была выворочена ветром, выплеснулся подземный огонь и сжег все живое...» Ладно, на этом чтение книг закончим, чтобы не утомлять тебя. Ведь героев чтение почему-то утомляет больше, чем самые тяжелые и кровавые битвы, так ведь?

— Конечно, — ответил я, вспомнил речи Сигизмунда и Бернарда, сказал в их духе: — Походы укрепляют мышцы и боевой дух, а кровавые схватки взвешивают сердце! Недаром же наши певцы сравнивают битвы с пирами, где как вино льется кровь.

Старик взглянул подозрительно, не шутит ли воин над волхвом, но я сидел красивый и надменный, как и надлежит держаться герою рядом с червем, не знающим солнца, ветра и мелькающей под копытами быстрого коня выжженной земли.

Забытый нами Атарк закричал, сундук под ним закрипел, а когда Атарк повернулся, то и затрещал.

— Кончил дело, — сказал он, — бабу с воза... Закончили, умники? Эх, не все то золото, что плохо лежит... Вставай, надо идти.

Маг посмотрел на него хмуро.

— Любишь кататься, — сказал он выразительно, — так и катись к такой матери. А герой пусть останется, я ему еще много чего могу рассказать.

— О, — сказал Атарк с издевкой, — это можешь, знаю.

Нет, герой, лучше меньше, но — бабу. Пока семь раз отмеришь, другие уже отрежут! На то они и герои, и не маги, что жуют сопли. Мир принадлежит героям, а не всяким там умным. Пойдем отсюда! Умность заразительна.

На витой лесенке Атарк снова охал и хватался за сердце. Я спросил подозрительно:

— А что ты там насчет героев?

— Рожденный ползать, — ответил Атарк, — летает боксом. Ну, не дано магам завоевывать земли, сердца женщин, искать волшебных коней! Это все вы, герои. Сытый, как говорится, конному не пеший. Где ты пройдешь по тонкому льду, как по каменной горе, там под худосочным магом враз проломится по самую... самую преисподнюю. Это для вас, героев: умереть на бегу, на скаку, на лету, а для магов и всех прочих: тише едешь — дольше будешь... Или еще: тише едешь — меньше должен.

Я кивнул, это понятно. Герой всегда всем должен: стране, отечеству, друзьям, своему депутату, не должен ничего только нищий.

Яркий лунный свет ударил по глазам. Мир был залит этим солнцем ночи, я видел совсем других птиц, что наполняют воздух, других зверей и зверушек, даже муравьи ночью бегают совсем другие, пока дневные спят. Ноздри затрепетали от непривычных ароматов: цветы ночью раскрываются тоже иные, а дневные крепко спят, сомкнув чашечки.

— Красивый у вас мир, — сказал я совершенно искренне. — Как много мы не замечаем... пока случай или несчастье не ткнет носом! Прощай Атарк. Спасибо за все.

— Должок, — сказал он многозначительно и засмеялся.

— Мог бы и не напоминать, — ответил я.

И вот на мне лохмотья, иду пешком, на поясе только молот, но сердце подпрыгивает в радостном возбуждении. Гномы не просто излечили, они еще и засадили под кожу какой-то дури, что сердце стучит, а ноги все стараются подпрыгнуть. Или это от молота на поясе, в рукояти которого

три хитрые гемы? Атарк сказал, что в замке сильный и опасный человек, ему служат многие воины и что у них там богатые каменоломни, где работают пленные люди и даже плененные гномы.

Я вышел утром, целый день двигался через редколесье, по косогорам, почти узнавал место, где в бешеной скачке меня нес конь наемного убийцы, и только ближе к вечеру вышел к замку герцога Арлингского. Правда, замок на дальнем холме, хорошо укрепленный, но дорогу к нему почти загораживает просторный солдатский барак. Не совсем загораживает, можно обойти, но я засел в кустах, внимательно осматривался. Атарк обронил, что в каменоломнях работают пленные люди и плененные гномы. Если удастся освободить гномов, может быть, этого хватит в уплату?

Стены — из толстых каменных глыб, а узкие окна обезопасены толстыми решетками. Здесь можно выдерживать осаду много дней, пока не подойдет помощь. Такие стены разрушить разве что тараном, но его и на равнине не просто найти, а в горы поднять вообще невысказуемо. Так что сама казарма неприступна...

Вокруг барака чисто, даже трава вытоптана или сожжена, чтобы никакой гад не подобрался незамеченным. Шагах в пяти от входа из серой каменистой земли гордо поднимается огромное дерево. Я бы сказал, дуб, но слишком высокое, стройное, ветви начинаются только у вершины... Впрочем, здесь могло быть много деревьев, но их срезали и выкорчевали, чтобы под их защитой никто не подобрался. А это единственное дает густую широкую и плотную тень, что в этом знойном краю не лишне, не лишне.

Я подполз ближе. У костра, если увидел всех, трое. Двое бросают кости, третий точит меч. На костре, к счастью, ничего не жарится. Иначе тут же сидел бы еще кто-нибудь, роняя слюнки. Всегда, как помню, кто-то сидит и подает советы, как держать шампур, как брызгать на мясо вином, как прокладывать кусочки мяса тонкими ломтиками лука...

Я сглотнул слюну, рука нащупала молот, пальцы слышно вытащили из петли. В это время двое переруга-

лись, один вскочил на ноги, размахивал руками. Второй хладнокровно сгреб в стакан костяшки, забрал монеты. Когда он поднялся, первый отскочил, но игрок направился к бараку. Второй, все еще ругаясь, поплелся за ним.

Дверь за ними захлопнулась, у костра один. Я подполз еще ближе, встал на колени, лежа метать молот как-то непривычно, но и с колен не бросишь, на коленях и есть на коленях. Я наконец решился встать во весь рост, лунный свет пал на мои голову и плечи. От костра все еще идет скрежет точильного камня по металлу.

Молот вырвался из моей руки неслышный, как летучая мышь, только уже вблизи костра залопотал сминаемым воздухом. Страж быстро вскинул голову, я успел увидеть вскинутые руки. Молот с чмоканьем ударил в потную от страха и волнения ладонь, а страж остался на спине, раскинув руки.

Я бросился к бараку, меня трясло, ибо все трюки с подрубленными деревьями я знаю только по кинокадрам, когда лесорубы, соревнуясь, втыкают в землю карандаш, а потом должны срубить дерево так, чтобы оно, падая, вогнало карандаш по самый торец.

Молот ударил в ствол почти под корень. Страшный треск, молот описал петлю и быстро вернулся ко мне. Я уже на бегу ухватил за рукоять, оглянулся в страхе. Показалось, что дерево падает прямо на меня. Оно и падало на меня, вернее — на то место, откуда я бросал молот, а бросал я с линии двери барака.

Земля вздрогнула, все на ней подпрыгнуло. Жидкое пламя в костре заметалось, вспыхнуло ярче. Ствол в три обхвата лег вплотную к стене барака, плотно привалив собой и дверь. Мне почудилось, что с той стороны тут же начали бросаться на нее, пробуют открыть, донеслись злые и перепуганные крики, звон оружия.

Грязный барак для рабочих вынырнул так стремительно, что я едва не пробежал мимо. Молот сокрушил сонного стража, я ворвался с мечом в левой, молот в правой, из глу-

бины выбежал еще один, глаза вытаращены, рот начал открываться для истошного вопля.

Молот ударил ему прямо в зубы, разнес все вдребезг, я едва удержал эту мокрую липкую рукоять, дальше вниз пошли широкие каменные ступени. Я сунул меч в ножны, сорвал со стены факел.

Внизу широкий коридор, толстые двери по обе стороны. В тупике дремлет, положив голову на стол, стражник. Почуял неладное, вскинулся, тут же завопил:

— Стража!.. Рабы взбунтовались!

Я швырнул молот.

— Дурак!.. Я никогда рабом еще не был.

— Будешь, — прорычал он взбешенно.

Меч блеснул в его руке, но молот ударил в грудь, сплюснул, изо рта, ушей, глаз выплеснулись тугие темно-красные струи. За дверьми слышались нарастающий гул голосов, крики. Я быстро снял с пояса стража связку ключей, кое-как отпер ближайшую дверь.

В темноте на гнилой соломе скрючились грязные лохматые тела. Свет факела ослепил их, они закрывались ладонями, кто-то крикнул:

— Что случилось, господин?

— Вы свободны! — прокричал я. — Вот ключи, откройте все двери!.. Кто способен драться, пусть возьмет наверху оружие.

Я прижался к стене, чтобы не стоптали, а когда они повскакивали на ноги, я обнаружил, что это и есть гномы. Они хлынули, как стадо бизонов, но все же двое метались со связкой ключей, отпирали намного быстрее, чем это сделал бы я. Когда все камеры были распахнуты настежь, я прокричал вдогонку:

— Атарку привет!.. Атарку!

Сверху слышался радостный вопль:

— Слава Атарку!.. Это он нас освободил!

Вот так всегда, мелькнула мысль, воюет один, ордена получает другой. Один гном уже с лестницы оглянулся, я

увидел широкий щербатый рот, растянутый в смехе до ушей. Гном крикнул:

— Если хочешь... там внизу есть еще и люди! Правда, стоит ли их освобождать? Рудокопы из них ничемные...

Я с трудом отыскал ход, что вел еще ниже, там выбил молотом дверь. В слабом трепещущем свете факела заключенные выползали измученные, жалкие. Многие тут же ринулись на четвереньках к лестнице, другие, как совы, в ярком свете факела невидяще тыкались в стены, искали выход на ощупь.

Нескоро среди измученных, истощенных людей я увидел знакомую фигуру, окликнул. Бернард обернулся, широкое лицо дрогнуло от изумления.

— Дик?..

— Он самый! — крикнул я. — Где остальные?

— Асмер был здесь, — ответил он тем же гулким ревом, но я слышал в нем хрипы и уже не орлиный клекот, а хлюпанье поврежденных легких. — И отец Совнарол, а вот Ланселота увели в замок...

— Тогда заглянем и в замок, — пообещал я.

— Сэр Ричард! — послышался знакомый голос. — Ваша милость!

По ступенькам сбежал Сигизмунд. В лохмотьях, жестоко избит, но в руке короткий меч стражника, а лицо дышит отвагой и мужеством. Бернард вскинул брови, видя, как его оруженосца, который явился, конечно же, только затем, чтобы спасти своего хозяина, кто-то называет сэром, но всмотрелся в Сигизмунда, а в молодом рыцаре явно видна благородная кровь, и повидавший жизнь Бернард на всякий случай смолчал, отвернулся и тяжело поспешил за рабами наверх.

— Где доспехи? — крикнул я.

— Мы с Гуголом их спрятали, — сказал Сигизмунд топорливо. — Нашли нору, сунули туда и завалили камнями!.. А потом вернулись к вам... но не успели. Два дня прятались, все искали, как вас освободить... Простите, ваша милость, я понимаю, я нарушил воинский долг, в Зорре

ждут доспехи, однако мой сюзерен в плену... Как я мог, моя рыцарская честь, мои обеты, даже Гугол перестал ругаться и не бросил меня, как обещал... А дальше вы знаете.

— Догадываюсь, — буркнул я, но как ни старался выглядеть недовольным, в груди разливалось тепло. Кому-то же я нужен на этом свете! Мог бы отвезти доспехи, стать героем. Но остался, ползал две ночи на брюхе, голодный и холодный, высматривал меня, искал пути, как пробраться в эту крепость и освободить меня, своего сюзерена... — А где Гугол?

— Где-то наверху, — ответил Сигизмунд преданно. Он смотрел на меня влюбленными глазами. — Его по слабости здоровья взяли на кухню. Сэр Ричард, но как... с казармой? Там человек сто отборных солдат!

Я отмахнулся:

— Пусть такие мелочи тебя не беспокоят.

Он вытарашил глаза. Я жестом послал его наверх, уже только мы остались в опустевшем подземелье с распахнутыми дверьми тюремных камер. Факел начал чадить, погас. Вслепую мы отыскивали лестницу, выбрались на верхний этаж подземелья, а потом и наверх, под звездное небо, на свежий воздух. Заключенные носились с дикими криками, размахивали мечами, копьями, топорами. Похоже, успели разгромить караульное помещение, где складывают оружие.

Бернард стоял перед упавшим деревом, уважительно мерил взглядом его необъятную толщину. Присвистнул.

— А я уж думал, как с ними справимся...

— Они уже не опасны, — ответил я коротко.

— Но... гм... я не думал, что даже твой молот может сшибить дерево такой толщины. Это же гора, а не дерево!

— Теперь может, — ответил я коротко.

Сигизмунд сказал задиристо:

— Сэр Ричард мог бы всех убить, но он, преисполненный христианского милосердия, не любит проливать кровь!

Бернард крикнул, смолчал. Я подумал с тревогой, что надо будет их держать как можно дальше друг от друга. Сигизмунд уже ненавидит Бернарда за то, что тот, по его мне-

нию, недостаточно почтительно обращается с его сюзереном, тем самым нанося урон и его чести. А если отыскать Ланселота, тот вообще не позволит называть меня сэром.

Впереди вспыхнул огонь, зазвенело железо. Глаза Сигизмунда засияли восторгом, он взглянул на меня умоляюще. Бернард сурово прорычал:

— Да, верно, самое время захватить замок... Почти все солдаты в бараке! В замке всего лишь с десяток стражей на воротах.

Сигизмунд сказал горячо:

— Я умею лазить через стены! Попробую перелезть, а потом брошусь к воротам... надеюсь, успею открыть.

— А тем временем тебя изрубят? — сказал я. — Нет, такой жертвы не нужно.

— Любая жертва уместна, — сурово сказал Бернард, — если на пользу церкви и христианскому воинству! Я сам бы полез, да у меня зад с годами стал тяжеловат.

Я ухватил Сигизмунда за плечо.

— Стой! У меня другая идея.

Мне даже чудилось, что молот потяжелел, хотя три гемы в его рукояти весят не больше горошин. Никто не видел, как я размахнулся, все смотрели на верх ворот, где из укрытия арбалетчики и лучники стреляли по храбрецам. Прикрываясь кто щитом, а кто и просто сорванной дверью, бывшие рабы подступали к воротам, готовые рубить толстые доски, для крепости скрепленные широкими металлическими полосами.

Молот ударил, как брошенная рукой великана скала. Ворота снесло, башенка над воротами затрещала и рухнула. Нападающие ошалели от неожиданности, но тут же кто-то завопил счастливо, и все неудержимой массой хлынули вовнутрь.

Бернард и Сигизмунд с боевыми кличами ринулись следом. Быстроногий Сигизмунд ухитрился нагнать самых отважных, и в здание первым ворвался именно он. Но и Бернард отстал не особенно, я видел, как он влетел, разма-

хивая чем-то наподобие алебарды, исчез, а потом из окон второго и третьего этажей начали вышвыривать тела защитников замка.

Я на всякий случай швырнул молот в сторожевую башню, она высилась чуть в сторонке. Из основания вылетели обломки камней, башня задрожала, но осталась стоять. Я швырнул еще раз, потом еще, с третьего удара башня накренилась, начала рушиться, но еще раньше внутри что-то сломалось, она рухнула грудой глыб, что раскатились по всему двору перед замком.

Ворота распахнулись, из здания вышли Сигизмунд и Бернард, за ними шел, сильно прихрамывая, Ланселот. Он был обнажен до пояса, но в обеих руках по мечу, с лезвий стекают темные капли. Руки по самые плечи и грудь Ланселота в кровавых пятнах. Судя по его лютomu лицу, это не его кровь.

Бернард рядом с ним сиял. Хорошая пара, подумал я саркастически. Если у Ланселота от тягот пути и плена лицо еще больше вытянулось по вертикали, как будто на экране сбилась фокусировка, то Бернарда трудности приплюснули как в плечах, так и в морде. Тоньше он не стал, но шире — да. Голова и раньше казалась мне настоящей скалой из гранита, а сейчас, исхудав, еще больше похожа на скалу, растерявшую прикрывающий мох, с выветрившимся из щелей песком. Над Ланселотом Господь Бог и раньше поработал тщательно: высокий лоб, аристократическая бледность, точеный нос с красиво вырезанными ноздрями, выпуклые глаза, способные из холодных становиться очень холодными, а то и вовсе ледяными, а уж нижняя челюсть так и вовсе шедевр: выдвигается, словно поддон у электропогрузчика, только тяжелая и массивная, а ямочка на подбородке, которая на самом деле не ямочка, а ущелье, сейчас стала еще шире и глубже.

Последним выбежал Гугол. Просиял, увидев меня, крикнул:

— Да знаю, знаю, что дурак! Надо было убраться раньше. Но как-то стало неловко оставлять Сига одного.

Появился Совнарол, в лохмотьях, с красными пятнами на лице и руках, кое-где плоть даже обуглилась. Если воинов сразу в каменоломни, то священника — на пытки, понятно...

На той стороне двора Бернард с грохотом вышиб двери конюшни. Мы быстро расхватывали коней, небо на востоке уже посветлело, а облачко над горизонтом окрасилось в нежно-алый цвет. Асмер торопил, я выбрал было гнедого жеребца, за спиной Сигизмунд прокричал:

— Ваша милость, мы ведь и вашего коня привели!.. Которого вы изволили отнять у того, с огненным глазом. Он там дальше, в отдельном стойле. Его другие кони боятся...

Я поколебался — сам почему-то боюсь такого коня, не совсем конь, как мне кажется, а если честнее, то совсем не конь, но выругал себя за трусость, пробежал в конец, там из-за перегородки выглядывает черная как ночь конская голова. Острый рог выглядел достаточно обыденно, то ли я пригляделся, то ли сейчас не до конских рогов. Похоже, конь дремал. Перед ним зияет полный овса деревянный желоб, а сбоку щерит красные зубы обглоданный каменный угол конюшни.

Сам конь прикован к стене толстыми якорными цепями. Я струхнул, хотел отступить, но конь вскинул голову, радостно заржал. Он даже потянулся ко мне, я вытянул руку во всю длину, он подставил морду, я погладил по бархатному носу — нос как нос, да и рог как рог, у носорогов тоже такие же, хоть и толще, — сказал как можно будничнее:

— Шас я тебя отцеплю... и мы поедем, хорошо?

Цепи крепились к стене толстыми штырями, такими скреплен мост через Москву-реку в районе Парка культуры. Я отступил, метнул молот. Стену с грохотом вынесло, цепи упали наземь, а конь даже не вздрогнул.

Я быстро оседлал, вскочил на спину и помчался вдогонку за своими. За мной был звон, треск, грохот. Сигизмунд ожидал, призывно махал мне рукой. Галопом мы вынеслись из долины, я задержался и сшиб молотом два дерева, чтобы перегородили узкий проход, а вдобавок рискнул метнуть молот в нависающий над замком скальный карниз.

Сперва я увидел возникшую трещину, тяжелый грохот донесся следом. Откололся не сам карниз, трещина прошла выше, и теперь на замок медленно падал, с каждым мгновением набирая ускорение, огромный кусок скалы размером едва ли не с сам замок.

Я повернул коня, ветер засвистел в ушах. Я поравнялся с Сигизмундом, он придерживал коня, в этот миг земля вздрогнула, качнулась, конь растопырил ноги, стараясь не упасть, дрожал всем телом.

— Вперед! — закричал я. — Если и будет погоня, то теперь... не скоро.

Все сидели на конях неподвижно, смотрели на меня круглыми глазами на одинаково вытянувшихся лицах. Даже у Бернарда вытянулось.

— Ваша милость, — произнес наконец Сигизмунд, — это вы с какой-то целью?..

Он указывал пальцем мне за спину. Я молча выругался. Коня я освободил от стены, но не от цепей. Они волочились следом, на одной прыгала громадная глыба с вбитым в нее штырем. За нами оставалась не канава, а пунктирная линия глубоких вмятин в почве, в каждой мог бы укрыться пулеметный расчет.

Сигизмунд правильно понял мое страдальческое выражение лица, торопливо соскочил, конь позволил ему снять цепи с железного обруча на груди. Я видел, как молодой рыцарь побагровел от натуги — надо было чуть приподнять цепь, снимая с крюка, а потом так же приподнять другую...

Совнарол вскинул глаза к небу и что-то шептал. Солнце поднялось над краем земли, впереди нас пролегли длинные тени. Мир обрел краски, трава сразу стала зеленой. Ланселот хмурился, тронул коня, посылая вперед, Сигизмунд догнал, крикнул:

— Пора сворачивать!

— Нет, — отрубил Ланселот. — Мы должны исполнить свой долг.

Сигизмунд просиял.

— Вы о доспехах?

Ланселот бросил в его сторону подозрительный взгляд.

— Каких доспехах?

— Доспехах святого Георгия!

Ланселот напрягся, его глаза быстро пробежали по окрестностям, даже взглянул наверх в синее небо.

— Что тебе известно?

— Только то, — ответил Сигизмунд простодушно, — что я их спрятал неподалеку.

Ланселот отшатнулся в седле. Выпуклые глаза стали еще крупнее, потом в них загорелся холодный гнев.

— Если это шутка...

Сигизмунд вскинул брови, сделал большие глаза:

— Какие шутки! Вот та гора, чуть левее, там каменная насыпь... Мы с Гуголом сунули доспехи в щель, он еще палец прищемил, орал, а потом завалили камнями. Место приметное.

Гугол подпрыгивал в седле с другой стороны, возмутился:

— Враки!

Ланселот обронил презрительно:

— Я так и думал. Откуда у вас доспехи?

— Да нет, — пояснил Гугол, — я вовсе не орал, он все клеветает! Правда, больно было, в глазах потемнело. Я ж не рыцарь, я чувствительный. А доспехи мы в самом деле в щель, и камнями, камнями... Простыми камнями, не освященными.

Бернард и Асмер начали прислушиваться, Асмер оглянулся на меня, я сделал каменное лицо. Сигизмунд начал забирать вправо, Гугол подпрыгивал в седле, визжал, улюлюкал, указывал пальцем. Гора проплывала мимо, коричневая, как глина, изрытая трещинами и норами. Наконец Сигизмунд остановил коня, начал озираться.

Ланселот сказал громко:

— А теперь я услышу, что забыли место, где спрятали найденные вами святые доспехи?

Сигизмунд дернулся, покраснел от гнева, но я сделал

ему предостерегающий знак. Сигизмунд выдохнул воздух, процедил сквозь зубы:

— Доспехи отыскал и взял сэр Ричард!.. И защищал их от врагов. Да, я помню, где они сейчас.

Ланселот мерил его взглядом, Сигизмунд выпрямился и надменным жестом бросил ладонь на рукоять меча. Его квадратная челюсть выдвинулась, хотя и не так далеко, как и без того выдвинутая нижняя челюсть Ланселота.

Некоторое время они ломали друг друга взглядами, пока Бернард не сказал раздраженно:

— Да где же искать?.. У нас совсем нет времени.

Сигизмунд прыгнул, но бросился не к зияющим норам, а принялся разгребать ближайшую каменную насыпь, Бернард помог разбросать камни. На свет появился мешок, гроыхнуло, звякнуло. Ланселот медленно бледнел. До этого мгновения еще оставалась надежда, что это все мальчишечья похвальба, а доспехи найдет и привезет он, Ланселот Озерный, лучший рыцарь Порубежных королевств, конт Зеленых Островов и лорд Долины Четырех Камней.

Асмер помог слезть на землю Совнаролу. Как слепой, тот вытянул дрожащую руку. Бернард поднес ему мешок, Совнарол приоткрыл край мешка. В глаза ударил чистый свет, перед которым солнечный показался серым и обыденным. Но этот свет не слепил, Бернард пару мгновений смотрел, отвел взгляд, прошептал:

— Да... Это доспехи святого. Я чую... Моя мохнатая душа вострепетала...

Совнарол приложился губами к панцирю. Все слезли с коней, встали на колени. Совнарол начал читать благодарственную молитву. Только мы с Гуголом молчали, но Гугол хотя бы шевелил губами, так привык прикидываться человеком, что уже стал им больше, чем я. А я дергался и оглядывался по сторонам — там вроде хрустнула ветка, а вон оттуда вроде бы конский топот.

Они еще не закончили литургию, как я сказал просяще:

— Теперь бы убраться отсюда... Я тоже чую, но не святость, а присутствие нечистой силы...

Ланселот очнулся, сказал не своим голосом:

— Да, надо уходить. В нашу сторону приближается Зло.

Около часа мы шли на рысях, но кони устали, начали ронять пену. Ланселот решил на короткую остановку, велел коней расседлать, обтереть пот, дать обсохнуть. Кони могут пошипать траву, а для нас вон ручей, пейте вволю.

Передышка была короткой, мы все чувствовали приближение беды, как звери заранее знают, когда дрогнет под ногами земля или пойдет ливень. Кони еще не успели перевести дыхание, как Ланселот шагнул к своему коню, но замер на полдороге, прислушиваясь, рука метнулась к мечу. Гугол вскочил, заметался, он даже не понял, с какой стороны слышен стук копыт. Я, как сидел, нащупал молот, обнажил меч и положил на землю рядом с собой.

На дорожке показался всадник в оранжевом плаще, в странных доспехах такого же оранжевого цвета. Даже конь выглядел оранжевым. За ним ехали по двое, большие тропка не позволяла, такие же оранжевые всадники. Солнце блестело на их доспехах сдержанно, в нем не было наглого блеска начищенного солдатского железа, они выглядели так, как будто в самом деле из золота.

Гугол прошептал в страхе:

— Всадники Юга!

Сигизмунд и Совнарол в один голос торопливо шептали молитву, пальцы Сигизмунда сложились в шепотку, а другой рукой трогал крестик на шее. Поймав мой взгляд, покраснел и бросил ладонь на рукоять меча.

Всадники остановились, нас рассматривали с холодным безразличным любопытством. У меня побежали по спине мурашки: глаза у всадников отливают абсолютной чернотой. Даже глазные яблоки, которым надлежит быть белыми, у этих черные, абсолютно черные, словно из-под век смотрит сама пустота... но сейчас на их лица падает свет, я видел блестящие черные глазные яблоки, черные, как антрацит на скеле.

Один подъехал ближе, сказал холодно:

— Кто из вас Ланселот?

Ланселот ответил с не меньшей холодностью:

— Собаке, которая не умеет назвать свое имя... а также показать свой герб, отвечать будут только собаки!

Губы рыцаря дрогнули в усмешке:

— Потому ты и ответил?..

Ланселот вскипел, рука его молниеносно выхватила меч, он встал в боевую стойку. Рыцарь бросил коротко:

— Застынь, идиот.

Уже не обращая внимания на Ланселота, он посмотрел на нас жуткими черными глазами. Я слышал, как стучит зубами Гугол. Бернард и Сигизмунд напряглись, но глаза их не отрывались от фигуры Ланселота, что так и осталась неестественно раскоряченной. Пока он стоял в этой позе, слегка покачиваясь, переносил вес с одной ноги на другую, стойка была опасной и красивой, сейчас же выглядел беспомощно и глупо.

— Нам сообщили, — сказал рыцарь, — что вы отыскиали доспехи одного из ваших людишек, которого считаете святым. Отдайте их нам... а мы, возможно, оставим вам жизни.

Бернард с огромным топором прыгнул вперед.

— Ах ты ублюдок!

Рыцарь только взглянул на него, бросил коротко: «Замри!» — и Бернард упал на землю, как тряпичная кукла, даже стон получился короткий, хриплый, даже не стон, а просто воздух вырвался из схлопнувшейся груди.

Один из группы рыцарей сказал нетерпеливо:

— Хирл Лаг, к чему задерживаться с этими существами? Проще обыскать их седельные мешки. Там всего три вьюка.

Он спрыгнул на землю. Другие рыцари тоже начали слезать, разминали ноги. Железо звякало мягко, мелодично. Двое пошли к нашим коням. Первый рыцарь посмотрел в нашу сторону жуткими глазами, сказал обрекающим нечеловеческим голосом:

— Да станут все камнем!

От его слов, проникнутых жуткой убежденностью, кровь застыла в жилах. Я ощутил, что сердце начинает биться ре-

же. Рыцари развязывали наши мешки, один сказал торжествующе:

— Да вот они!

Из мешка хлынул яркий чистый свет. Лицо рыцаря потемнело, словно в него плеснули ведро черной туши. Он отшатнулся, а потом зашел сбоку, торопливо запахнул мешок. Руки его вздрагивали, губы тряслись.

Передний рыцарь сказал торопливо:

— Убейте их всех. И поехали обратно.

— Ага, — ответил я, — шас!

Мой меч рассек его шлем до челюсти. Я выдернул лезвие, повернулся и снес голову второму. Все задвигалось, только рыцари стояли ошеломленные, смотрели на меня вытаращенными глазами. Ланселот, освобожденный от сковывающего заклатья, завертелся, как бревно в трубе гигантского смерча: вокруг него стоял непрерывный лязг, рыцари падали, как скошенная трава. Бернард ревел, как десяток раненых медведей, его топор рассек двоих до пояса, прежде чем остальные попятились, выхватили мечи.

Асмер быстро и точно бил стрелами в прорези шлемов. Сигизмунд плакал от стыда и ярости, рубил, вокруг него блистало облако из стали, стоял непрерывный звон. Совнарол громко читал молитву.

Я успел разом метнуть молот в спину единственному, кто успел добежать до коня и взобраться в седло. Но прежде чем молот ударил, я увидел стрелу в его спине и внезапно возникший нож в шее.

Сигизмунд тут же бросил меч и кинулся ловить коней, ему помогал Гугол. Кони храпели, отпрыгивали — от чужаков слишком пахнет кровью их прежних седоков. Коней переловили, Асмер взялся охотно сдирать доспехи с тех, на ком уцелели. Полностью целых обнаружилось всего двое: Асмер ухитрился застрелить их обладателей через прорези в забрале. У остальных оказались целыми частично у кого шлем, у кого налокотники, поножи, боевые перчатки...

Бернард выбрал себе самые просторные, но все равно ворчал, что мелкий народ ныне пошел, зато пузатый, Лан-

селот поглядывал на меня искоса, но помалкивал. Только Асмер спросил тихонько:

— Как тебе удалось? Меня ж прямо лед сковал!.. Хочу шевельнуться, а не могу...

— Ты человек, — утешил я.

— А ты?

— А я урод, — признался я. — На меня, как видишь, не действуют ни святая вода, ни черное заклятие.

Асмер хмыкнул, подумал, хлопнул меня по плечу.

— Я рад, что не действуют.

Теперь у всех, кроме меня, были доспехи. Даже Гугол поколебался, доспехи так и просятся на плечи, наконец покачал головой:

— Нет, я ж не воин... И никогда им не стану. Спасибо, сэр Ричард! Спасибо, Сигизмунд, спасибо всем. Мне очень жаль покидать вас, но моя дорога идет на юг. Если доползу, то буду в Золотом Пеарле. Говорят, есть такой город колдунов на юге... Прощайте!

Он вскочил на одного из рыцарских коней, мы смотрели, как он подобрал поводья, конь ржанул и пошел сразу в галоп. Гугол обернулся, мы видели, как он взмахнул рукой, облачко дорожной пыли скрыло его с конем вместе, словно возникло по волшебству.

Бернард прогудел:

— Да, нам на север... Хороший у тебя приятель был, Дик. Как метнул нож, а? Будь покрепче, из него бы воин в самый раз... Там еще доспехи. Хошь, подберу по тебе?

— Не хочу, — ответил я. — Мне бы только побыстрее до Зорра, вымыться, а потом неделю не вылезать из постели.

— Так и сделаем, — ответил он серьезно. — Теперь нам искать ничего не надо. Помчимся прямо. А кони эти добрые, на юге много хороших коней. И оружие там хорошее.

Он любовно погладил себя по выпуклому панцирю. Подошел Сигизмунд, он выбрал самый нарядный из панцирей, хотя металл здорово безобразится косым следом от топора Бернарда. Зато шлем цел, гребень от лба и до самого затылка, в гребне пышный плюмаж из перьев диковин-

ных птиц, квадратный подбородок Сигизмунда подхвачен шлемным ремнем, усиленным металлическими нитями и защищенным блестящими чешуйками, очень похожими на золото. Сам шлем блещет искусной работой, перья уцелели, не помялись. Борта шлема опускаются ниже ушей, спереди нависает металл, а забрало держится на нем легко и прочно, при необходимости закроет лицо полностью, оставив только узкую щелку для глаз.

Панцирь красиво вздут на груди, как раз по Сигизмунду, у него грудные мышцы, насколько помню, выступают, как две перевернутые сковородки, в середине панциря выпячен странный знак, у меня в голове появились какие-то ассоциации, но слишком дикие, я от них поспешно отмахнулся.

Сигизмунд постучал пальцем по груди. В глазах был почтительный ужас.

— Сэр Ричард... Это настоящее золото!

Бернард громыкнул:

— Позолота. Но все равно — дорого. А сами доспехи какие дивно легкие! Либо у них там на юге с оружейным делом лучше, чем у нас... либо мы завалили богатых баронов.

Ланселот подошел, он тоже в золотых доспехах с головы до пят, сухо заметил:

— Бароны стадами не ходят. Нам встретились сильные воины, но, боюсь, на юге таких немало. Все готовы?

Я посмотрел на горы, сказал с великой неохотой:

— Здесь я должен вас покинуть на... ненадолго. Езжайте. Довезите доспехи в сохранности!

У Ланселота сузились глаза. Все затихли, повернулись ко мне. Даже Совнарол смотрел неотрывно, но на этот раз я не видел в его глазах привычной ненависти.

Ланселот поинтересовался холодно:

— А куда ты?

— У меня еще одно поручение.

— Какое? От кого?

Я развел руками.

— Не знаю, могу ли говорить... С меня не брали слова,

что не скажу, но и не давали разрешения рассказывать. Хотя про вас знали... Так что я, так уж получилось, поеду сам.

Сигизмунд вскрикнул с отчаянием в голосе:

— А я?

Я посмотрел в его чистые честные глаза, кивнул:

— Конечно, Сигизмунд, конечно. Ты со мной.

Ланселот побледнел, рука опустилась на рукоять меча.

— Ты никуда не поедешь! Здесь приказы отдаю только я!

Сигизмунд ухватился за рукоять меча, обнажил до половины и оглянулся на меня. Я снял с пояса молот, в другую руку взял меч. Сердце мое бешено стучало.

— Мне отдал приказ более достойный.

Ланселот вспыхнул, потащил меч. Бернард ухватил его за руку, сжал с чудовищной силой, но я видел, что, несмотря на нечеловеческую мощь Бернарда, потомка горных великанов, меч продолжает медленно выползать из ножен. Асмер вскричал испуганно:

— Тихо все!.. Разве Дика с нами отправляли? Нет!.. Значит, он сам по себе. Был в отряде, когда везли мощи святого Тертуллиана, он был обязан подчиняться!.. А за доспехами нас отправили вчетвером! Сэр Ланселот, Дик сейчас вправе ехать с нами, если пригласим, но вправе ехать сам по себе!.. Мы удерживать его не можем! Это закон, который мы отменять не вправе!

Ланселот скрипнул зубами. Во взгляде, направленном на меня, была холодная ненависть. Рука с усилием, теперь борясь уже с собой, задвинула меч в ножны. Он глубоко вздохнул, сказал холодно:

— Зорр ждет. Седлайте коней!

Глава 28

Сигизмунд со стуком бросил меч в ножны. Пальцы его тряслись, и, чтобы скрыть дрожь, он то поправлял шлем, по трогал седло или поправлял щит за спиной. Я повернул коня, вскинул руку в прощании, ни к кому не обращаясь, но чувствовал, что Бернард и Асмер ответили тем же.

Конь Сигизмунда уже устал, я послал своего рогатого коня шагом. Сигизмунд ехал молчаливый, сосредоточенный. Я чувствовал, ему недостает зеркала, доспехи в самом деле великолепные, что у них за оружейники на юге, однако Сигизмунд заговорил, и я ощутил, что он думает совсем не о красоте доспехов и себе, красавце:

— Некрасиво получилось!.. Раз так хотели поехать с нами, то могли бы просто предложить свою помощь. Так бы проще.

Я поинтересовался:

— Полагаешь, они обиделись, что их не пригласили?

Он сказал горячо:

— Ну конечно! А как же иначе?.. Да и вы, ваща милость, не должны были так сразу... Надо было пригласить. Из вежливости! А потом уже как-нибудь отгавкаться. Мол, в Зорре они нужнее...

Я задумался.

— Ты прав, Сигизмунд. Быть тебе полководцем, ты уже сейчас мудр, как два толстых змия.

Всего сутки быстрой езды, где рысью, где галопом, а где и шагом, и искомая гора во всем великолепии предстала перед нами. Я смотрел на нее едва ли не с отвращением. Конечно же, гора. Опять гора. Старая, древняя. Конечно же, вся испещрена пещерами, древними выработками, шахтами. А если учесть, что Земля с каждым мгновением расширяется, то внутри планеты и сейчас образуются огромные пустоты, пещеры, перед которым даже знаменитая Мамонтова пещера покажется скромным чуланчиком.

И вот в одной из таких пещер и спрятаны доспехи Арианта. Что вообще-то естественно: на поверхности все горит и рушится, будь это самые неприступнейшие из замков, самые могучие крепости или огромные города. А вот пещеры внутри гор — вечны. Люди это смекнули и хотя сами постепенно вышли из пещер и начали строить дома на открытой местности, но самое ценное по-прежнему укрывают в пещерах.

Сигизмунд зябко поежился.

— Не люблю пещеры, — признался он. — Не боюсь,

нет! Просто не люблю. Почему-то кажется, что там обязательно клубки змей, скопища скорпионов и огромных пауков... Бр-р-р-р...

— Откуда там змеи? — сказал я. — Змеи камни не едят.

— Как и пауки, — согласился Сигизмунд. — Просто неприятное место.

— Вон та пещера, — указал я.

— Странно, — пробормотал Сигизмунд.

— Что?

— Да слишком уж... близко. К ней можно подъехать на коне!

— Вот и подъедем.

Через четверть часа мы спешили, Сигизмунд вытащил из мешка факел, зажег, сунул мне в руку, а сам обнажил меч и первым шагнул в пещеру, пока я не успел его остановить. Мальчишка, все страшится, как бы не подумали, что ему недостает отваги встретиться с неведомым.

Факел бросал на стены пещеры кроваво-красные трепещущие тени. Пропорции ежесекундно менялись, но я двигался через пещеру, как будто шел по огромному залу. Пол то ли от природы такой ровный, то ли строители поработали на совесть, стены уходят ввысь, там тьма, но наверняка сходятся в красивом стреловидном куполе. Сигизмунд все старается вырваться вперед, чтобы грудью встретить опасность, даже прет в полную темень, я наконец заставил его взять факел, с ним уже не уйдет, оставив сюзерена во тьме крошечной, а сам двинулся с молотом в одной, мечом в другой.

Появились ступеньки, ход по красивой дуге повел вниз. Этот туннель тоже красивый, удобный, трое-четверо могли бы идти плечо в плечо, не задевая стен. Мне почудилась очень тщательная работа, более тщательная, чем можно бы ожидать от этого молодого и грубоватого рыцарского мира. Как будто бы здесь потрудились более древняя, мудрая и изысканная культура со всеми ее строительными находками и достижениями, художественными и другими работками. Например, сарацинская культура, в которую по-

том вторглись неграмотные крестоносцы с благородным стремлением учить нехристей жить правильно.

Впереди из тьмы выступил крупный человек в доспехах, обнаженный меч уже в руке, хотя я не слышал, когда он тащил его из ножен. Забрало опущено, он выставил перед собой меч. Голос прозвучал глухо, резонирующе, словно в доспехах была пустота:

— Дальше хода нет.

— Будет, — ответил я.

Молот ударил в него, как противотанковая ракета. Грохнуло, с металлическим визгом во все стороны брызнули осколки металла. Я поймал молот и, не опуская в дятлю, пошел посмотреть на труп. Сигизмунд опередил, я видел, с каким детским недоумением он потыкал острием меча в искореженный металл.

— Здесь ничего нет!

— Глюк? — предположил я. — Я имею в виду — призрак?

— Да нет, доспехи настоящие, — ответил он с недоумением и страхом. — Но на что они были надеты?.. Даже крови нигде...

— Будем считать, что молот сейчас служит нейтронной бомбой направленного действия... Нет, это я размышляю про себя. Не обращай внимания. Явно здесь другая технология...

Сигизмунд сказал горячо:

— Но нас ничто не остановит!

— На море и на суше, — согласился я. — Пойдем дальше.

Дальше нас встретили еще двое, молот разнес их, как горшки из сухой глины, только звон был сухим, жестким. словно не железо лопалось и взрывалось мельчайшими осколками, а перенапряженная высокосортная сталь. И снова внутри пустота. Сигизмунд искал изувеченное тело, кровь, раздробленные кости, мозги на стене, а я подсознательно высматривал рассыпанные по полу микросхемы, кристаллы чипов, разноцветные провода изоляции, микроаккумуляторы...

— Силен колдун, — проговорил Сигизмунд. Он по-

бледнел, вздрагивал, но, когда видел мое спокойное лицо, моментально взбадривался и шел почти подпрыгивающим шагом. — Но воля Господа нашего сильнее!

— Товарищ, верь, — пробормотал я, — взойдет она, звезда пленительного счастья... И на обломках... на обломках... погоди! Там что-то нехорошее.

Сигизмунд отступил в нишу, я присел и напряженно всматривался в темноту. Впереди что-то дышало, сопело. Похрустывал камень. Накатила волна запаха большого животного, словно от огромного пса под дождем. Почему-то пес, попав под дождь, всегда сильно пахнет... Именно псиной, что удивительно.

И все-таки страх не появлялся. Наверное, все же человека, видевшего мир начала третьего тысячелетия, трудно испугать реалиями Средневековья. Даже если я видел ее только на экране телевизора, на страницах газет и журналов, все же наша жуть реальна. А это вот хоть и жутковато, но недостаточно жутковато, чтобы конкурировать с нашей привычной жутью.

— Вроде бы ушел, — сказал я неуверенно.

— Позвольте, сэр, я пойду впереди?

— Ни за что, — буркнул я.

Опускались долго, сперва на стенах иногда встречались клочья мха, следы плесени, дважды с потолка сочилась вода и под ногами журчала вода, но чем глубже опускались, тем становилось чище и суше. Сейчас мы опускаемся в мир, подумал я, который не знает смены времен года, где не бывает дурной погоды. Самое лучшее место для установки командных центров для запуска межконтинентальных ракет, здесь же можно разместить целый город на случай термоядерной войны...

Да, вот пещера, где разместился бы весь Кремль со всеми башнями, но дорожка ведет через пещеру дальше, там черный ход, прорубленный теми же мастерами и с той же нефеодалальной тщательностью, дальше еще пещера, еще, целая анфилада, но пещеры, несмотря на пустоту, кажутся все более обжитыми, словно этих камней в течение веков касались тысячи рук, сгладили углы...

В самом деле, мелькнула глупая мысль, если здесь прятались от атомной катастрофы, то куда все делись? Должны быть кучи скелетов... Правда, катастрофа могла быть не атомная, это нам кажется, что страшнее кошки зверя нет, а ведь бомбочки могут быть и такие, что даже костей не оставляют... И проникают сквозь толщи горных пород. Вон нейтринно пробивает же Землю насквозь, даже не замечая такой крохотной помехи на пути...

— Ваша милость, — раздался дрожащий голос Сигизмунда, — что-то давит...

Он побледнел, по лицу катились крупные капли пота. Он пошатнулся, я поспешил ухватить его за локоть. Молодой рыцарь дрожал, под моими пальцами мышцы сокращались сами по себе, его корежили судороги.

— Присядь, — велел я. — Это клаустрофобия... наверное. Или азотное голодание... может быть. Из меня хреновый медик, но я слышал, что у водолазов похожее.

— Водо... лазов? — прошептал он. — Кто... они?

— По скалам лезят, — ответил я рассеянно. — Какой ты любознательный, прямо Гугол. Посиди здесь, я пройду немного.

Он поднялся, вскричал:

— Нет!.. Я с вами, сэр...

И завалился вниз лицом. Доспехи громыхнули. Я с трудом поднял эту грудю железа, усадил. Лицо Сигизмунда белее мела, нос распух, из ноздрей потекли две тонкие темные струйки.

С факелом в одной руке и молотом в другой я двинулся в глубину таинственной пещеры. Похоже, я в самом деле глух к магии. По крайней мере, не ощущаю никакого глубоководного давления, а кровяное давление если и повышенное, то разве что от легкого мандража.

Ход расширился, пол выложен каменными плитами, хотя на самом деле иду внутри сплошного скального массива. Под ногами просто прочерчены неглубокие канавки, обозначив ровные квадратики, — работали эстеты, значит.

Воздух сух, перенасыщен озоном. Не знаю, вредно это или нет, но дышится очень легко, мысли бегут быстро, без задержки.

Из туннеля в сторону отходит небольшой ход, красиво вырезанный в форме стрельчатой арки, но я не успел его рассмотреть, ибо впереди... блеснул черный свет! Эта сверкающая черная полоса, что перекрыла весь туннель, оказалась именно сотканной из черного света. Абсолютно черная, без отблесков, угольно-черная... нет, гораздо чернее, это чернота космоса, первозданного хаоса... нет, в том хаосе присутствовал свет, а настоящая чернота получилась, когда свет и тьма были разделены, значит, это и есть Тьма...

Присмотревшись, я вроде бы рассмотрел за черной пеленой панцирь и меч. Пальцы дрожали, а во рту пересохло. Молот показался втрое тяжелее, чем обычно. Я поколебался, не вызовет ли это какой-нибудь непредвиденной реакции, потом, ругая себя за словарный запас депутата, размахнулся и метнул молот со всей силы.

— Круши!.. — сказал я мстительно. — Сокруши!..

Я всем сердцем желал разнести вдребезги, и молот, усиленный гемами, шарахнул в стену, как крылатая ракета. Крылатая ракета, что способна достать подземный бункер даже через сто метров железобетона. Сердце мое дрогнуло от радостного предчувствия, но молот отшвырнуло, будто я бросил его в резиновую стену. Его унесло далеко за мою спину, там он нелепо покувыркался в воздухе, пристыженно понесся ко мне, я поймал его и сунул в петлю на поясе.

— Ты сделал, — объяснил я ему, — что мог. Не надо стыдиться... Если кто и виноват, то командование, что послало тебя в лобовую атаку... С другой стороны, как без разведки боем?

Я обнажил меч, ударил крест-накрест. Из-под лезвия слабо сыпанули искры. Ударил еще, чувствуя злость и разочарование.

Постоял с мечом в руке, но глупо стоять вот так, в героической позе, когда вокруг пусто, мертво. Даже зеркала нет, чтобы полюбоваться на себя, героя. Отступил, посмотрел на стену еще. Уходит в стены, в пол и потолок. Но глупо

по было бы долбить камень. Очевидно же, что эта защита уходит вглубь... и вообще это не стена, а явно шар, что окружает доспехи со всех сторон.

Внезапно я ощутил, как будто бы в туннеле повеяло другим воздухом. Или пронесся неслышный ветерок.

Из бокового хода, что в виде стрельчатой арки, показалось желтое пятнышко света. Я отступил, давая дорогу. Свет усиливался, я увидел приземистую человеческую фигуру. Человек шел без фонаря, в руках ни меча, ни даже посоха или жезла, без которых не представляем чародеев, а когда вышел в большой туннель, свет оставался вокруг него не яркий, рассеянный, а как если бы светила стоваттная лампочка через матовый плафон.

Человек выглядел... совсем не странно. Таких я встречаю... встречал каждый день в изобилии на улицах Москвы. Упитанный, уверенный в себе, взгляд до предела циничный, но на губах дружелюбная улыбка, не сказать, что этот человек сушит мозги над манускриптами. Скорее ходит по бабам, глушит пиво, болеет за «Спартак», а работу старается свалить на коллег.

— Герой, — произнес он с непонятной интонацией. — Давно герои не заходили так далеко... Обычно их скручивает еще на входе. Меня зовут маг Ягеллан. Я владею этими местами. Всякий, кто вторгается без разрешения, будет наказан.

— Меня зовут Ричард Длинные Руки, — ответил я. — Я чту законы и никогда не вторгаюсь в чужие квартиры. Но где ваши документы на обладание этой горой?

Он рассматривал меня с интересом.

— Странные речи для героя. А где ярость во взоре, пена с губ? Пальцы на рукояти меча, сжимающие ее до побеления?.. Следуй за мной, герой, что-то покажу.

Он не выглядел страшным или коварным, а смотрелся как раз таким до жути знакомым мне человеком моего рыночного времени, который не знает морали, зато знает, что выгоднее делать в тот или иной момент.

Я шел за ним, удивляясь, что мешает мне вот прямо сейчас ударить его в спину? Мечом или молотом. Просто

схватить сзади за шею и удавить. Моих сил хватит, а шея у него тонкая. Полагает, что я средневековый герой, который лучше удавится, чем ударит в спину?

Ход вывел в огромную широкую пещеру... нет, подземный зал, вырубленный во внутренностях скалы, красивый и величественный, с нишами в стенах, выступающими карнизами и навесами из камня словно балконами, а внизу вдоль стен — высокие ящики из металла. Сердце мое застучало громче, что-то в этих ящиках почудилось знакомое. Посреди пещеры — столы, не меньше десятка, все завалено книгами, бумагами, странными предметами, даже ложе, которое я с трудом признал ложем, погребено под стопками книг.

— Ну и что? — сказал я. — Во много знаний много горя. Он смотрел с еще большим интересом.

— Станный ты герой... — сказал задумчиво. — Раз уж на тебя не действует барьер... который наложили Древние, то, может быть, ты присоединишься ко мне? Здесь такие сокровища... Не золото или драгоценные камни. Здесь знания, которые могут управлять миром! Но только нужно все это понять...

Я переводил взгляд с одной стопки книг на другую. Это мы можем расшифровывать египетские иероглифы, клинописи Шумера, древнеисландские руны, этрусские надписи на вазах... но не шумеры или этруски наши книги по настройке компьютеров, созданию веб-страниц или простейшие инструкции по ремонту автомобиля. Да вообще они ничего не прочтут и не поймут, ибо их словарный запас исчислялся сотней слов.

— Управлять, — ответил я. — Горилла с автоматом, шимпанзе на танке... Нет, дядя, давай ближе к реальности. Ты закрыл доступ к доспехам Арианта.

Он поморщился, сказал сухо:

— Да.

— Открой, — предложил я.

Он смотрел на меня с брезгливым интересом.

— Зачем?

— Доспехи должны служить, — ответил я. — Сейчас

они лежат без дела. Или висят. Нет, все-таки висят, я посмотрел. Если снимешь заклятие, их наденет достойный человек. Или достойный эльф, мне его сексуальная ориентация по фигуре. Он поведет, защитит, остановит, совершит, закроет.

Чародей вскинул изогнутые брови, в глазах было откровенное глумление.

— А если наденет недостойный?.. Даже не подумал?.. А если поведет твоих врагов, защитит от твоих друзей, остановит Добро, совершит Зло, закроет... не то, что ты хотел, а совсем наоборот?

Я открыл и закрыл рот. Об этом я в самом деле не подумал. Тертуллиан не предупредил, а я, подобно настоящему герою, к рефлексиям не склонен, взял меч в недогнувшую длань и пошел, пошел, пошел, куда послали.

— Ладно, — проворчал я, на этот раз подражая Бернарду, — рискнем... Это лучше, чем ничегонеделание.

— Лучше, — согласился он, — но я не просто сторожу эти доспехи от других. Кстати, там кроме доспехов еще и меч Арианта, меч дивной красоты и мощи... Я потихоньку ломаю Святое Слово. Подтачиваю, так сказать. Придет час, когда защита рухнет, я возьму этот меч! И доспехи.

— А ты на чьей стороне? — спросил я.

Он засмеялся громко и победно.

— На своей, конечно! Это самая лучшая сторона. Самая правильная.

— Самая умная, — согласился я.

— Так в чем дело?

— Но кто сказал, — возразил я, — что человек живет умом? Я пробовал — не понравилось. Здесь вроде живут вовсе не умом, но как будто счастливее...

Он посмотрел на меня, смерил взглядом мой рост, расхохотался:

— Это ты-то пробовал жить умом?.. Хотя, признаюсь, что-то в тебе странное. Как будто бы и в самом деле... Ладно, главное в другом: ты сумел пройти так далеко. Я мог бы приспособить тебя помогать мне. Таким пустяком, как

долголетие, я тебя обеспечу. Если не за сотню лет, то за тысячу мы сможем проникнуть в кое-какие тайны Древних.

Я удивился:

— Ты предлагаешь мне дружбу и сотрудничество?

Он поморщился.

— Я умный человек. И живу умом. А среди умных не бывает друзей, бывают только сообщники. И то временные. Но эта временность может растянуться на тысячу лет, а разве это для тебя не выигрыш? Ты вообще-то кто, норн?

Я покачал головой:

— Думаю, нет.

— Тогда геллинг?

Я снова покачал головой:

— Я не знаю этих слов. Может быть, я в самом деле норн и геллинг, только об этом не знаю, как немцы не знали, что для испанцев они — алеманы, для римлян — германцы... ведь себя почему-то считают дойчами и не понимают, почему для русских они вовсе — немцы. Так же угры, мадьяры и венгры... Так что не трудись показывать эрудицию, не трудись. Просто сними заклятие. Вот и все.

— А что дальше?

— Я уйду.

Он покачал головой, глаза смеялись:

— Какой же ты герой? Герой должен кипеть жаждой убить подлого колдуна!

— А ты в самом деле подлый?

— Вы, смертные, так считаете...

Я пожал плечами.

— Мне очень не хочется убивать. А подлый ты или не подлый — это зависит от точки зрения. Мне, поверь, не хочется убивать даже подлого. И, если меня не принудить, то не стану. Поверишь ли, я в самом деле не только никого не убивал, но вот прожил четверть века, подумать только, и никого не только не убил, но не толкнул, не ударил... Помоему, даже не обругал... как следует. Но вот пару месяцев назад я попал в эти земли... и, не поверишь, убил столько, что всех не вспомню. Худшее и самое ужасное в том, что меня не мучают угрызения совести.

Он смотрел с еще большим интересом.

— Почему ужасное? Это же прекрасно!

Я развел руками, но следил за ним очень внимательно.

— Мой мир... из которого я пришел, теперь я понимаю, только внешне очень мирный и чистый. Да, в нем чистые тротуары... Да, нет резни... Да, мы все непрерывно говорим о литературе, искусстве, музыке, смотрим возвышенные зрелища, говорим о гуманности и бесценности человеческой жизни... но что-то делает нас готовыми убивать, убивать, жечь, разрушать. Хуже того — убивать без той злобы, страсти, ликования, с которыми убивают крестоносцы! Потому я тебе не судья. И убивать не стану. Просто снимим заклятие.

Он смотрел на меня очень внимательно.

— Почему-то мне кажется, — сказал он медленно, — что тебе не то что убивать, даже драться очень не хочется.

— Ну и что? — спросил я. — Мы постоянно делаем не то, что хочется.

— ...и что ты несколько не от мира сего, — продолжал он. — Не знаю, то ли ты из мира книжников, копателей или мысленов, может быть, ты даже звездосмотритель? Но меч ты держишь, я зрю по твоему лицу, без всякого ликования.

— Ну и что? — спросил я. — Я не знаю, кто такие мыслены или звездосмотрители, но я знаю, что такое конформист.

— Если я правильно догадываюсь, — сказал он медленно, я чувствовал, как напряжение нарастает, — это значит, что ты живешь теми идеями, что превалируют в данном обществе.

— Очень правильно, — сказал я. — Честно, признаюсь, я поражен...

— А это значит, — сказал он нетерпеливо, — что ты просто обязан подчиниться моим идеям.

Я покачал головой.

— Там, у выхода, меня ждет бедный честный парень, который считает меня своим сюзереном. А еще дальше — целое королевство Зорр, где идеи совсем иные.

Он кивнул и ответил в том же тоне:

— А еще дальше — империя Тьмы. Там идеи... скорее мои, чем крохотного королевства Зорр.

— Но я из королевства Зорр, — ответил я. — И потому требую в последний раз: сними защиту! А потом поговорим о знаниях Древних. Признаюсь, меня это заинтересовало... очень сильно.

Он смотрел пристально, в глазах разгорался гнев. Я видел, что лицо начинает дергаться — этот человек слишком долго жил, зная о своем всемогуществе. Уже то, что он долго слушал меня, общался со мной, говорит лишь о том, как соскучился он по общению с людьми, однако уже сейчас считает себя богом...

— Ничтожество, — процедил он. — Тогда умри!

Он взмахнул руками. Я метнул молот. Он захохотал:

— Это тебе не поможет!

Надо мной загрохотал камнепад. Я метнулся в сторону, упал, откатился. Молот ударил по костяшкам, я взвыл, схватил за рукоять, что показалась слишком горячей. Тяжелые глыбы рушились на то место, где я только что стоял, лопались с треском. Крохотный осколок кремня ударил в плечо, я инстинктивно ухватился за ушибленное место. Между пальцами проступило красное. Я отнял ладонь — она вся в крови.

С другой стороны раздался издевательский хохот. Маг стоял, воздев руки. С пальцев срывались лиловые молнии. Он крикнул насмешливо:

— Я тебе не сказал, что я знаю силу этих молотов? Даже с гемами в рукояти? Их раньше было множество. И заклятия против них я еще помню...

Тело мое начала сковывать чужая мощь. Не колдовство, но я как будто бы попал во внутренности гигантского трансформатора. Пальцы мои стиснулись на рукояти, я швырнул изо всех сил, преодолевая сопротивление, шепнул вслух:

— Карниз!.. Обрушь карниз...

Колдун настолько привык за тысячи лет к неуязвимо-

сти своей горы, что не обращал внимания на ее стены. Но самые несокрушимые горы в конце концов превращаются в песок. Я видел трещины, видел, как идут пласты, и мой молот, направляемый волей, ударил в самое уязвимое место.

Раздался грохот, я в этот момент показывал колдуну жестами, что завяжу его узлом, он следил за моими руками, тоже подозревая колдовство — многие герои владеют зачатками колдовства, — и слишком поздно ощутил, что целый пласт горы сдвинулся.

Он судорожно дернулся, взглянул наверх. Огромная скала, размером с Боровицкую башню, рухнула ему на голову и плечи, как если бы утюг упал на комара. Но я с ужасом увидел потрясенно, что колдун напрягся и удержал. Лицо его побагровело, он даже успел бросить на меня отчаянный взгляд. Скала шелохнулась, начала приподниматься, колдун сделал шаг, пытаясь выйти из-под непомерной тяжести, но это было ошибкой. Скала осела, мне даже послышался хруст, будто айсберг разламывал атомный ледокол. Скала застыла, только почва еще вздрагивала, а со стены катились отдельные глыбы и как ручьи стекал мелкий щебень.

Ты догадался, подумал я, глядя на груду камней, что такое конформист, но все равно на этом попался. Это страшное слово, а люди эти еще страшнее. Это значит, что человек не имеет своих ценностей. Или они у него настолько мелкие, что легко подавляются ценностями окружающих людей. Конформист принимает их как свои, принимает даже без конфликта со своим «я». Так что если в этом мире правит меч, то я держу в руке меч. Если здесь убивают и не терзаются по ночам кошмарами, то я тоже убиваю и не терзаюсь. Я — как и все.

Когда я вернулся в главный туннель, черный занавес мерцал все такой же, подрагивающий, обманчиво кисейный. Молот полетел с готовностью, ударился, его отшвырнуло, он закувыркался, как бумеранг, я поймал с трудом. Сердце упало, я пошел к занавесу деревянными ногами, уже понимая, что упрись точно так же...

Громко хлопнуло. Резко запахло озоном, черный занавес исчез. Видимо, он держался до последнего мгновения, пока в теле колдуна была жизнь.

Открылся широкий туннель. Даже не туннель, а продолговатый зал. Пламя факела выхватывало стены из красного гранита с темными вкраплениями, но потом мне почудился впереди свет. Еще десяток шагов, и свет стал ярче, а потом я вообще загасил факел.

Свет исходил от белого плазменного огня. Он выходил тонкой пленкой из правой стены и уходил в левую, точно так же, как погружался в пол и исчезал в каменном своде. Но даже если разбить камень, это я понимал, все равно обнаружу этот сверкающий шар. Заклятие это или силовое поле, но оно окружает...

Я приблизился, сквозь пламя всего в двух шагах на каменной стене висят панцирь, шлем и длинный узкий меч. Поколебавшись, я осторожно коснулся сверкающей стены пальцем. Ничто не шарахнуло меня током, не обожгло, не заморозило, не обратило в лед. Но я ощутил твердость, которую не чувствовал даже при прикосновении к стене замка.

Отступил, потыкал в стену мечом. Брызнули искры, а когда отступил на три шага и метнул молот, он ударился будто в тугую резину.

— Да ладно, — сказал я, — хохол не повирэ, помы не помацае...

Глава 29

Еще издали я услышал скрежет металла, хриплое дыхание, стоны. Ноги сами вынесли из туннеля со скоростью урагана. Сигизмунд с багровым от прилива крови лицом, с выпученными глазами лежал на спине, уже не в силах подняться. В глазных яблоках полопались сосуды. Я содрогнулся, глядя в залитые кровью глаза, ухватил за руку, Сигизмунд едва держался на ногах, помог встать.

Однако он рухнул снова, зазвенев железом, прохрипел:

— Какой стыд... Я не сумел служить вам, сэръ...

— Что за глупость, — сказал я как можно бодрее. — Все

выполнено. Ягеллана больше нет. Мы возвращаемся. А вот ты сглупил...

— Сэр Ричард, я был обязан...

— Понятно. Как баран, пытался последовать за мной? Снова и снова бросался на этот барьер?

— Я... обязан...

— Лежи, — прервал я. — Сейчас оседлаю коней, надо ехать.

Он застонал, с трудом воздел себя на задние конечности. Его шатало, но он сам оседлал своего коня, пытался оседлать еще и моего, но все равно мне пришлось подсаживать его в седло. В последний момент я спохватился, нельзя упускать шанс, спросил:

— А хочешь посмотреть на эти легендарные доспехи?

Сигизмунд прошептал благоговейно:

— Если удостоите меня такой чести...

— Удостою, удостою...

Теперь в туннеле было темно, пришлось захватить факелы. Шаги Сигизмунда становились все тверже — молодость берет свое, дыхание выровнялось. Он старался служить мне и здесь, подсвечивал факелом все ямки и неровности, дабы я не споткнулся, а сам жадно блестел глазами, звенел железом.

Потом мы увидели впереди чистый свет, от которого даже у меня возрадовалась мохнатая душа. Сигизмунд в восторге начал громко читать молитву. Свет становился все ярче, а при виде сверкающей завесы у Сигизмунда вырвался крик умиления.

Он бросился к сверкающему огню, я затаил дыхание. Руки Сигизмунда уперлись в твердое, он даже прильнул лицом, я видел, как смешно расплющился нос, глаза жадно пожирали волшебные доспехи. Я вдохнул, все еще оставалась тайная надежда, что Сигизмунда силовое поле пропустит, но, увы, снаряд в одну ямку дважды не падает.

— Посмотрел? Теперь пойдем.

— А как же...

— Мы свою часть работы сделали, — отрубил я. — Не с

моим нечистым рылом и даже не с твоим благородным лицом пройти через такую святость. Понимаешь, заклятие на доспехи святого Георгия ставил всего лишь король Арнольд, а на эти — сам святой Тертуллиан. А у Тертуллиана, как видим, требования к святости повыше Арнольдовых. Поехали! Если поторопимся, можем успеть догнать отряд Ланселота.

Сигизмунд поморщился.

— Мне он очень не понравился... хотя, конечно, рыцарь он знатный. Однако ради доспехов мы обязаны, сэра Ричард.

— Ты очень хороший человек, — сказал я.

Мы шли галопом, коней не щадили, на третий день Сигизмунд привстал на стременах, вскричал:

— Сэр Ричард!

Далеко впереди земля была истоптана, изрыта копытами. Один воин лежал на другом, в двух местах был целый вал из трупов. Трое сумели отползти под защиту деревьев, но у каждого из спины торчало по стреле. Я взглянул на знакомое оперение, пустил коня через поле битвы. Под копытами кровь уже не чавкала, свернулась, стаи мух жадно облепили коричневые комочки. При нашем приближении мелкие зверьки убежали в лес, но я видел в листе их острые мордочки и блестящие глаза. На краю леса паслись кони, у одного седло съехало под брюхо, еще один ковылял, запутавшись в поводу.

Один вал состоял из людей, разрубленных едва ли не надвое, а другой, вдвое выше, выглядел скошенным молнией: на лицах павших смертельный ужас, раны небольшие, но все смертельные. Доспехи остались на трупах, как и оружие. Правда, карманы вывернуты, узнаю Асмера, но больше ничего не взяли, что понятно: доспехи и оружие рыцарей с юга намного достойнее.

— Вперед, — велел я.

Сигизмунд взмолился:

— Сэр Ричард, мой конь валится с ног! Это вашему все равно, идти галопом или спать на ходу...

Я указал на коней с опустевшими седлами.

— А это что, не кони? Выбирай. Захвати парочку на замену.

Дальше мы скакали уже почти уверенные, что Ланселот с Бернардом, Асмером и Совнаролом проехали именно этой дорогой. Они торопятся, да и не те люди, чтобы выбирать окольные дороги, даже если там безопаснее.

К концу дня Сигизмунд снова первым заметил в стороне от дороги убитых, а двое коней, завидев нас, умчались с гневным ржанием. Сигизмунд даже не посмотрел в их сторону, за ним на длинном поводу следуют сразу три сносных коня.

Мы бегло осмотрели место схватки, но удалось понять только, что убиты семеро, один еще дергается, собирая горстями вылезающие кишки, заталкивает обратно в распоротый живот, я узнал след от топора Бернарда. Кровь только начала сворачиваться, мы вернулись на дорогу, мчались еще с час, как вдруг Сигизмунд вскрикнул:

— Вижу пыль!.. Она движется!

— К нам?

— От нас!.. Мы их догоняем!

— Тогда поспешим... Черт!

Сигизмунд оглянулся с укором, вздрогнул. По нашим следам несется огромный отряд всадников. Уже слышен стук копыт, а передний, увидев, что мы их заметили, выдернул из ножен меч и вскинул над головой. Остальные дружно прокричали боевой клич.

— Примем бой? — крикнул Сигизмунд.

Он побледнел, но опустил забрало, в самом деле готовый драться с сотней воинов.

— Не глупи, — ответил я. — Это не бегство, а военная хитрость. Понял? Хитрые мы. Заманим к Ланселоту, а там впятером и дадим им жару...

Нашим коням передан наш страх, они стелились над дорогой, как речные птицы, что на лету выхватывают из

воды рыбу. Гривы трепетали на ветру, как полотнища флагов, а грохот копыт слился в сплошную барабанную дробь.

Я часто оглядывался, с тревогой смотрел на коня Сигизмунда. Подо мной в самом деле какой-то странный зверь. Теперь мне чудится, что может бежать и намного быстрее, когда-нибудь надо попробовать, но сейчас главная забота — Сигизмунд, конь под ним уже начинает ронять пену, а на запасного он вряд ли сумеет пересесть на полном скаку — благородный рыцарь, а не какой-нибудь печенег или половец... да и в таких доспехах это не смог бы никакой половец...

Ветер рвал волосы, потом дорога повела по широкой дуге вдоль отвесной каменной стены, мы на какое-то время потеряли из виду и преследователей, и желтое облако пыли, что впереди. Когда стена начала поворачиваться, Сигизмунд радостно вскрикнул, указал вперед. Желтое облако почти осело, всадники остановились и ждут, уже сверкают солнечные зайчики на металлических частях доспехов.

Я оглянулся, крикнул предостерегающе:

— Не отставай!.. У них кони свежее.

Каменная стена заканчивалась, дальше простор, а в самом конце над дорогой нависал массивный скальный карниз, жуткий, размером с крейсер, я такие видел и раньше, правда, на фотографиях, и всегда удивлялся, как они держатся.

Сигизмунд тоже увидел, побелел, перекрестился и крикнул дрожащим голосом:

— Все в руке Божьей... но мне страшно подумать, что там на камень вдруг сядет воробей!

Я протянул руку к молоту.

— Так проскочим же раньше, чем он сядет!

Сигизмунд помчался, сотрясая грохотом копыт своего коня вселенную. Мне показалось, что скальный массив чуть дрогнул. Я на скаку повернулся в седле, Сигизмунд, сам того не подозревая, подал неплохую идею, рука швырнула молот с такой страстью, что в плече хрустнуло, будто

ногой наступили на гнездо с птичьими яйцами. Конь пронесся как стрела, я вскинул руку над головой — уже знаю, что молот находит мою ладонь в любом случае, надо только растопырить ладонь пошире, а то шарахнет рукоятью по пальцам.

Я даже не услышал стук, удар, подхватил молот, на ходу сунул в петлю и понесся дальше, быстро догнав Сигизмунда и даже вырвавшись вперед на случай, если впереди все-таки не Ланселот со спутниками. Немного погодя земля под конскими копытами вздрогнула, качнулась взад-вперед, словно мы мчались по плывущей льдине. В спину толкнула струя тугого воздуха, грохот настигал тяжелый, гроыхающий, похожий на раскаты далекого грома, но этот гром доносился словно из-под земли.

Сигизмунд на скаку повернул голову, я увидел бледное лицо с вытаращенными глазами.

— Что там случилось?

— На карниз сел воробей! — крикнул я.

— Вовремя, — сказал он с облегчением. — Благодарю тебя, Господи.

— Не за что, — ответил я.

Они сидели на конях, загородив дорогу, прямые и донельзя надменные в золотых доспехах. Солнце играло на блестящих поверхностях, и казалось, что все трое — в раскаленном до оранжевого цвета железе. За их спинами мирно обнюхивались трое заводных коней с небольшими седельными мешками. Там же на скромной тихой лошадке сидел отец Совнарол с книгой в руках, лицо его было задумчиво обращено к небу.

Завидев нас, Ланселот не повел и бровью, Бернард широко заулыбался, а Асмер крикнул возбужденно:

— Что там за грохот? Как будто демоны вырвались из ада!

Совнарол за их спинами перекрестился, а когда посмотрел на нас внимательнее, еще и забормотал молитву. Си-

гизмунд остановил задыхающегося коня, быстро перелез на запасного, ответил с достоинством:

— Наоборот.

— Что наоборот?

— Говорю, — объяснил Сигизмунд небрежно, — мы их загнали обратно в ад.

— Там им и место, — одобрил Бернард. Он окинул нас внимательным взором. — Вы все закончили? Со своим отдельным... делом?

Сигизмунд взглянул на меня, я же сеньор, я кивнул.

— Да, Бернард. Теперь прямо в Зорр. Никуда не сворачивая.

Ланселот нахмурился, но смолчал, просто повернул коня и поехал впереди. Кони у них выглядели посвежее наших, но он не пустил своего жеребца в галоп, видел, насколько измучен конь Сигизмунда, пожалел. Вряд ли пожалел самого Сигизмунда или тем более меня, но сильные мужчины всегда жалеют коней, собак и нередко женщин.

Бернард поехал между мной и Сигизмундом, дорога позволяла, Асмер вытащил лук, наложил стрелу и отстал. Я видел, как он шарит голодным взглядом по кустам и высокой траве. Бернард скользнул одобрительным взглядом по доспехам Сигизмунда.

— Еще не проверил в бою? Проверишь, в нашей жизни это недолго. Мы уже убедились... Смотри, ни единой царапины! Ну почти ни единой. Это вот совсем уж прямо рубанули... В наших доспехах из Зорра тут бы насквозь, а эти, хоть и тоньше, выдержали. Одно слово — южные умельцы делали. У них там страны богаче, вот и оружие получше нашего... У нас же зато крепкие руки, плечи, прямее спины, у нас вера Христа, и вообще с нами Бог!

Сигизмунд благочестиво перекрестился. Бернард взглянул на меня с укоризной.

— А ты почему не подобрал себе доспехи?

— Маловаты, — соврал я, потом подумал, что они в самом деле могли быть маловаты, я ж не примерял. — Да и вообще... как-то не до них было.

Бернард проворчал:

— Когда-нибудь всерьез доберемся до южных земель!.. И снова золото... Понимаешь, Дик, после той битвы... я тебе не рассказывал?.. мы едва держались на ногах, но... тут-то началось самое интересное!.. Даже простые солдаты юга богаче наших рыцарей, а их рыцари богаче наших королей... Мы снимали с убитых золотые кольца, срезали золотые амулеты с драгоценными камнями, вспарывали подкладки кафтанов, там всегда золотые монеты...

Сигизмунд удивился:

— Зачем?

— Увы, в жизни бывает всякое... Попад в плен, можно попробовать откупиться. Да, так вот, Дик, у многих мечи были с золотой насечкой, с драгоценными камнями в рукоятях, даже уздечки украшены золотом и драгоценными камешками. Мы видели неслыханное богатство тех стран...

— Могли бы раскошелиться на хорошие доспехи, — сказал Сигизмунд. — Что ж они так?

— Эх, сэр рыцарь, это при их-то жаре? Это наше счастье, что у них доспехи не вошли в обычай. Иначе они бы гномам за их деньги такие заказали...

Я вспомнил герцога Арлингского и Горанга, что истоптали меня как щенка, плечи передернулись сами по себе.

Над головой послышались протяжные крики. По небесной синеве плыла крупная гусиная стая. Птицы мерно и лениво взмахивали крыльями, словно не летели, а плыли по теплой спокойной воде. Бернард вскинул голову, облизнулся:

— Эх, какие жирные... Асмер, у тебя ж стрела уже на луке!

— Ну и что? — удивился Асмер.

— Стреляй, гад! Не томи.

Асмер сказал, смеясь:

— А хочешь, собью даже без стрелы?

— Ну да, — возразил Бернард, — камнем не добросишь!

— При чем тут камень? Только натяну тетиву... гусь сам упадет.

— Договорились, — сказал Бернард. — Если собьешь гуся без стрелы, всю дорогу буду нести стражу за тебя. Если нет — ты за меня. Хорошо?

Асмер поднял лук, быстро прицелился. Гуси неслись уже над самыми головами. Асмер натянул тетиву до отказа, отпустил... тетива грозно зазвенела. Мы все стояли как идиоты, запрокинув головы. Понятно же, с чего бы гуся падать, но вдруг самый задний сделал рывок, задержался, а потом сложил крылья и понесся вниз.

Сигизмунд завопил, конь под ним взвился и помчался в ту сторону, куда падал гусь. Мы стояли обалдевшие. Асмер расхохотался. Бернард сжал кулаки, сказал зло:

— Что, магией балуешься? Отец Совнарол, не пора ли его на костер?

Ланселот отодвинулся от Асмера, на удлиннном аристократическом лице медленно проступило нечто похожее на страх и отвращение. Асмер сказал невинно:

— А какая разница, магия или как? Ночью сторожить — тебе!

— Я не отказываюсь, — буркнул Бернард разозленно. — Но тебе за такие штучки гореть в аду!

Сигизмунд подхватил ударившегося оземь гуся, развернул коня и несся обратно. Гусь трепыхался во вскинутой руке. Ланселот сказал строго:

— Если это убито магией... Асмер, я есть не стану.

— Магией, ваша милость, — ответил Асмер смиренно. Он повернулся к Бернарду. — И ты не будешь?

Бернард заколебался. Сигизмунд смотрел на одного, на другого, наконец до него дошло, он с отвращением швырнул гуся наземь, сказал с достоинством:

— Когда в пути, можно, наверное, добывать еду и магией. Только я тоже этого гуся есть не буду.

Совнарол сказал строго:

— Это нечестивый гусь! Проклятие тому, кто станет есть добытое кражей, обманом или нечестивой магией.

Асмер вздохнул, сдаваясь, сказал:

— Отец Совнарол, Ваша Светлость, ну какая магия?..

Просто я охотник, а эти все недотепы. Вокруг меня одни недотепы, представляете? Только вы, ваше преподобие, конечно же, дотепа. И глаз у меня острее, чем у этих кротов... Слепому ж было видно, что позади стаи летит самый крупный гусь, а такие всегда идут во главе клина, верно? Присмотрелся, а он ранен, перья на груди в крови!.. Какой-то недотепа вроде Бернарда ранил, а убить не сумел... Гусь тянется за стаей из последних сил, его не зря определили в самый конец, там лететь проще... Когда он услышал звон моей тетивы, сразу вспомнил такой же звон, после которого стрела больно саданула в грудь. От ужаса раненый гусь из всех сил рванулся вверх, чтобы уйти от этой второй стрелы, что на этот раз наверняка убьет... Рана открылась, жилы порвались, и он рухнул Сигизмунду в цепкие лапы.

Сигизмунд покачал головой, но все равно ушел к коням. Совнарол перекрестил Асмера, потом гуся, однако ни тот, ни другой не вспыхнули адским огнем и не превратились в демонов. Бернард сказал разочарованно:

— Асмер, вечно ты все испортишь!.. Так было красиво думать про магию...

Асмер сказал ехидно:

— Даже от гуся бы отказался, лишь бы меня на костер? Ну ты и гусь...

Глава 30

По дороге к Зорру дважды встретили крупные отряды степняков. Первый раз почти всех перебили, мало кто удрал, а во второй раз, когда степняков было раз в пять-шесть больше, мы перебили половину, остальные сдались, ибо их лучшие воины падали под ударами наших мечей, а мы оставались невредимыми. Каждый удар меча рассекал противника до пояса, если не до седла, а мы отделялись в худшем случае кровоподтеками.

Наши могучие кони высились над их коротконогими лошадаками, как над козами, наши доспехи выдерживали все удары, только звон разносился над полем, будто лупили молотами по листам железа.

Бернард, весь залитый чужой кровью, гаркнул:

— Сэр Ланселот!.. Вы видели, как дрался Дик?

Сигизмунд заворчал, он подобное оскорбление принимает как личное, хотя я ему уже дал понять, что так нужно, что это у меня обет такой, что я так искупаю и все такое.

Ланселот взглянул на меня без всякого выражения. Бернард что-то пошептал ему на ухо. С другой стороны подъехал Асмер, тоже настойчиво заговорил с Ланселотом. Тот поморщился, кивнул мне:

— Дик, слезь с коня и преклони колено.

Я послушно соскочил на землю, без доспехов я чувствую себя намного лучше, бросил поводья Сигизмунду, а сам опустился на колено.

— Властью, — проговорил Ланселот сурово, — данной мне королем, я произвожу тебя, Дик, в сержанты.

Бернард что-то сказал вполголоса, я не расслышал, но тон был укоризненный. Ланселот поморщился, но добавил:

— За твое мужество, отвагу и воинское умение. Можешь встать.

Я вскочил, поклонился и, чувствуя, как всем хочется побыстрее закончить с этой церемонией, снова вскочил в седло. Сигизмунд преувеличенно почтительно передал мне повод коня. Наши взгляды встретились, в его глазах кипел праведный гнев. Я взглядом велел ему помалкивать.

С запасными конями мы мчались на рысях, а то и галопом, лишь бы разрешала дорога. Время от времени останавливались, чтобы пересечь на свежих, только мне этого не требовалось, мой конь выносливостью походил на автомобиль. Знать бы только, где у него показатель бензина. Правда, если бензин — трава, то заправляться можно где угодно. Не зря же он иногда срывает по дороге ветку и мигом перемалывает в пасти. Этот конь выглядит куда серьезнее и солиднее меня.

Шныряющие отряды разведчиков войска Карла мы старались обходить. Когда не получалось, рыцари опускали забрала, все мы пригибались к конским гривам, и никто не смел остановить или задержать спешащих героев со

свитой, а все четверо в золотых доспехах выглядели очень впечатляюще. Я несся сзади, изображая не то слугу, не то оруженосца, пока еще не удостоенного носить доспехи.

Однажды мы увидели, как навстречу несется конный отряд впятеро больше нашего, разминуться уже не получится, я заставил своего рогатого коня перейти в галоп. Бернард застонал, ругнулся и Асмер, Ланселот велел строго:

— Мечи не вынимать!..

У меня под рукой не меч, а молот, потому я сразу взял его в руку. Всадники начали заранее осаживать коней, один соскочил на землю, но Ланселот еще издали махнул рукой в нетерпении — некогда, спешим, и они поспешно сдвинулись на обочину. Я только услышал за спиной восторженный вопль:

— Улаф!..

— Слава Улафу!

— Победоносный Улаф снова в армии!

— Слава!

— Да не Улаф это, а сам король Карл!

— Слава великому Карлу!

На шатающихся от усталости животных мы свернули за рошу. Я поспешно соскочил на землю, ухватил коня за повод и повел с жаркого солнца под густую тень леса. Бернард вломился в кусты на коне. Остальные, жалея животных, поспешно соскакивали, оглаживали, вытирали мокрые от пота бока и животы, тащили в глубину роши.

Я все еще трусил и предпочел бы объехать собравшиеся перед Зорром войска, но Ланселота мнение простолюдина не интересовало, а Бернард и Асмер следовали за своим предводителем без рассуждений.

Короткий привал на ночь, а на рассвете мы уже снова в седлах. Ослепительный край высунулся из-за темного горизонта, а на другом конце мира вспыхнули горы, превратившись в пламя. Это оранжевое пламя огненными языками устремилось к небу. Мир был пронзительно ясен, воздух чист, а кони несли нас в этом огненном мире над промороженной за ночь землей, как птиц, преследующих ящерниц.

Совнарол вскрикнул, его дрожащая длань вытянулась в сторону ушей его коня.

— Зорр!

На горизонте страшно блистали неестественной белизной стены города-крепости. Бернард заворчал, я проследил за его взглядом, пальцы сами потянулись к молоту. Мы разогнались, как на скачках, а впереди между нами и Зорром расположился вражеский лагерь. Ланселот нервничал, теперь и он бы предпочел обогнуть, слишком много народу, да и близко к Зорру, спешка подозрительна, но пришлось ехать прямо.

В лагере кое-где горели костры, кто-то спал, другие сидели вокруг огня, что-то жарили, пекли. Мы проскакали галопом, Бернард зычно покрикивал, чтобы уступили дорогу. Один из военачальников на краю лагеря что-то кричал нам вслед, но Бернард на всякий случай помахал рукой в жесте отрицания.

Усталые кони перешли на рысь, затем на шаг. Асмер, как самый чуткий, насторожился, повернулся в седле. Я видел, как его вытянутое лицо медленно бледнеет. Бернард заметил его тревогу, спросил горько:

— Что, снова чувствуешь?

— Оборотни, — проговорил Асмер.

— До Зорра рукой подать!

— Настигнут раньше.

Он начал погонять коня, кричал ему ласковые слова, умолял, хлопал по шее, обещал горы отборной пшеницы, но свирепый вой раздался уже почти за спиной. Я оглянулся, плечи передернулись, как в сильнейшем ознобе. Почудилось, что за нами мчится, быстро догоняя, зимняя поземка: такие же размытые силуэты, что меняются, исчезают, возникают в другом месте, уже намного ближе. Крупные серые звери настигали, все с худых медведей, с огромными оскаленными пастьями и горящими дикой злобой глазами.

— Не успеваем! — прокричал Ланселот. — Всем в круг! В круг!

Бернард добавил:

— Не высовываться, за убегающими не гнаться!

Мы соскочили с коней, быстро сбили их в круг, а сами встали по периметру. Волки не остановились, не выбирали жертвы, а сразу метнулись с разбега. Я размахивал мечом, стараясь двигаться как можно быстрее, это всегда выручало, в двух шагах рубился Сигизмунд, он все придвигался ко мне, оберегая сюзерена. Острые зубы скользили по его золотой броне, металлический кулак молодого рыцаря разбивал зверям головы так же надежно, как и его меч.

Я не знал, сколько мы так дрались, но внезапно волки попятились, вместо рычания уже слышался жалкий вой. Я опустил меч, дыхание рвется с хрипами, грудь ходит ходуном, а соленый пот выедаёт глаза. У ног штук пять волчьих трупов, кровь течет густая, как темная смола. Еще штук пять-семь перед Сигизмундом, а на кучу перед Ланселотом даже страшно смотреть... За моей спиной громко читает молитву об исцелении воинов Христа Совнарол. По телу пошли мурашки, а края глубокой царапины на моей руке быстро пошли навстречу друг другу. Сгустки крови выдавило, на коже остался вздутый багровый шрам.

Уцелевшие волки кружили вокруг, подкрадывались, угрюмо скалили зубы, в глазах дикая злоба, рычали, приподнимая верхнюю губу, показывая непомерно длинные и острые клыки. У двух-трех я увидел окровавленные пасти, подумал, кого же из нас успели, и в этот момент они, то ли отдохнув, то ли получив приказ, ринулись со всех сторон.

Стоя спина к спине, мы рубили, кололи, опрокидывали наземь, топтали. Волки размером с оголодавших медведей едва не сшибали с ног. Мы двигались и рубили, стараясь не дать зайти сбоку, не потерять надежное плечо соратника, чей меч тоже рассекает чужую плоть, а в твою сторону только летят красные брызги, счет на доли секунды, ноги скользят по крови, вывалившимся кишкам, по влажной траве. Рубашка на мне уже в окровавленных клочьях, надо было взять доспехи, дурак, я шатался от тяжелых тел, что одинаково бросались на мою глотку, не понимая, что всегда натыкаются на острый меч, а я так же одинаково рассекаю

зверей, что падают уже не зверьми, а брызгающими кровью тушами.

Внезапно в заднем ряду двое волков припали к земле, я еще подумал, что с такого расстояния не допрыгнут, но вместо волков поднялись двое мужчин, быстро переговорили и разошлись в разные стороны. Еще два оборотня вернулись в облик людей, начали кричать волкам, те усилили натиск и, что хуже, начали бросаться на руки, старались повиснуть, но зубы скользили по металлу, только я замахал мечом еще чаще.

Один из людей метнулся ко мне, я замахнулся, но он упал, ударил меня всей тяжестью в колени. Я пошатнулся, и тут на меня прыгнули два волка, а меч бессильно распорол воздух. Меня свалили, били, топтали, царапали. В мгновение ока я потерял меч, зубы или руки сорвали с пояса молот, кто-то принялся срывать с меня пояс.

Я лежал на залитой кровью траве. Под руками мохнатое тело, под боком еще одно, все скользкое, над головой злые и довольные голоса. Отдышавшись, я поднял голову, сел. Ноги не держали, я остался сидеть, опершись за спиной руками.

Ланселот лежал, наполовину погребенный под волчьими телами. Асмер пытался подняться, но всякий раз валился навзничь, только Бернард собрался с силами и сел, как и я, но упирался одной рукой, а другая висела, как убитая толстая гадюка. Совнарол лежал бледный, с желтым, как у покойника, лицом. Крови на нем не видно, но, похоже, уже не жилец, последние капли жизни отдал нам.

Перед глазами розово блестело. Я смахнул кровь с глаз — это блестят широкие и острые наконечники копий, их масса, в три ряда, копья крепко держат забрызганные кровью разъяренные воины, нас окружили со всех сторон.

Растолкав кнехтов, в нашу сторону пробился громадный воин. Доспехи на нем помяты, а когда он с трудом поднял забрало, я увидел громадный кровоподтек в половину заросшего шерстью звериного лица. Однако в глубоко запавших глазах было злое торжество.

— Узнали? — проревел он. — Вижу, узнали...

— Знакомая рожа, — ответил я, — но что-то не могу вспомнить...

— Если ты и сумел одурачить других, — сказал он громко, игнорируя меня и других, обращаясь только к неподвижному Ланселоту, — то не настоящего воина! Это я, великий Улаф, призван водить полки! Только я разгадал сразу, что ты не король Карл, тот не так сидит в седле... Вы все видели, что я их разоблачил?

Воины дружными и громкими криками подтвердили, что он — самый умный и проницательный. И что с ним они не пропадут, а добычу добудут.

— Все получилось, — сказал Улаф, — как нельзя лучше. Вы — трупы, а мешок с доспехами вашего святого теперь у меня! А кто его доставит моему Повелителю, тот и получит власть над этими северными землями. Теперь я буду водить войска, а не Кунгур, не Елдарк и даже не великий Ягеллан, что от кровавых битв ушел в какие-то поиски!.. Ты его убил? Что ж, ты только освободил мне дорогу.

Я с трудом повернул голову. Коней быстро уводили под уздцы. Мой конь, у которого никаких мешков на седле, сам побежал за теми, кого тащили за повод.

— Ты дурак, — ответил я хрипло, но погромче, чтобы слышали воины. — Воинам нужен полководец, который их щадит, а ты погубил своих людей по дурости и собственному бешенству!.. Вон они лежат, посмотри. Войска должны водить опытные старики, а не кровожадные герои...

Он крикнул в бешенстве:

— Мои воины пойдут за мной еще и потому, что я получу эти земли во владение! И только я буду раздавать здесь уделы своим верным воинам!.. Убейте их всех!

Бернард тяжело поднялся, топор снова в его руках, я подтащил к себе чей-то меч, оперся на него и встал. Меня шатало, но мы вдвоем встали спина к спине. В глазах воинов я видел страх и растущее изумление.

Улаф заорал бешено:

— Убейте их!.. А доспехи увезите в мой шатер.

Кто-то проворчал:

— Да теперь увезем вместе с конем. А то вон пятеро уже лежат... пока разобрались, что к чему.

— Увозите с конем! — прокричал Улаф. — Быстрее, мерзавцы!

За спинами копыеносцев мелькало, суетилось, оттуда доносились крики, к Улафу подбежал молодой воин, лицо бледное, проговорил быстро и запинаясь:

— Видели... их подхватил Хельми. Он вскочил на коня...

— Что-о-о-о?

— И унесся.

— Куда?

Воин повернулся, неуверенно махнул в сторону заросшего лесом холма. Улаф заорал в бешенстве:

— Догнать!.. Зимель, возьми десяток людей!.. Догони, убей, заведи все, что при нем...

Он орал в лютот бешенстве, воины отодвигались от него, я даже начал надеяться, что удастся как-то вырваться, если очень сильно повезет.

— А почему ты решил, — сказал я громко, — что этот Зимель, если даже убьет твоего Хельми, вернет доспехи святого Георгия? Он точно так же может привезти их вашему Карлу... или кому вы служите. И он станет полководцем, а ты... ты будешь дураком, обманувшим своих воинов... Три четверти погибли, а те, которых ты привел, никакой добычи не получают! У нас ничего нет, а убить хоть кого-то еще сможем...

Улаф зарычал, схватился за рукоять меча. Воины громко роптали, двое ветеранов решительно протолкались к нему, один сказал громко:

— Я привел лучших храбрецов из своего племени! Но от всего отряда осталось только двое. Но и они не вернутся героями, отягощенными золотом и с молодыми пленницами... И я не смогу заплатить семьям убитых.

Улаф выхватил меч, слегка пригнулся, готовый дорого продать свою жизнь. Лицо его дергалось, изо рта потекла пена. Он начал грызть край щита.

Воины медленно отступили, ветераны тоже попятись, а затем сделали знак воинам, и все вместе плотной группой направились в сторону Зорра.

— Я всех вас уничтожу! — прокричал Улаф вдогонку. — Вы предали!.. Вы нарушили договор!..

С далекого холма спустился на темном коне огромный всадник. Конь шел в нашу сторону усталой рысью. Всадник был в темном плаще, но я сразу понял, что плащ наброшен на металлические доспехи.

Конь перешел на шаг, всадник окинул нас равнодушным взглядом, Улаф в бессильной ярости смотрел на нас с Бернардом. Ланселот еще не шевелился, но Асмер пришел в себя, сел, в руку взял кинжал. Его затуманенные болью глаза отыскивали ноги Улафа, и тот словно ощутил острие кинжала на своих сухожилиях, отступил, в бешенстве обернулся к всаднику.

— А ты кто, черт бы тебя побрал?

— Твой хозяин, раб!

Улаф задохнулся от бешенства, ринулся на всадника с поднятым мечом. Но его клинок встретился с клинком всадника. Свободной рукой всадник отбросил капюшон, Улаф вздрогнул и отступил. Меч его бессильно опустился.

— Господин... — вырвалось у него робкое. — Но говорили... говорили, что вы погибли...

— Я к гибели был близок, — прорычал Ягеллан. Он посмотрел в нашу сторону, я содрогнулся от его обезображенного багровыми шрамами лица. — Очень близок... Но ни герои, ни маги так просто не умирают. Ты проиграл, Ричард! Оружие Арианта заперто Святым Заключением, и нет на свете человека, который бы прошел эту защиту. Ни в твоём сраном Зорре, ни где-либо еще... Но как вовремя подоспели со своими ничтожными доспехами святого Георгия!.. Это как раз то, в чем легко пройду защиту, наложенную святошей... Теперь доспехи и меч Арианта наконец-то мои!

Смертельный холод пахнул мне в спину. Улаф кашлянул, привлекая внимание, поклонился.

— Господин... твои вещи унес вор. Его зовут Хельми, ты его знаешь. Я за ним послал вдогонку Зимеля с десятком лучших воинов, но... надежнее, если ты сам, господин, с твоей способностью летать...

Ягеллан спросил жестко:

— Хельми?

— Да, господин.

— Он украл все вещи?

— Да, господин, все.

Ягеллан прорычал в таком бешенстве, что Улаф отпрянул в страхе:

— Хельми уже стал кормом для волков!.. Его клюют вороны!.. Мой конь перепрыгнул через его труп, когда я несся сюда.

Улаф проговорил растерянно:

— Но мешок, в нем доспехи...

Ягеллан проревел в бешенстве:

— Их там не было!

— Господин, — прошептал Улаф в ужасе, — но как же...

Ягеллан повернулся к нам. Его шатало — явно измучен до крайности, а ужасные шрамы, перекосив половину лица, придавали ему жуткий вид.

— Улаф, — велел он осевшим голосом, — немедленно бери десяток... нет, пару десятков лучших воинов. Скачи по следам. Найди! Найди эти доспехи! Только с ними я могу пройти защиту и получить меч и доспехи Арианта.

Улаф попытался, ожег нас ненавидящим взглядом, исчез. Страшное обезображенное лицо Ягеллана дергалось, шрамы пульсировали, словно внутри что-то кипело. Глаза вспыхнули, но тут же погасли. Я впервые увидел, что Ягеллан не только обезображен, но и выдоен до последней капли.

— Не может быть, — прохрипел он с ненавистью. — Не может быть... чтобы все было потеряно!.. Была только одна возможность пройти защиту... именно в доспехах святого Георгия!.. Но теперь опять века... а то и тысячи лет... Если доспехи затеряются, заснут в каких-то щелях, как спят в этой земле тысячи странных изделий древних времен, то...

Единственная малая радость, что у меня осталась, — это подвесить вас всех над медленным огнем. Я это сделаю, сделаю с радостью...

Ланселот зашевелился, открыл затуманенные глаза. Рука его вздрагивала, но тянулась к мечу, что лежал рядом. Асмер стиснул кинжал, а Бернард выпрямился во весь рост, сказал гулко:

— Ну-ну. Сделай... если сможешь.

За спиной Ягеллана стояли еще около двух десятков воинов с обнаженным оружием. Все смотрели на нас с почтением и страхом. Ягеллан указал в нашу сторону:

— Взять их!.. Если не сможете взять живыми, то... так и быть — убейте! Я все же получу какое-то удовольствие, когда изрежу их тела на куски... и скормлю собакам. А потом вы возьмете Зорр... и ваши победоносные войска ничто не остановит!

Воины двинулись на нас, прикрываясь щитами, очень осторожные. Даже те, что вели себя в прошлый раз как берсерки, в этот раз шли смирные как овечки. И держали строй.

Бернард тяжело замахнулся топором, но я его опередил, сделал выпад, поймал врага на ложный замах, а сам ткнул мечом как шпагой. Воин всхлипнул и повалился навзничь, расстраивая слаженный строй.

— Хорошее начало, — слабо сказал Асмер.

Он бледно улыбался, в обеих руках его по кинжалу, но вставать он не решался. Под ним широкая красная лужа, из глубоких ран на ногах все еще сочатся кровь и сукровица.

— Их нам и на семечки не хватит, — сказал я нагло.

Они ринулись в нашу сторону. Я вскинул меч... мир вспыхнул слепяще ярким светом! Стало светло, я бы сказал, как днем, если бы это не было днем, но даже небо над нашими головами на краткий миг превратилось от неожиданности в темное и звездное, а нас высветило как мощными прожекторами. Земля загудела под грохотом множества копыт.

Воины оглядывались, вскрикивали в ужасе. Со стороны леса в нашу сторону несутся огненные всадники. В ру-

ках сыплют искрами вздетые к небу огненные мечи, у коней из ноздрей вырывается красное пламя. Оранжево-желтые мечи и красное пламя, а остальное все было белое, настолько белое, что всадники сливались с белоснежными конями. Во главе конного отряда несется огромный человек с развевающимися седыми волосами, в рубашке с расстегнутым воротом, от него пронзительно острыми струями бьет во все стороны чистый свет.

Воины, вопя, бросали оружие и разбегались. Всадники пронеслись через них, я ощутил волну жара, огненные люди и кони разом исчезли, за исключением их вожака, а на земле остались быстро высыхающие грязные лужи.

Бернард ударил обухом топора по голове Ягеллана. Асмер приставил острие ножа к подколенной жиле мага. Смертельно испуганный, трясущийся, он пошатнулся и покорно встал на колени. Бернард сорвал у него с плаща длинный расшитый золотом шнур, Ягеллан вытянул шею, но Бернард всего лишь крепко связал за спиной его руки.

Седой всадник легко спрыгнул с коня. От него — чистый радостный свет, перед которым дневной свет казался сумерками. Он был в одном хитоне, ворот на груди распахнут, открывая густые заросли снежного цвета, в которых запуталась бы даже крупная мышь. Я боялся взглянуть в глаза всаднику, страшась не увидеть в глазных яблоках зрачков вовсе, а когда все-таки взглянул, в глазных впадинах не было даже глазных яблок — колыхался чистый первозданный свет.

— Тертуллиан?.. — прошептал я.

— Когда на одной стороне выступает колдовство, — произнес он богатым резонирующим голосом, — на другой стороне вправе выступить равная по мощи святость.

Бернард ни фига не понял, но поклонился и ответил с достоинством:

— Милорд, мы выполняли свой долг.

Тертуллиан кивнул, прошел мимо, пальцы его на ходу коснулись Ланселота. Взглянул на Асмера быстро и остро, чему-то улыбнулся, похлопал по плечу. Асмер вздрогнул, в

глазах появилось непомерное изумление. На грудь Совнарола, что не подавал признаков жизни, огненноглазый опустил ладонь и подержал, прислушался. Мы смотрели на него во все глаза, он тронул Сизигмунда, а Бернарда одобрительно ударил по плечу, сказал звучным голосом:

— Благодарю за службу, центурион!

Я подумал, что вряд ли Бернард знает, что такое центурион, но когда Тертуллиан наконец повернулся ко мне, я сказал торопливо:

— Похоже, Карл собирается повторить штурм Зорра!.. Вы со своими всадниками... кстати, куда они делись?.. не собираетесь помочь?

К Тертуллиану подошел конь, потыкался мордой в плечо. Справа и слева от седла висело по грубому мешку, в обоих легонько позвякивало железо.

— Помочь? — услышал я сильный, совсем не старческий голос. — Нет, это не для меня... Даже нынешняя выходка... это уже чересчур. Просто однажды я вот так уже скакал с мечом в руке... В прежней жизни. Вот что, Дик... держи щит...

В великом изумлении я увидел рыцарский щит дивной работы, машинально взял. По спине побежали мурашки, я узнал этот щит. Тертуллиан повернулся снова, в его руке возникли великолепные ножны. Рукоять меча из них торчала строгая, без украшений. Сердце мое дрогнуло. Украшений нет, но форма такая, словно над нею поработал институт по дизайну, а каждый изгиб рождался в результате тщательнейшей работы математиков-топонимиков. Старинные пушки, как я видел в учебниках истории, все с выпуклыми фигурами львов, орлов, грифонов, единорогов, а современные — гладкие, простые, такое же впечатление произвел и этот меч, но я всеми фибрами души чувствовал, что и... гм... по эффективности он отличается от увиденных прежде мечей, как современная пушка от пушек Ивана Грозного.

Я прошептал:

— Тертуллиан, но это же невозможно...

Он засмеялся, показывая крепкие зубы из пляшущих языков белого огня. Увидев мой пристальный взгляд, дернул щекой, зубы стали обычными, желтыми, со съеденными краями.

— Ты знаешь, — ответил он спокойно, — возможно.

— Но как? — вырвалось у меня блеющее. — Ведь Ягеллан жив, у меня ничего не получилось!

— Получилось, — объяснил он. — Ты обрушил на него целую гору! Это было зрелище. Спасая шкуру, он снял заклятие и собрал всю мощь до последней капли, чтобы выжить живым. Ну, я не стал досматривать, хоть и хотелось. Взял доспехи сам... Долго думал, что с ними делать. Ревностному христианину их нельзя, велик риск загубить душу. Словом, в конце концов...

Он протянул меч рукоятью вперед. Я не брал, ошале-
лый. Тертуллиан сказал строго:

— Меча первым должен коснуться ты.

Конь мягко ткнулся ему в спину лбом, положил на плечо длинную умную морду и посмотрел с укоризной на всех нас. Тертуллиан спохватился:

— Пора! Вы знаете, что делать.

Он сбросил на землю оба мешка, конь под ним красиво взвился на дыбы, Тертуллиан вскинул руку в прощании, исчез. Наши кони стояли неподалеку, а мой конь в сторонке что-то жрал, я слышал хруст, словно работала мощная камнедробилка.

Сигизмунд подошел робкими шажками. Лицо его вспыхнуло алым огнем, тут же пурпур быстро опустился на всю фигуру, и золото заблестело как жар. Это яркое солнце высунулось из-за туч, отшвырнуло тени, как ударом моего молота, и остатки тьмы ринулись прятаться в щелях и за камнями. Бернард в изумлении смотрел на меня и покачивал головой. Он почти не обратил внимания, что все раны зажили от дружеского удара святого по плечу, зато Асмер ликовал, ощупывал себя, постоянно проводил ладонями по лицу, пытаясь отыскать украшающие лицо героя шрамы. Ланселот стоял над Ягелланом, что-то спрашивал настой-

чиво, приставив острый клинок к горлу. А Совнарол зашевелился, сел, упираясь руками в землю. Глаза его были закрыты.

Сигизмунд почтительно преклонил колено:

— Сэр Ричард! Ваша милость, почтите меня великой честью... помочь вам облачиться в доспехи великого Арианта!

— Почтю, — ответил я. — Давай действуй. Хрен их знает, как они надеваются.

По красивому лицу Ланселота пробежала судорога, но рыцарь смолчал, только метнул в мою сторону ненавидящий взгляд.

Сигизмунд с почтением и трепетом развязывал мешок. Лицо молодого рыцаря озарилось неземным светом, глаза блестели как звезды, голос стал звучнее, а когда он выпрямился с панцирем в руках, от него самого исходил свет.

Панцирь мне показался слишком прост, что-то вроде жилета из двух половинок. Сигизмунд приставил одну к моей груди, вторую к спине, щелкнуло, я слышал изумленный вопль моего преданного вассала:

— Они слились!..

— А как я вылезу? — спросил я сварливо.

— Ну... гм... Господь же милостив?

Однако в панцире я чувствовал себя свободно, словно в самом деле влез в старый разношенный жилетик из джинсовой ткани. Сигизмунд обеими руками, как королевскую корону, опустил мне на голову шлем. В его юном лице я видел безмерный восторг и восхищение.

Напоследок он пошарил в опустевшем мешке, на свет появились два, нет, четыре браслета. Все шириной с ладонь, но два таких, что мне разве что на бедра, а два могли бы на бицепсы... или на то место, где у людей бицепсы, а у меня то, что я тоже называю бицепсами.

Глаза Сигизмунда чуть расширились, он явно впервые зрит такое, это у меня от таких браслетов в глазах рябило в бесконечной «конине», «зенине» и подвигах говорящих на американском сленге Геракла-Одиссея-Синдбада, но едва

я закатал рукава, Сигизмунд смекнул и надел мне на бицепсы те, что для бедер, а бицепсовые — на запястья. Оба мы испытали минутную неловкость, ибо Ариант явно был каким-то горным великаном, мои бицепсы в его браслетах — как червяки в трубе нефтепровода, но едва эти железки оказались на месте, как то ли уменьшились, то ли мои мускулы от возмущения напыжились, но я ощутил приятное и надежное прикосновение металла, плотное, словно приросшее к коже.

Бернард оглядел с головы до ног критически, придиричливо. Я чувствовал себя в этих браслетах глуповато, похожий на Шахерезаду перед шахом. Взгляд Бернарда был страдающим.

— Меч, — громыкнул он, — что за меч... император отдал бы половину земель за такой... И корону бы отдал! Но доспехи... гм... не понимаю. Либо парень из очень жарких стран, либо тогда лучше ковать не умели. А щит... что на нем за звери?

Сигизмунд с готовностью поднял щит, руки вздрогнули, он всмотрелся, перевернул, на щеках вспыхнул румянец, торопливо протянул щит Бернарду. Сердце мое колотилось все сильнее. Звери — черт с ними, но изображение стереоскопическое, как бы утоплено в глубине, там словно метет слабая поземка, мне тоже захотелось перевернуть щит и посмотреть изнутри.

Бернард остро взглянул на меня.

— Тертуллиан все подал тебе в руки. Чтoб эти вещи запомнили нового хозяина.

— Да, — согласился я. — У нас тоже делают такие пистолеты с чипами, чтобы слушались только хозяина. В смысле — в нашем королевстве. Чужак из такого... гм... лука выстрелить не может. Так что мне это знакомо. Это дорогое оружие, Бернард.

— Дик, кто ты?

Вместо ответа я громко свистнул. Сгусток мрака, что жевал и перемалывал камни, исчез там и мгновенно появился передо мной. В глазных орбитах полыхало, выплескиваясь, багровое пламя, уши стояли торчком по-волчьи.

Я поставил ногу в стремя, Бернард все еще не сводил с меня вопрошающего взгляда. Одним прыжком я очутился в седле, дивный щит слева, рукоять древнейшего из мечей смотрит из-за плеча, а удивительный панцирь колыхается на моей груди вместе с дыханием.

Совнарол торопливо подобрал второй мешок, где доспехи святого Георгия, приторочил к своему седлу и взобрался на коня. Моя рука, отягощенная браслетами героя, выстрелила в направлении Зорра:

— Там ждут от нас доспехи святого Георгия. Поспешим?

После паузы кто-то вздохнул, а Ланселот скомандовал звучным голосом:

— По коням!

Глава 31

Нас увидели, как и в прошлый раз, издали. Заскрипели створки ворот, а когда за нами погнались какие-то смельчаки, их легко отогнали со стены стрельбой из арбалетов. Я перевел дыхание, увидев суровые, полные достоинства лица воинов Зорра. Доспехи их не блистают, на шлемах и нагрудных пластинах следы от ударов топорами, мечами, даже от стрел, но я чувствовал их силу и стойкость, что наполняет воздух крепости.

Оказывается, все это время я жил, сроднившись, со страшным напряжением, привык, притерпелся, оно стало для меня таким привычным, что не замечал, а теперь вот как будто кости из меня вынули, готов сползти медузой прямо сейчас с коня, лечь, отоспаться...

Из караульного помещения вышел Беольдр, я сразу подобрался, выпрямил спину. Беольдр сильно похудел, из-за этого выглядел еще выше ростом, с почерневшим лицом и глубоко запавшими глазами. Он сам взял наших коней под уздцы, помолчал, глядя нам в лица. Ничего не спрашивал, боялся услышать, и Ланселот сказал без привычной для него суровости в голосе:

— Все с нами.

Отец Совнарол подтвердил смиренным голосом, но дьявольская гордыня звучала в каждом слове:

— С Божьей помощью, с Божьей помощью.

Беольдр оглянулся на запасных коней, что с любопытством осматривались в поисках конюшни и молодых кобылиц. Худое лицо медленно светлело, словно внутри зажглись свечи и освещали его через кожу.

— Я в самом деле, — сказал он дрогнувшим голосом, — боюсь поверить... Ведь дела очень плохи, Ланселот.

Ланселот картинно выпрямился, глаза сверкнули праведным гневом.

— С нами доспехи святого Георгия Победоносца! — сказал он громко, чтобы услышали и солдаты, защищающие ворота. — Так кто же против нас?

Бернард добавил с небрежностью:

— Не так уж и много войск по ту сторону стен.

Сигизмунд сказал чистым юношеским голосом:

— Было больше, но теперь...

— Силой Божьего слова, — напомнил Совнарол строгим голосом. — А уж потом нашими мечами.

Беольдр покачал головой. Лицо снова потемнело, а огонь в глазах угас.

— Все гораздо хуже, — проронил он. — Шарлегайл плох... Уже почти не встает. Узнав, прибыла родная наша сестра, владетельная Зингильда, ты ее знаешь. Спешит заявить права на трон. С нею ее начальник стражи...

Грудь Ланселота раздалась, а нижняя челюсть выдвинулась еще больше. В холодных серых глазах заблестал металлический оттенок, словно на лезвии его меча.

— У Шарлегайла нет сына, но есть законная дочь!.. Принцесса Азалинда имеет больше прав, чем его сестра.

Беольдр развел руками. Огромный, могучий, он казался пойманным в лесу медведем, посаженным на цепь.

— Сейчас права у того, у кого длиннее меч. Ланселот, ты знаешь, кто теперь у нее начальник стражи? Сир де Мертц. Да, тот самый Сир де Мертц.

Ланселот посерьезнел, аристократичное лицо вытяну-

лось, скулы заострились, а желваки натянули кожу и застыли рифлеными кастетами. Я видел, как дернулись губы, явно для ругани, но он вспомнил о своем происхождении, а вокруг одни простолюдины, произнес ровным голосом:

— Беольдр, мы должны доставить Шарлегайлу доспехи... как можно скорее. Он наш король.

— Я с вами, — ответил Беольдр. — Но, прошу тебя, Ланселот... никаких ссор!

Бернард прорычал за моей спиной:

— Никаких, ваша милость!.. Ну прямо никаких, обещаем.

— Я не хочу гражданской войны, — добавил Беольдр, — когда у стен Зорра враги.

Его лицо дергалось, я с изумлением и состраданием понял суть страдания этого сильного и очень мужественного человека. Шарлегайл — двоюродный брат, которого он любит, но служит прежде всего Зорру, последней твердыне христианского мира на этой земле.

Мы шли через анфиладу залов, сопровождаемые почтительным шепотом. Народу прибавилось, хотя огромные залы по-прежнему выглядят пустыми. Перед дверью в тронный зал огромные стражники зашевелились, заученными движениями скрестили перед нами копья.

— Приказ короля, — сказал один хмуро.

Ланселот гаркнул, не веря своим ушам:

— Мы привезли доспехи святого Георгия Победоносца!

— Приказ короля, — повторил воин. Он вздохнул, повторил уже горько: — Таков приказ... короля.

Мы остановились, я всей кожей чувствовал опасность, вертел головой. Бернард хмурился, Асмер беспокойно переступал с ноги на ногу, только Сигизмунд осматривался с радостным благоговением, крестился, шептал благодарственные молитвы. Совнарол посматривал на него одобрительно, встал рядом, и они зашептали что-то в унисон.

Я смотрел на массивные роскошные ворота, перевел взгляд на лица друзей, уже друзей. Во мне начал закипать гнев,

который давно кипит в Ланселоте, бурлит в Бернаде и едва не выплескивается из Асмера.

Ланселот проговорил с напряжением в голосе:

— Беольдр, мне это не нравится... Мы в самом деле привезли доспехи святого Георгия Победоносца! Я не понимаю, что может быть важнее... в эту минуту.

Беольдр прислушался к голосам по ту сторону двери. Вид у него был несчастный.

— Ланселот, там очень серьезный и неприятный разговор... Понимаешь?

— А мы не серьезный?

— Прости, но что сделано, то сделано.

Ланселот дернулся, побелел, но смолчал. Бернارد прогудел густым голосом большого недовольного медведя:

— Я просто чувствую, что королю мы сейчас нужны. Кто велел никого не пускать?

Беольдр ответил несчастным голосом:

— Сам король и велел.

Совнарол, дотоле молчавший, сказал ясно и строго:

— Власть Творца всего сущего выше власти земных владык.

Похоже, никто его не понял, да и я тоже не понял, но пальцы мои стиснули рукоять молота, будто это именно Совнарол подсказал им, что делать, а глаза мои уже мерили расстояние до гигантов-стражников по обе стороны двери. Не такие уж они и гиганты, если сравнивать со мной. В этом мире я тоже не карлик. Беольдр быстро взглянул на меня, лицо напряглось, но затем он сказал негромко Совнаролу:

— Ты прав, отец.

Сигизмунд проговорил громко и звучно:

— Во имя Отца и Сына...

Я знаком велел стражам отступить подальше от створок. Они заколебались, тогда я размахнулся и швырнул молот в середину ворот. Оба прыгнули в стороны, роняя копья, похожие на каскадеров, подброшенных взрывом. Мне самому показалось, что из моей руки выплеснулась

гремящая молния, но это был всего лишь блеск на металлической голове молота от свечей и светильников.

Ворота трянуло на миллисекунду. В следующее мгновение воздух наполнился визгом от крупных щепок. Сухой треск пронесся, как громовой удар. Я ожидал, что молот пробьет дыру, раз уж тут нет запора, и вернется ко мне, но истосковавшийся без дела молот как будто ощутил мою злость и желание сокрушить врата: он разнес их полностью — одна створка разлетелась в щепки, а вторую он на обратном пути разбил так, что щепочки, самая крупная не больше спички, наполнили воздух, как снег в метель.

Из зала донеслись крики, вопли, лязг железа. Все перекрыл пронзительный женский визг. Беольдр жестоко улыбнулся, во взгляде было одобрение.

— Заставлять нас ждать — это унижение. Не только для вас.

Ланселот сказал быстро, жестко, не шевельнув ни одним мускулом:

— Все, пошли.

— Головы выше, — успел шепнуть Бернارد.

Под ногами звучно хрустели добротные дубовые щепки. Те, что помельче, все еще опускались, как крупный снег, усеивая пол хорошо пахнувшими опилками. Искореженные медные полосы скрутило как спираль, они раскатились в углы, где продолжали беспокойно покачиваться из стороны в сторону.

Шарлегайл на троне, справа от него в кресле застыла принцесса Азалинда. За ее спиной Шартреза, ее руки гладили Азалинду по плечу. Азалинда бледная как полотно, в глазах блестят слезы. А перед ними выпрямились горделиво двое: тонкая изящная женщина в длинном зеленом платье, что делало ее похожей на молодую красивую ящерицу, и мужчина в доспехах, но без шлема. Я посмотрел на него, холод пробежал по спине. Этот гигант побольше даже Беольдра. Руки как бревна, шея толщиной с колонну Большого театра, волосы не падают на плечи, как у всех, а под-

стрижены коротко, торчат, как у дикого кабана, зато при взгляде на необъятную шею у меня просто подгибаются колени.

Сейчас они с изумлением и гневом смотрели на нас. С изумлением и гневом, но без страха. Беольдр коротко, с достоинством поклонился.

— Прошу прощения, Ваше Величество, за вторжение. Но прибыли герои с доспехами святого Георгия. Я не счел вправе задерживать их...

Ланселот, не дожидаясь ответа Шарлегайла, сделал два церемонных шага к трону, опустился на одно колено и произнес сильным ясным голосом:

— Ваше Величество! Доспехи в Зорре. Я отправил их к епископу. А мы, ваши верные слуги, готовы к новым свершениям.

Он поднялся, опять же не дожидаясь слов Шарлегайла, выпрямился, нижняя челюсть угрожающе выдвинулась, а рука в многозначительном жесте опустилась на рукоять меча.

Женщина по-прежнему смотрела в нашу сторону с изумлением и сильнейшим гневом. Она в самом деле похожа на Шарлегайла, понял я, такое же сильное волевое лицо, решительность в глазах, тонкий нос и широкие плечи пловчихи. Но в поясе оставалась узкой, как и в бедрах. Талию охватывает широкий пояс с дивным шитьем серебром и золотом, но на бедре висит совсем не игрушечный кинжал, только ножны искрятся от обилия самоцветов.

— Возможно, — сказала она сильным, но женственным голосом, — вам эта выходка сойдет с рук... сегодня, сэр Ланселот. Но король Шарлегайл уже согласился передать мне корону! И я намерена доказать... да, доказать!.. что женщина не уступает мужчинам в умении управлять королевством! Завтра вам придется относиться ко мне с намного большим почтением.

Я взглянул на Азалинду. Она попыталась вскочить, но Шартреза придавила обеими руками ее плечи. Ее глаза отыскивали мои, она чуть качнула головой. Ланселот пере-

хватил ее взгляд, посмотрел на меня злобно, потом обратился к Шарлегайлу, минуя Зингильду:

— Ваше Величество... это правда? Разве не принцесса Азалинда ваша наследница?

Шарлегайл сделал слабый жест рукой. В горле у него klokотало. Глаза Зингильды гневно сверкнули, но слова потонули в громовом хохоте Сира де Мертца:

— Принцесса?.. Ох-хо-хо!.. Это та девка, которую пятеро мужланов привезли из каких-то срединных деревень?

Ланселот вскипел, рука метнулась к мечу.

— Ублюдок, — процедил он холодно, — ты осмеливаешься это сказать вслух?

Рыцарь захохотал.

— И громко, — сказал он с удовольствием. — И во весь голос. Да, принцесса — шлюха, она провела два месяца в компании пяти мужчин... спала с ними!

Он не успел закончить — удар бронированного кулака сотряс его, как дерево, в которое попал валун. Ланселот стоял взбешенный, бледный от гнева. Рыцарь медленно поднял руки к подбородку, потрогал. В глазах вспыхнула ярость. Не отрывая взгляда от лица Ланселота, сделал повелительное движение в сторону. Появился оруженосец, мигом подал шлем и меч.

— Сэр Ланселот, — сказал рыцарь свирепо, — вы нанесли мне оскорбление. И сейчас поплатитесь.

Ланселот отступил на шаг, давая дистанцию, в правой руке появился меч. Бернард с готовностью подал щит. Глаза Ланселота с холодным презрением смили противника с головы до ног и обратно.

— Я к вашим услугам.

Асмер сказал торопливо у меня за спиной:

— Надо их остановить!.. Ланселот еще не оправился от ран. А этот Сир де Мертц... он всюду ищет повод для драки. И всегда побеждает. Всегда!

Ланселот и Мертц с мечами наголо пошли по кругу, изучая друг друга. Мне казалось, что должны ринуться сломя голову, ведь только что кипели яростью, но христианские

рыцари в самом деле — это дисциплина, а не сраные, как сказал тертый Бернард, берсерки...

Мертц наконец шагнул вперед, движения были легкими, отработанными долгими упражнениями и настоящими схватками. Шлем скрывал лицо, только глаза видны в прорезе забрала, да и те смотрят лишь над самым краем прочного щита.

Мечи звонко сшиблись в воздухе, но первый удар был легким, затем снова и снова звон, удар, шарканье сапог по каменным плитам. Наконец Ланселот сделал выпад, но Мертц легко парировал, сам стремительно метнулся в атаку, нанес три быстрых удара, однако Ланселот принял на щит, на лезвие меча, в свою очередь ударил в голову, что Мертц хоть и с трудом, но отбил.

Снова закружили по каменному пятаку, мечи блестя, дыхание срывается частое, но не от усталости, каждый нагнетает в себе взрывную ярость, что утраивает силы. Наконец Мертц снова пошел в быструю атаку. Ланселот отступил под яростным натиском, но я видел, как его меч блеснул у самой груди Мертца, послышался легкий скрежет металла по металлу. Я ожидал, что лезвие вспорет доспехи, как консервный нож, но на блестящем металле не осталось даже царапины.

Ланселот отпрянул, но недостаточно быстро: с плеча от удара слетела защитная пластина. Лицо рыцаря дрогнуло, он даже закусил губу от боли. Отступил еще и еще, закрываясь щитом, а правую руку явно берег, но когда Мертц нажал, Ланселот пригнулся, сделал невероятный пируэт, его меч срубил кончик щита Мертца и достал его в бок. Снова я ожидал скрежета, уже видел, как в таких случаях меч Ланселота вскрывал доспехи, как устричную скорлупу... но меч отскочил, а сам Ланселот едва успел избежать смертельного удара. Меч Мертца разрубил ему щит надвое, Ланселот стряхнул обломки с кисти, а рукоять меча перехватил обеими руками.

Я видел его прищуренные глаза. Похоже, догадался, что за доспехи на Мертце, но гордость не позволяет зая-

вить об этом вслух. Страшится, что обвинят в трусости, даже не обвинят, а подумают... нет, даже могут подумать, и теперь из-за своих сраных комплексов рыцарства ведет неравный бой с... нерыцарем.

Что за дурь, подумал я злобно, эти рыцарские замашки, предрассудки, обеты, страхи, запреты, когда вторая сторона их не соблюдает?

Ланселот пятился, его сверкающий меч едва успевал парировать удары, что сыпались с разных сторон. Мертц наступал, наступал, наступал, Ланселот уже прижат спиной к толпе, где стою я...

Вывав меч, я направил его острием в наступающего Мертца.

— погоди, ублюдок, — сказал я громко. — Ты хотел выиграть по своим правилам?.. Но ты получишь мои!

В тронном зале все замерло. Я сам впервые увидел лезвие своего меча. Длинное, узкое, без всяких украшений и знаков на металле, оно холодно и ясно блистало, тонкое, с невероятно острой бритвенной кромкой, немыслимой и нелепой в мире, где рубят по толстому железу и лезвия мечей давно стали походить на лезвия топоров, а то и колунов.

Мертц посмотрел на мой меч, потом на меня, снова на меч. В прорези шлема что-то изменилось, но огромный рыцарь повел головой, увидел, как смотрит женщина в зеленом платье, от него пахнуло волной стыда и злости, он прорычал, как свирепеющий лев:

— А это еще что за тварь?

— Это тот, — сказал я громко, — кто поставит тебя на колени перед принцессой!

Он зарычал и бросился на меня с поднятым мечом. Я подставил свой, одновременно выставил щит, парировал, а когда Мертц сделал хороший замах, целясь в мою голову, я с силой пнул его ногой в бок.

Невиданный в рыцарском мире удар швырнул его навзничь. Тяжелые доспехи приковали к земле, он с трудом перевернулся, встал на четвереньки. Я подошел и саданул его сапогом в морду. Получилось не так хорошо, как хоте-

лось, все-таки шлем с забралом, но, кажется, решетка прогнулась и вмялась ему в зубы. Я ударил еще раз, с удовольствием услышал хруст. Он упал на бок, перевернулся снова, опять встал на четвереньки, я пару раз ударил в живот, но там прочный панцирь, снова погнал его пинками, стараясь бить в голову.

Он поднимался на четвереньки, я ударом кованого сапога сбивал на пол, опрокидывал. Он поднимался снова, а я снова бил в эту звериную морду, закрытую шлемом. Оттуда кровь уже не капала, а плескала струями.

Когда он упал и остался лежать, растопылив руки, я спохватился, отступил, крикнул:

— Вставай, трус!.. Надеешься отлежаться?

В зале нарастал ропот. Я не знал, на кого он направлен, злость ходила во мне кровавыми волнами, я ненавидел их всех, а особенно эту сволочь со львами на щите.

Мертц поднялся, весь в кровавой слизи. Я принял тяжелый прямой удар меча на щит, с удовольствием отметил, что там ни царапины, а глаза в прорези шлема испуганно расширились. Я начал наносить удары сам, это получается неплохо, все эти рассказы о рыцарском умении преувеличены, я же гоню этого красавца спиной вперед, он отступает, это видят все, видят, как их лучший боец отступает, видят, что люди Ланселота явно сильнее...

Ланселот рвался из рук Бернарда и Сигизмунда. Я понял, что он стремится сам закончить схватку, а чем она закончится — ясно, сделал выпад, отбил меч, щитом грохнул Мертца по голове. Он зашатался и рухнул во весь рост навзничь. Я приставил острие меча к его смятому и залитому кровью забралу.

— Сдавайся! — сказал я громко.

Он поколебался, потом я увидел, что его губы шевельнулись.

— Что? — сказал я еще громче. — Ты преклонишь колени перед принцессой?

Тишина стояла гробовая. Даже Ланселот перестал вы-

рываться, звеня железом. Мертц что-то прошептал. Я не расслышал, злость все еще кипела во мне, стучала в виски.

— Ах так, — сказал я, — но я тебя все равно поставлю на колени!

Весь двор ахнул, когда я занес меч. Лезвие со свистом прорезало воздух. Удар я ощутил, когда меч, перерубив ноги Мертца в коленях, ударился о каменную плиту.

Еще вне себя от злости, я ухватил Мертца одной рукой за металлический ворот, поднял и поставил на кровоточащие обрубки. Лица у всех стали белыми, даже Бернард и Сигизмунд смотрели на меня со страхом и отвращением. Ланселот молчал, не двигался, взгляд его был тяжел.

Я встряхнул Мертца, тот от шока и боли почти не понимал, что с ним происходит и почему это непробиваемые доспехи, скованные гномами, вдруг оказались не прочнее кленовых листьев.

— Добром или силой, — крикнул я, — но люди королевства Зорр делают то, что обещали!

Я отпустил Мертца, отступил на шаг, а меч небрежно сунул в ножны. Почему-то был уверен, что больше никто не посмеет загородить нам дорогу. Мертц некоторое время стоял на обрубках, под ним натекла огромная красная лужа, потом рухнул навзничь.

Зингильда завизжала пронзительно и страшно. Лицо ее перекосилось злобой и яростью. Она бросилась вперед, с силой толкнула Шартрезу, та оступилась и упала на спину. Одной рукой Зингильда ухватила Азалинду за ее золотые волосы, свирепо дернула, а в другой руке появился кинжал. Оттягивая голову Азалинды, она замахнулась острым лезвием над ее белым нежным горлом.

Ланселот отшвырнул Бернарда и Сигизмунда, но застыл от страшного крика Зингильды:

— Еще шаг — и я перережу ей горло!

Все застыли, боясь дохнуть. Ланселот схватил арбалет, прицелился. Зингильда издевательски захохотала:

— Сэр рыцарь!.. Вы никогда не выстрелите в женщину! А я получу корону!

Ланселот скрипнул зубами, арбалет в его руках начал опускаться. Я быстро взял у него из рук арбалет. Ланселот так опешил, что сразу выпустил его из рук.

Я приложил к плечу отполированный приклад. Зингильда презрительно усмехнулась. Я сказал громко:

— Я уважаю женщин и считаю, что миледи Зингильда абсолютно права: женщины ни в чем не уступают мужчинам. Я выстрелю, если сейчас же не бросите нож!

Она выкрикнула победно:

— Вы не посмеете!

Я нажал на спусковой крюк. В плечо толкнуло. Стальная тетива со страшной силой выбросила стальной болт. Стрела ударила Зингильду в руку возле плеча и пришила к стене. Нож выпал из ослабевших пальцев.

Она вскрикнула, дернулась, расширенными глазами посмотрела на свою руку, на меня, снова на руку, где зеленая ткань рукава сразу начала окрашиваться кровью. Асмер первым оказался возле Азалинды, Бернард набросил ей на плечи плащ, вместе увели.

Я передал арбалет Ланселоту. Зингильда смотрела на меня расширенными от ужаса глазами, завизжала. Я вышел, когда она остановится, чтобы набрать в грудь воздуха, развел руками:

— Миледи, права влекут за собой и равные с правами обязанности, увь... Не знали?

Ланселот, ругаясь как грузчик и бормоча извинения, выдрал болт из стены, ухватил обеими руками нежную руку, все еще пробитую стрелой насквозь, закричал:

— Асмер, Бернард!.. Скорее принесите что-нибудь перевязать!.. Миледи Зингильда ранена!

Я указал на него Зингильде:

— Вот видите, как он вас оскорбляет? Все еще не считает вас человеком! А вот я вас уважаю. И считаю, что к вам надо относиться, как вы и хотели, на равных... Хотите, доведу, как сейчас вон добивают вашего... словом, вашего?

Сигизмунд смотрел на меня распахнутыми глазами, дрожал, как щенок на холодном ветру. В честных глазах

была мука, чувствовал, что его сюзерен вроде бы прав, но это все так дико... Зато Асмер ядовито поинтересовался:

— Дик, а ты знаешь, что ты настоящее чудовище?

Я удивился:

— Я? Спросите Зингильду. Она вам всем скажет, что я совершенно прав. И я ей, со своим отношением к женщине, нравлюсь гораздо больше.

Зингильда посмотрела на меня с ненавистью. На ее руку навернули столько повязок, словно под чистые тряпицы подложили подушки. Лицо ее побледнело и вытянулось, а в глазах поселился страх, которого раньше не было и в помине.

Бернард посмотрел на меня со смесью отвращения и удивления.

— Как ты можешь... так?

Я предложил:

— А ты в самом деле спроси Зингильду. Спроси!

Зингильда метнула в нашу сторону огненный взгляд, в котором растерянности и смятения было больше, чем прежней властности, отвернулась и больше не смотрела сюда. То-то, голубушка, подумал я мстительно. А то все вы хотите, чтобы права были, как у королей, а ответственности, как у, ах слабых и нежных, всего лишь женщин?..

Шартреза уже поднялась, пришла в себя, поговорила с Шарлегайлом, ее коричневые глаза отыскивали меня.

— Дик, — сказала она с упреком, — у тебя совсем нет уважения... к ценности человеческой жизни!

— Знаю, — согласился я.

— Из какого мира ты пришел?..

— Из мира, — ответил я, — где очень много говорят о сверхценности человеческой жизни.

Зингильде набросили на плечи роскошный плащ, Бельдр, дотоле от гнева безмолвствовавший, опомнился, обнял ее за плечи и повел к зияющему выходу. Во мне все еще кипела ярость, я не забыл, как она оскорбила принцессу, которой я дал обет служить верно и преданно... и хрен с ним, что потом этот обет мне вернули, я все равно за

принцессу любому разорву пасть... или любой зеленой крокодиле, пусть даже красивой.

Я обнажил меч и загородил им дорогу.

— Миледи, — сказал я Зингильде и пристально посмотрел ей в глаза, — вы уж скажите мне, как равный равному: уважать вас, как не уступающей мужчинам, или же полагать слабым полом?

Ее красивые глаза испуганно метнулись к лезвию моего меча. Пурпурные лучи заходящего солнца осветили его до самой рукояти, даже мне почудилось, что он весь залит кровью.

Бернард гаркнул люто:

— Дик!

— Да, Бернард?

— Это женщина, Дик, ты не видишь?

— Бсри выше, Бернард, — ответил я высокопарно. — Она не просто жёнщина, а человек!..

Бернард вскипел:

— Ублюдок! Как ты смеешь такое говоришь о женщине?

— Бернард, — возразил я учтиво, — здесь какая-то семантическая путаница. Или мировоззренческая... Но раз ты настаиваешь, я отступаю, отступаю! Оставляем вопрос с открытыми скобками, дабы миледи было о чем подумать. Головой. У таких особ досуга до фи́га. Но если решит, что у нее есть какие-то привилегии... на том основании, что она женщина... или на том, что она... тьфу!... красивая, то я приду в ее логово и всех там поставлю так, как поставил ее конюха!

Они прошли мимо, тихие как мыши. Шарлегайл смотрел на меня с укоризной, качал седой головой. Слуги пытались унести Сира де Мертца, но не могли сдвинуть с места, пока их не набралось с десятков. Еще двое утащили отрубленные ноги, а кровавую лужу засыпали опилками.

Через зияющий, как крик, проход вернулся Беольдр. Лицо его было мрачное, кулаки сжимались в бессильной ярости.

— Плохая весть, Ваше Величество, — сказал он грубым голосом. — Пал Кельвинт.

Лицо Шарлегайла исказилось.

— Как? Непрístupный Кельвинт?... К нему же не подступиться, там вся крепость на скале, есть свои колодцы, там запасы зерна на годы! Приступом его никак, Карлу осаждать и осаждать, а он едва-едва туда привел первые отряды... Колдовство? Магия?

Беольдр покачал головой. Лицо было темное от усталости, а морщины стали еще резче.

— Нет, Ваше Величество. Верность слову.

— Как это?

— Король Карл примчался под стены Кельвинта с небольшим отрядом, а войско намного отстало. Но король Карл заявил во всеуслышание, что не уйдет из-под стен Кельвинта, пока не возьмет.

Шарлегайл уронил голову.

— И Кельвинт сдался...

— Да, Ваше Величество. Все знают верность Карла слову.

Шарлегайл долго молчал, потом с губ сорвался едва слышный шепот:

— Что ж... тогда мы скоро услышим о славном Галахаде...

Бернард спросил недоверчиво, голос грубый, но я слышал в нем неподдельную любовь и преданность старому королю:

— Вот уж не думал, что у вас... того, видения. С коня не падали, Ваше Величество? Темечком вниз?

— Грубый ты, — укорил король. — Не зря тебя моя королева не любит... Если Кельвинт пал, то войска короля Карла перейдут перевал и хлынут в долину Цветущих Роз. Не знаю, чего так зовется, отродясь ни одной розы там не зрил, но выход из долины на простор Срединных Королевств только один... Но его замыкает замок Озерной Феи.

Беольдр сказал беспокойно:

— Ну и что? Войска обойдут, как волны обходят скалу в море. А Галахад и фея их даже не заметят, им есть чем заниматься.

Ланселот побледнел от гнева, нижняя челюсть выдви-

нулась вперед, как привод сидюка. Глаза заблестали словно звезды.

— Как вы смее! Галахад — рыцарь!

Шартреза громко хлопнула в ладоши. Все умолкли, повернулись к ней. Она сделала повелительный знак, из-за портьеры вышел худенький мальчик, с поклоном передал ей золотой поднос. Я углядел там массивный пояс и золотые шпоры. Шартреза что-то пошептала королю на ухо, опустила ему на руки поднос.

Он отыскал меня взглядом, дряблая рука с трудом выползла из-под тяжелого подноса. Указательный палец поманил меня ближе.

— Подойди, сын мой... Ты уже принимаешь собственные решения, не считаясь с запретами... А это признак мужчины и рыцаря, который готов нести ответственность за свои поступки... На колени, Дик!

Я опустился на одно колено, уже второй раз за сегодня. Шартреза подала Шарлегайлу меч. Он с усилием коснулся кончиком лезвия моего плеча.

— Отныне ты, Дик... становишься сэром Ричардом... Да примут рыцари тебя в свою семью! Твое сердце благородно.

Он умолк, обессиленный, Шартреза осторожно сняла меч с моего плеча, где лезвие оказалось чересчур близко к моей яремной вене. Я поднялся с колен. Бернард взял с подноса пояс, но Сигизмунд первым бросился ко мне со шпорами в руках, упал на колени и быстро прикрепил их к моим сапогам.

Асмер подмигнул. На его лице читалось, что заслуги заслугами, но самое главное, что никто теперь не уклонится от поединка с сэром Ричардом лишь на том основании, что тот недостаточно благороден.

Я оглянулся на Ланселота. На его бледном вытянутом лице ясно читалось странное облегчение.

— Ура, — заметил Асмер ехидно, — его милость Ланселот перестанут дергаться, если кто-то назовет Дика сэром...

Ланселот, Беольдр и Бернард окружили короля и что-

то вполголоса рассказывали. Я отвел Сигизмунда в сторонку, он насторожился, я сказал успокаивающе:

— У меня к тебе поручение...

— Буду счастлив, — вырвалось у него преданное. Был бы у него хвост, поотбивал бы себе бока. — Располагайте мною! Кстати, ваша милость, вы не забыли, что у меня в седле семена тех... стреляющих? Вы собирались их расклепать и наварить на свой меч...

— Не знаю, — ответил я задумчиво, — нужны ли они теперь, когда у меня меч Арианта? Ладно, посмотрим. Слушай, тебе надо будет съездить... только здесь никому не говори!.. в одно местечко на севере. Я тебе покажу на карте. Там замок, это баронство Ганслегеров. Поройся в библиотеке, вообще пошарь везде... Если там отыскался амулет, который нас кормил и поил, то, может быть, в замке барона найдется что-то еще интересное... Тот барон грабил самые разные караваны и, как ворона в свое гнездо, стаскивал либо в подвалы, либо в кабинет, либо в библиотеку...

Сигизмунд помрачнел — никаких подвигов, вздохнул, заверил погасшим голосом:

— Все сделаю, ваша милость!.. Все сделаю, все выполню. Только не будет ли барон... возражать?

Я сказал негромко:

— Не будет. Это мой замок, как и все владения.

Его глаза расширились в радостном изумлении.

— Сэр Ричард!.. Я знал, я чувствовал, что вы скрываете что-то... А когда эти неотесанные чурбаны осмеливались называть вас просто Диком, я готов был их на части!.. А теперь понимаю: вы слишком высоки, чтобы вас это задевало!

Знание, что его сеньор по меньшей мере барон, владелец замка Ганслегеров, из него перло так, что раздувало, как самца жабы в брачный период, а мой непонятный запрет теперь вовсе истолкует как-нибудь особо, я ж вижу по его чистым глазам, что придумывает самые сказочные объяснения, вплоть до того, что я незаконнорожденный сын императора, который скрывается от убийц, чтобы набраться сил и начать борьбу за трон.

Он убежал, готовый ехать прямо сейчас, как только покормит коня и перекует подковы. Счастливый, визжащий, уже уверенный, что начнем борьбу за восстановление моей законной... конечно же, законной, как иначе, власти. Естественно, я одержу победу, и все бабы станут наши.

В пролом заглядывали встревоженные люди, кто-то уже выметал щепки. Расталкивая всех, ворвался отец Дитрих, которого я меньше всего ожидал увидеть здесь. Волосы растрепались, ряса в ужасном состоянии, на щеке царапина, под глазом громадный кровоподтек.

Король вскрикнул:

— Отец Дитрих, что стряслось?.. Кто вас ранил?

Отец Дитрих отмахнулся:

— Это я торопился, о дверь... Нет, в самом деле о дверь, что вы, мне не верите? Ваше Величество!.. Откиньтесь на спинку, успокойтесь!.. Король Конрад... Король Конрад... Сокрушительное...

Шарлегайл простонал с мукой:

— Говори же!

Отец Дитрих сказал еще торопливее, захлебываясь словами:

— Из Галли явились двести доблестных рыцарей от короля Арнольда. А с ними пять тысяч пеших воинов. Да-да, Ваше Величество, именно от короля Арнольда!.. Король Конрад выводит армию из Галли!.. Он вернул Его Величеству Арнольду трон вместе с нетронутый казной. Войскам велено ничего с собой не увозить, никого не грабить.

Король тихонько ахнул. Мы все замерли. А ликующий отец Дитрих размашисто перекрестился, сказал торжественно:

— Сила Господня снова одержала верх.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	62
Глава 6	77
Глава 7	90
Глава 8	104
Глава 9	114
Глава 10	134

ЧАСТЬ II

Глава 11	150
Глава 12	163
Глава 13	175
Глава 14	195
Глава 15	204
Глава 16	220
Глава 17	242
Глава 18	258
Глава 19	276
Глава 20	286
Глава 21	299
Глава 22	321
Глава 23	336
Глава 24	357

ЧАСТЬ III

Глава 25	367
Глава 26	379
Глава 27	393
Глава 28	418
Глава 29	432
Глава 30	441
Глава 31	457

Литературно-художественное издание

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ВОИН ГОСПОДА

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *О. Шувалова*

Корректор *С. Горшкова*

В оформлении переплета использован рисунок художника *А. Дубовика*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12

(м. «Сухарева», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.07.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,2.

Тираж 5000 экз. Заказ № 4402290.

Отпечатано с готовых монтажей

на ФГУИПП «Нижполиграф».

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

СТРАНА ИГР

160
СТРАНИЦ
2 РАЗА
В МЕСЯЦ

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

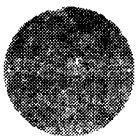
В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ

В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ

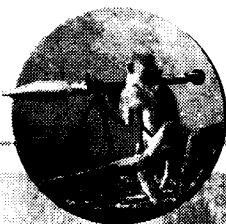
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

В. Звягинцев

«Андреевское братство»,

«Бои местного значения»

В. Бурцев «Алмазный дождь»

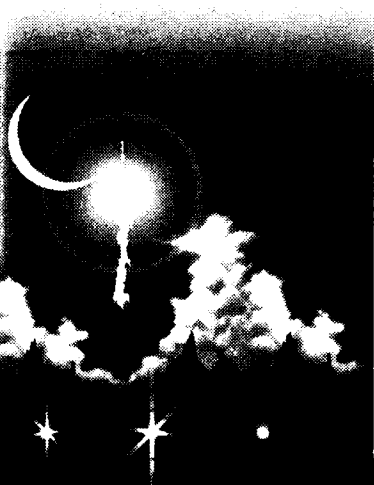
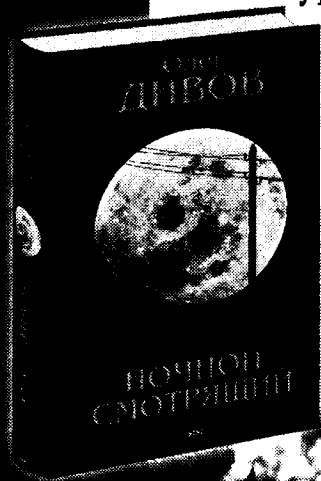
А. Орлов «База 24»

А. Селецкий «Древняя кровь»

ЛИДЕР
НОВОЙ
ВОЛНЫ

ОЛЕГ ДИВОВ

Один из самых ярких
современных
писателей-фантастов,
лауреат многочисленных
литературных
премий.

Читайте книги Олега Дивова:

«К-10», «Выбраковка», «След зомби», «Саботажник»

ISBN 5-699-06890-2

9 785699 068906 >

Ричард

Длинные Руки —
воин Господа

